

СОВРЕМЕННОИЪ,

ЛИТТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

А. С. ПУШКИНА,

ИЗДАНЫЙ ПО СМЕРТИ ЕГО

*Кн. П. А. Вяземскимъ, В. А. Жуковскимъ, А. А. Краев-
скимъ, Кн. В. Ѳ. Одоевскимъ и П. А. Плетневымъ.*

6
ТОМЪ ШЕСТЫЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ВЪ ГУТТЕНБЕРГОВОЙ ТИПОГРАФИИ.

1837.

СОВРЕМЕННОСТЬ.

VI.

СОВРЕМЕННОИЪ,

ЛИТТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

А. С. ПУШКИНА,

ИЗДАННЫЙ ПО СМЕРТИ ЕГО

Кн. П. А. Вяземскимъ, В. А. Жуковскимъ, А. А. Краевскимъ, Кн. В. Ө. Одоевскимъ и П. А. Плетневымъ.

ТОМЪ ШЕСТЫЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ГУТТЕНВЕРГОВОЙ ТИПОГРАФИИ.

1837.

Unveränderter fotomechanischer Nachdruck der Originalausgabe

ZENTRALANTIQUARIAT
DER DEUTSCHEN DEMOKRATISCHEN REPUBLIK
LEIPZIG 1970

Druck: (52) Nationales Druckhaus VOB National, 1055 Berlin
Ag 509/271/70 - 1612

СОВРЕМЕННОСТЬ.

РУСАЛКА.

БЕРЕГЪ ДНѢПРА. — МЕЛЬНИЦА.

Мельникъ и дочь его.

МЕЛЬНИКЪ.

Охъ, то-то всѣ вы, дѣвки молодыя,
Всѣ глупы вы. Ужъ если подвернулся
Къ вамъ челоуѣкъ завидный, непростой,
Такъ должно вамъ его себѣ упрочить,
А чѣмъ? разумнымъ, честнымъ поведеньемъ,
Заманивать то строгостью, то лаской,

Порою изподволь, обинякомъ
О свадьбѣ заговаривать, а пуще
Бережь свою дѣвическую честь —
Безцѣнное сокровище; она —
Что слово: разь упустишь, не воротишь.
А коли нѣтъ на свадьбу ужь надежды,
То все-таки по крайней мѣрѣ можно
Какой-нибудь бѣрынь себя, или пользу
Роднымъ да выгадать; подумать надо:
«Не вѣчно жь будетъ онъ меня любить
«И баловать меня».— Да нѣтъ! куда
Вамъ помышлять о добромъ дѣлѣ! Къ стати ли?
Вы тотчасъ одурѣете; вы рады
Исполнить даромъ прихоти его,
Готовы цѣлый день висѣть на шеѣ
У милаго дружка; а милый другъ
Глядь— и пропасть, и слѣдъ простытъ; а вы
Остались ни съ чѣмъ... Охъ, все вы глупы!....
Не говорилъ ли я тебѣ сто разъ:
Эй, дочь, смотри, не будь такая дура,
Не прозѣвай ты счастья своего,
Не упускай ты князя, да сирота
Не погуби самой себя. Что жь вышло?...
Сиди теперь, да вѣчно плачь о томъ,
Чѣго ужь не воротишь.

Дочь.

Почему же

Ты думаешь, что бросилъ онъ меня?

Мельникъ.

Какъ почему? Да сколько разъ, бывало,

Въ недѣлю онъ на мельницу ѣзжалъ?

А? всякій Божій день, а иногда

И дважды въ день; а тамъ все рѣже, рѣже

Стагъ прѣзжать—и вотъ девятый день

Какъ не видали мы его. Что скажешь?

Дочь.

Онъ занятъ; мало ль у него заботы?

Вѣдь онъ не мельникъ: за него не станеть

Вода работать. Часто онъ твердить,

Что всѣхъ трудовъ его труды тяжеле.

Мельникъ.

Да, вѣрь ему. Когда князья трудятся?

И что ихъ трудъ? травить лисицъ и зайцевъ.

Да пировать, да обирать сосѣдей,

Да подговаривать васъ, бѣдныхъ дурь.

Онъ самъ работаетъ—куда какъ жалко!

А за меня вода!... А мнѣ покою

Ни днемъ, ни ночью нѣтъ; а тамъ посмотришь:

То здѣсь, то тамъ нужна еще починка,
Гдѣ гниль, гдѣ течь.—Вотъ еслибъ ты у князя
Умѣла выпросить на перестройку
Хоть нѣсколько деньжонокъ, было бъ лучше.

Д о ч ь.

Ахъ!

М е л ь н и к ь.

Что такое?

Д о ч ь.

Чу! я слышу топотъ
Его коня.... Онъ, онъ!

М е л ь н и к ь.

Смотри же, дочь,
Не забывай моихъ совѣтовъ, помни...

Д о ч ь.

Вотъ онъ, вотъ онъ.

*(Входитъ князь. Конюшій
уводитъ его коня.)*

К н я з ь.

Здорово, милый другъ.
Здорово, мельникъ.

М е л ь н и к ь.

Милостивый князь,
Добро пожаловать. Давно, давно

Твоихъ очей мы свѣтлыхъ не видали.

Пойду тебѣ готовить угощенье. (*Уходитъ.*)

Д о ч ь.

Ахъ, наконецъ ты вспомнилъ обо мнѣ.

Не стыдно ли тебѣ такъ долго мучить

Меня пустымъ, жестокимъ ожиданьемъ?

Чего мнѣ въ голову не приходило?

Какимъ себя я страхомъ не пугала?

То думала, что конь тебя занесъ

Въ болото или пропасть, что медвѣдь

Тебя въ лѣсу дремучемъ одолѣлъ,

Что болѣнь ты, что разлюбилъ меня...

Но, слава Богу, живъ ты, невредимъ,

И любишь все по прежнему меня,

Не правда ли?

К н я з ь.

По прежнему, мой ангель;

Нѣтъ, больше прежняго.

Л ю б о в ь.

Однако ты

Печаленъ; что съ тобою?

К н я з ь.

Я печаленъ?

Тебѣ такъ показалось. Нѣтъ, я веселъ

Всегда, когда тебя лишь вижу.

Она.

Штъ,

Когда ты весель, издали ко мнѣ
 Сигнишь и кличешь: гдѣ моя голубка?
 Что дѣлаетъ она? А тамъ цѣлуешь
 И вопрошаешь: рада ль я тебѣ
 И ожидала ли тебя такъ рано?...
 А нынче—слушаешь меня ты молча,
 Не обнимаешь, не цѣлуешь въ очи,
 Ты чѣмъ-нибудь встревоженъ вѣрно? Чѣмъ же?
 Ужь не сердить ли на меня?

Князь.

Я не хочу притворствовать напрасно.
 Ты права: въ сердце я ношу печаль
 Тяжелую; и ты ее не можешь
 Ни ласками любовными разсѣять,
 Ни облегчить, ни даже раздѣлить.

Она.

Но больно мнѣ съ тобою не грустить
 Одною грустью. Тайну мнѣ поведай.
 Позволишь—буду плакать; не позволишь—
 Ни слезкой я тебѣ не досажу.

Князь.

Зачѣмъ мнѣ медлить? Чѣмъ скорѣй, тѣмъ лучше,
 Мой милый другъ, ты знаешь, нѣтъ на свѣтѣ

Блаженства прочнаго: ни знатный родъ,
 Ни красота, ни сила, ни богатство,
 Ничто бѣды не можетъ миновать.
 И мы—не правда ли, моя голубка
 Мы были счастливы? по крайней мѣрѣ
 Я счастливъ былъ тобой, твоей любовью;
 И что впередъ со мною ни случится,
 Гдѣ бы ни быть я, всегда я буду помнить
 Тебя, мой другъ; того, что я теряю,
 Ничто на свѣтѣ мнѣ не замѣнитъ.

Она.

Я словъ твоихъ еще не понимаю,
 Но ужъ мнѣ странно. Намъ судьба грозитъ,
 Готовитъ намъ неведомое горе—
 Разлуку, можетъ быть...

Князь.

Ты угадала:

Разлука намъ судьбою суждена.

Она.

Кто насъ разлучить? Развѣ за тобою
 Идти во слѣдъ я всюду невластна?
 Я мальчишкомъ одѣнусь, вѣрно буду
 Тебѣ служить дорогою, въ походѣ

Нѣ на войнѣ — войны я не боюсь,
Лишь видѣла бь тебя. Нѣтъ, нѣтъ, не вѣрю!
Нѣ вывѣдать мнѣ ты мысли хочешь,
Или со мной пустую шутку шутишь...

Князь.

Нѣтъ, шутки мнѣ на умъ нейдутъ сегодня;
Вывѣдывать тебя неужно мнѣ;
Не снаряжаюсь я ни въ дальнѣйшій путь,
Ни на войну: я дома остаюсь,
Но долженъ я съ тобой навѣкъ проститься.

Она.

Постой, теперь я понимаю все:
Ты женишься? (*Князь молчитъ.*) Ты женишься?

Князь.

Что дѣлать?

Сама ты разсуди. Князя невольны
Какъ дѣвицы: не по сердцу они
Себѣ подругъ берутъ, а по расчетамъ
Иныхъ людей, для выгоды чужой....
Твою печаль утѣшить Богъ и время!
Не забывай меня; возьми на память
Повязку — дай тебѣ я самъ надѣну.
Еще привезъ съ собою ожерелье —
Возьми его. Да вотъ еще: отцу

Я это посулилъ—отдай ему. (*Даетъ ей въ руки лпшокъ съ золотомъ.*)

Прещай.

Она.

Постой, тебѣ сказать должна я—
Не помню что.

Князь.

Припомни.

Она.

Для тебя

Я все готова... Нѣтъ не то...

Князь.

Постой.

Она.

Нельзя, чтобы на вѣки, въ самомъ дѣлѣ,
Меня ты могъ покинуть... Все не то...
Да, вспомнила: сегодня у меня
Ребенокъ твой подъ сердцемъ шевельнулся.

Князь.

Несчастная! Какъ быть?... Хоть для него
Побереги себя; я не оставлю
Ни твоего ребенки, ни тебя.

Со временемъ, быть можетъ, самъ приѣду
 Васъ навѣститъ. Утѣшься, не крунись.
 Дай обниму тебя въ послѣдній разъ.
(Уходя) Ухъ, конечно! душѣ какъ будто легче.
 Я бури ждать, но дѣло обоняюсь
 Довольно тихо. *(Уходитъ. Она остается неподвижною.)*

Мельникъ *(сходитъ.)*

Не угодно ль будетъ
 Пожаловать на мельницу? . . . Да гдѣ же онъ?
 Скажи, гдѣ князь нашъ? Ба, ба, ба! Какая
 Повязка! Вся въ камняхъ дорогихъ!
 Такъ и горить! И бусы! . . . Ну, скажу:
 Подарокъ царскій. Ахъ онъ благодѣтель!
 А это что? мышечекъ! Ужъ не деньги ль? . . .
 Да что же ты стоишь, не отвѣчаешь,
 Не вымолвишь словечка? Али ты
 Отъ радости нежданной одурѣла,
 Или на тебя столбнякъ напалъ?

Дочь.

Не вѣрю,
 Не можетъ быть. Я такъ его любила . . .
 Или онъ звѣрь? или сердце у него
 Косматое?

Мельникъ.

О комъ ты говоришь?

Дочь.

Скажи, родимый: какъ могла его
Я прогнѣвить? Въ одну недѣлю развѣ
Моя краса пропала? Иль его
Отравой опоили?

Мельникъ.

Что съ тобою?

Дочь.

Родимый, онъ уѣхалъ. Вонъ онъ скачетъ!
И я, безумная, его пустила!
Я за нолы его не уцѣпилась,
Я не повисла на уздѣ коня!
Пускай же бѣ онъ съ досады отрубилъ
Мнѣ руки по локоть; пускай бы тутъ же
Онъ растопталъ меня своимъ кономъ!

Мельникъ.

Что съ нею?

Дочь.

Видишь ли—князя невольны
Какъ дѣвицы: не по сердцу они
Берутъ жену себѣ.... А вольно имъ,

Не-бось, подманивать, божиться, плакать
И говорить: «тебя я повезу
Въ мой свѣтлый теремъ, въ тайную свѣтлицу,
И паряжу въ парчу и въ бархатъ алый».
Имъ вольно бѣдныхъ дѣвушекъ учить
Съ полуночи на свистъ ихъ подыматься
И до зари за мельницей сидѣть.
Имъ любо сердце княжеское тѣнить
Бѣдами нашими! А тамъ прощай,
Ступай, голубушка, куда захочешь,
Люби кого замыслишь!..

Мельникъ.

Вотъ въ чемъ дѣло...

Дочь.

Да кто же, кто невѣста? На кого
Онъ промѣнлять меня? О, я узнаю,
Я доберусь, я ей скажу злодѣйкъ:
Отстань отъ насъ! ты видишь: двѣ волчихи
Не водятся въ одномъ оврагѣ...

Мельникъ.

Дура!

Ужъ если князь беретъ себѣ невѣсту,
Кто можетъ помѣшать ему? Вотъ то-то!
Не говорилъ ли я тебѣ....

Дочь.

И могъ онъ,

Какъ добрый человекъ, со мной прощаться,

И мнѣ давать подарки! Каково?

И деньги! выкупить себя онъ думалъ!

Онъ мнѣ хотѣлъ ялыкъ засеребрить,

Чтобъ не пропала о немъ худая слава

И не дошла до молодой жены!...

Да, бишь, забыла я: тебѣ отдать

Велѣлъ онъ это серебро за то,

Что былъ хорошъ ты до него, что дочку

За нимъ пускалъ таскаться, что ее

Держалъ нестрогаго... Въ прокъ тебѣ пойдетъ

Моя погибсль! (*Отдаетъ ему лышокъ.*)

Мельникъ (*въ слезахъ*)

До чего я дожилъ!

Что Богъ привелъ услышать! Грѣхъ тебѣ

Такъ горько упрекать отца роднаго.

Одно дитя ты у меня на свѣтѣ,

Одна отрада въ старости моей.

Кѣкъ было мнѣ тебя не баловать?..

Богъ наказалъ меня за то, что слабо

Я выполнилъ отцовскій долгъ.

Д о ч ь.

Охъ, душно!..

Холодная змѣя мнѣ шую давитъ...

Змѣей, змѣею онъ меня —

Не жемчужемъ опутать (*рветъ съ себя жемчужъ*). . .(*Опоясавъ*) Такъ бы я

Разорвала тебя змѣю - злодѣйку,

Проклятую разлучницу мою!

М е л ь н и к ъ.

Ты бредишь, право, бредишь.

Д о ч ь (*скидываетъ съ себя повязку*).

Вотъ вѣнецъ мой,

Вѣнецъ позорный! Вотъ чѣмъ насъ вынчалъ

Лукавый врагъ, когда я отрекался

Ого всего, чѣмъ прежде дорожила!

Мы развѣчались. Сгни въ, мой вѣнецъ! (*Бросаетъ
повязку въ Днепръ.*)Теперь все кончено! . . . (*Бросается въ рѣку.*)С т а р и к ъ (*падалъ*).

Охъ, горе, горе!

КНЯЖЕСКІЙ ТЕРЕМЪ.

*Свадьба. Молодые сидятъ за столомъ. Гости.
Хоръ дѣвушекъ.*

СВАТЪ.

Веселую мы свадьбку сыграли.
Ну, здравствуй, князь съ княгиней молодой!
Дай Богъ вамъ жить въ любви да советѣ,
А намъ у васъ почаще пировать.
Что жь, красныя дѣвицы, вы примолкли?
Что жь, бѣлыя лебедушки, притихли?
Али все пѣсники вы перепѣли?
Али горюшки отъ пѣня пересоли?

ХОРЪ.

Сватушка, сватушка,
Безголовый сватушка!
По невесту ѣхали—
Въ огородъ заѣхали,
Пива бочку пролили,
Всю канушту полили,
Тышу поклонился,
Вереѣ молился
Верея ль, верейшка,
Укажи дороженьку

По повѣсту ѣхати.
 Сватушка, догадайся
 За мошюночку принимайся:
 Въ мошнѣ денсжка неведется,
 Къ краснымъ дѣвушкамъ поровнется.

С в а т ь.

Насмѣшнице-, ужъ выбрали вы пѣсно!
 На, на, возьмите, не корите свата. (*Даритъ двѣ-
 шекъ.*)

Одинъ голосъ.

По камушкамъ, по желтому песочку
 Пробѣгала быстрая рѣчка;
 Въ быстрой рѣчкѣ гуляютъ двѣ рыбки
 Двѣ рыбки, двѣ малыя платицы.
 А слыхала ль ты, рыба-еестрица,
 Про вѣсти наши, про рѣчныя?
 Какъ вѣчоръ у насъ краса-дѣвица утопилась,
 Утопая, милова друга прокликала?..

С в а т ь.

Красавицы! да это что за пѣсня?
 Она, кажись, не свадебная, нѣтъ.
 Кто выбралъ эту пѣсно? а?

ДѢВУШКИ.

Не я,

Не я, не мы...

СВАТЪ.

Да кто жь пропѣлъ ее?

(Шопотъ и смятеніе между дѣвушками.)

КНЯЗЬ.

Я знаю кто. (Встаетъ изъ стола и говоритъ тихо
конюшему.) Въдь мельничиха здѣсь:

Скорѣ выведи ее. Да свѣдай,

Кто смѣлъ ее впустить? (Конюшій подходитъ къ
дѣвушкамъ.)

КНЯЗЬ (про себя).

Она, пожалуй,

Готова здѣсь надѣлать столько шума,

Что со стыда не буду знать куда

И спрятаться!

КОНЮШІЙ.

Я не нашелъ ея.

КНЯЗЬ.

Ищи. Она, я знаю, здѣсь. Она

Пропѣла эту пѣсню.

ГОСТЬ.

Ай да медь!

И въ голову и въ ноги такъ и бьеть.

Жаль горекъ: подсластить его бы нехудо...

(Молодые цѣлуются. Слышится слабый крикъ).

Князь.

Она! Вотъ крикъ ея ревнивый! Что?

Конюшій.

Я не нашелъ ея нигдѣ.

Князь.

Дуракъ.

Дружко *(вставая)*.

Не время ли намъ княгиню выдать мужу,
Да молодыхъ въ дверяхъ осыпая хмелемъ?

(Всѣ встаютъ.)

Сваха.

Вѣстимо, время. Дайте жъ пѣтуха.

(Молодыхъ кормятъ жаренымъ пѣтухомъ, осыпаютъ хмелемъ, и ведутъ въ спальню.)

Сваха.

Княгиня-душенька, не плачь, не бойся,
Послушна будь.

(Молодые уходятъ въ спальню. Всѣ расходятся, кромѣ свахи и дружки.)

Дружко.

Гдѣ чарочка? Всю ночь
Подъ окнами я буду разѣзжать,
Такъ укрѣпиться мнѣ виномъ нехудо.

Сваха (*наливаетъ ему чарку*).

На, кушай, наздоровье.

Дружко.

Ухъ, спасибо!
Все хорошо, не правда ль, обошлось?
И свадьба хоть куда?

Сваха.

Да, слава Богу,
Все хорошо; одно нехорошо...

Дружко.

А что?

Сваха.

Да не къ добру пропѣли пѣсни
Не свадебную, а Богъ вѣсть какую.

Дружко.

Ужъ эти дѣвушки! никакъ нельзя имъ
Не попроказить. Статочно ли дѣло
Мутить нарочно княжескую свадьбу!

СВѢТЛИЦА.

Княгиня и малка.

Княгиня.

Чу! кажется, трубятъ. Нѣтъ, онъ не ѣдетъ.
 Ахъ, мамушка! какъ былъ онъ женихомъ,
 Онъ отъ меня на шагъ не отлучался,
 Съ меня очей, бывало, не сводилъ.
 Женился онъ—и все пошло не такъ!
 Теперь меня ранехонько разбудилъ,
 И ужъ велитъ себѣ коня сѣдлатъ,
 Да до ночи Богъ вѣдастъ гдѣ ѣздитъ.
 Воротится—чуть ласковое слово
 Промолвить мнѣ, чуть ласковой рукой
 По бѣлому лицу меня погладитъ.

Мамка.

Княгинюшка! мужчина—что пѣтухъ:
 Курн-куку! махъ, махъ крыломъ—и прочь;
 А женщина—что бѣдная пастушка:
 Сиди себѣ да выводни цыплятъ.
 Пока женихъ—ужъ онъ не насидится,
 Ни пьетъ, ни ѣстъ, глядитъ не наглядится;
 Женился—и заботы настанутъ:
 То надобно сосѣдей навѣстить,
 То на охоту ѣхать съ соколами,

То на войну нелегкая несесть,
Туда, сюда—а дома не сидится.

Княгиня.

Какъ думасишь? Ужь пѣть ли у него
Зазнобы тайной?

Мамка.

Полно, не грѣши:

Да на кого тебя онъ промѣлаетъ?
Ты всею взяла: умомъ, красою ненаглядной,
Обычаемъ и разумомъ. Подумай,
Родимая: ну въ комъ ему найти,
Какъ не въ тебѣ, сокровище такое?

Княгиня.

Когда бь усаживать Богъ мои молитвы
И мнѣ послать дѣтей, къ себѣ тогда бь
Умѣла вновь я мужа привязать...
А! полноу дворъ охотниками. Мужъ
Домой прѣхалъ. Что жь его не видно? (*Входитъ*
ловчій.)

Что князь, гдѣ онъ?

Ловчій.

Князь приказалъ домой

Отѣхать намъ.

Княгиня.

А где жь онъ самъ?

Довчій.

Остался

Одинъ, въ лѣсу, на берегу Днѣпра.

Княгиня.

И князя вы осмѣлились оставить

Тамъ одного? Усердные вы слуги!

Сейчасъ назадъ, сейчасъ къ нему скачите

Сказать ему, что я приехала васъ. (*Москитъ уходитъ.*)

Ахъ, Боже мой! въ лѣсу, ночью порою

И дикій звѣрь, и лютый человекъ,

И лѣшій бродить — долго ль до бѣды!

Скорѣй зажги свѣчу передъ иконою.

Мамка.

Бѣгу, мой съѣтъ, бѣгу.

ДНѢПРЪ. НОЧЬ.

Русалки.

Веселой толпою

Съ глубокаго дна

Мы ночью всплываемъ;

Насъ глѣсетъ луна.

Любо намъ порой полною

Дно рѣчное покидать,
Любо вольной головою
Высь рѣчную разрѣзать,
Подавать другъ дружкѣ голосъ,
Воздухъ звонкій раздражать,
И зеленый, влажный волосъ
Въ немъ сушить и огрѣхаты.

Одна.

Тише! птичка подъ кустами
Встрепенулася во мгль.

Другая.

Между мѣсяцемъ и нами
Кто-то ходить по земь.

(Прячутся).

Князь.

Исвольно къ эгимъ грустнымъ берегамъ
Меня влечетъ невѣдомая сила.
Знакомыл, печальныя мѣста!
Я узнаю скрестные предметы:
Вотъ мельница... Она ужъ развалилась;
Веселый шумъ ея колесъ умолкнулъ;
Сталь жорновъ; видно умеръ и старикъ—
Дочь бѣдную оплакивалъ онъ долго!
Тропинка тутъ вилась—она заглохла...
Давно, давно сюда никто не ходить.

Тутъ садикъ былъ съ заборомъ—неужели

Разросся онъ кудрявой этой роцею?

Ахъ, вотъ и дубъ завѣтный! Здѣсь она,

Обнявъ меня, поникла и умолкла . . .

Возможно ли? . . . (*Идетъ къ дереву; листья сыплются.*) Что это значить? листья,

Поблещувъ, вдругъ свернулись, и съ шумомъ,

Какъ дождь, посыпались на меня!

Передо мной стоитъ онъ голъ и черенъ

Какъ дерево проклятое. (*Входитъ старикъ съ лотьями и полунагой.*)

Старикъ.

Здорово,

Здорово, зять.

Князь.

Кто ты?

Старикъ.

Я эдѣшній воронъ.

Князь.

Возможно ль? это мельникъ!

Старикъ.

Что за мельникъ!

Я продать мельницу бѣсамъ запечнымъ,

А денежки отдать на сохраненье
Русалкѣ, вѣщей дочери мой.
Онѣ въ песку дѣвирарѣки зарыты,
Нѣ рыба одноглазка сторожить.

Князь.

Несчастный, онѣ помѣнаны! Мысли въ немъ
Разсѣяны, какъ тучи послѣ бури.

Старикъ.

Зачѣмъ вѣчоръ ты не прѣхалъ къ намъ?
У насъ было пиръ, тебя мы долго ждали.

Князь.

Кто ждалъ меня?

Старикъ.

Кто ждалъ? Вѣстимо, дочь.

Ты знаешь, я на все гляжу сквозь пальцы
И волю вамъ даю: сиди она
Съ тобою хоть всю ночь до пѣтуховъ —
Ни слова не скажу я.

Князь.

Бѣдный мельникъ!

Старикъ.

Какой я мельникъ! Говорятъ тебѣ,
Я воронъ, а не мельникъ. Чудный случай:

Когда (ты поминишь?) бросилась она
Въ рѣку, я побѣжалъ за нею слѣдомъ,
И съ той скалы прыгнуть хотѣлъ, да вдругъ
Почувствовать, два сильныя крыла
Мнѣ выросли внезапно изъ-подъ мышекъ
И въ воздухъ сдержали. Съ той поры
То здѣсь, то тамъ летаю, то кною
Корову мертвую, то на могилъ
Свижу да каркаю.

Князь.

Какая жадость!

Кто жъ за тобою смотреть?

Старикъ.

Да, за мною

Присматривать нехудо: старъ я сталъ
И палочивъ. За мной, спасибо, смотреть
Русалочка.

Князь.

Кто?

Старикъ.

Внучка.

Князь.

Невозможно

Понять его! Старикъ, ты здѣсь въ лѣсу
Нѣ съ голоду умрешь, нѣ звѣрь тебя
Завестъ. Не хочешь ли пойти въ мой теремъ,
Со мною жить?

С Т А Р И КЪ.

Въ твой теремъ? Нѣтъ, спасибо!

Заманишь, а потомъ меня, пожалуй,
Удавишь ожерельемъ. Здѣсь я живъ
И сытъ, и воленъ. Не хочу въ твой теремъ.

(*Уходитъ.*)

К н я зь.

И этому все я виною! Странно
Ума лишиться! легче умереть:
На мертвеца глядимъ мы съ уваженьемъ,
Творимъ о немъ молитвы, смерть равняемъ
Съ нимъ каждаго. Но человекъ, лишенный
Ума, становится не человекомъ:
Напрасно рѣчь ему дана—не править
Словами онъ; въ немъ брата своего
Звѣрь узнать; онъ людямъ въ посмѣлье;
Надъ нимъ всякъ воленъ; Богъ его не судитъ...
Старикъ несчастный! Видѣ его во мнѣ
Раскаляя всѣ муки растравилъ.

Л о в ч и й.

Вотъ онъ. На силу-то его сыскали.

Князь.

Зачѣмъ вы здѣсь?

Довчій.

Княгиня насъ послала.

Она боялась за тебя.

Князь.

Испосна

Ея заботливость! Нѣ я ребенокъ,

Что шагу мнѣ ступить нельзя безъ няньки?

*(Уходитъ. Русалки показываются надъ
водой.)*

Что, сестрицы? въ полѣ чистомъ

Не догнать ли ихъ скорѣй?

Илескомъ, хохотомъ и свистомъ

Не пугнуть ли ихъ коней?

Поздно. Волны охладѣли,

Пѣгухи вдали пролѣли,

Высь небесная темна,

Закатилася луна.

Одна.

Подождемъ еще, сестрица.

Другая.

Нѣтъ, пора, пора, пора,

Ожидаетъ насъ царица,
Наша строгая сестра.

(Скрываются.)

ДНѢПРОВСКОЕ ДНО.

Терель Русалокъ. Русалки прыдуть около своей царицы.

Старшая Русалка.

Оставьте прыжку, сестры. Солнце съю,
Столбомъ луна блесгитъ надъ нами. Полно.
Нльвите вверхъ подъ небомъ попарить.
Да никого не трогайте сегодня,
Ни пьщехода щегогать не смѣйте,
Ни рыбакамъ ихъ неводъ отягчать
Травой и тинной, ни ребенка въ воду
Заманивать разсказами о рыбахъ.

(Входитъ Русалочка.)

Гдѣ ты была?

Дочь.

На земпо выходила

Я къ дѣду

Со дна рѣки собрать ему тѣ деньги,
Которыя когда-то въ воду къ намъ

Онъ побросать. Я долго ихъ искала;
А что такое деньги я не знаю.
Однако же я вынесла ему
Пригоршню раковинокъ самоцветныхъ:
Онъ очень быть имъ радъ.

Русалка.

Безумный скряга!

Послушай, дочка: нынче на тебя
Надѣюсь я. Къ намъ на берегъ сегодня
Придетъ мужчина. Стереги его
И выдь ему на встрѣчу. Онъ намъ близокъ,
Онъ твой отецъ.

Дочь.

Тотъ самый, что тебя

Покинулъ и на женщинѣ женился.

Русалка.

Онъ самъ. Къ нему нынче приласкайся
И расскажи все то, что отъ меня
Ты знаешь про свое рожденіе; также
И про меня. И если спроситъ онъ
Забыла ль я его или нѣтъ—скажи,
Что все его я помню и люблю,
И жду къ себѣ. Ты поняла меня?

Дочь.

О, повяла.

Русалка.

Ступай же. (Одна.) Съ той поры,

Какъ бросилась безъ памяти я въ воду
 Отчаянной и презрѣнной дѣвчонкой
 И въ глубинѣ Дитира-рѣки очулась
 Русалкою холодной и могучей,
 Прошло уже двѣнадцать полныхъ лѣтъ;
 Я каждый день о мщеньи помышляю—
 И нынѣ, кажется, мой часъ насталъ.

БЕРЕГЪ.

Князь.

Невольно къ этимъ грустнымъ берегамъ
 Меня влечетъ невѣдомая сила.
 Все здѣсь напоминаетъ мнѣ бывшее
 И вольной, красной юности моей
 Любимую, хоть горестную повѣсть.
 Здѣсь некогда меня встрѣчала
 Свободнаго свободная любовь.
 Я счастливъ былъ. Безумецъ!... и я могъ
 Такъ внутренно отъ счастья отказаться!..

Печальныя, печальныя мечты
Вчерашняя мнѣ встрѣча оживила.
Отецъ несчастный! какъ ужасенъ онъ!
Авось опять его сегодня встрѣчу,
И согласится онъ оставить дѣвѣ
И къ намъ переселиться (*Русалочка выходитъ
на берегъ*).
Что я вижу!
Откуда ты, прелестное дитя?

.

А. Пушкинъ.

ОТРЫВОКЪ.

I.

Есть бытіе, но имеемъ какимъ
Его назвать? Ни соетъ оно, ни бдѣнїе!
Межъ нихъ оно, и въ человѣкѣ имѣ
Съ безумїемъ граничить разумѣе . . .

БАРАТЫНСКІЙ.

Въ старинной, деревенской, почернѣвшей библиотекѣ, подлѣ полузамерзшаго окна, въ огромныхъ креслахъ сидѣлъ, или лучше сказать, лежалъ молодой человѣкъ, измученный страстями. Онъ держалъ въ рукѣ книгу; но зимніе сумерки давно уже не позволяли ему читать, и яркая сѣверная зоря все ниже и ниже опускалась за обнаженные деревья, бросая свой пурпуровый оттѣнокъ на снѣгъ, покрывавшій кровли окружныхъ строеній. Въ темной сплывѣ неба горѣла уже первая звѣзда вечера, то блистая какъ глаза красавицы, то блѣдно сіяла какъ взоръ умирающаго. Это былъ таинственный часъ, въ который все какъ бы невольно располагало къ мечтанію; но молодой человѣкъ давно уже отвыкъ мечтать; онъ рако пережилъ поэтическую половину

своей жизни и вступать теперь въ тотъ тусклый, однообразный, каждодневный міръ, въ которомъ кружатся люди, переставшіе любить и надеяться. Ни торжественная тишина природы, будто приготавливавшая къ какому-то важному событію, ни прекрасный сводъ неба въ зимніе сумерки, скупо глядѣвшій съвозъ незамерзшую часть оконницы, ни своеобразный узоръ мороза, представлявшій на стеклѣ очерки утесовъ, и слей, и пронаестей — ничто не возбуждало въ немъ тихихъ, художническихъ думъ поэта! Онъ безпечно дремалъ передъ обѣдомъ въ своихъ креслахъ, спокойно ожидая свѣчей.

Молодой человекъ, котораго мы назовемъ Рогдас-вымъ, не всегда былъ въ этомъ отчаянномъ состояніи безчувствія; не всегда блѣдныя его щеки могли только покрываться румянцемъ отъ лишняго бокала рейн-вейна: было время, когда онъ вѣрилъ и чистотѣ женской слезы и дружбѣ бальнаго пріятеля, когда, откровенный, полный чувствъ, онъ безумно служилъ свѣту, безмысленно жертвовалъ спокойствіемъ неблагодарной толпѣ. Долго боролся онъ между доврчивостію молодости и горькимъ холодомъ опыта, пока послѣдній не сорвалъ съ него остатка надеждъ и упованій. Наконецъ въ двадцать-восемь лѣтъ онъ очнулся въ деревнѣ, безъ денегъ и здоровья, усталый, отказавшись навсегда отъ ничтожныхъ успѣховъ, которые такъ дорого ему стоили.

Но прежде нежели Рогдаевъ достигъ до этого мраморнаго безстрастія, въ которомъ видимъ мы его при началѣ нашей повѣсти, много страданій перенесъ онъ, много молій палю на грудь его и много разъ съ завистью смотрѣлъ онъ на могилу, не признавая однако въ себѣ права самовольно завладѣть ею. Сколько разъ переходилъ онъ отъ черной мизантропіи къ чувствамъ болѣе свойственнымъ молодости, и, проводивъ нѣкоторое время въ уединеніи, опять показывался въ обществѣ, снисходительный и веселый, готовый поклясться, что люди совѣтъ не такъ порочны и глупы, какъ изображаютъ ихъ юмористы и сатирики. Послѣ, оставивъ свѣтъ, онъ еще невдругъ оторвалъ отъ него мысль свою; страннаго рода угрызенія преслѣдовали его въ самомъ одиночествѣ: не раскаяніе послѣ дурнаго поступка, не опрометчиво данная клятва, не язвительная насмѣшка надъ недостаткомъ друга, не обманутая дѣвушка, мучили его совѣсть, — нѣтъ; онъ столько былъ равнодушенъ къ человѣчеству, что не могъ чувствовать себя когда-нибудь передъ нимъ виновнымъ. Онъ вспоминалъ на досугъ какую-нибудь неловкость, сдѣланную имъ въ какомъ-нибудь обществѣ, и важность которой измѣрялъ теперь строго и хладнокровно. Эти мелкія преступленія противъ свѣтской логики, случавшіяся со всякимъ, ошибки давно-забытыя свѣтомъ и преувеличенныя имъ въ его честолюбивомъ воображеніи, тревожили его даже и тогда, когда мнѣніе свѣта не имѣло уже на него никакого дѣйствія. Иногда лучшія сожалѣнія посѣщали его одиночество: часто возраживалъ онъ

■

въ постели, живо воображая, какую ничтожную роль играли въ обществѣ, всегда занятый какою-нибудь женщиною, тогда какъ могъ бы сдѣлаться просвѣтителемъ человечества, еслибѣ безкорыстно посвятилъ себя служенію одной идеи, распространивъ ее въ томъ кругѣ, въ которомъ имѣлъ и голосъ и званіе. Но нѣтъ угрызенія, которое не стерлось бы мало-по-малу съ нашей памяти: такъ и сомнѣнія Рогдасва исчезли со временемъ, и онъ спокойно, если не счастливо, жилъ теперь у богатаго двоюроднаго дяди, хотя и не будучи его наследникомъ, но рѣшившись убить при немъ остатокъ молодости вдали отъ столицъ и общественной суеты.

Опустившись въ готическія кресла, съ полузакрытыми глазами, безъ всякой ясной мысли, онъ сидѣлъ въ библіотекѣ, и конечно отдавалъ бы всю мудрость старыхъ фолиантовъ за то, чтобъ обѣдъ былъ полчасомъ ранѣе, какъ вдругъ, въ темномъ углу, заваленномъ пыльными книгами, ему показалось будто что-то шевелится. Рогдасвъ смотритъ во все глаза и видитъ длиннаго, худощаваго мужчину въ поношенномъ платьѣ дворянина XVI вѣка. По его коварной, саркастической улыбкѣ, коротенькой спанчѣ и длинному носу онъ тотчасъ узналъ Мефистофеля, котораго такъ поэтически изобразилъ нашъ гениальный карандашъ Реча. Привидѣніе стояло неподвижно; Рогдасвъ испугался...

Да, онъ почувствовалъ невольный страхъ, и обрадовался этому чувству какъ неожиданной ново-

сти, потому что давно уже никакое сильное ощущеніе не потрясло его каменнаго равнодушія.

— Что вамъ угодно? спросилъ онъ привидѣніе, съ гордымъ выраженіемъ человека, принимающаго у себя незнакомое лицо.

«Предложить вамъ мои услуги» отвѣчалъ Мефистофель.

— Но мнѣ ничего не надобно...

«Очень сожалею. Но точно ли вы увѣрены, что я ни въ чемъ не могу быть вамъ полезенъ? Подумайте. На первый случай я предлагаю исполнить ваши два желанія (я не люблю числа трехъ!) — рѣшайтесь. Хотите ли денегъ? У меня кетати готовый миллионъ...»

— Я отъ него отказываюсь. Я былъ богатъ — и богатство не сдѣлало меня счастливымъ; я испытать всѣ его радости и получить къ нему отвращеніе; теперь я разорился — и съ тѣхъ поръ гораздо спокойнѣе. Оставьте меня; я уже сказалъ вамъ, что мнѣ ничего не надобно.

Мрачный пріятель Фауста коварно улыбнулся; но чрезъ мгновеніе принялъ опять свой рыцарски-вѣжливый видъ. Онъ важно поправилъ изношенную спанчу и продолжалъ:

«Извините, что я васъ беспокоилъ. Никакъ не ожидаю я найти въ людяхъ такое безкорыстіе.

Я не смѣю вамъ не вѣрить, и самъ раздѣляю съ вами ваше презрѣніе къ этому жалкому могуществу вѣка... Но, кромѣ денегъ, развѣ нѣтъ ничего другаго? Есть много вещей, которыя не покупаются, и которыя я могу вамъ доставить безъ всякаго труда. Неужели вы думаете, что я, какъ подлый ростовщикъ, принесъ къ вамъ одно золото? Я знаю вашъ просвѣщенный образъ мыслей, высокую душу,—и потому не предложу вамъ почестей; но хотите ли, напримѣръ, литературной славы? Я училъ многому Шекспира, я вдохновлялъ и Гёте... Особливо послѣдній очень любилъ меня, хоть послѣ и вывелъ предательски на сцену въ одной изъ философическихъ драмъ своихъ.»

—Еслибъ я и желалъ литературной славы, то не изъ такого источника хотѣлъ бы я получить ее. Оставьте меня.

«Прежде вы любили рыться въ книгахъ, искать въ нихъ разрѣшенія трудныхъ задачъ, пылко желали постигнуть таинства наукъ, и не были бы такъ разборчивы въ выборѣ средствъ; но теперь, я вижу, вы совсѣмъ перемѣнились. Испытаю послѣднюю страсть вашу, страсть къ путешествіямъ. Ввѣрьтесь мнѣ безъ предубѣжденія, и я покажу вамъ все, что есть на земномъ шарѣ замѣчательнаго. Мы будемъ гулять на вершинѣ Котопами, опредѣлимъ, какъ очевидцы, положеніе морскаго дна, спустимся въ Везувій, и выйдемъ на землю чрезъ жерло Стромболи; отъ центра земли, до эфирныхъ полюсовъ неба,

я покажу вамъ все, что можетъ только видѣть глазъ, что можетъ постигнуть воображеніе. И еслибъ вамъ вздумалось прокатиться на луну. . . .»

—Вы и въ этомъ ошиблись: я любилъ путешествовать когда былъ здоровъ. Теперь предпочитаю спокойствіе и безопасность, огонь камина, хорошія кресла: вотъ мой элизіумъ. Послѣ этого мнѣ остается пожелать вамъ добраго вечера. . . .

« Жаль, очень жаль, что вы такъ горды. Вспомните, что гордость смертный грѣхъ, а отказываясь отъ моихъ предложеній, вы явно преступаете законъ смиренномудрія. Впрочемъ, если я не могъ заключить съ вами никакихъ условій, позвольте, по крайней мѣрѣ оставить вамъ на память этотъ перстень: кто знаетъ что можетъ случиться! Когда же вы почувствуете нужду въ чьей-нибудь помощи, мой перстень можетъ тотчасъ призвать меня къ вашимъ услугамъ. Покуда, прощайте.»

Мефистофель исчезъ.

Рогдасъ случайно поднялъ руку, и, къ удивленію своему, увидѣлъ на указательномъ пальцѣ своемъ большой перстень, съ осмѣугольнымъ желтымъ топазомъ, на которомъ, не смотря на мракъ, царствовавшій въ комнатѣ, онъ явственно могъ различить слѣдующій знакъ:

Не было никакого сомнѣнія, что это былъ извѣстный *ключъ жизни*, который такъ часто встрѣчается на обелискахъ и муміяхъ, и объ которомъ столько толковали Англійскіе Египтологи. Но отъ чего свѣтился онъ теперь фосфорическимъ свѣтомъ и какое имѣлъ здѣсь значеніе?—объ этомъ думалъ Рогдасъ . . .

Какъ вдругъ онъ почувствовалъ толчокъ, точно огромный паромъ неосторожно причалилъ къ берегу; бібліотека закачалась и установилась въ то же мгновеніе. Рогдасъ открылъ глаза.

Свѣчи уже были поданы; передъ нимъ стоялъ камердинеръ его дяди, въ толстой курткѣ, съ рукой за жилетомъ и робко проговорилъ однозвучнымъ голосомъ:

«Дидюшка васъ дожидается-съ; кушанье поставлено.»

— Давно ли ты здѣсь?

«Сейчасъ только вошелъ-съ.»

Рогдасъ лѣнливо поднялся съ кресла и медленно сошелъ въ столовую. Странный сонъ, который такъ живо привидѣлся ему, не выходилъ у него изъ головы. Рогдасъ натурально не былъ суевѣренъ, но внутренно стыдился, что могъ такъ долго, хотя и во снѣ, разговаривать съ духомъ, въ существованіе котораго никогда не вѣрилъ.

Въ просторной, опрятной комнатѣ дожидаясь его дѣля, прохаживался взадъ и впередъ, съ сложенными за спиной руками. Это былъ высокій, статный мужчина лѣтъ пятидесяти; но никто, взглянувъ на него, не далъ бы ему и сорока. Густые сѣдые волосы одни обличали въ немъ болѣе нежели среднія лѣта; но въ его насмѣшливой и вмѣстѣ доброй улыбкѣ было столько пріятности, въ его поступи столько благородства, что я не знаю почему женщина не предпочла бы его молодому племяннику, блѣдному, съ потухшимъ взоромъ, съ гордымъ, презирающимъ выраженіемъ губъ. Певнъ Петровичъ Горенковъ, не былъ однимъ изъ тѣхъ уѣздныхъ старичковъ, которые всегда на охотѣ утромъ, и въ полденьна послѣ обѣда. Онъ не любилъ ни собакъ, ни псарей, ни лбеды, ни національнаго штова. Онъ жилъ въ деревнѣ, потому что, одинокій и безъ всякой исключительной страсти, не могъ онъ довольствоваться однообразнымъ существованіемъ столичнымъ, не будучи довольно лѣнивъ, чтобъ жить въ Москвѣ, и слишкомъ любя независимость, чтобъ жить въ Петербургѣ. Просвѣщенный поклонникъ природы, съ Вордсвордомъ въ карманѣ, гулялъ онъ по лѣсамъ и дебрямъ дѣвственной Россіи, то созерцая величіе синяго шатра, раскинутого надъ нами Творцомъ, то нагибаясь къ полювому цвѣту, чтобъ насмотрѣться на его стройную красоту, надыхаться его ароматомъ. Назиму онъ заперся въ своемъ огромномъ домѣ, устроивалъ дѣла свои, и только изрѣдка позволялъ себѣ освѣжить голову отыскивая зайца по снѣжному

слѣду. Занимался счастьемъ крестьянъ своихъ, старался развить въ нихъ нравственное чувство, онъ наслаждался тѣмъ внутреннимъ спокойствіемъ, которое доставляетъ намъ исполненіе нашего долга.

«Отчего ты такъ скучишь сегодня?» спросилъ Иванъ Петровичъ Рогдасва, когда онъ усаживался за маленькій столикъ.» А я приготовилъ тебѣ подарокъ. . . .»

— Оставите ли вы эту привычку дарить меня, дядюшка? Я знаю, что вы не почитаете меня за человѣка низкаго; но съ вашими подарками право можно подумать, что я живу у васъ изъ какихъ-нибудь выгодъ.

«Какъ ты смѣишь! Развѣ я когда дарилъ тебѣ чѣмъ дорогимъ? развѣ я не знаю твоей глупой гордости? Но послушай. Сегодня 20-е Ноября, день твоего рожденія. . . Я увѣренъ, что ты самъ забылъ это; но я держусь обычая старины, когда они не мыслятъ здравому смыслу, и любятъ праздновать день рожденія. Вчера въ моемъ древнемъ рѣзномъ шкапѣ, набитомъ рѣдкостями и не-рѣдкостями и всякою дрянью, до которой, какъ тебѣ извѣстно, я страстный охотникъ, между прочимъ попался мнѣ чудный перстень, который я тотчасъ же назначилъ подарить тебѣ. Этотъ перстень принадлежалъ твоей бабушкѣ, и я могъ бы рассказать тебѣ про него десятокъ исторій изъ семейственной хроникки нашего рода; но какъ ты не любишь длинностей, то я

избавлю тебя отъ моей легенды. Со вѣсѣмъ тѣмъ, зная твою слабость разгадывать вещи, которыя того не стоятъ, я увѣренъ, что тебѣ понравится мой подарокъ. Посмотри на этотъ топазь: на немъ нѣтъ никакой надписи; но посрединѣ вырѣзанъ знакъ, въ которомъ ты сейчасъ узнаешь знаменитый *клявъ жизни* или *знакъ небесной жизни* (*), вѣрно часто видѣнный тобою въ Лондонѣ въ рукахъ у огромныхъ гранитныхъ статуй *Британскаго Музея*. Для чего знакъ этотъ вырѣзанъ на моемъ перстнѣ, этого никому неизвѣстно; но я полагаю, что нѣкогда онъ служилъ лозунгомъ членамъ какого-нибудь Германскаго *союза добродѣтели*, или какого другаго тайнаго общества, объ которомъ теперь нѣтъ и помину, но которое встарину могло имѣть свою поэтическую сторону. Попробуй-ка, впору ли тебѣ онъ?»

Рогдаевъ не смѣлъ оскорбить дядю отказомъ; но и принять перстень, за нѣсколько минутъ такъ дивно видѣнный имъ во снѣ, казалось для него заключеніемъ какого-то таинственнаго условія, тѣмъ ужаснѣйшаго, что онъ не могъ вполне измѣрить всей его важности. Какое мрачное, невѣдомое могущество предлагало ему чудный вызовъ? Какая невидимая сила искусила его скептическую душу? И какъ въ нашъ раціональный вѣкъ могли существовать подобныя вещи? Наконецъ онъ рѣшился объяснить все случайнымъ стеченіемъ обстоятельствъ,

(*) Spineto, Lectures on the elements hieroglyphics, 1839.

неимѣющимъ никакого внутренняго смысла. Онъ смѣло протянулъ руку и надѣлъ перстень; но когда хотѣлъ снова снять его, чтобъ лучше рассмотреть, перстень вникъ въ его палецъ и обвилъ его такъ крѣпко, что, казалось, никакая человѣческая сила не могла бы отнять его.

« Онъ, кажется, тебѣ немного узокъ » сказали Горенковъ. « Да не держи такъ трагически ножъ надъ своимъ пальцемъ: другой подумаетъ, что ты хочешь его отрѣзать. А вотъ Иванъ принесетъ намъ шампанскаго; можетъ быть оно развеселитъ тебя. . »

Но Рогдасевъ все сидѣлъ задумчиво, утонувъ въ размышленіи. Ему невольно пришли эти нетасканные до пнтки два стиха изъ Гамлета: « Бываютъ вещи на небѣ и на землѣ, другъ Ореліо, которыя и въ умъ не приходили нашимъ мудрецамъ. »

II.

Все наскучить когда-нибудь, и одиночество и дегревня. Оставивъ на время свѣтъ, мы снова стремимся къ нему, чтобъ отдохнуть отъ горячей мечты затворника, освѣжить мысль свою въ пустотѣ бальной жизни, посреди механическихъ трудовъ. Такъ случилось и съ Рогдасвымъ. Не имѣя огромнаго капитала, стоящаго чтобъ имъ заняться, не способ-

ный тянуть бумагу, или гнать деготь, онъ почувствовалъ необходимость дѣтельности на другомъ, болѣе приличномъ для него, поприщѣ. Въ одно утро, подъ предлогомъ неожиданныхъ писемъ, онъ простился съ дядею и уѣхалъ въ Петербургъ. Кто что ни говори, а Петербургъ всегда останется единственнымъ мѣстомъ, куда, хотя изрѣдка, доходить до насъ западный вѣтеръ. Не указывайте мнѣ на свирѣющую борьбу своскорыстныхъ страстей, на честолюбіе въ грубой формѣ—все это и должно быть такъ тамъ, гдѣ люди живутъ не фантастическою, а настоящею жизнью, и гдѣ сталкивается столько противоположныхъ выгодъ. Но что до этого за дѣло Рогдаеву! Онъ пріѣхалъ въ Петербургъ разсѣяться, забыться еще разъ въ обществѣ, которое въ сущности несравненно благоразумнѣе и образованнѣе, нежели какъ утверждаютъ нѣкоторые «недовольные».

Это было весною, т. е. Петербургскою весною, въ июль мѣсяцѣ. Рогдаевъ отправился на дачу къ своей родной теткѣ, графинѣ Дальбекъ, старой, богатой и бесполезной дамѣ, имѣющей на костяхъ своихъ по крайней мѣрѣ лѣтъ семьдесятъ, но которая не отстала еще ни отъ одного изъ модныхъ предразсудковъ. Эта развалина Екатерининскихъ временъ всгарину танцевала балетъ въ Таврическомъ Дворцѣ, улыбалась очень граціозно,—и всѣ напудренные франты, пріятели Потемкина, надрывались отъ восхищенія. Теперь нето: она очень набожна, и даже не поѣдетъ смотрѣть балета на театрѣ. Отъ всѣхъ страстей ея у ней осталась одна: страсть къ

перстнямъ. Ея костлявые пальцы до того закованы въ золото, что походитъ болѣе на металлическую перчатку рыцаря, нежели на мирную руку Петербургской старухи.

«Что, батюшка, гдѣ ты это пропадаешь по сіе время?» спросила она племянника: «Конечно все повѣсничать въ Москвѣ?..»

—Нѣтъ, графиня, я былъ въ деревнѣ.

«Въ деревнѣ! и вѣрно завелъ филиатиру?»

—Совсѣмъ нѣтъ. Я жилъ не въ своей деревнѣ; въ моихъ собственныхъ нѣтъ господскаго дома, а я никогда не любилъ мерзнуть въ угарной комнатѣ приказчика. Я люблю комфортъ, графиня, и жилъ въ деревнѣ, чтобъ отдохнуть отъ вашего Петербурга.

«Однакожь ты нисколько не потолстѣлъ отъ своего комфорта. Да покажи-ка: что это у тебя за топазь?»

—Очень сожалѣю, что не могу показать вамъ иначе какъ на моемъ пальцѣ: вотъ ужъ шесть мѣсяцевъ, какъ мнѣ подарилъ его Горенковъ, а я еще ни разу не снялъ его съ руки; мнѣ жалъ распилить его; а какъ я надѣюсь еще похудѣть, то онъ тогда снимется самъ собою.

« А что за странный знакъ на немъ вырѣзанъ? Ужъ не масонъ ли ты, батюшка? Не даромъ ты жилъ полгода въ Англіи... »

— Нѣтъ, тетушка, я не масонъ и конечно имъ никогда не буду. Въ нашъ положительный вѣкъ, вѣкъ безъ таинствъ и театральныхъ обрядовъ, масонская лояка точно такъ же смѣшна, какъ вѣвась она была предметомъ любопытства и моды. Я право не знаю, отчего этотъ знакъ вырѣзанъ на моемъ перетнѣ.

« Чудные бываютъ перетни на свѣтѣ ! Посмотри, напримѣръ, на этотъ талисманъ: эти каракульки—увѣрялъ меня одинъ офицеръ бывшій въ Персіи — есть Турецкая молитва. Кто бы могъ подумать, чтобъ такой узоръ для ситца могъ что-нибудь значить. Кстаги о ситцѣ: ты конечно слышалъ, что мол внучка, а твоя племянница, выходитъ замужъ? »

— Нѣтъ еще, тетушка; поздравляю васъ...

« Я отложила свадьбу на годъ: пусть они узнаютъ другъ друга... А, да вотъ и зять мой; какъ легкокъ на поминѣ! »

Въ затянутой куклѣ, съ огромными шпорами, которая вошла въ комнату, Рогдаевъ тотчасъ узналъ своего стариннаго пріятеля, кавалергардскаго ротмистра Димова; но, не имѣя никакого желанія заго-

ворить съ нимъ, онъ первый поклонился слегка и снова уѣхалъ на свое мѣсто. Графиня хотѣла представить зятя своего Рогдасву, но Димовъ избавилъ ее отъ труда, подошедши къ нему самъ: «Ба! Рогдасвъ!» вскричала онъ, переступившись назадъ съ видомъ удивленія: «давно ли опять въ Петербургъ?»

— Только недѣля.

«И не извѣстилъ меня о своемъ пріѣздѣ! Хорошо! Развѣ ты не знаешь, что съ тѣхъ поръ какъ ты уѣхалъ, я не зналъ, что дѣлать отъ скуки; и не даѣе какъ вчера весь нашъ полкъ съ умиленіемъ вспоминалъ о знаменитомъ обѣдѣ, данномъ тобою намъ вскорости послѣ возвращенія изъ чужихъ краевъ. Надолго ли пріѣхалъ? какъ намѣренъ проводить время?»

— Надолго ли пріѣхалъ, незнаю; а какъ буду проводить время—и того менѣе.

«По крайней мѣрѣ, надѣюсь, что мы будемъ теперь часто видѣться: вѣдь я почти твой племянникъ.»

«А я и не знала, что вы знакомы» сказала графиня.

«Какъ же, бабушка! Когда Рогдасвъ служилъ здѣсь, въ иностранной коллегіи, мы были друзьями, и даже разъ имена наши полпились вмѣстѣ на за-

главномъ листѣ романа, для котораго онъ сдѣлалъ слова, а я музыку. Но теперь не знаю, отъ чего онъ сдѣла узнать меня...»

— Ты ошибаешься, я очень люблю тебя, и отъ чистаго сердца поздравляю *съ твоими счастіемъ*. — Рогдасъ говорилъ это изъ вѣжливости, хотя внутренно жалѣлъ, что этотъ добрый, хотя и ничтожный малой связываетъ судьбу свою съ злою дѣвчонкою безъ воспитанія и приданого.

Оставшійся еще съ четверть часа у графини, Рогдасъ всталъ, чтобы ѣхать. — «Подожди немного» сказать ему Димовъ: «мы поѣдемъ вмѣстѣ въ городъ. Ты знатокъ въ экипажахъ, я хочу показать тебѣ мою новую коляску.» — Послѣ этого онъ лаконически отдалъ графинѣ отчетъ въ ея порученіяхъ, прибавивъ, что на другой день донесетъ ей подробности, гдѣ были и какъ выполнили ея коммисіи, а пока просить ее извинить его: онъ такъ давно не видался съ Рогдасовымъ, что имѣетъ тысячу вещей рассказать ему. Со вѣсомъ тѣмъ, когда они сѣли въ коляску и ѣхали въ Петербургъ, десять минутъ прошли въ совершенномъ молчаніи.

Прекрасный іюньскій вечеръ (въ это время года въ Петербургѣ не бываетъ ночи) уже начинать холодѣть. Плоская природа Петергофской дороги, казалась, нарядилась въ свое праздничное платье, которое тѣмъ было свѣжѣе, чѣмъ рѣже она его надѣваетъ; блѣдно-голубое небо приняло жаркій, поч-

ти южный оттѣнокъ; пыль улеглась отъ экипажей, и изъ-за садовъ и рѣшетокъ выходила огромная, красная луна. Рогдаевъ разсѣянно спросилъ Димова, отъ чего онъ, такъ всегда возстававшій противъ женитьбы, вдругъ перемѣнилъ свой образъ мыслей?

«Оставимъ это, братецъ!» отвѣчалъ Димовъ со вздохомъ. «Я влюбленъ, вотъ и все . . . Признаюсь, я очень радъ, что ты почти нехорошъ съ графинею, а то конечно бы отсвѣтовалъ ей выдать Алинну за такого повѣсу, какъ я.»

— Напротивъ, я твердо увѣренъ, что мужъ - повѣса есть настоящій кладъ для свѣтской женщины; читалъ ли ты «Physiologie du mariage?»

«Натурально читалъ; а гдѣ ты объдаешь завтра?»

— Думаю, у Дюмё.

«А потомъ?»

— А оттуда домой; я никуда не приглашенъ.

«Такъ поѣдемъ къ Аграпирову. У него среды. Это самый странный домъ въ мірѣ. Я увѣренъ, что тебѣ, съ твоимъ фантастическимъ воображеніемъ, непременно понравится это общество. Вообрази себѣ собраніе мужчинъ, которые ведутъ себя очень благопристойно; игра и чай, прекрасный домъ,

Китайскія лампы, ни одной трубки, и совсѣмъ тѣмъ шампанское рѣкою; игра и шампанское, пышность, толпа франтовъ, хорошій тонъ и милліоны въ оборотѣ; однимъ словомъ, родъ Петербургскаго Фраскати. Впрочемъ ты можешь и не играть.»

— Это должно быть очень любопытно, отвѣчалъ Рогдаевъ протяжно, какъ человѣкъ, который засыпаетъ . . .

Коляска остановилась у заставы.

III.

Рогдаевъ безъ большихъ отговорокъ позволилъ вести себя къ Аграпирову. Какъ все люди съ сильною волею, въ мелкихъ подробностяхъ жизни онъ слѣдовалъ часто внушенію перваго, кто бралъ на себя располагать его временемъ и занятіями. Равнодушный въ выборѣ общества, для него все было равно, въ томъ или другомъ домѣ приходилось ему зѣвать за вѣстомъ.

Домъ Аграпирова былъ въ-самомъ-дѣлѣ самый странный, какой когда-либо существовать въ Петербургѣ. Это было сборище мужчинъ, алчныхъ къ золоту, алчныхъ къ потрясающимъ ощущеніямъ, и со всѣмъ тѣмъ ведущихъ себя со всею строгостію

бальнаго этикета. Игра терла здѣсь свою отвратительную истину; ничего похожаго на оргію не было видно въ этихъ чинныхъ засѣданіяхъ, которыя издали можно было принять за засѣданія Британскаго парламента; красные обои зала довершали сходство.

Рогдаеву понравились эти лица, загорѣлые отъ какого-то ночнаго солнца, поблѣкшіе подъ вліаніемъ могущественныхъ страстей; эти лица обличали не тоскливую блѣдность послѣ двухъ бальныхъ зимъ, не томность дѣвушки, которая много выѣзжаетъ: на нихъ были глубокія морщины, изрѣзанныя невидимою сѣкирою, и по этимъ морщинамъ, казалось, можно было отгадать, сколько ударовъ нанесла имъ неисповѣдимая судьба. Ихъ глаза, впадные, темные, иногда сверкали тѣмъ же огнемъ, какимъ блещутъ глаза Понтинскаго бандита, и не мудрено: то же чувство зажгло и этотъ огонь — жажда золота.

Рогдаевъ безнечно прохаживался отъ одного стола къ другому, и непонятная тоска давила грудь его. Чтобъ избавиться отъ этого неопредѣленнаго предчувствія, мрачнаго какъ велкое мученіе, которому мы не можемъ отгадать причины, онъ подошелъ къ главному столу, на которомъ, вмѣсто зеркала, лежала огромная куча золота, и чтобъ чѣмъ нибудь возбудить уснувшую кровь, онъ взялъ первую изъ множества загнутыхъ картъ, набросанныхъ въ сторону, лѣниво подошелъ къ банкомету и внятно сказалъ ему: «десять тысячъ!»

Игроки оборотились въ его сторону и посмотрѣли съ уваженіемъ на челоѵка, начинающаго игру такимъ кушемъ, въ твердой увѣренности, что чрезъ минуту онъ станетъ гнуть на миллионы и что руды Эль-Дорадо ничто предъ его богатствомъ. Усталый, гордый видъ Рогдаса и его модное платье утверждали ихъ въ этомъ мнѣніи. Банкёръ бросилъ на него послѣдній вопрошающій взглядъ, въ состояніи ли онъ заплатить свою ставку, и потомъ молча началъ метать.

Рогдасъ проигралъ.

— На-квитъ!—сказалъ онъ тѣмъ же повелительнымъ голосомъ.

Банкёръ опять началъ метать, и карта опять проиграла.

Блѣдныя щеки Рогдаса покрылись румянцемъ; онъ почувствовать родъ опьяненія, котораго давно уже не производили на него самыя сильныя сигары. Кровь его какъ-будто помолодѣла, жизнь стиснулась нѣсколькими годами тѣнѣ, глаза его горѣли, нульъ бился какъ въ лихорадкѣ... Чтобы понять это волненіе при потерѣ двадцати тысячъ, надобно прибавить, что эта сумма превышала годовоѵ доходъ Рогдаса, и что обстоятельства его совсѣмъ не были въ томъ положеніи, чтобъ онъ могъ позволить себѣ такое развлеченіе. Ктому же онъ начиналъ уже, какъ Байронъ незадолго передъ смертію, чувствовать наслажденія скудости, проживши

большую часть имѣнія. Эта скупость пробудила въ немъ въ минуту проигрыша всѣ острые мученія раскаянія, всѣ силлогизмы разсудка; а между тѣмъ нѣтъ уже было поправить сдѣланной ошибки. Тысячи мыслей, одна безутѣшнѣе другой, представлялись ему въ стройномъ порядкѣ, каждая служа выводомъ слѣдующей неменѣе ясной и неменѣе мучительной.

— Въ послѣдній разъ на-квитъ, сказалъ наконецъ Рогдаевъ, и лице банкомѣта поблѣднѣло отъ радости... (игроки только краснѣютъ отъ неудачи). Въ эту минуту множество понтѣровъ приступило къ нему съ какими-то расчетами; банковые билеты и золото переходили изъ рукъ въ руки; выигрышъ и расплата производились съ важностію биржевыхъ сдѣлокъ; къ удовольствію Рогдаева, наконецъ все это кончилось и банкѣръ продолжалъ метать, но карга его какъ нарочно не выходила очень долго...

Время иногда имѣетъ странное эластическое свойство: оно растягивается и сжимается, судя по обстоятельствамъ, сообразно расположенію духа, въ которомъ бываетъ человѣкъ. Я вѣрю, что Магометъ могъ быть перенесенъ на седьмое небо, прежде нежели постель его охладѣла, что одинъ Арабскій мудрецъ заставилъ прожить тысячу лѣтъ одного принца въ ту только минуту, какъ тотъ окунулъ голову въ очарованный кувшинъ. Въ часы высокаго чувства, которые такъ рѣдко доста-

ются и художнику, что мудренаго что мы переносимся за пределы существенности, и тогда глупая рамка пространства и времени на мигъ оставляетъ насъ съ своей докучною точностію! Сильныя страсти способны измѣнять обыкновенный ходъ времени. Но я знаю также примѣры ужасной пустоты, которая цѣлую жизнь нашу заставляетъ казаться нѣсколькими днями. Одинъ мой пріятель говаривалъ на пятидесятомъ году своей жизни, что ему кажется, будто ему не болѣе двадцати лѣтъ. Онъ воспитывался въ университетѣ, ничему не учился, но какими-то способами получилъ аттестатъ кандидата; потомъ вступилъ въ службу, былъ произведенъ въ камеръ-юнкеры, потомъ вышелъ въ отставку, женился и былъ выбранъ въ уѣздные предводители. До самаго конца своей счастливой *карьеры* онъ постоянно смотрѣлъ на книги, какъ на опасную и неприличную страсть для дворянина. Толстый, краснощекій мужчина, въ молодости онъ вѣроятно былъ хорошъ собою и сохранился до старости очень исправно, безъ-сомнѣнія потому-что никому никогда не желалъ никакого зла. Послѣ смерти своей онъ оставилъ по себѣ искреннее сожалѣніе во всѣхъ его окружавшихъ, какъ послѣ смирнаго, спокойнаго и добродушнаго чловѣка. Но возвратимся къ нашему разсказу.

Короли и вальсы прыгали подъ пальцами безстрастнаго банкѣра,—а участь Рогдаса еще не рѣшилась. Тысячи воспоминаній самыхъ странныхъ,

сравненій самыхъ чудовищныхъ толпились въ умѣ его; таія приходила къ концу; онъ съ отчаяніемъ взглянулъ на свой перстень . . .

Карта упала на лѣвую сторону . . .

«Счастливо отыгрались!» сказалъ безстрастный банкомётъ, обстрѣленный въ карточныхъ битвахъ. Чтобъ скрыть свое волненіе, Рогдасъ быстро отошелъ отъ главнаго стола и бросился на диванъ въ одной изъ отдаленныхъ комнатъ.

Велѣдъ за нимъ сѣлъ на тотъ же диванъ длинный господинъ въ зеленомъ фракѣ. Долго отдыхалъ Рогдасъ послѣ неведомой для него борьбы, почти стыдился, что страсти игрока были для него такъ еще новы; наконецъ онъ обернулся; въ то же мгновеніе обернулся къ нему и длинный господинъ. Взоры ихъ встрѣтились, и Рогдасъ невольно вздрогнулъ при взглядѣ на эти черты, напоминавшія ему какое-то странное сходство; совершенное отсутствіе гармоніи поражаело въ нихъ какъ въ лицѣ мертвеца: все казалось слѣдствіемъ случая, все непріятно дѣйствовало на нервы; и эта двусмысленная, паралитическая улыбка имѣла безобразную неподвижность испорченной машины.

«Видно, что вы не привыкли играть» сказалъ незнакомецъ: «я замѣтилъ это по вашему лицу, извините мою нескромность»; тутъ онъ условно поклонился.

— Можеть-быть, отвѣчалъ Рогдасевъ, пристально смотря въ глаза своему сосѣду;—а вамъ что до этого за дѣлю?

«Ничего-съ, я такъ сказать вамъ это, извините меня...»

Рогдасевъ не любилъ, чтобъ съ нимъ заговаривали незнакомые; онъ почти легъ на диванъ и усталъ взоръ свой на господина въ зеленомъ фракѣ, съ презирающимъ равнодушіемъ.

«Мы конечно гдѣ-нибудь съ вами видѣлись» сказалъ тотъ: «вы такъ смотрите на меня, какъ будто стараетесь припомнить...»

— Точно. Шесть мѣсяцевъ тому назадъ я видѣлъ во снѣ чорта, который очень былъ похожъ на васъ...

«А вы вѣрите снамъ?»

— Я не сказать вамъ, что вѣрю. Но скажите, ради Бога, чего вамъ отъ меня надобно?

«Послушайте» сказалъ незнакомецъ, старался смягчить свой рѣзкій и непріятный голосъ. «вы не поняли моего добраго намѣренія, и это очень естественно: меня никогда не понимали люди! такова видно судьба моя.

«Я баронъ Розенбергъ. Наша фамилія очень извѣстна въ Силезіи. И здѣсь, въ Петербургѣ, смѣю сказать, меня также всѣ знаютъ съ хорошей сто-

роны. Я ѣзжу сюда не для игры, а для наблюдений надъ правами игроковъ, въ которыхъ жизнь и ея тайны разрѣшаются гораздо легче, нежели въ какомъ-либо другомъ мѣрѣ. Сегодня я замѣтилъ васъ, потому-что вы отличны отъ всѣхъ здѣшнихъ; я желаю познакомиться съ вами, предостеречь васъ . . .»

— Предостеречь меня?

«О, не думайте, чтобъ я хотѣлъ сказать вамъ что-нибудь насчетъ этихъ господъ! они все люди честные, играютъ болѣею частию отъ скуки, такъ, чтобъ дать какую-нибудь дѣятельность уснувшимъ желаніямъ. Нѣтъ, я хотѣлъ предостеречь васъ отъ васъ самихъ. Въ васъ рождается страсть, которая сильнѣе всякой другой и слѣдственно губительнѣе. Это скудость въ самомъ высшемъ ея развитіи, это игра.»

— А вы ѣздите сюда только для наблюдений?

«Да, для наблюдений. Еслибъ я захотѣлъ, сударь, то я могъ бы выиграть милліоны, нажать себѣ чудовищное богатство, бороться роскошью съ герцогомъ Саузерландомъ. Но я довольствуюсь знать тайну обогащенія, а воспользоваться ею не мое дѣло. Пойдемте теперь туда; я покажу вамъ игру во всей ея психологической красотѣ, съ тою же хвастливостію, съ какою Армянинъ показывалъ Чер-

кесскую невольницу, или Англійскій барышникъ кровную лошадь. Тогда вы увидите, что я не сумасшедшій, и что мое знакомство можетъ быть вамъ на что-нибудь полезно.»

Баронъ повелъ Рогдасва въ другія комнаты, гдѣ около ломберныхъ столовъ мрачно толпились игроки. Подойдя къ одному изъ этихъ столовъ, баронъ простеръ руку предъ собою, какъ бронзовая статуя, и Рогдасву показалось, будто тусклая завѣса спала съ глазъ его. Онъ ясно увидѣлъ корыстные страсти и свирѣпую алчность на этихъ вѣжливыхъ лицахъ.

«Посмотрите» говорилъ баронъ «на этого старика плѣшиваго, краснощекаго, съ улыбающимся лицомъ. Его улыбка показалась бы вамъ еще отвратительнѣе, еслибъ вы знали, что у него есть двадцатилѣтній сынъ, который лежитъ теперь на смертной постели и которому нѣнато послать въ аптеку за лекарствомъ. Отецъ принесъ сюда всѣ деньги, оставшіяся у него въ домѣ, а между-тѣмъ ужасная мысль, что у него уже нѣтъ, можетъ-быть, болѣе сына, придастъ ему смѣлости и нѣсколько оправдываетъ его въ собственныхъ глазахъ. Подъ его накрахмаленной рубашкой ослѣпительной бѣлизны вы видите фланелевую фуфайку, подъ фуфайкой косматую грудь, а въ груди развратное сердце, гнилое и черное, какъ пустой орѣхъ! Черви алчности источили это сердце, которое отъливается только на звонъ золота.

«А вотъ другая жертва страсти, также отецъ семейства. У него есть жена, молодая, прекрасная, съ ангельскимъ лицомъ, съ ангельскою душою. Ея бѣлокурый локонъ еще густъ и свѣжъ, какъ локонъ пятнадцатилѣтней дѣвушки, но глаза утратили уже много блеска отъ каждодневныхъ слезъ. Въ нее до сихъ поръ страстно и безнадежно влюбленъ молодой человекъ, конечно стоящій мужа; но, странное дѣло! игроки всегда были счастливы въ женахъ, можетъ-быть, потому - что женщина, существо самолюбивое и свосправное, любить вдвое человека, постигшаго ничтожность одинокой привязанности, и который, любя золото, любить всѣхъ женщинъ вдругъ, любить жизнь въ тысячу ея видахъ; можетъ-быть, въ подтвержденіе старинному правилу, что мы имѣемъ всегда то, чего не желаемъ...

Чѣмъ меньше женщину мы любимъ,
Тѣмъ больше нравимся мы ей... (*).

«Далѣе между игроками въ экартэ замѣтны ли вы фашёнебля, одѣтаго по послѣдней модѣ? Онъ только - что начинаеть, и познакомился съ этими господами, чтобы дополнить игрой свое романтическое существованіе; теперь еще галстухъ его не смять, щeki его еще не потеряли румянца молодости; но игра не позволяетъ безнаказанно съ ней знакомиться. Страсть къ обладанію начинаеть уже возмущать его спокойное кровообращеніе, и скоро, скоро онъ будетъ вѣдить сюда не изъ одной жажды развлеченія!

(*) Пушкинъ.

«Люди часто бросаются въ игру съ отчаянія, отъ семейственныхъ силетней, отъ неудачи сердца или честолюбія. Другіе ищутъ въ ней отчаянія, чтобъ отдохнуть какъ-нибудь отъ медленныхъ угрызений совѣсти, освѣтить, хотя на минуту, свое блѣдное существованіе краснымъ заревомъ страсти. Они смотрятъ на жизнь съ ея поэтической высоты и презираютъ мирное блаженство, если оно влію и тупо какъ прѣсная пища. Здѣсь вы увидите больше игроковъ этого разряда. Но я не стану вамъ описывать біографію каждого изъ нихъ. Ни одинъ не привязываетъ насъ къ себѣ никакимъ благороднымъ чувствомъ; на всѣхъ лицахъ вы прочтете одно: скука и усталость. Одна только черта сколько-нибудь оправдываетъ въ моихъ глазахъ наши собранія: ни одинъ изъ этихъ господъ не употребляетъ здѣсь непопозволенныхъ средствъ къ выигрышу. Впрочемъ это было бы и не возможно: всѣ законы этого клуба такъ ясны и такъ строго наблюдаются, что шулеру нечего бы было тутъ дѣлать.

«Теперь бросьте наблюдательный взглядъ на эту толпу, выкиньте въ ея страхи и надежды—и вы привыкнете напередъ угадывать, кто выиграетъ и кто проиграетъ. Темныя рѣшенія случая еще не такъ темны и непонимы для того, кто давно хладнокровно наблюдаетъ эту фантастическую драму. Посмотрите на таинственные нити счастья и несчастія, которыя вьются, силетаются, снуютъ около игроковъ. Вглядитесь въ это грозное могущество, когда оно вмѣшивается въ дѣла людей, и не буду-

чи пророкомъ, вы увидите, какъ въ зеркалѣ, и судьбу завтрашняго дня и развязку цѣлаго года.»

Баронъ одной рукой держалъ руку Рогдасва—и странный огонь переливался въ его жилы: казалось, магнетическая сила, исходящая изъ барона, возмущала въ немъ кровь и кружила голову. Онъ видѣлъ уже предъ собою все предметы въ чудовищныхъ, неестественныхъ размѣрахъ; онъ уже въ-самомъ-дѣлѣ угадывалъ карту счастливую и ту, которая должна была проиграть... Не слушая болѣе своего новаго знакома, шатаясь какъ опьянѣлый, онъ подошелъ къ столу, на которомъ лежала куча золота, и съ отчаянною увѣренностію въ свой даръ предугадывать, сталъ держать огромныя пари...

Все они выиграли.

Къ третьему часу ночи Димовъ съ Рогдасвымъ возвращались домой; послѣдній держалъ на кофѣняхъ тяжелый мѣшокъ: это были девятьсотъ пятьдесятъ тысячъ рублей, выигранные имъ менѣе нежели въ два часа. Димовъ съ усмѣшкой зависти поздравлялъ своего друга.

«Странное счастье!» говорилъ онъ: «только - что пріѣхалъ въ Петербургъ и выигралъ такую сумму? Однако, признайся, что во всемъ этомъ ты обязанъ мнѣ правомъ быть принятъ въ такомъ домѣ, гдѣ могъ ставить сотни тысячъ безъ другой поруки, кромѣ твоего аристократическаго вида.»

IV.

Одинокій сидѣлъ Рогдаевъ, пріѣхавъ съ игры и устремивъ помертвѣлый взглядъ на шкатулку, въ которой заключалось его сокровище. Нѣсколько часовъ тому назадъ онъ былъ промотавшійся дворянинъ, опутанный долгами, съ разореннымъ, неустроеннымъ состояніемъ: теперь онъ можетъ выкупить имѣніе, заплатить частныя долги и значительно поправить дѣла свои. И все это досталось ему такъ неожиданно, какъ волшебствомъ!.. Ужъ не сонъ ли это? Рогдаевъ нѣсколько разъ вставалъ со стула и ходилъ по комнатѣ, чтобъ слышать шорохъ своихъ шитыхъ туфель...

Рогдаевъ, какъ мы уже сказали прежде, принадлежалъ къ числу тѣхъ несчастныхъ созданій, которыя всегда недовольны людьми и собой. Ему вѣчно казалось, что онъ или не дошелъ или перешелъ за черту того кодекса, который равно начертанъ на сердцѣ Восточно-Индійца и на сердцѣ его любителя, Англичанина. Иногда онъ думаетъ, что напрасно отказалъ себѣ въ какомъ-нибудь наслажденіи, щадя выгоды ближняго, или потерявъ случай отмстить изъ ложной гордости; но онъ мучился вдесятеро болѣе, когда подозрѣвалъ себя въ преступленіи противъ правилъ чести и благородства, и тогда готовъ былъ все принести въ жертву, чтобъ смыть съ своей совѣсти ничтожнѣйшее пятно. И со всемъ тѣмъ онъ не былъ человѣкъ прав-

ственный въ точномъ значеніи этого слова: онъ только имѣлъ нескотливую, мнительную совѣсть, и, помучившись хорошенько, перевернувъ со всѣхъ сторонъ какой-нибудь свой проступокъ, оканчивалъ свои философическія разсужденія тотчасъ же впадая въ прежнія слабости.

Такъ и теперь, послѣ первой лихорадки стѣжакія, грустныя мысли залетѣли къ нему на сердце. Онъ почувствовалъ, что за выигранныя деньги продать что-то дороже богатства, дороже всѣхъ благъ жизни. Онъ чувствовалъ, что потерялъ что-то, о чемъ и не думалъ прежде: безпечную совѣсть, неотягченную никакимъ положительнымъ преступленіемъ.

Чѣмъ глубже думалъ онъ о предметѣ, тѣмъ болѣе почиталъ себя виновнымъ. Конечно, онъ не могъ упрекнуть себя въ полицейскомъ воровствѣ; онъ не былъ обязанъ своимъ выигрышемъ ни одной изъ тѣхъ хитростей которыя такъ счастливо употребляютъ нѣкоторые игроки; но что такое безчестный игрокъ, игрокъ навѣрное, передъ страстнымъ, хотя и чистымъ игрокомъ? Первый есть только пошлый разбойникъ, мелкій фигляръ, не имѣющій довольно гордости, чтобъ быть честнымъ, и довольно терпѣнія, чтобъ нажить себѣ деньги позволенными средствами. Но человекъ, который хочетъ сохранить величіе души своей, вызывая на равный бой гигантскаго демона, называсмаго случаямъ; человекъ, отказывающійся напередъ отъ всякаго раскаянія и бросающій въ страшную урну всѣ свои

надежды,—не есть ли онъ родъ чародѣя, недовольнаго знаніемъ открытыхъ силъ природы и который смѣло похищаетъ минутный скипетръ, не заботясь, долго ли продолжится его царство и чѣмъ замѣнить онъ въ будущемъ за свою власть надъ стихіями? . .

Всякая леттерей, всякая игра не есть ли вещь болѣе безправственная, чѣмъ менѣе употребляемъ мы въ ней свободную волю, дарованную намъ Богомъ? Не ругается ли всякій игрокъ надъ бѣдностью и бѣдствіями его окружающими, бросая для себялюбиваго удовольствія труды многихъ? Все въ мірѣ имѣетъ свое вознагражденіе, все безпрестанно стремится къ равновѣсію: не ожидаетъ ли и игрокъ счастливаго какое-нибудь изъ тѣхъ страшныхъ наказаній, которыя такъ часто *терзаютъ* богатей въ ихъ семействахъ, *въ ихъ* частной жизни, и тѣмъ мучительнѣе, чѣмъ труднѣе понять ихъ *людямъ*, видящимъ одно только благо въ богатствѣ?

Рогдасъ ужасался при мысли, что можетъ-быть въ одну эту ночь онъ уже истощилъ всю свою способность отгадывать и предвидѣть, и что съ этой минуты его ожидаютъ одни только неудачи и несчастія. Бальзакъ въ своемъ гениальномъ романѣ подмѣтилъ тонкую сторону человѣческой природы: онъ показываетъ намъ сквозь призму чудеснаго, какъ съ каждымъ исполненнымъ желаніемъ уходитъ жизнь наша, унося съ собою вѣру въ счастье. Рогдасъ начиналъ уже чувствовать въ груди своей чахотку Рафаэля . . .

Усталый, взволнованный, онъ бросился въ постель, но чудовищныя грезы преслѣдовали его и подъ одѣяломъ. Сперва случилось ему, что онъ входитъ въ огромный залъ, въ тысячу разъ огромнѣе Коллея, церкви св. Петра въ Римѣ и всѣхъ архитектурныхъ огромностей на земномъ шарѣ. Въ этомъ залѣ, конечно построенномъ Бробдингяганами, все имѣло приличный размѣръ; къ одной изъ стѣнъ, вмѣсто зеркала, приставлено было озеро Комо, замороженное какимъ-то чуднымъ процессомъ, въ тихую, лунную ночь. Въ такое зеркало смотрѣлся Рогдасъ и видѣть себя также великаномъ, съ чертами, обезображенными чудовищною огромностію. Въ карманѣ своемъ онъ чувствовалъ часы съ Думекон-Башии; въ рукахъ его, вмѣсто тросточки, была Александровская колонна, которою онъ вертѣлъ самымъ неловкимъ образомъ какъ провинціальныи Франтъ, только-что пріѣхавшій въ столицу. Платье его было грубо и нитки сукна толщиной походили на тростникъ. Отворотясь отъ огромнаго зеркала, онъ закрылъ глаза; но вѣжды его такъ страшно хлопнули одинъ на другой, какъ ставни стараго дома въ осеннюю бурю.

Далѣе, ему представилось, что онъ проснулся и спокойно лежитъ въ постели, радуясь, что родился на такой планетѣ, гдѣ все такъ мало и мелко. Только комната совсѣмъ не походила на его комнату. Чтобъ узнать, гдѣ онъ, Рогдасъ всталъ и подошелъ къ окну. Сѣрое небо мрачно висѣло надъ неизвѣстнымъ ему городомъ, котораго готическія

церкви и зданія безъ крестовъ показывали, что онъ въ землѣ не-католической. Въ комнатѣ было душно: чтобъ освѣжить себя, онъ отворилъ окно, и въ ту же минуту услышалъ шумъ отъ густой толпы народа, спѣшившаго куда-то сираться, точно-какъ отъ сильнаго дождя. Вслѣдъ за бѣжавшимъ народомъ онъ увидѣлъ странный поѣздъ, соединившій всю мрачность погребенія съ торжественностію и величіемъ церемоніальнаго шествія войскъ въ какую-нибудь столицу. Впереди шли люди съ зажженными факелами; но одежда ихъ была столь богата, такъ блестяща, что не могла принадлежать ассистентамъ печальнаго обряда; ктому же ничего похожего на траурный крыль не развѣвалось на ихъ шляпахъ и шпагахъ. За ними, верхомъ на черныхъ лошадяхъ, ѣхали статные юноши; но ихъ прекрасныя лица болѣе походили на отверженные лики падшихъ ангеловъ Мильтона, нежели на свѣтлую наружность воиновъ христіанскихъ. Много еще протѣжало пышныхъ вельможъ, надменныхъ всадниковъ, которые равнодушно толкали женщинъ и дѣтей, неустыжшихъ посторониться, чтобъ дать имъ дорогу. Наконецъ показался огромный черный тронъ, подъ великолѣпнымъ балдахиномъ, везомый множествомъ лошадей. Едва хотѣлъ Рогдасъ взглянуть на челоѵка среднихъ лѣтъ, свирѣпаго вида, сидѣвшаго на тронѣ, какъ вдругъ сильная рука ударила его по плечу...

«Ты взглянулъ на него» сказалъ дикій голосъ
«ты ослушался повелѣнія—подъ смертною казнію

не осквернять своимъ нечистымъ взглядомъ свѣтлаго лица нашего владыки. . .»

— Я не знаю вашего владыки. . .

«Какъ! ты осмѣливаешься не признавать мудрыхъ уставовъ всемірнаго властителя, Аншомаіона великаго, который **възъзжаетъ** теперь въ послѣдній городъ, покоренный его владычеству? Сейчасъ надъ нимъ въ знакъ послушанія, или ты увидишь, что мы съ тобой сдѣлаемъ!»

Всѣ преданія христіанства, вся исторія мучениковъ и мучителей **ожили** въ памяти Рогдасва: ужасный выборъ между смертію и безчестіемъ, сильная воля великодушныхъ жертвъ, которыя **всѣ** погибли, не отказавшись ни отъ одной черты ими проповѣданнаго ученія—все это представилось ему съ удивительною ясностію.

Онъ бросилъ послѣдній взглядъ на улицу: тамъ все уже проѣхало; за нимъ же стоялъ ужасный человекъ, который страшно хохоталъ надъ его замѣшательствомъ.

«Чтожь ты не отвѣчаешь?» новторилъ дикій голосъ.

— Но кто ты самъ? спросилъ Рогдасвъ.

«Кто я? Ты осмѣливаешься это спрашивать! Я правая рука моего государя, второй министръ его, слѣдственно третья власть на земномъ шарѣ—и ты не боишься меня спрашивать кто я?»

Въ это время комната наполнилась уже людьми разнаго званія, казалось, только-что ожидавшими повелѣній страшнаго придворнаго. Чтобъ спастись какъ-нибудь, Рогдасъ бросился изъ окна, которое, по-счастію, было не высоко, и пустился бѣжать изъ всѣхъ силъ. Стараясь выбирать самыя уединенныя улицы и перемѣняя безпрестанно направленіе, онъ довольно удачно успѣлъ скрыться отъ своихъ преслѣдователей. Уже онъ миновалъ городскія ворота, — вотъ уже онъ въ полѣ; но тутъ, замѣтивъ, что проходящіе смотрятъ на него недовѣрчиво, онъ долженъ былъ убавить шагъ. Скоро онъ достигъ огромнаго дворца, повидимому пустаго; находя его удобнымъ для отдыха, онъ вошелъ туда и, быстро миновавъ два или три корридора, достигъ огромной залы, сырой и темной. Онъ начинать уже немного приходитъ въ себя, какъ вдругъ на стѣнѣ увидѣлъ надпись, на неизвѣстномъ ему языкѣ, и совсѣмъ тѣмъ значеніе которой было для него ясно. Въ ней было упомянуто объ немъ, какъ объ государственномъ преступникѣ; голова его была оцѣнена; всякій, подъ смертною казнію, долженъ былъ выдать его правительству. Рогдасъ снѣшилъ оставить ужасный дворецъ; но войти въ него было легче, нежели выйти; онъ путался въ выходахъ, и уже слышать за собою шумъ голосовъ, которые ливственню говорили: «онъ здѣсь, онъ долженъ быть здѣсь, мы видѣли какъ онъ вошелъ». Облитый холоднымъ потомъ, Рогдасъ бѣжалъ, безпрестанно спотыкаясь въ безконечныхъ корридорахъ, по стѣнамъ которыхъ были развѣшаны всѣ роды орудій

нытки, все изобрѣтенія инквизиціи въ отвратительномъ порядкѣ; голоса становились все ближе и ближе; наконецъ Рогдасъ наткнулся на какую-то комнату, изъ которой не было болѣе выхода. Онъ хотѣлъ воротиться, но въ дверяхъ встрѣтила его злобная улыбка адскаго придворнаго, за которымъ слѣдовалъ цѣлый полкъ палачей... Тутъ Рогдасъ иронизировалъ, и на этотъ разъ въ самомъ дѣлѣ; но чувства его долго сомнѣвались въ существованіи его окружающаго. Передъ нимъ стоялъ баронъ Розенбергъ и держалъ его за руку; длинный носъ, вѣснушійся подбородокъ и блѣдное лицо барона имѣли удивительное сходство съ чертами адскаго царедворца, видѣннаго имъ во снѣ,—и Рогдасъ съ невольнымъ ужасомъ смотрѣлъ въ глаза своему своему знакомцу, все еще принимая его за страшное пугало своего кошмара.

Наконецъ свѣжій воздухъ спальни понемногу возбудилъ въ немъ жизнь съ ея острыми страданіями и глухими радостями; ему стало холодно въ постели и онъ сѣвши накинута на себя халата вспомнивъ, что въ Петербургъ и въ полѣ мѣсяца иногда нехудо бы прибѣгать къ прозаической необходимости топить печи.

— Какимъ образомъ вы здѣсь? спросилъ онъ своего гостя, съ обиднымъ удивленіемъ.

«Самымъ естественнымъ образомъ» отвѣчалъ тотъ: «мнѣ нужно было видѣться съ вами по оди-

му дѣлу, которое сейчасъ буду имѣть честь вамъ объяснить; вашъ человекъ сказалъ мнѣ, что вы еще не проснулись. Между-тѣмъ дверь вашей комнаты была открыта; я вошелъ, хотѣлъ подождать, какъ вдругъ за ширмами услышалъ отчаянный крикъ: «пустите, пустите меня!...» Я тотчасъ узналъ вашъ голосъ, и, чтобъ избавить васъ отъ непріятнаго сна, пришелъ разбудить.»

Рогдаевъ взялъ ключъ отъ своей шкатулки, и прежде всего, какъ-бы нечаянно, увѣрился, на томъ ли мѣстѣ его золото. Оно было не тронуто. Тогда онъ обратился къ барону, просилъ его садиться и сказать ему какъ можно скорѣе причину своего посѣщенія.

«Вотъ въ чемъ дѣло» началъ баронъ: «вчера вы выиграли такую сумму, которую стыдно бы было держать въ ломбардѣ безъ обращенія, или проиграть снова, или, подобно нѣкоторымъ Русскимъ купцамъ, зарыть въ землю, предпочитая вѣрный грошъ невѣрному рублю. Но я не за тѣмъ обезпечилъ васъ такъ рано, чтобъ обвинять въ подобномъ варварствѣ; вы конечно занимались политической экономіей, читали и Сая, и Смита, и Мальтуса, и сами знаете не хуже моего, что въ нашъ вѣкъ все возможно съ взаимной довѣренностію и духомъ компаній. Теперь слушайте. Мы заводимъ филатюру; у насъ все уже готово: и машины изъ Голландіи, и мастера Англичане, и домъ для фабрики, и все нужные подряды; насъ пятеро: каждый вносить по

осьмисотъ тысячъ. Чтобъ дѣйствовать обширнѣе, мы рѣшились пригласить въ партію шестатаго; завтра наше послѣднее засѣданіе. Если вы хотите ввѣрить намъ свой капиталъ, то при теперешнемъ состояніи дѣла въ Россіи, мы беремся давать вамъ всякій годъ тридцать процентовъ, а по истеченіи пяти лѣтъ возвратить полную сумму, если вы того пожелаете. И все это получите вы безъ всякихъ хлопотъ, совершенно обезпеченные законнымъ контрактомъ.»

— А кто ваши товарищи?

Баронъ назвалъ четырехъ богатѣйшихъ вельможъ въ Петербургѣ.

Рогдасевъ былъ столько разъ обманутъ въ жизни, что, еслибъ баронъ и не имѣлъ такой непріятной фizioноміи, еслибъ знакомство ихъ и не началось такъ странно, то и тогда бы не согласился на его предложеніе. Одно только останавливало его отказать-ся рѣшительно: ясность, съ какою баронъ рассказываетъ дѣло, повидимому, совершенно безопасное для Рогдасева, и имена четырехъ вельможъ, людей при мѣстахъ и конечно могущихъ знать прежде другихъ, въ какую спекуляцію можно выгоднѣе пустаться въ Россіи. Со всѣмъ тѣмъ онъ отвѣчалъ:

Я не могу ничего сказать вамъ рѣшительно. Я нездоровъ; у меня сегодня болитъ голова; къ кому же мнѣ надобно справиться...

«Точно ли все, что говорю я вамъ, правда? Но завтра уже будетъ поздно. Рѣшайтесь сейчасъ, или никогда. Чтобъ удостовѣрить васъ еще болѣе, вотъ Петербургскія Вѣдомости.»

Баронъ вынулъ изъ кармана экземпляръ газетъ, въ которомъ какое-то объявленіе отъ гг. Филатѣровъ было подписано тѣми самыми лицами, которыя по словамъ его должны были вести предпріятія.

Все это однакожь казалось Рогдасеву довольно темно, и торопливость, съ какою баронъ приступалъ къ нему, только увеличивала его подозрѣнія.

— Я рѣшительно отказываюсь, сказалъ онъ.

«Итакъ, прощайте. Не думай я, чтобъ человѣкъ въ ваши лѣта, получившій конечно Европейское воспитаніе, могъ быть такъ сильно недовѣрчивъ и такъ жадно скупъ.»

Лице барона приняло торжественное выраженіе; онъ продолжалъ:

»Признаюсь, отказъ вашъ досаденъ мнѣ столько же для васъ самихъ, сколько онъ разстроиваетъ нашей общія выгоды. Прощайте. Ваша неблагодарность будетъ наказана; я говорю: неблагодарность, потому-что еслибъ не я, то вамъ бы не выиграть ни копѣйки.»

При этихъ словахъ Рогдасъ вскочилъ со стула; кровь бросилась ему въ голову; онъ уже хотѣлъ вытолкать дерзкаго, который осмѣлился такъ ругаться надъ нимъ въ его собственной комнатѣ, но послѣ мгновеннаго размышленія сдѣлать лучше:

— Остановитесь, сказалъ онъ. Еще пять двадцати-четырехъ часовъ какъ я разбогатѣлъ; а уже спокойствіе меня оставило. Неужели вы думаете, что вашими совѣтами вы сдѣлали меня счастливейше? Возьмите это золото назадъ. Я не знаю откуда оно пришло, не знаю куда пойдетъ, но не хочу болѣе имѣть его у себя ни минуты. Возьмите его съ моимъ искреннимъ желаніемъ, чтобы оно также заставило страдать васъ, какъ страдалъ отъ него я сегодня.

Баронъ хладнокровно принялъ роковой мешокъ, не показывая ни радости, ни потерннн.

«Завтра» сказалъ онъ «въ шесть часовъ пополудни, въ домъ * *, въ * * улицѣ, мы ожидаемъ васъ для окончательныхъ совѣщаній. Тамъ объяснятся вамъ подробности ваши права и обязанности.

V.

Вислѣдствіи Рогдаевъ не имѣлъ случая раскаляться въ своей неосторожности: слова барона были совершенно справедливы, спекуляція чрезвычайно выгодна. Рогдаевъ не понималъ, изъ чего этотъ человѣкъ, съ которымъ онъ познакомился такъ недавно, старается объ немъ съ такимъ усердіемъ. Вчера онъ помогъ ему выиграть миллионъ, сегодня не потерялъ ни минуты, чтобъ выгодно помочь его. Какія тайныя причины могли привлекать этого страннаго человѣка къ выгодамъ Рогдаева, который обращался съ нимъ въ первые дни ихъ сношеній почти съ грубою подозрительностію? Онъ терялся въ догадкахъ. Но одна мысль успокоила его, мысль достойная свѣтской логики нашего времени: баронъ могъ воспользоваться значительною суммою, и того не сдѣлать; изъ этого, по крайней-мѣрѣ, можно было навѣрное заключить, что баронъ Розенбергъ не мелкій мошенникъ, не пошлый плутъ, и если и имѣетъ какіе-нибудь виды, то не на карманъ Рогдаева, который болѣе всего презиралъ денежныхъ обманщиковъ.

Мрачная, готическая наружность барона, глубокія морщины, наръзанныя на блѣдныхъ щекахъ его, и таинственный, мѣрный тонъ, съ которымъ ронялъ онъ слова, когда говорилъ; чудная смѣсь въ немъ глубокихъ познаній съ лакою-то приказною точностію, когда дѣло шло о продажѣ имѣнія или законномъ документѣ—все это человѣку съ вообра-

женіемъ непременно показалось бы очень страннымъ и достойнымъ быть истолковану романтическимъ образомъ; но Рогдасъ не принималъ даже на себя труда узнать покороче откуда явился въ Петербургъ баронъ его, будучи твердо увѣренъ, что все на землѣ чрезвычайно просто, и что истинно-чуждое существуетъ только въ Шмецкой повѣсти да въ головѣ мечтателя.

Ктому же, еслибъ баронъ былъ въ самомъ дѣлѣ таинственное лице, то не связался бы съ Петербургскими вельможами, не завелъ бы придельной фабрики и не ѣздилъ бы такъ часто въ гражданскую палату. Не было никакого сомнѣнія, баронъ человекъ обыкновенный. — Между-тѣмъ новое чувство привлекало Рогдаса къ товарищу его по дѣламъ. Баронъ велъ себя всегда очень осторожно, не былъ ни съ кѣмъ откровененъ, и такъ же некусно скрывалъ свою универсальную ученость, какъ другой считался бы ея выказать. Говоря, напримѣръ, съ какимъ-нибудь дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ, онъ важно вытягивалъ губы, нюхалъ табакъ съ дипломатическими пріемами и старался какъ можно болѣе сжать и охолодить и безъ-того уже холодный свой темпераментъ. Если же, напротивъ, встрѣчалъ пѣхотнаго полковника, то съ восторгомъ спрашивалъ его о погодѣ, о придворныхъ новостяхъ, о последнемъ балетѣ, или нерестройкѣ казармъ. Съ однимъ Рогдасовымъ баронъ казался искреннимъ, если можно назвать искренностію свободный тонъ умнаго человека, который не прлчетъ

ума своего въ карманъ, но также не выказываетъ и сердца. Какъ бы то ни было, такое предпочтеніе льстило самолюбію Рогдеева и нѣсколько спасало его отъ ужасной скуки проводить жизнь въ этой пустынь людей, гдѣ изрѣдка попадается путнику то порокъ и полуобразованность, то невѣжество и порокъ, а иногда бес ильная добродѣтель подъ старымъ чепцомъ, набитымъ предразсудками и суевѣріемъ; гдѣ всякій недовѣрчиво смотритъ на соседа и часто старается пробыть подольше въ какомъ-нибудь обществѣ, изъ одной болѣзни что, не успѣвъ еще отыграть отъ дому, онъ уже сдѣлается предметомъ пересудъ и злословія.

Будучи принужденъ по дѣламъ фабрики часто видѣться съ барономъ, Рогдеевъ часъ-отъ-часу болѣе удивлялся его изящному вкусу и разнообразнымъ познаніямъ. Особенно когда онъ былъ съ нимъ наединѣ, большой видъ и язвительная улыбка барона мало-по-малу принимали пріятнѣйшія формы; увлекательный, краснорѣчивый, когда говорилъ онъ, казалось, цѣлая природа живо проходила передъ слушателемъ, съ ея кристальными водами, синимъ небомъ и свѣжею зеленью; но едва входилъ посторонній и разсѣкающіе смыкала уста, какъ вся эта панорама вдругъ исчезала, будто отъ руки механика, быстро закрывшаго стекло волшебнаго фонаря, и предъ вами опять являлся тяжелый, блѣдный баронъ, холодный и жесткій какъ статуя.

— Что мнѣ за дѣло — часто думать Рогдеевъ,

что баронъ Розенбергъ, можетъ-быть, человекъ злой и съ черствымъ, глухимъ сердцемъ! Онъ добръ ко мнѣ и доказалъ мнѣ это; а замѣчанія его на болышой свѣтъ и на Русское общество соединяють въ себѣ всю ясность взгляда иностранца съ опытностію и знаніемъ дѣла давнишняго жителя Россіи. Онъ для меня замѣчателенъ; я радъ, что съ нимъ познакомился.

Одинъ разъ, послѣ обѣда, Рогдасъ сидѣлъ съ барономъ въ своемъ богатомъ кабинетѣ, устроенномъ по всѣмъ требованіямъ новѣйшаго вкуса. Ничего похожего на безобразную ученость аптекаря среднихъ вѣковъ: ни скелетовъ, ни уродовъ въ баикахъ, ни страшныхъ машинъ не было видно въ этой изысканной, иросторной комнатѣ, въ которой все было чисто, ново, великолѣпно. Одни только шкафы съ книгами да письменный столъ намекали о строгихъ занятіяхъ хозяина. На готическомъ пулышнѣрѣ лежала огромная Библія, которую разсѣянно пересчитывалъ помусонный баронъ; онъ былъ въ дурномъ расположеніи духа, и въ такія минуты, даже въ присутствіи Рогдаса, нѣхотя прерывалъ молчаніе, и то развѣ для того, чтобъ освѣжить легкія лишнимъ глоткомъ воздуха.

«Вы хорошо сдѣлали» сказалъ онъ «что перемѣнили квартиру: здѣсь и свѣтлѣе и лучше. Для молодого человека, получающаго до трехъ-сотъ тысячъ дохода, эта роскошь гораздо приличнѣе вашего прежняго, скромнаго жилища, гдѣ все дышало безпорядкомъ холостяка: здѣсь валялся галстухъ,

тутъ книги, а тамъ лакированные сапоги... Какъ вамъ нравится это мѣсто въ Библии?

—Которое, баронъ?

А вотъ прочтите сами.

Рогдасъ взялъ Библию изъ рукъ барона и началъ читать вслухъ; но пріѣздъ Димова прервалъ это занятіе. Динишья шпоры жениха весело брягали по лестницѣ.

«Какъ поживаешь, мой мизантропъ, мой Тимошъ Донскій? Я еще не видалъ тебя съ-тѣхъ-поръ какъ ты перѣхалъ въ Милліонную, настоящую уличную милліонеровъ; а я все былъ занятъ... Охъ ужъ эти свадебные хлопоты! они отравляютъ всю пріятность женитьбы. Ну, а ты какъ проводишь время?»

—А вотъ какъ видишь: съ Библией въ рукавъ, которой ты конечно не читаешь, и съ барономъ Розенбергомъ, котораго имѣю честь представить. Баронъ Розенбергъ, господинъ Димовъ...

Они раскланялись.

«Я, кажется, имѣлъ удовольствіе видѣть васъ въ Ревелѣ, назадъ тому года четыре» сказали Димовъ. «Но послѣ этого ко мнѣ писала сестра, что вы умерли, и я удивляюсь...»

—Увѣряю васъ, что я не умеръ, отвѣчалъ насмѣшливо баронъ.

«О, конечно слухъ невѣрный, какъ и всѣ слухи. Очень радъ, что васъ вижу опять...»

— Но я отроду не бывалъ въ Ревель.

«Помилуйте. Моя память никогда меня не обманывасть. Я точно зналъ васъ въ Ревель довольно коротко, и мнѣ странно, что вы отказываетесь и отъ меня и отъ Ревеля»

— Я никогда не бывалъ въ этомъ городѣ. Можетъ-быть, вы знали какого-нибудь другаго Розенберга; у меня много родственниковъ, между прочимъ одинъ выигравшій большой капиталъ на Амстердамской биржѣ...

«Повторяю, сударь, вамъ, что я зналъ васъ, васъ, никого другаго. Вы даже не перемѣнили костюма; на васъ тотъ же зеленый фракъ, тотъ же жилетъ, и я не понимаю, съ чего прошедшимъ лѣтомъ сестрѣ вздумалось извѣстить меня объ вашей смерти...»

Баронъ нахмурилъ брови.

— Позвольте, господа, рѣшить споръ вамъ, сказалъ Рогдасъ. Я вижу, что вы нехотите продолжить преніе, которое, право, начинается быть скучно. Димовъ такъ занятъ ролью жениха, что вездѣ видитъ гостей для своего бала, а вы баронъ напрасно обижаетесь очень естественной ошибкой: случайное сходство—вотъ и все. Но дѣло не въ томъ. Знакомы ли вы были прежде или нѣтъ, я этого не знаю; но у меня прошу познакомиться и быть друзьями.

«Я пріѣхалъ тебѣ звать въ шаферы» сказалъ Димовъ, сверотивъ съ разговора.

—Откажитесь, примолвилъ по-Англійски баронъ, разсматривая какой-то эстампъ.

«Свадьба будетъ ненарядная» продолжать женихъ: «ты можешь надѣть черный солитеръ и башмаки; въ остальномъ, мой дедъ, я совершенно полагаюсь на тебя. Парадная свадьба теперь не въ модѣ, я самъ не надѣну краснаго мундира...»

—Вообрази себѣ мое отчаяніе, душа моя Димовъ; я никогда не утѣшусь въ этомъ: вѣдь мнѣ нельзя быть твоимъ шаферомъ...

«Какъ?» вскрикнулъ Димовъ.

—У меня такъ болитъ нога, что вотъ три дня какъ нигуда не выѣзжаю, и докторъ рѣшительно сказалъ мнѣ, что, если я сдѣлаю малѣйшее отступленіе отъ его предписаній, то рискую потерять ногу...

«Возможно ли? ты отказываешься?»

— Нельзя же мнѣ быть твоимъ шаферомъ сидя. Ты видишь, я даже не могъ приподняться съ кресла когда ты вошелъ; иначе усидѣлъ бы я покойно; а то... ой, вотъ начищать...

«Проклятая нога! Покуда прощай, поѣду искать другаго шафера. Ужъ еслибъ я зналъ, что ты притворяешься!... Но я увѣренъ въ твоей искренности. Прощай. Прощайте, сударь.»

Баронъ холодно поклонился; Димовъ уѣхалъ. Когда Рогдасъ остался опять одинъ съ барономъ, онъ спросилъ его, для чего отсовѣтовалъ онъ ему идти въ шаферы?

— Не знаю... отвечалъ баронъ. Я прочелъ что-то странное на лицѣ вашего пріятеля; я имѣю предчувствіе, что эта свадьба дурно кончится. Впрочемъ вы славно отдѣлялись своею ногою. Третьяго дня я и понять не могъ, отчего она вдругъ у васъ такъ заболѣла,—а вышло кетати. Судьбы неисповѣдимы!

Предчувствіе не обмануло барона: свадьба была въ-самомъ-дѣлѣ неблагополучная, и Рогдасевъ очень радъ былъ, что отказался. Въ время вѣнчанья одинъ изъ шаферовъ уронилъ вѣнецъ, что очень испугало всѣхъ; а когда молодые поѣхали домой, то прекрасная Орловская четверня начала бить и сломала карету, причемъ новообращенный ушибъ себѣ плечо. Всѣ приняли это за самое дурное предзнаменованіе. Впрочемъ несчастіе вѣроятно не имѣло другихъ послѣдствій, потому что чрезъ два дня Рогдасевъ получилъ слѣдующее печатное приглашеніе:

«Владиміръ Петровичъ и Марья Николаевна Димовы просятъ васъ сдѣлать имъ честь пожаловать къ нимъ на балъ и ужинъ сего іюля 4 дня въ 9 часовъ.

1835.

П. О. О.

VI.

Извините меня, говорилъ Рогдасевъ, надѣвал башмаки, входящему барону; я званъ сегодня на балъ къ графинѣ Дальбенъ, котораго нарочно перѣѣхала съ дачи въ свой огромный домъ, конечно для того, чтобъ удивить насъ пышностію. Балъ дается по случаю той свадьбы, которую, знаете, вы такъ

испортили своимъ злобнымъ предсказаніемъ. Я и такъ ужь пропустилъ два бала; но сегодня мнѣ никакъ нельзя отказаться. Посмотрите какую милую записку написалъ ко мнѣ Димовъ.

«Онъ не умѣетъ писать» замѣтилъ баронъ, взглянувъ мимоходомъ на записку.

— Вы во всемъ только видите одни пятна, о тинистейшій изъ бароновъ, не исключая и Брамбеуса! Неужели не знаете вы, что анализъ убиваетъ счастье?

«Старинная мысль, которую не совѣтовалъ бы я вамъ повторять слишкомъ часто: анализъ отметить за себя и разобреть по частямъ этотъ софизмъ... Впрочемъ вы можете одѣваться...»

— Тамъ на столѣ вы найдете журналы...

«Да куда спѣшите вы такъ рано? еще только десятый часъ. А нога ваша?»

— Гораздо лучше; однакожь, думаю, буду прихрамывать, когда войду въ залъ; чтожь за бѣда! Это дастъ Байроническій видъ...

«О, ради здраваго смысла, оставьте этого Байрона и съ его подражателями!.. Когда перестанутъ молодые люди передразнивать его дѣтское тщеславіе, аристократическую мелочность и выставныя странности!.. И что нашли вы въ немъ глубокаго? По крайней-мѣрѣ хоть бы вы не повторяли чужихъ восторговъ.»

*

Рогдаевъ остановилъ своего камердинера, подававшего ему галстухъ, и почти съ испугомъ смотрѣлъ въ глаза своему гостю.

— Возможно ли, баронъ? Вы не вѣруете въ Байрона?

Баронъ захохоталъ.

«Вы, господа, думаете, что всѣ, подобно вамъ, изъ страха быть страшными должны восхищаться самыми нелѣпыми вещами. Что дѣлать! люди могутъ видѣть только маленькій горизонтъ въ пространствѣ; также малъ горизонтъ ихъ и во времени. То, что такъ свято кажется вамъ сегодня, черезъ шестьдесятъ лѣтъ будетъ смѣшно и глупо, и обратно: какъ удивились бы мы, нашедши столько истинно-великаго въ томъ, что едва замѣчаемъ около насъ!.. Придворные Елизаветы и не думали, что трагедіи, представляемыя предъ ихъ равнодушною скукою, будутъ оцѣнены потомствомъ, какъ святое наследство XVII вѣка всѣмъ вѣкамъ будущимъ. Знали ли эти бородатые франты, одѣтые въ бархатъ и золото, что они присутствуютъ при рожденіи всемірнаго театра, потому-что до Шекспира театра не было нигдѣ; а послѣ онъ вмѣстилъ въ себя всѣ вѣка и всѣ народы, всѣ отгѣнки искусства—романъ, поэму, пьесу, философическое разсужденіе! Шекспиръ умеръ, и слава его росла безпрестанно; тысячи комментаторовъ бросились на его сочиненія, раздирая ихъ своими когтями, разлагая химически, разсматривая въ микроскопъ; но никто ничего не

нашелъ на дѣлѣ реторты, потому-что Шекспиръ былъ природа, потому - что гений его упирался корнями въ сердце человѣческое, а вѣтвями въ небо»

— Изъ всего этого не слѣдуетъ, чтобъ Байронъ былъ малъ, потому - что Шекспиръ великъ. Байронъ также былъ непонятъ современниками; его первыя сочиненія разобрали въ Единбургскомъ Обозрѣніи.

«И хорошо сдѣлано. Его *Часы праздности* такъ плохи и посредственны, что, читая ихъ, трудно догадаться, какой человекъ съ дарованіемъ писалъ ихъ,—потому-что Байронъ точно имѣлъ *дарованіе*.»

— Человекъ съ дарованіемъ, поэтъ съ дарованіемъ! . . . Вы можете называть такъ гения, которому удивляется цѣлая Европа! Извините меня, баронъ, но я не думаю, чтобъ вы были такъ горды, такъ упримы въ какихъ-то предразсудкахъ противъ Байрона, чтобъ даже мнѣніе цѣлаго свѣта . . .

«Что касается до мнѣнія свѣта, то я повторяю вамъ, что оно не имѣетъ на меня никакого дѣйствія; въ предразсудкахъ же можетъ быть обвиненъ только тотъ, кто бонется неспровергнуть всѣмъ принятое; слѣдственно въ вашей послѣдней фразѣ есть логическое противорѣчіе: вы обвиняете меня въ предразсудкахъ за то, что у меня нѣтъ предразсудковъ! . . . Но возвратимся къ Байрону: скажите, гдѣ прочли вы, чтобъ онъ не былъ понятъ современниками? И есть ли поэтъ, котораго бы литературная слава была такъ высоко оцѣнена при жизни?»

— А какъ преслѣдовало его Лондонское общество, обличенное имъ въ лицемерной пустотѣ? И даже теперь тамъ несоветѣ умерли традиціи о *несо- стиганнои молодости телослѣ*, о *безпиривствен- ной поэтѣ*, о *лордѣ дурнаго тона*. И вотъ какъ высокая жизнь разсуждала и разсуждаетъ въ этомъ Лондонѣ, который, если имѣетъ какую-ни- будь поэзію, то это со времянь Байрона; въ этомъ обществѣ, непиривведемъ ни одного великаго че- ловѣка (я не говорю о великихъ министрахъ, ко- торые всѣ были люди какой-нибудь исключитель- ной партия)! И вы можете защищать безсильныхъ противниковъ пѣвца Чайльд-Гарольда?

«Все это прекрасно; но я не вижу, почему Лон- донское общество, или правильнѣе, великое обще- ство Англійское виновато въ томъ, что Байронъ былъ безпиривственный юноша, или (что еще хуже) хотѣлъ казаться такимъ. Англичане всѣ признаютъ легкость верификаціи, изящность языка, блескъ выраженія и дюжину довольно глубокихъ идей, болышею-частью занятыхъ имъ у Шекспира, кото- рый бросилъ свѣту любимый поэтъ вашъ; но они не могутъ однакожь не осудить его за ненужныя странности, безъ которыхъ онъ, право, могъ бы обойтись, и которыя ничего не прибавляютъ къ его литературному достоинству.

«Впрочемъ я не берусь судить о Байронѣ какъ о поэтѣ; можетъ быть въ этомъ случаѣ у меня не- достаетъ теплаго чувства, необходимаго при такой оцѣнкѣ. Мнѣ, напримѣръ, всегда казались смѣшны

его корсары, которыхъ «флагъ есть скипетръ, покоряющій все что ни попадаетъ ему на встрѣчу», тогда - какъ настоящіе корсары трепещутъ завидя издали что-нибудь похожее на флагъ Англійскаго Фрегата, и бѣгутъ на всѣхъ парусахъ отъ націи, посреди которой родился поэтъ, такъ краснорѣчиво воспѣвшій ихъ шалости! Война пиратовъ, нападающихъ чаще всего на гораздо слабѣйшаго ихъ непріятеля, грабящихъ купеческіе суда и бѣгущихъ отъ военныхъ кораблей, всегда казалась мнѣ слишкомъ подлюю, чтобъ сдѣлаться предметомъ поэтической повѣсти.

«Чайльдъ-Гарольдъ въ свое время произвелъ сильное впечатлѣніе, оттого - что онъ былъ первый Чайльдъ - Гарольдъ, отъ того, что онъ былъ новостъ; но съ-тѣхъ-поръ у насъ появилось столько Чайльдъ-Гарольдовъ и въ литературѣ и въ обществѣ, что я не знаю, должны ли мы благодарить или проклинать настоящаго, перваго Чайльдъ-Гарольда за то, что онъ расплодилъ на землѣ такое безобразное племя. Байронъ, несмотря на то что хромымъ, былъ ловкій франтъ, который славно умѣлъ писать модные стихи и поэтически повязывать свой галстухъ. Въ 1812 году, когда появились первыя двѣ пѣсни Чайльдъ - Гарольда, разочарованіе было въ большой модѣ. Всѣ были тогда разочарованы, всѣ смотрѣли съ презрѣніемъ на родъ человѣческій; по-крайней-мѣрѣ таково было состояніе умовъ въ Англіи, и быстрота, съ какою политическія событія слѣдовали одно за другимъ, немало способ-

ствовала этому расположенію общества. Байронъ тотчасъ постигъ требованія эпохи и пустился описывать все самымъ разочарованнымъ образомъ; дикое отчаяніе и холодный мизантропизмъ дынать въ каждомъ стихѣ его тогдашнихъ поэмъ, и я вполне отдаю справедливость его проникательности. Разочарованіе поиравилось вѣку уставшему отъ потрясеній революціи и славы Наполеона — и Чарльзъ-Гарольдъ былъ принятъ съ восторгомъ, какъ вѣрное выраженіе господствующей моды въ эту эпоху безстрастія и взаимной недовѣрчивости.

«Далѣе, въ другихъ сочиненіяхъ Байрона столько частной занимательности, что я не понимаю, на примѣръ, что могу такъ долго поддерживать славу Джизура, если не свѣжія извѣстія о Востокахъ, собранныя Байрономъ во время его путешествій по Пелопонезу. Теперь, когда Востокъ намъ слишкомъ извѣстенъ и даже начинаетъ надоедать, неужели вы все будете перечитывать несущественное приключеніе, пересказанное звучными стихами, потому только что эти стихи сильно нравятся тѣмъ, которые привыкли считать ими Байрона за святую вещь, долженствующую вѣчно представляться намъ въ томъ же видѣ? Повѣрьте, господа, придетъ время, и оно близко, когда Байронъ вступитъ для насъ въ категорію прошедшаго, и хотя талантъ его будетъ всегда уважаемъ, но не будетъ уже имѣть на словесность никакого вліянія.

«Не стану говорить о другихъ поэмахъ Байрона: онѣ всѣ ниже ихъ извѣстности; скажу только ми-

моходомъ, что благородный лордъ слишкомъ любилъ присвоивать себѣ чужое, облекая его въ свой изящно-отдѣланный стихъ, и не признавался въ этомъ невинномъ похищеніи. Что такое, напримѣръ, Манфредъ, если не явное подражаніе Фаусту? Первые сцѣны этихъ двухъ поэмъ такъ между собою сходны, это сходство такъ бросается въ глаза всякому кто читаетъ и ту и другую, что я краснѣю за Байрона, когда подумаю сколько незаслуженной славы получилъ онъ въ Англіи, въ этой упрямой, гордой Англіи, которая ничего не читаетъ иностраннаго, переводить еще менѣе, и которую и до-сихъ-поръ надувають ловкіе драматурги, компилируя длинныя комедіи изъ нѣсколькихъ водевилей Скриба и выдавая ихъ за оригинальныя пьесы.»

— Но какъ могъ Байронъ подражать Гётте, не зная ни слова по-Нѣмецки?..

«Эго ничего не доказываетъ. Развѣ услужливый пріятель не могъ сдѣлать ему изустнаго перевода, изъ котораго авторъ Чайльдъ-Гарольда удержалъ въ своей памяти лучшія мѣста и передѣлалъ ихъ въ Англійскіе стихи? И со всеѣмъ тѣмъ Манфредъ далекъ отъ Фауста, какъ всякое подражаніе отъ своего оригинала. Какъ блѣденъ кажется мнѣ, какъ тяжело лордъ Манфредъ съ его земными страстями, съ его порочною любовью къ сестрѣ своей, передъ гигантомъ Фаустомъ, снѣдасмымъ безграничнымъ любопытствомъ, который свято сохранилъ всѣ заповѣди и погибъ отъ духовной гордости! Онъ также былъ влюбленъ, но влюбленъ во вселенную,

влюбленъ въ науку, у которой хочетъ похитить всѣ ея тайны и все могущество. Если въ послѣдствіи любовь къ Маргаритѣ и занимаетъ его существованіе, то это потому - что онъ выпилъ живой воды, которая омолодила его сердце и сдѣлала даниномъ несовершенствъ земной природы. Но и послѣ своего паденія, когда онъ жаждетъ испытать всѣ радости, всѣ страданія человѣка, какъ высокъ Фаустъ и сколько выше онъ чувственнаго Манфреда, у котораго мечта всегда беретъ верхъ надъ созерцаніемъ, земныя привычки надъ величественнымъ безстрастіемъ чародѣя! Когда Манфредъ вызываетъ фею Альпуръ и когда та является надъ водопадомъ во всей красотѣ женской юности, какой необдуманнѣйшій отвѣтъ школьника приготовилъ для нея этотъ колдунъ, вѣроятно привыкшій говорить съ феями, — отвѣтъ достойный напудренного маркиза времени придворныхъ! Фея спрашиваетъ, для чего онъ вызвалъ ее изъ бездны и чего ему отъ нея хочется? «Only to look upon thy beauty, nothing further» отвѣчалъ Манфредъ. Мнѣ кажется, я вижу этого ученаго человѣка какъ онъ ловко кланяется феѣ, граціозно снимаетъ передъ ней шляпу, и назначаетъ свиданіе на будущемъ балѣ Олмакка. Бѣдная фея, стоило ли вызывать тебя изъ воздушныхъ пространствъ, чтобы угостить пошлымъ комплиментомъ! Все, что говоритъ послѣ Манфредъ Альпійской феѣ, не выкупаетъ плоскости этого перваго стиха, которому, должно прибавить, не рѣдко удивляются Англичане, какъ одному изъ гениальнѣйшихъ мѣстъ въ сочиненіяхъ благороднаго лорда.

«Но я общался не касаться литературной славы Байрона, и невольно вдаюсь въ критику—простите моей забывчивости. Въ - самомъ - дѣлѣ, мы оба можемъ ошибиться, рассуждая о Байронѣ, какъ о поэтѣ; я можетъ-быть слишкомъ холоденъ, вы слишкомъ горячи . . .»

— Я горячъ? вскричалъ обидѣвшійся Рогдаевъ, имѣвшій большое притязаніе на холодность.

«Такъ или иначе, но не въ томъ дѣлѣ» продолжалъ баронъ. «Произведенія искусства могутъ часто быть разсматриваемы съ различной точки, смотря по темпераменту или системѣ воспитанія людей, ихъ разбирающихъ. Не то въ области общественности и гражданской добродѣтели: тутъ всѣ образованныя существа *должны* согласиться между собою, обсуживая личный характеръ или частную жизнь, потому - что для отсутствія нравственнаго чувства итъ извиненій ни въ томъ, кто пороченъ, ни въ томъ, кто оправдываетъ или одобряетъ порокъ. Скажите же мнѣ, ради всѣхъ философовъ міра, отъ Сократа до Шеллинга, что находите вы въ жизни Байрона достойнаго удивленія? Конечно, Байрона нельзя упрекнуть ни въ одномъ изъ поступковъ, которые можно положительно назвать низкими или безчестными: онъ никогда не лгалъ, платилъ карточные долги свои, игралъ вообще очень рѣдко и готовъ былъ во всякое время драться на дуэли со всякимъ, кто того пожелаетъ. Но развѣ всего этого довольно, чтобъ быть добродѣтельнымъ?»

— Кто вамъ говорить, что Байронъ былъ добродѣтелемъ?

«Я и не требую отъ него добродѣтели. Но отчего, скажите, поэтъ можетъ избавиться отъ всѣхъ законовъ логики, сбросить съ себя нѣго здраваго смысла, быть пьяницею, обольстителемъ женщинъ, не уважать религій,—и все это простять ему, оттого только, что онъ поэтъ? Я желалъ бы распространить въ обществѣ это правило: что если стихи не могутъ быть оттого дурны, что ихъ писалъ мерзавецъ, съ другой стороны авторъ ихъ все-таки останется мерзавцемъ, какъ бы ни хороши были стихи его. Не нахмуривайте такъ бровей своихъ; послѣднія слова мои нисколько не относятся къ Байрону. Я упрекаю его только въ двухъ вещахъ: въ тщеславіи и совершенномъ недостаткѣ постоянного политическаго и религіознаго мнѣнія.

«Въ первомъ случаѣ мы не нуждаемся въ авторитетахъ. Особенно прочтите записки радикала Ли-Ганта, пріятеля Байронова. Онъ разскажетъ вамъ, съ ѣдкостію свойственною перу его, какъ благородный лордъ часто преувеличивалъ число своихъ побѣдъ надъ сердцами женщинъ; какъ онъ пресерьёзно сердился на одного изъ друзей своихъ за то, что тотъ ѣдиль верхомъ лучше его. Политическаго мнѣнія у него не было никакого. Аристократъ въ душѣ, онъ всю жизнь свою прикидывался либераломъ и вступилъ въ Италію въ общество карбонаровъ, чтобъ довершить этой неприличной шалостью сумму своихъ экецентрическихъ пороковъ.

Всякій знаетъ какъ плоха была его рѣчь, говоренная имъ въ парламентѣ о сожигателяхъ машинъ, и какъ холодно принята она была въ немъ поборниками самыхъ противоположныхъ партій. Какъ человѣкъ государственный, слѣдственно, Байронъ никогда не могъ бы прославиться...

— А Греція, баронъ, Греція! Вы забыли лучший подвигъ Байрона, цѣлую страну, которая свидѣтельствуешь о благородномъ сердцѣ моего поэта, принесшаго въ жертву все что уцѣлѣло у него отъ кораблекрушенія судьбы. Онъ подвинулъ дѣла Греціи болѣе нежели сколько думаютъ, и на его могилѣ распустился цвѣтъ Греческой вольности...

«Тщеславіе и тщеславіе — вотъ пружина всѣхъ дѣйствій Байрона. Скажите, какое достоинство находите вы въ человѣкѣ, который, проживъ половину имѣнія, проживъ здоровье и самую свѣжесть мыслей, умѣлъ воспользоваться послѣднимъ случаемъ, представившимся ему, чтобъ спасти свое доброе имя, и, не имѣя болѣе надежды блистать въ Англіи, поднялся на романтическій подвигъ и умеръ кетати, *à point*, именно когда его стихотворенія начали отзываться усталостью истощеннаго денди, а волосы покрылись преждевременною сѣдиною?»

— Но тщеславіе не дастъ энергіи управлять обстоятельствами. Байронъ, повторю вамъ, оживилъ своимъ присутствіемъ погасающее рвеніе Эллиновъ, и, еслибъ онъ не умеръ, то можетъ-быть сдѣлалъ бы и еще болѣе.

«Повѣрьте мнѣ, Байрону не было суждено вести Грековъ къ побѣдѣ. Кто былъ дурной сынъ, дурной мужъ...»

— Остановитесь, баронъ, я не могу долѣе слушать вашихъ обвиненій; пощадите мое удивленіе къ памяти поэта, котораго имя не умреть въ потомствѣ, тогда-какъ имена его критиковъ будутъ забыты, смяты, перемѣшаны въ мутной волнѣ человѣчества, клубящей въ бездну вѣчности миллионы дюжिनныхъ существованій.

Говоря это, Рогдасъ вскочилъ какъ изступленный; но въ ту же минуту, стыдясь своей запальчивости, снова сѣлъ на диванъ и продолжалъ болѣе спокойнымъ тономъ:

— Разбирая Манфреда, вы сей часъ сравнивали его съ Фаустомъ: желалъ бы я знать, какъ понимаете вы характеръ Мефистофеля?

«Вамъ пора ѣхать» отвѣчалъ съ улыбкой баронъ, вынимая часы. — «Мои немного отстаютъ; теперь должно быть ровно три четверти одиннадцатаго. Прощайте.»

И. Б—въ.

КТО ОНЪ?

Онъ силенъ — какъ буря Алтая;
Онъ мягокъ — какъ влага рѣчная;
Онъ твердь — какъ гранитъ вѣковой.
Онъ вьется — ручьемъ серебристымъ;
Онъ брызжетъ — фонтаномъ огнистымъ;
Онъ льется — кипучей рѣкой.

Онъ гибокъ — какъ трость молодая;
Онъ крынокъ — какъ сталь вороная;
Онъ звученъ — какъ яростный громъ.
Онъ рыщетъ — медвѣдемъ косматымъ;
Онъ скачетъ — оленемъ рогатымъ;
Онъ рѣсетъ подъ тучи — орломъ.

Онъ сладокъ — какъ дѣвы лобзанья;
 Онъ томить — какъ вздохъ ожиданья;
 Онъ неженъ — какъ голосъ любви.
 Онъ блестя — сіяньемъ лазури;
 Онъ дышетъ — дыханіемъ бури;
 Онъ свищетъ — посвистомъ *Ильи* (*).

Онъ легокъ — какъ вѣтеръ пустынный;
 Онъ тяжекъ — какъ мечъ *Славины*;
 Онъ быстръ — какъ налѣтъ казака.
 Въ немъ теней полночной державы . . .
 О гдѣ вы, наперстники славы?
 Гремите! . . . вамъ виемяють вѣка!

(*) *Ильи-Муромца*.

И. Ершовъ.

АРАПЪ ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

(Отрывокъ изъ неконченнаго романа.)

ГЛАВА I.

Въ числѣ молодыхъ людей, отправленныхъ Петромъ Великимъ въ чужіе края для пріобрѣтенія свѣдѣній, необходимыхъ государству преобразованному, находился его крестникъ арапъ Ибрагимъ. Онъ обучался въ Парижскомъ военномъ училищѣ, выпущенъ былъ капитаномъ артиллеріи, отличился въ Испанской войнѣ, и, тяжело раненный, возвратился въ Парижъ. Императоръ посреди обширныхъ своихъ трудовъ не переставалъ освѣдомляться о своемъ любимцѣ и всегда получалъ лестные отзывы насчетъ его успѣховъ и поведенія. Петръ былъ чрезвычайно имъ доволенъ и неоднократно звалъ его въ Россію; но Ибрагимъ не торопился. Онъ отговаривался подъ различными предлогами: то раною, то желаніемъ усовершенствовать свои познанія, то недостаткомъ въ деньгахъ, и ПЕТРЪ

снисходительствовать его просьбамъ, просить заботиться о своемъ здоровьи, благодарить за ревность къ ученію, и, крайне бережливый въ собственныхъ своихъ расходахъ, не жалеть для него своей казны, присовокупляя къ червоицамъ отеческіе совѣты и предостерегательныя наставленія.

По свидѣтельству всѣхъ историческихъ записокъ, ничто не могло сравниться съ легкомысліемъ, безумствомъ и роскошью Французовъ того времени. Последніе годы царствованія Людовика XIV, ознаменованные строгой набожностію, важностію и приличіемъ двора, не оставили никакихъ слѣдовъ. Герцогъ Орлеанскій, соединяя многія блестящія качества съ пороками великаго рода, къ несчастію не имѣлъ и тѣхъ лицемѣрій. Оргіи Пале-Рояля не были тайною для Париза; примѣръ былъ заразителенъ. На ту пору явился Лаву; алчность къ деньгамъ соединилась съ каждою наслажденіемъ и разсѣянностію; имѣнія исчезали, нравственность гибла; Французы смѣлились и рассчитывали, и государство распадалось подъ игрище принѣвы сатирическихъ водевилей.

Между-тѣмъ общества представляли картину самую занимательную. Образованность и потребность веселиться сблизили всѣ сословія. Богатство, любовь, слава, таланты, самая странность — все что подавало пищу любопытству или обѣщало удовольствіе, было принято съ одинаковой благосклонностію. Литература, ученость и философія оставили

тихій свой кабинетъ и являлись въ кругу большаго свѣта угождать модѣ, управляя ея мнѣніями. Женщины дѣрзствовали, но уже не требовали обожанія. Поверхностная вѣжливость замѣнила глубокое почтеніе. Проказы герцога Риншельё, Аликвида новѣйшихъ Аоніи, принадлежать исторіи и даютъ понятіе о правахъ сего времени.

*Tems fortuné, marqué par la licence,
Où la folie agitant son grelot
D'un pied léger parcourt toute la France,
Où nul mortel ne daigne être dévot,
Où l'on fait tout excepté penitence.*

Появленіе Ибрагима, его наружность, образованность и природный умъ возбудили въ Парижѣ общее вниманіе. Всѣ дамы желили видѣть у себя *le negre du Czar*, и ловили его наперехватъ. Регентъ приглашалъ его неразъ на свои веселые вечера; онъ присутствовалъ на ужинахъ, одушевленныхъ молодостію Аруэта и старостію Шомье, разговорами Монтеस्कье и Фонтенеля; не пропускалъ ни одного бала, ни одного праздника, ни одного перваго представленія, и предавался общему вихрю со всею пылкостью своихъ лѣтъ и своей породы. Но мысль промѣнять это разсѣяніе, эти блестящія забавы на простоту Петербургскаго двора не одна ужасала Ибрагима: другія, сильнѣйшія узы привязывали его къ Парижу. Молодой Африканецъ любилъ

Графиня L., уже не въ первомъ цвѣтѣ лѣтъ, славилась еще своею красотою. Семнадцати лѣтъ, при

выходѣ ея изъ монастыря, выдали ее за человека, котораго она не успѣла полюбить и который впоследствии никогда о томъ не заботился. Молва приписывала ей любовниковъ, но по снисходительному уложенію свѣта, она пользовалась добрымъ именемъ, ибо нельзя было упрекнуть ее въ какомъ-нибудь смѣшномъ или соблазнительномъ приключеніи. Домъ ея былъ самый модный: у ней соединялось лучшее Парижское общество. Ибрагима представилъ ей молодой Мервиль, нечитаемый вообще посаднымъ ея любовникомъ, что и старался онъ дать почувствовать всеми способами.

Графиня приняла Ибрагима учтиво, но безъ всякаго особеннаго вниманія: это польстило ему. Обыкновенно смѣтрѣли на молодого негра какъ на чудо, окружали его, осыпали приветствіями и вопросами, и это любопытство, хотя и прикрытое видомъ благосклонности, оскорбляло его самолюбіе. Сладостное вниманіе женщинъ, почти единственная цѣль нашихъ усилій, не только не радовало его, но даже исполняло горечью и негодованіемъ. Онъ чувствовалъ, что онъ для нихъ родъ какого-то рѣдкаго звѣря, творенія особеннаго чуждаго, случайно перенесеннаго въ міръ, не имѣющій съ нимъ ничего общаго. Онъ даже завидовалъ людямъ нѣкъмъ незамѣченнымъ и почиталъ ихъ ничтожествомъ благополучіемъ.

Мысль, что природа не создала его для взаимной страсти, избавила его отъ самонадѣянности и притязаній самолюбія, что придавало рѣдкую пре-

лестъ обращенію его съ женщинами. Разговоръ его былъ простъ и важенъ; онъ поправился графинѣ Л., которой надобно важныя шутки и тонкіе намеки Французскаго остроумія. Ибрагимъ часто бывалъ у ней. Мало по малу она привыкла къ наружности молодого негра и даже стала находить что-то пріятное въ этой курчавой головѣ, чернящейся посреди пудренныхъ париковъ ея гостиней (Ибрагимъ былъ раненъ въ голову и вмѣсто парика носилъ повязку). Ему было 27 лѣтъ отроду; онъ былъ высокъ и строенъ, и не одна красавица заглядывалась на него съ чувствомъ болѣе лестнымъ, нежели простое любопытство; но предубѣжденный Ибрагимъ или ничего не замѣчалъ, или видѣлъ одно лишь кокетство. Когда же взоры его встрѣчались со взорами графини, недовѣрчивость его исчезала. Ея глаза выражали такое милое добродушіе, ея обхожденіе съ нимъ было такъ просто, такъ неприпужденно, что невозможно было въ ней подозрѣвать ни тѣни кокетства ни насмѣшливости.

Любовь не приходила ему на умъ, а уже видѣть графиню каждый день было для него необходимо. Онъ повсюду искалъ ея встрѣчи, и встрѣча съ нею казалась ему каждый разъ неожиданной милостію неба. Графиня, прежде чѣмъ онъ самъ, угадала его чувства. Что ни говори, а любовь безъ надеждъ и требованій трогаетъ сердце женское вѣрнѣ всѣхъ разсчетовъ обоимъ. Въ присутствіи Ибрагима, графиня слѣдовала за всѣми его движеніями, вслушивалась во всѣ его рѣчи; безъ него она задумывалась и впадала въ обыкновенную свою разсѣян-

ность. Мервиль первый замѣтилъ эту взаимную склонность, и поздравилъ Ибрагима. Ничто такъ не воспламеняетъ любви, какъ ободрительное замѣчаніе посторонняго; любовь слѣпа и, не довѣря самой себѣ, торопливо хватается за всякую опору.

Слова Мервиля пробудили Ибрагима. Возможность обладать любимой женщиной доселѣ не представлялась его воображенію; надежда вдругъ озарилла его душу; онъ влюбился безъ памяти. Напрасно графиня, испуганная изступленіемъ его страсти, хотѣла прогнать ея увѣщанія дружбы и совѣты благоразумія: она сама ослабѣвала...

Ничто не скрывается отъ взоровъ наблюдательнаго свѣта. Новая связь графини стала скоро всеобщѣ извѣстна. Нѣкоторыя дамы изумлялись ея выбору, многимъ казался онъ очень естественнымъ. Однѣ смѣялись, другія видѣли съ ея стороны простительную неосторожность. Въ первомъ уносѣ страсти Ибрагимъ и графиня ничего не замѣчали; но вскорѣ двусмысленныя шутки мужчинъ и колкія замѣчанія женщинъ стали до нихъ доходить. Важное и холодное обращеніе Ибрагима доселѣ ограждало его отъ подобныхъ нападеній; онъ выносилъ ихъ истерпѣливо и не зналъ чѣмъ отразить. Графиня, привыкшая къ уваженію свѣта, не могла хладнокровно видѣть себя предметомъ сплетней и насмѣшекъ. Она то со слезами жаловалась Ибрагиму, то горько упрекала его, то умоляла за нее не вступаться, чтобъ напраснымъ шумомъ не погубить ея совершенно.

Новое обстоятельство еще болѣе занутило ея положеніе: обнаружилось слѣдствіе неосторожной любви. Графиня съ отчаяніемъ объявила о томъ Ибрагиму. Утѣшенія, совѣты, предложенія — все было истощено и все отвергнуто. Графиня видѣла неминуемую гибель и съ отчаяніемъ ожидала ее.

Какъ скоро положеніе графини стало извѣстно толки начались съ новою силою; чувствительныя дамы ахали отъ ужаса, мужчины бились объ закладъ, кого родить графиня: благоли или чернаго ребенка. Эпиграммы сыпались насчетъ ея мужа, который одинъ во всемъ Парижѣ ничего не зналъ и ничего не подозрѣвать.

Роковая минута приближалась. Состояніе графини было ужасно. Ибрагимъ каждый день былъ у нея. Онъ видѣлъ какъ силы душевныя и тѣлесныя постепенно въ ней исчезали. Ея слезы, ея ужасъ возобновлялись поминутно. Наконецъ она почувствовала первыя муки. Мѣры были приняты наскоро. Графа нашли способъ удалить. Докторъ пріѣхалъ. Два дня передъ симъ уговорили бѣдную женщину уступить въ чужія руки новорожденнаго своего младенца: за нимъ послали повѣреннаго. Ибрагимъ находился въ кабинетѣ близъ самой спальни, гдѣ лежала несчастная графиня. Не смѣя дышать, онъ слышалъ ея глухія стenanья, шопотъ служанки и приказанья доктора. Она мучилась долго. Каждый стонъ ея раздиралъ его душу, каждый промежу-

токъ молчанія обливаетъ его ужасомъ.... Вдругъ онъ услышалъ слабый крикъ ребенка, и, не имѣя силы удержать своего восторга, бросился въ комнату графини.... Черный младенецъ лежалъ на постелѣ въ ея ногахъ. Ибрагимъ къ нему приблизился. Сердце его билось сильно. Онъ благословилъ сына дрожащею рукою. Графиня слабо улыбнулась и протянула ему слабую руку... но докторъ, опасаясь для больной слишкомъ сильныхъ потрясеній, оттащилъ Ибрагима отъ ея постели. Поворожденнаго положили въ крытую корзину и вынесли изъ дому по потаенной лѣстницѣ. Принесли другаго ребенка и поставили его колыбель въ спальнѣ. Ибрагимъ уѣхалъ немного успокоенный. Ждали графа. Онъ возвратился поздно, узналъ о счастливомъ разрѣшеніи супруги и былъ очень доволенъ. Такимъ образомъ публика, ожидавшая соблазнительнаго шума, обманулась въ своей надеждѣ и была принуждена утѣшиться единымъ злословіемъ. Все вошло въ обыкновенный порядокъ.

Но Ибрагимъ чувствовалъ, что судьба его должна была перемениться, и что связь его рано или поздно могла дойти до свѣдѣнія графа L. Въ такомъ случаѣ, что бы ни произошло, погибель графини была неизбежна. Ибрагимъ любилъ страстно и также былъ любимъ; но графиня была своенравна и легкомысленна; она любила не въ первый разъ. Отвращеніе, ненависть могли замѣнить въ ея сердцѣ чувства самыя нѣжныя. Ибрагимъ предвидѣлъ уже минуточку охлажденія; доселѣ онъ не вѣдалъ

ревности, но съ ужасомъ се предчувствовать; онъ воображалъ, что сграданія разлуки должны быть мѣнѣе мучительны, и уже намѣревался разорвать несчастную связь, оставить Парижъ, и отправиться въ Россію, куда давно призывали его и Петръ и темное чувство собственнаго долга

ГЛАВА II.

Дни, мѣсяцы проходили — и влюбленный Ибрагимъ не могъ рѣшиться оставить женщину, обольщенную имъ. Графиня часъ-отъ-часу болѣе къ нему привязывалась. Сынь ихъ воспитывался въ отдаленной провинціи. Силетни свѣта стали утихать, и любовники начинали наслаждаться бѣльшимъ спокойствіемъ, молча помня минувшую бурю и стараясь не думать о будущемъ.

Однажды Ибрагимъ былъ у выхода герцога Орлеанскаго. Герцогъ, проходя мимо его, остановился и, вручивъ ему письмо, приказалъ прочесть на досугѣ. Это было письмо Петра I. Государь, угадывая истинную причину его отсутствія, писалъ герцогу, что онъ ни въ чемъ неволить Ибрагима не намѣренъ, что предоставляетъ его доброй волѣ возвратиться въ Россію или нѣтъ; но что во всякомъ случаѣ онъ никогда не оставитъ прежняго своего питомца. Это письмо тронуло Ибрагима до глубины

шы сердца. Съ той минуты участь его была рѣшена: на другой день онъ объявилъ регенту свое намѣреніе немедленно отіраться въ Россію. «Подумайте о томъ, что дѣлаете» сказалъ ему герцогъ: «Россія не есть ваше отечество; не думаю, чтобъ вамъ когда-нибудь удалось опять увидѣть знойную вану родины; но ваше долгоевременное пребываніе во Франціи сдѣлало васъ равно чуждымъ климату и образу жизни полудикой Россіи. Вы не родились подданнымъ Петра. Повѣрьте мнѣ: воспользуйтесь его великодушнымъ позволеніемъ, оставайтесь во Франціи, за которую вы уже проливали кровь, и будьте увѣрены, что и здѣсь ваши заслуги и дарованія не останутся безъ достойнаго вознагражденія.» Ибрагимъ искренно благодарилъ герцога, но остался твердъ въ своемъ намѣреніи. «Жалью» сказалъ ему регентъ: «но впрочемъ вы правы.» Онъ объявилъ ему отставку и написалъ обо всемъ Русскому Царю.

Ибрагимъ скоро собрался въ дорогу. Наканунъ своего отъѣзда провелъ онъ, по-обыкновенію, вечеръ у графини L. Она ничего не знала. Ибрагимъ не имѣлъ духа ей открыться. Графиня была спокойна и весела. Она нѣсколько разъ подзывала его къ себѣ и шутила надъ его задумчивостію. Послѣ ужина всѣ разѣхались. Остался въ гостиной графиня, ея мужъ, да Ибрагимъ. Несчастный отдасть бы все на свѣтъ, чтобъ только остаться съ нею наединѣ, но графъ L., казалося, расположился у камина такъ спокойно, что нельзя было надѣяться

выжить его изъ комнаты. Всѣ трое молчали. «Bonne nuit» сказала наконецъ графиня. Сердце Ибрагима стѣснилось и вдругъ почувствовало всѣ ужасы разлуки. Онъ стоялъ неподвижно. «Bonne nuit, messieurs,» повторила графиня. Онъ все не двигался.... Наконецъ глаза его потемнѣли, голова закружилась, онъ едва могъ выдти изъ комнаты. Пріѣхавъ домой, онъ почти въ безпамятствѣ написалъ слѣдующее письмо.

«Я ѣду, милая Леонора, оставляю тебя навсегда. Пишу тебѣ, потому-что не имѣю силъ иначе съ тобою объясниться.

«Счастье мое не могло продолжаться: я наслаждался имъ вопреки судьбѣ и природѣ. Ты должна была меня разлюбить, очарованіе должно было исчезнуть. Эта мысль меня всегда преслѣдовала, даже въ тѣ минуты, когда, казалось, забывалъ я все, когда у твоихъ ногъ упивался я твоимъ страстнымъ самоотверженіемъ, твоею неограниченною нѣжностію.... Легкомысленный свѣтъ безпощадно гонитъ на самомъ дѣлѣ то, что позволяетъ въ теоріи: его холодная насмѣшливость рано или поздно побѣдила бы тебя, смирила бы твою пламенную душу, и ты наконецъ устыдилась бы своей страсти.... Чтѣ было бы тогда со мною? Нѣтъ, лучше умереть, лучше оставить тебя прежде ужасной этой минуты...

«Твое спокойствіе мнѣ всего дороже: ты не могла имъ наслаждаться, пока взоры свѣта были на насъ устремлены. Вспомни все чтѣ ты вытерпѣла;

всѣ оскорбленія самолюбія, всѣ мученія болѣзни, вступи въ ужасное рожденіе нашего сына. Подумай: долженъ ли я, подвергать тебя долѣе тѣмъ же волненіямъ и опасностямъ? Зачѣмъ силиться соединить судьбу столь нѣжнаго, прекраснаго созданія съ бѣдственной судьбою негра, жалкаго творенія, едва удостоиваемаго названія человека?

«Прости, Леонора, прости, милый, единственный другъ. Оставляя тебя, оставляю первая и послѣдняя радости моей жизни. Не имѣю ни отечества, ни близкихъ; ѣду въ Россію, гдѣ мнѣ отрадою будетъ мое совершенное уединеніе. Строгія занятія, которымъ отнынѣ предаюсь, если не заглушать, то по крайней мѣрѣ будутъ развлекать мучительныя воспоминанія о дняхъ восторговъ и блаженства.... Прости, Леонора! Отрываюсь отъ этого письма, какъ-будто изъ твоихъ объятій. Прости, будь счастлива и думай иногда о бѣдномъ негрѣ, о твоёмъ вѣрномъ Ибрагимѣ.»

Въ ту же ночь онъ отправился въ Россію.

Путешествіе не показалось ему столь ужасно, какъ онъ того ожидалъ. Воображеніе его восторжествовало надъ существенностію. Чѣмъ болѣе удалялся онъ отъ Парижа, тѣмъ живѣе, тѣмъ ближе представлялъ онъ себѣ предметы, имъ покидаемыя навѣкъ.

Нечувствительнымъ образомъ отутлился онъ на Русской границѣ. Осень уже наступала; но ямщики, несмотря на дурную дорогу, взяли его съ бы

стротою вѣтра, и въ 17 дней своего путешествія прибылъ онъ утромъ въ Красное-Село, чрезъ которое шла тогдашняя большая дорога.

Оставалось 28 верстъ до Петербурга. Пока закладывали лошадей, Ибрагимъ вошелъ въ ямскую избу. Въ углу человекъ высокаго роста, въ зеленомъ кафтанѣ, съ глиняною трубкою во рту, облокотясь на столъ, читалъ Гамбургскія газеты. Услышавъ что кто-то вошелъ, онъ поднялъ голову. «Ба, Ибрагимъ!» закричалъ онъ, вставая съ лавки: «здорово, крестникъ.» Ибрагимъ узналъ Петра, въ радости къ нему бросился, но почтительно остановился. Государь приближился, обнялъ его и поцѣловалъ въ голову. «Я былъ предувѣдомленъ о твоёмъ прїѣздѣ» сказалъ Петръ: «и поѣхалъ тебѣ на встрѣчу. Жду тебя здѣсь со вчерашняго дня.» Ибрагимъ не находилъ словъ для изъявленія своей благодарности. «Вели же» продолжалъ государь «твою повозку везти за нами, а самъ садись со мною и поѣдемъ ко мнѣ.» Подали государеву коляску; онъ сѣлъ съ Ибрагимомъ, и они поскакали. Чрезъ полтора часа они прїѣхали въ Петербургъ. Ибрагимъ съ любопытствомъ смотрѣлъ на новорожденную столицу, которая подымалась изъ болота по манію своего государя. Обнаженные плотины, каналы безъ набережной, деревянные мосты повсюду являли недавнюю побѣду человѣческой воли надъ сопротивленіемъ стихій. Дома казались наскоро построены. Во всемъ городѣ не было ничего великолѣпнаго, кромѣ Невы, не украшенной еще гранитною рамою, но уже покрытой военными и торговыми судами. Государева коляска остановилась

у дворца, т. е. Царицына-Сада. На крыльцѣ встрѣтила Петра женщина лѣтъ 35-ти, прекрасная собою, одѣтая по послѣдней Парижской модѣ. Петръ поцѣловалъ ее, и, взявъ Ибрагима за руку, сказалъ: «узнала ли ты, Катинька, моего крестника? прошу любить и жаловать его по-прежнему». Екатерина устремила на него черные, пронизательные глаза и благосклонно протянула ему руку. Дѣв юныя красавицы, высокія, стройныя, свѣжія какъ розы, стояли за нею и почтительно приблизились къ Петру. «Лиза» сказала онѣ одной изъ нихъ: «помнишь ли ты маленькаго арана, который для тебя крамъ у меня яблоки въ Ораніенбаумъ? Вотъ онѣ, представляю тебѣ его». Великая княжна засмѣялась и покраснѣла. Пошли въ столовую. Въ ожиданіи государя, столъ былъ накрытъ. Петръ со всемъ семействомъ сѣлъ обѣдать, пригласивъ и Ибрагима. Во время обѣда государь съ нимъ разговаривалъ о разныхъ предметахъ, разспрашивалъ его о Испанской войнѣ, о внутреннихъ дѣлахъ Франціи, о регентѣ, котораго онѣ любилъ, хотя и осуждалъ въ немъ многое. Ибрагимъ отличался умомъ точнымъ и наблюдательнымъ; Петръ былъ очень доволенъ его отвѣтами; онѣ вспомнилъ нѣкоторыя черты Ибрагимова младенчества и разсказывалъ ихъ съ такимъ добродушіемъ и веселостію, что никто въ ласковомъ и гостепріимномъ хозяинѣ не могъ бы подозрѣвать героя Полтавскаго, могучаго и грознаго преобразователя Россіи.

Послѣ обѣда, государь, по Русскому обыкновению, поцѣль отдохнуть. Ибрагимъ остался съ Имъ

ператрицей и великими князьями. Онъ старался удовлетворить ихъ любопытству, описывать образъ Парижской жизни, тамошніе праздники и своеобразныя моды. Между-тѣмъ нѣкоторые изъ особъ приближенныхъ къ государю, собрались во дворецъ. Обратимъ узнать великодушнаго князя Меникова, который, увидя арана, разговаривающаго съ Екатериной, гордо на него покосился; князя Якова Долгорукаго, крутаго совѣтника Петра, ученаго Брюса, прослышнаго въ народѣ Русскимъ Фаустомъ; молодаго Рагузинскаго, бывшаго своего товарища, и другихъ, пришедшихъ къ государю съ докладами и за приказаніями.

Государь въпиесть часа черезъ два. «Посмотримъ» сказалъ Онъ Ибрагиму: «не позабылъ ли ты своей старой должности. Возьми-ка аспидную доску да ступай за мною.» Петръ заперся въ токарнѣ и занялся государственными дѣлами. Онъ по-очереди работалъ съ Брюсомъ, съ княземъ Долгорукимъ, съ генералъ-полицейстеромъ Девіеромъ, и продиктовалъ Ибрагиму нѣсколько указовъ и рѣшеній. Ибрагимъ не могъ надивиться быстрому и твердому его разуму, силѣ и гибкости вниманія и разнообразію дѣятельности. По окончаніи трудовъ, Петръ вынулъ карманную книжку, дабы справиться все ли имъ предполагаемое на сей день исполнено. Потомъ, выходя изъ токарни, сказалъ Ибрагиму: «ужь поздно; ты, я чай, усталъ: почуй здѣсь, какъ было въ старину; завтра я тебя разбужу.»

Ибрагимъ, оставшись наединѣ, едва могъ опомниться. Онъ находился въ Петербургѣ; онъ видѣлъ вновь великаго человѣка, близъ котораго, еще не зная ему цѣны, провелъ онъ свое младенчество. Почти съ раскаяніемъ признавался онъ въ душѣ своей, что графиня Л., въ первый разъ послѣ разлуки, не была во весь день единственной его мыслию. Онъ увидѣлъ, что новый образъ жизни, ожидающій его, дѣятельность и постоянныя занятія могутъ оживить его душу, утомленную страстями, праздностію и тайнымъ уныніемъ. Мысль быть сподвижникомъ великаго человѣка и совокупно съ нимъ дѣйствовать на судьбу великаго народа, возбудила въ немъ въ первый разъ благородное чувство честолюбія. Въ семъ расположеніи духа, онъ легъ въ приготовленную для него походную постель, и тогда привычное сновидѣніе перенесло его въ дальній Парижъ, въ объятія милой графини.

ГЛАВА III.

На другой день Петръ, по своему обѣщанію, разбудилъ Ибрагима и поздравилъ его капитанъ-лейтенантомъ бомбандирской роты Преображенскаго полка, въ коей онъ самъ былъ капитаномъ. Придворные окружили Ибрагима, всякой по своему стараясь обласкать новаго любимца. Надменный князь Меншиковъ дружески пожалъ ему руку; Шереметевъ осведомился о своихъ Парижскихъ знакомыхъ, а

Головинъ позвалъ обѣдать. Сему послѣднему примѣру послѣдовали и прочіе, такъ-что Ибрагимъ получилъ приглашеній по-крайней-мѣрѣ на цѣлый мѣсяць.

Ибрагимъ проводилъ дни однообразные, но дѣятельные, слѣдственно не зная скуки. Онъ день-отодня болѣе привязывался къ государю, лучше постигалъ его высокую душу. Слѣдовать за мыслями великаго человѣка есть наука самая занимательная. Ибрагимъ видалъ Петра въ сенатѣ, оснашиваемого Бутурлинымъ и Долгорукимъ, разбирающаго важныя запросы законодательства; въ адмиралтейской коллегіи, утверждающаго морское величіе Россіи; въ часы отдохновенія видалъ его съ Теофаномъ Гавриловичемъ Бужинскимъ и Кошечичемъ, рассматривающаго переводы иностранныхъ публицистовъ, или посѣщающаго фабрику купца, рабочую ремесленника и кабинетъ ученаго. Россія представлялась Ибрагиму огромной мастерскою, гдѣ движутся одиѣ машины, гдѣ каждый работникъ, подчиненный заведенному порядку, занятъ своимъ дѣломъ. Онъ почиталъ и себя обязаннымъ трудиться у собственнаго станка и старался какъ можно менѣе сожалѣть объ увеселеніяхъ Парижской жизни. Труднѣе было ему удалитъ отъ себя другое, милое воспоминаніе: часто думалъ онъ о графинѣ L., воображалъ справедливое негодованіе, слезы ея.... Но иногда мысль ужасная стѣсняла его грудь: разсѣяніе большаго свѣта, новая связь, другой счастливецъ — онъ содрогался; ревность пачинала бурлить въ Африканской его крови, и горячія слезы готовы были течь по его черному лицу.

Однажды утромъ сидѣлъ онъ въ своемъ кабинетѣ, окруженный дѣловыми бумагами, какъ вдругъ услышалъ громкое привѣтствіе на Французскомъ языкѣ. Ибрагимъ съ живостію оборотился, и молодой К., котораго оставилъ онъ въ Парижѣ, въ вихрь большого свѣта, обнявъ его съ радостными восклицаніями. «Я сейчасъ только пріѣхалъ» сказалъ К.: «и прямо пріѣхалъ къ тебѣ. Все наши Парижскіе знакомые тебѣ кланяются, жалуются о твоёмъ отсутствіи? Графиня Л. велѣла звать тебя непременно, и вотъ тебѣ отъ нея письмо.» Ибрагимъ схватилъ его съ трепетомъ и смотрѣлъ на знакомый почеркъ надписи, не смѣя вѣрить своимъ глазамъ. «Какъ я радъ» продолжалъ К., «что ты еще не умеръ со скуки въ этомъ варварскомъ Петербургѣ! Что здѣсь дѣлаютъ? чѣмъ занимаются? кто твой портной заведенъ ли у васъ хоть опера?» Ибрагимъ въ разсѣяніи отвѣчалъ, что вѣроятно государь работаетъ теперь на корабельной верфи. К. засмѣялся. «Вижу» сказалъ онъ «что тебѣ теперь не до меня; въ другое время наговоримся до-сыта, тѣду представляться государю.» Съ этимъ словомъ онъ перевернулся на одной ножкѣ и выбѣжалъ изъ комнаты.

Ибрагимъ, оставшись наединѣ, поспѣшно распечаталъ письмо. Графиня нѣжно ему жаловалась, упрямая его въ притворствѣ и недовѣрчивости. «Ты говоришь» писала она «что мое спокойствіе дороже тебѣ всего на свѣтѣ. Ибрагимъ! еслибъ это была правда, могъ ли бы ты подвергнуть меня состоянію, въ которое привела меня печальная вѣсть о твоёмъ

отъѣздѣ? Ты боялся, чтобъ я тебя не удержала. Будь увѣренъ, что, несмотря на мою любовь, я умѣла бы его пожертвовать твоему благополучію и тому, что считаешь ты своимъ долгомъ.» Графиня заключала письмо страстными увѣреніями въ любви и заклинала его хоть изрѣдка ей писать, если уже не было для нихъ надежды снова свидѣться когда-нибудь.

Ибрагимъ двадцать разъ перечелъ это письмо, съ восторгомъ цѣлуя безцѣпныя строки. Онъ горѣлъ нетерпѣніемъ услышать что-нибудь объ графинѣ, и собрался ѣхать въ адмиралтейство, надѣясь тамъ застать еще К.; но дверь отворилась, и самъ К. явился опять. Онъ уже представлялся государю—и, по своему обыкновенію, казался очень собою доволенъ. «Entre nous» сказалъ онъ Ибрагиму «государь пристрастный человѣкъ; вообрази, что я засталъ его въ какой-то холстяной фуфайкѣ, на мачтѣ новаго корабля, куда принужденъ я былъ карабкаться съ моими денщиками. Я стоялъ на веревочной лѣстницѣ и не имѣлъ довольно мѣста, чтобъ сдѣлать приличный реверансъ, и совершенно замѣшался, чего отроду со мною не случалось. Однакожь государь, прочитавъ бумаги, посмотрѣвъ на меня съ головы до ногъ, и вѣроятно быть пріятно пораженъ вкусомъ и щегольствомъ моего наряда; по-крайней-мѣрѣ онъ улыбнулся и позвалъ меня на сегодняшнюю ассамблею. Но я въ Петербургѣ совершенный чужестранецъ; во время шестилѣтняго отсутствія я вовсе позабылъ здѣшнія обыкновенія:

пожалуйста будь моимъ менторомъ, заѣжай за мной и представь меня. Ибрагимъ согласился и сѣвильиъ обратить разговоръ къ предмету болѣе для него занимательному. «Ну, что графиня L?» «Графиня? Она, разумѣется, сначала очень была огорчена твоимъ отъездомъ; потомъ, разумѣется, мало-по-малу утѣшилась и взяла себѣ новаго любовника; знаешь кого? длиннаго маркиза R. Что же ты вытаращить свои арабскіе бѣлки? или это кажется тебѣ страннымъ? развѣ ты не знаешь, что долгая печаль не въ природѣ человѣческой, особенно женской? Подумай объ этомъ хорошенько, а я пойду отдохну съ дороги; не забудь же за мной заѣхать.»

Какія чувства наполнили душу Ибрагима! Ревность? бѣшенство? отчаяніе? нѣтъ; но глубокое, стѣсненное участіе. Онъ повторялъ себѣ: это должно было случиться. Потомъ открылъ письмо графини, перечелъ его снова, повѣсилъ голову и горько заплакалъ. Онъ плакалъ долго. Слезы облегчили его сердце. Посмотрѣвъ на часы, увидѣлъ онъ, что время ѣхать; Ибрагимъ былъ бы очень радъ избавиться; но ассамблея было дѣло должностное, и государь строго требовалъ присутствія своихъ приближенныхъ. Онъ одѣлся и поѣхалъ за K.

K. сидѣлъ въ шлафрокѣ, читая Французскую книгу. «Такъ рано?» сказалъ онъ Ибрагиму, увидя его. «Помилуй!» отвѣчалъ тотъ: «ужь половина шестаго, мы опоздаемъ; скорѣй одѣвайся и поѣдемъ.» K. засуетился, сталъ звонить изъ всей мочи, люди сбѣжались; онъ сталъ поспѣшно одѣваться. Французъ

каммердинеръ подать ему башмаки съ красными каблуками, голубые бархатные штаны, розовый кафтанъ шитый блестками; въ передней наскоро пудрили парикъ, его принесли, К. всунуть въ него стриженую голову, потребовалъ шагу и перчатки, разъ десять перевернулся передъ зеркаломъ и объявилъ Ибрагиму, что онъ готовъ. Гайдуки подали имъ медвѣжи шубы и они поѣхали въ Зимній-Дворецъ.

К. осматривалъ Ибрагима вопросами: кто въ Петербургѣ первая красавица? кто славится первымъ танцовщикомъ? какой танецъ нынче въ модѣ? Ибрагимъ весьма неохотно удовлетворялъ его любопытству. Между-тѣмъ они подъѣхали ко дворцу. Множество длинныхъ саней, старыхъ колымагъ и раззолоченныхъ каретъ стояло уже на лугу. У крыльца толпились кучера въ ливреѣ и въ усахъ; скороходы, блистающіе мишурою, въ перьяхъ и съ булавами; гусары, пажы, неуклюжіе гайдуки, навьюченные шубами и муфтами своихъ господъ: свита необходимая по понятіямъ бояръ того времени. При видѣ Ибрагима поднялся между ими общій шонотъ: арапъ, арапъ, царскій арапъ! Онъ поскорѣе провелъ К. сквозь эту пеструю челядь. Придворный лакей отворилъ имъ двери настижъ, и они вошли въ залу. К. остолебнѣлъ . . . Въ большой комнатѣ, освѣщенной салными свѣчами, которыхъ тускло горѣли въ облакахъ табачнаго дыма, вельможы съ голубыми лентами черезъ плечо, посланники, иностранные купцы, офицеры гвардіи въ зеленыхъ мундирахъ, корабельные мастера въ курткахъ

и полосатыхъ панталонахъ толпою двигались взадъ и впередъ при непрерывномъ звукѣ музыки. Дамы сидѣли около стѣнъ; молодыя блистали всею роскошью моды. Золото и серебро блистало на ихъ робахъ; изъ пышныхъ фижмъ возвышалась какъ стебель ихъ узкая талія; алмазы блистали въ ушахъ, въ длинныхъ локонахъ и около шеи. Онѣ весело повертывались направо и налево, ожидала кавалеровъ и начала танцевъ. Барыни пожимая старались хитро сочетать новый образъ одежды съ гонимой старинною: чепцы сбивались на соболью шапочку Царицы Наталы Кирилловны, а роборонды и мангильи какъ-то напоминали сарафанъ и дунегрѣйку. Казалось, онѣ болѣе съ удивленіемъ, чѣмъ съ удовольствіемъ присутствовали на сихъ нововведенныхъ игрищахъ, и съ досадою косились на женъ и дочерей Голландскихъ шкиперовъ, которыя въ кашнефасныхъ юбкахъ и въ красныхъ кофточкахъ вязали свой чулокъ, между собою смѣясь и разговаривая, какъ-будто дома. Замѣтя новыхъ гостей, слуга подошелъ къ нимъ съ нивомъ и стаканами на подносѣ. К. не могъ опомниться. «Que diable est ce que tout cela?» спрашивалъ К. вполголоса у Ибрагима. Ибрагимъ не могъ не улыбнуться. Императрица и Великія Княжны, блистая красотою и нарядами, прохаживались между рядами гостей, привѣтливо съ ними разговаривая. Государь былъ въ другой комнатѣ. К., желая ему показаться, насилью могъ туда пробраться сквозь безпрестанно-движущуюся толпу. Тамъ сидѣли большою частію иностранцы, важно покуривая свои глиняныя трубки и опорожни-

вая глиняныя кружки. На столахъ разставлены были бутылки пива и вина, кожаные мѣшки съ табакомъ, стаканы съ пуншемъ и шахматныя доски. За однимъ изъ нихъ Петръ игралъ въ шашки съ однимъ широкоплечимъ Англійскимъ шкиперомъ. Они усердно салютовали другъ друга запыми табачнаго дыма. Государь такъ былъ озадаченъ печальнымъ ходомъ своего противника, что не замѣтилъ К., какъ онъ около нихъ ни вертѣлся. Въ это время толстый господинъ, съ толстымъ букетомъ на груди, суетливо вошелъ, объявивъ громогласно, что танцы начались, и тотчасъ ушелъ; за нимъ последовало множество гостей, въ томъ числѣ и К.

Неожиданное зрѣлище его поразило. Во всю длину танцевальной залы, при звукѣ самой плачевной музыки, дамы и кавалеры стояли въ два ряда другъ противъ друга, кавалеры низко кланялись, дамы еще ниже присѣдали, сперва прямо противъ себя, потомъ поворотясь направо, потомъ лѣво тамъ опять прямо, опять направо, и такъ далѣе. К., смотря на сіе затѣйливое препровожденіе времени, таранилъ глаза и кусалъ себѣ губы. Присѣданія и поклоны продолжались около получаса; наконецъ они прекратились, и толстый господинъ съ букетомъ провозгласилъ, что церемоніальные танцы кончились и приказалъ музыкантамъ играть менуэтъ. К. обрадовался и приготовился блеснуть. Между молодыми гостями одна въ особенности ему понравилась. Ей было около шестнадцати лѣтъ; она была одѣта богато, но со вкусомъ, и сидѣла подлѣ

мужчины пожилыхъ лѣтъ вида важнаго и суроваго. К. къ ней разлетѣлся и просилъ сдѣлать честь пойти съ нимъ танцовать. Молодая красавица смотрѣла на него съ замѣнательствомъ и, казалось, не знала что ему сказать. Мужчина, сидѣвшій подлѣ нея, нахмурился еще болѣе. К. ждалъ ся рѣшенія; но господинъ съ букетомъ подошелъ къ нему, отвѣлъ на средину залы и важно сказалъ: «государь мой, ты провинился, во-первыхъ, подошелъ къ сей молодой персонѣ, не отдавъ ей три должные реверанса, а во-вторыхъ, взявъ яа себя самому ее выбрать, тогда-какъ въ менуэтахъ право сіе подобаешь дамѣ, а не кавалеру: сего ради имѣешь ты быть весьма наказанъ—именно долженъ выпить *кубокъ большаго орла*.» К. часъ-отъ-часу болѣе дивился. Въ одну минуту гости его окружили, шумно требуя немедленнаго исполненія закона. Петръ, услышавъ хохотъ и крики, вышелъ изъ другой комнаты, будучи большой охотникъ лично присутствовать при таковыхъ наказаніяхъ. Передъ нимъ толпа раздвинулась, и онъ вступилъ въ кругъ, гдѣ стоялъ осужденный и передъ нимъ маршалъ ассамблеи съ огромнымъ кубкомъ, наполненнымъ мальвазіей. Онъ тицетно утоваривалъ преступника добровольно повиноваться закону. «Ага!» сказалъ Петръ увидя К.: «попался, братъ. Изволь же, мосье, пить и не морщиться.» Дѣлать было нечего: бѣдный щеголь, не переводя духу, осушилъ весь кубокъ и отдалъ его маршалу. «Послушай, К.» сказалъ ему Петръ: «штаны то на тебѣ бархатные, какихъ и я не ношу, а я тебѣ гораздо богаче. Это мотовство; смотри, чтобы я съ

тобой не побранился.» Выслушавъ сей выговоръ, К. хотѣлъ выдти изъ круга, но зашатался и чуть не упалъ, къ неопisanному удовольствію государя и всей веселой компаніи. Сей эпизодъ не только не повредилъ единству и занимательности главнаго дѣйствія, но еще оживилъ его. Кавалеры стали шаркать и кланяться, а дамы присѣдать и постукивать каблуками съ большимъ усердіемъ и ужъ вовсе не наблюдая капака. К. не могъ участвовать въ общемъ веселіи. Дама, имъ выбранная, по повелѣнію отца своего Гаврилы Аонасьевича Рагузинскаго, подошла къ Ибрагиму и, потупя голубыя глаза, робко подала ему руку. Ибрагимъ протанцовалъ съ нею мепуэтъ и отвелъ ее на прежнее мѣсто, потомъ, отыскавъ К., вывелъ его изъ залы, посадилъ въ карету и повезъ домой. Дорогою К. сначала невнятно лепеталъ: «проклятая ассамблея!... проклятый кубокъ большаго орла!...» Но вскорѣ заснулъ крѣпкимъ сномъ, не чувствовалъ какъ онъ пріѣхалъ домой, какъ его раздѣли и уложили, и проснулся на другой день съ головою болью, смутно помнилъ шарканья, присѣданія, табачный дымъ, господина съ букетомъ и кубокъ большаго орла.

ГЛАВА IV.

Не скоро ѣли предки наши,
 Не скоро дыгались кругомъ
 Ковши, серебряныя чашы
 Съ кипящимъ пивомъ и виномъ.

Русланъ и Людмила.

Теперь долженъ я благосклоннаго читателя познакомить съ Гаврилою Аонасьевичемъ Рагузинскимъ. Онъ происходилъ отъ древняго, боярскаго рода, владѣлъ огромнымъ имѣніемъ, былъ хлебосоль, любилъ соколиную охоту; дворня его была многочисленна,—словомъ, онъ былъ коренной Русскій баринъ, по его выраженію, не терять Нѣмецкаго духу и старался въ домашнемъ быту сохранивъ обычай любезной ему старинны. Дочери его было семнадцать лѣтъ отроду. Еще ребенкомъ лишилась она матери. Она была воспитана по-старинному, т. е. окружена мамушками, нянюшками, подружками и свѣтлыми дѣвушками, шила золотомъ и не знала грамоты; отецъ ея, несмотря на отвращеніе свое отъ всего заморскаго, не могъ противиться ея желанію учиться пляскамъ Нѣмецкимъ у плѣннаго Шведскаго офицера, живущаго въ ихъ домѣ. Сей заслуженный танцмейстеръ имѣлъ лѣтъ пятьдесятъ отроду; правая нога была у него прострѣлена подъ Парвою, и потому была невеселма способна къ менуэтамъ и курантамъ; за то лѣвая съ удивительнымъ искусствомъ и легкостію выдѣлывала самыя трудныя па. Ученица дѣлала честь его стараніямъ. Каталыя Гавриловна славилась на ассамб-

лсахъ лучшею танцовщицей, что и было отчасти причиною проступка К., который на другой день прѣзжалъ извиняться передъ Гавриилою Аонасьевичемъ; но ловкость и щегольство молодого Франта не понравились гордому барину, который прозвалъ его остроумно Французскою обезьяною.

День былъ праздничный. Гаврила Аонасьевичъ ожидалъ нѣсколько родныхъ и пріятелей. Въ старинной залѣ накрывали длинный столъ. Гости сѣзжались съ женами и дочерями, наконецъ освобожденными отъ затворничества домашняго указами государя и собственнымъ его примѣромъ. Наталья Гавриловна поднесла каждому гостю серебряный подносъ, уставленный золотыми чарочками, и каждый выпилъ свою, жалься, что поцѣлуй, получаемый въ старину при такомъ случаѣ, вышелъ ужь изъ обыкновенія. Пошли за столъ. На первомъ мѣстѣ, подлѣ хозяина, сѣлъ тестъ его князь Борисъ Алексѣевичъ Лыковъ, семидесятилѣтній бояринъ; прочіе гости, наблюдая старшинство рода и тѣмъ помня счастливый времена мѣстничества, сѣли — мужчины по одной сторонѣ, женщины по другой; на концѣ заняли свои привычныя мѣста: барская барыня, въ старинномъ шушунѣ и кичкѣ; карлица, тридцатилѣтняя малютка, чопорная и сморщенная, и плѣшый танцмейстеръ въ синемъ, поношенномъ мундирѣ. Столъ, уставленный множествомъ блюдъ, былъ окруженъ суетливой и многочисленною челядью, между которою отличался дворецкій строгимъ взоромъ, толстымъ брюхомъ и величавой неподвижностію.—

Первыя минуты обѣда посвящены были единственно на вниманіе къ произведеніямъ старинной нашей кухни; звонъ тарелокъ и дѣятельныхъ ложекъ возмущалъ одинъ общее безмолвіе. Наконецъ хозяйка, видя, что время занять гостей пріятною бесѣдою, оборотился и спросилъ: «а гдѣ же Екимовна? позвать ее сюда.» Нѣсколько слугъ бросились-было въ разныя стороны, но въ ту же минуту старая жепщина, набѣленная и наруганная, убранныя цвѣтами и мишурою, въ штофномъ роброндѣ, съ открытой шеей и грудью, вошла принимая и подцѣпывая. Ея появленіе произвело общее удовольствіе.

«Здравствуй, Екимовна» сказалъ кн. Лыковъ: «каково поживаешь?»

—По-добру, по-здорову, кумъ: поючи да пляшючи, женишковъ поджидаючи.

«Гдѣ ты была, дура?» спросилъ хозяинъ.

—Наряжалась, кумъ, для дорогихъ гостей, для Божія праздника, по царскому наказу, по боярскому приказу, на смѣхъ всему міру, по Нѣмецкому маншуръ.»

При сихъ словахъ поднялся громкій хохоть, и дура стала на свое мѣсто, за стуломъ хозяина.

«А дура-то вретъ, вретъ, да и правду совретъ» сказала Татьяна Аонасьевна, старшая сестра хозяйна, сердечно имъ уважаемая. «Подлинно нынѣшніе наряды насмѣхъ всему міру. Коли ужъ и вы, батюшки, обрили себѣ бороду и надели кургузый кафтанъ, такъ про женское тряпье толковать, ко-

нечно, печего; а право жалъ сарафана, дѣвичьей ленты и повойника! Видь посмотрѣть на нынѣшнихъ красавицъ—и смѣхъ и жалость: волоски-то взбиты, что войлокъ, насалены, засыпаны Французской мукою, животикъ перетянуть такъ, что еле не перевестя, исподницы наплены на обручи, въ колымагу садятся бокомъ, въ двери входить — нагибаются: ни етать, ни сѣсть, ни духъ перевести—сущія мученицы, мои голубушки!»

«Охъ, матушка Татьяна Аонасьевна!» сказать Кирилла Петровичъ Т., бывшій въ Рязани воевода, гдѣ нажилъ себѣ 3000 душъ и молодую жену, то и другое съ грѣхомъ пополамъ. «По мнѣ жена какъ хочешь одѣвайся, хоть кутафьей, хоть боддыханомъ: только бѣ не каждый мѣсяцъ заказывала себѣ новыя платья, а прежнія бросала новѣшенскія. Бывало, внучкѣ въ приданое доставался бабушкинъ сарафанъ, а нынѣшніе роборонды—поглядимъ: сегодня на баринѣ, а завтра на холопкѣ. Что дѣлать? Разореніе Русскому дворянству! Бѣда да и только.» При слухъ словахъ, онъ со вздохомъ посмотрѣлъ на свою Марью Ильиничну, которой, казалось, вовсе не нравились ни похвалы старинѣ, ни порицанія новѣшнихъ обычаевъ. Прочія красавицы раздѣляли ея неудовольствіе, но молчали; ибо скромность почиталась тогда необходимой принадлежностію молодой женщины.

— А кто виновать? сказалъ Гаврило Аонасьевичъ, напѣя кружку кислыхъ щей. Не мы ли сами? Молоденькія бабы дурачатся, а мы чмъ потакаемъ.

«А что намъ дѣлать, коли не наша воля?» возразилъ Кирилла Петровичъ. «Иной бы радъ быть запереть жену въ теремъ: а ее съ барабаннымъ боемъ требуютъ на ассамблею; мужъ за плетку, а жена за наряды. Охъ ужъ эти ассамблеи! наказалъ насъ ими Господь за прегрѣшенія наши.»

Марья Ильинична сидѣла какъ на иголкахъ; языкъ у нея такъ и свербѣлъ; наконецъ она не вытерпѣла, и, обратясь къ мужу, спросила его съ кисленькой улыбкою: что находятъ онъ дурнаго въ ассамблеяхъ?

«А то въ нихъ душно» отвѣчалъ разгоряченный супругъ, «что съ - тѣхъ - поръ, какъ онъ завѣлся, мужа не сладятъ съ женами; жены позабыли слово апостольское: *жена да боится своего мужа*; хлопотуть не о хозяйствѣ, а объ обновкахъ; не думаютъ какъ бы мужу угодить, а какъ бы пригланутыя офицерамъ-вертопрахамъ. Да и прилично ли, сударыня, Русской боярынь или боярыньшѣ находиться вмѣстѣ съ Иѣмцами-табачниками да съ ихъ работницами? Слыхано ли дѣло: до ночи плясать и разговаривать съ молодыми мужчинами? И добро бы еще съ родственниками, а то съ чужими, съ незнакомыми!»

— Сказалъ бы словечко, да волкъ недалечко, сказалъ, нахмурился, Гаврила Аонасьевичъ. А признаюсь, ассамблеи и мнѣ не по праву: того и гляди, что на пьянаго натолкнешься, а въ самого насмѣхъ пьянымъ наполтъ. Того и гляди, чтобъ какой-нибудь повѣса не напроказилъ чего съ дочерью;

а нынче такъ молодёжь избаловалась, что ни на что непохоже. Вотъ, напримѣръ, сынъ покойнаго Евграфа Сергѣевича К, на прошедшей ассамблѣ, надѣлалъ такого шуму съ Натаней, что и въ себя меня въ краску. На другой день, гляжу, катятъ ко мнѣ прямо на дворъ; я думаю: кого-то Богъ несетъ, ужь не князя ли Александра Даниловича? Не тутъ-то было: Ивана Евграфовича! Небось не могъ остановиться у воротъ да потрудиться пѣшкомъ дойти до крыльца—куды! влетѣлъ, расшаркался, разболтался, что и Боже унаси! Дура Екимовна уморительно его передразниваетъ; кстати: представь, дура, заморскую обезьяну.

Дура Екимовна схватила крышку съ одного блюда, взяла подъ мышку будто шляпу, и начала кривляться, шаркать и кланяться во все стороны, приговаривая: «мусье мамзель ассамблея пардонъ.» Общій и продолжительный хохотъ снова изъяснилъ удовольствіе гостей.

—Ни дать, ни взять—К, сказалъ старшій князь Лыковъ, отирая слезы смѣха, когда спокойствіе мало-по-малу возстановилось. А что грѣхъ тантъ? Не онъ первый, не онъ послѣдній воротился изъ Пѣметчины на святую Русь скоморохомъ. Чему тамъ научаются наши дѣти? Шаркать, болтать Богъ въсь на какомъ нарѣчій, не почитать старшихъ, да волочиться за чужими женами. Изъ всехъ молодыхъ людей, воспитанныхъ въ чужихъ краяхъ (прости Господи!) царскій арапъ всехъ болѣе на челоуѣка походитъ.

«Ахти батюшки, князь» сказала Татьяна Аонасьевна: «видѣла, видѣла его близехонько: какая жь у него страшная морда! перепугалъ онъ меня, грѣшную!»

— Конечно, — замѣтилъ Гаврила Аонасьевичъ: «человѣкъ онъ степенный и порядочный, не чета вѣтрогону Это кто еще въѣхалъ въ ворота на дворъ? Ужь не опять ли обезьяна заморская? Вы что зѣваете, скоты? — продолжалъ онъ, обращаясь къ слугамъ: бѣгите отказать ему; да чтобъ и впредь....

«Старая борода, не бредишь ли?» перервала дурра Екимовна: «Али ты слышь: сани-то государевы; Царь пріѣхалъ..»

Гаврила Аонасьевичъ всталъ поспѣшно изъ-за стола: всѣ бросились къ окнамъ, и въ-самомъ-дѣлѣ увидѣли государя, который выходилъ на крыльцо, опираясь на плечо своего денщика. Сдѣлалась суматоха. Хозяинъ бросился на встрѣчу Петра; слуги разбѣгались, какъ одурѣлые; гости перетрусились; иные даже думали, какъ бы убраться поскорѣе домой. Вдругъ въ передней раздался громозвучный голосъ Петра; все утихло, и Царь вошелъ въ сопровожденіи хозяина оторопѣлаго отъ радости. «Здорово, господа!» сказалъ Петръ съ веселымъ лицомъ. Всѣ низко поклонились. Быстрые взоры Царя отыскали въ толпѣ молодую хозяйскую дочь; онъ позвалъ ее. Наталья Гавриловна приблизилась довольно смѣло, но покраснѣвъ не только по ушамъ, а даже по плеча. «Ты часъ-отъ-часу хорошеешь»

сказалъ ей государь и, по своему обыкновенію, поцѣловать ее въ голову; потомъ, обратясь къ гостямъ: «что же? я вамъ поминалъ; вы обѣдали; прошу садиться опять, а мнѣ, Гаврила Аонасьевичъ, дай-ка анисовой водки». Хозяинъ бросился къ величавому дворецкому, выхватилъ изъ рукъ у него подносъ, самъ nahmъ золотую чарочку и подалъ ее съ поклономъ государю. Петръ, выпивъ, закусилъ кренделемъ и вторично пригласилъ гостей продолжать обѣдъ. Всѣ заняли свои прежнія мѣста, кромѣ карлицы и барской барыни, которыя не смѣли оставаться за столомъ, удостоеннымъ царскимъ присутствіемъ. Петръ сѣлъ подѣ хозяина и спросилъ себѣ щей. Государевъ денщикъ подалъ ему деревянную ложку, оправленную слоновою костью, ножикъ и вилокъ съ зелеными костяными черенками, ибо Петръ никогда не употреблялъ другаго прибора, кромѣ своего. Обѣдъ, за минуту предъ симъ шумно оживленный веселіемъ и говорливостію, продолжался въ тишинѣ и принужденности. Хозяинъ, изъ почтенія и радости, ничего не ѣлъ, гости также чинились и съ благоговѣніемъ слушали, какъ государь по-Нѣмецки разговаривалъ съ плѣннымъ Шведомъ о походѣ 1701 года. Дура Ёкимовна, нѣсколько разъ вопрошаемая государемъ, отвѣчала съ какою-то робкой холодностію, что (замѣчу мимоходомъ) вовсе не доказывало природной ея глупости. Наконецъ обѣдъ кончился. Государь всталъ, за нимъ и всѣ гости. «Гаврила Аонасьевичъ!» сказалъ онъ хозяину: «мнѣ пужно съ тобою поговорить на-единѣ»—и, взявъ его подѣ руку, увелъ въ

гостиную и заперъ за собою дверь. Гости остались въ столовой, шепотомъ толкуя объ этомъ неожиданномъ посѣщеніи, и, опасаясь быть нескромными, вскорѣ разѣхались одинъ за другимъ, не поблагодаривъ хозяина за его хлѣбъ - соль.

ГЛАВА V.

Чрезъ полчаса дверь отворилась и Петръ вышелъ. Важнымъ наклоненіемъ головы отвѣтствовалъ онъ на тройной поклонъ князя Лыкова, Татьяны Аонасѣевны и Наташи, и пошелъ прямо въ переднюю. Хозяинъ подаль ему красный его тулупъ, проводилъ его до саней и на крыльцѣ еще благодарилъ за оказанную честь.

Петръ уѣхалъ.

Возвратясь въ столовую, Гаврила Аонасѣвичъ казался очень озабоченъ; сердито приказалъ онъ слугамъ скорѣе собирать со стола, отославъ Наташу въ ея свѣтлицу и, объявивъ сестрѣ и тестю, что ему съ ними надобно поговорить, повелъ ихъ въ опочивальню, гдѣ обыкновенно отдыхалъ онъ послѣ обѣда. Старый князь легъ на дубовую кровать; Татьяна Аонасѣевна сѣла на старинныя штофныя кресла, придвинула подъ ноги скамеечку; Гаврила Аонасѣвичъ заперъ всѣ двери, сѣлъ на кровать, въ ногахъ князя Лыкова и началъ вполголоса слышащій разговоръ:

«Недаромъ государь ко мнѣ пожаловать: угадайте, о чемъ онъ изволилъ со мною бесѣдовать?»

— Какъ намъ знать; батюшка братецъ! сказала Татьяна Аонасѣевна.

— Не приказалъ ли тебѣ Царь видать какое-либо воеводство? сказалъ тесть: давно пора; али предлюбили бытъ въ отвѣтъ? Что же? вѣдь не однихъ дьяковъ и знатныхъ людей посылають къ чужимъ государямъ.

«Нѣтъ» отвѣчалъ тесть нахмурясь. «Я человекъ стараго покроя, а нынче служба наша ненужна, хоть можетъ-быть православный Русскій дворянинъ стоитъ нынѣшнихъ новичковъ, блинниковъ да бусурмановъ. Но это статья особая.»

— Такъ о чемъ же, братецъ, сказала Татьяна Аонасѣевна, изволилъ онъ такъ долго съ тобою толковать? Ужь не бѣда ли какая съ тобою приключилась? Господь унаси и помилуй!

«Бѣда не бѣда, а признаюсь, я было-приздумался.»

— Что же такое, братецъ? о чемъ дѣло?

«Дѣло о Натанѣ: царь пріѣзжалъ ее сватать.»

— Слава Богу, сказала Татьяна Аонасѣевна перекрестясь. Дѣвушка на-выданьи, а каковъ свать, таковъ и женихъ. Дай Богъ любовь да совѣтъ, а чести много. За кого же Царь ее сватаетъ?

«Гм!» крикнулъ Гаврила Аонасѣевичъ: «за кого? то-то, за кого!»

— А за кого же? повторилъ князь Лыковъ, начинавшій уже дремать.

«Отгадайте» сказалъ Гаврила Аонасьевичъ.

— Батюшка братецъ! отвѣчала старушка: какъ намъ угадать? Мало ли жениховъ при дворѣ: всякій радъ взять за себя твою Натану. Долгорукій что ли?

«Нѣтъ, не Долгорукій.»

— Да и Богъ съ нимъ: больно спѣсивъ. Шенивъ? Троскуровъ?

«Нѣтъ, ни тотъ, ни другой.»

— Да и мнѣ они не по сердцу: вѣтрогонны, саникомъ понабрались Нѣмецкаго духу. Ну такъ Милославскій?

«Нѣтъ, не онъ.»

— И Богъ съ нимъ: богатъ да глухъ. Что же? Елецкій? Львовъ? Нѣтъ? Неужь-го Рагузинскій? Воля твоя: ума не приложу. Да за кого же Царь сватаетъ Натану?

«За арапа Ибрагима.»

Старушка ахнула и сплеснула руками. Князь Лыковъ приподнялъ голову съ подушечъ и съ изумленіемъ повторилъ: за арапа Ибрагима?

— Батюшка-братецъ! сказала старушка слезливымъ голосомъ: не погуби ты своего родимаго дитяти, не дай ты Наташеньки въ когти черному діаволу.

«Но какъ же» возразилъ Гаврила Аонасьевичъ «отказать государю, который за то обѣщаетъ намъ свою милость, мнѣ и всему нашему роду?»

— Какъ, воскликнулъ старый князь, у котораго сонъ совсѣмъ пропалъ, Наташу, внучку мою, выдать за купленнаго арапа?

«Онъ роду непростаго» сказалъ Гаврила Аонасьевичъ: «онъ сынъ аранскаго салтана. Басурмане взяли его въ плѣнь и продали въ Цареградъ, а нашъ посланникъ выручилъ и подарилъ его Царю. Старинный братъ арапа привезалъ въ Россію съ знатнымъ выкупомъ и.....»

— Слыхали мы сказку про Бову Королевича да Ерусалана Лазаревича!

— Батюшка Гаврила Аонасьевичъ! перервала старушка: расскажи-тко намъ лучше какъ отвѣчать государю на его сватанье.

«Я сказалъ, что власть его съ нами, а наше холонье дѣло повиноваться ему во всемъ.»

Въ эту минуту раздался за дверью шумъ. Гаврила Аонасьевичъ пошелъ открыть ее, но почувствовалъ сопротивленіе. Онъ сильно ее толкнулъ; дверь отворилась, и увидѣли Наташу въ обморокъ простертую на окровавленномъ полу.

Сердце въ ней замерло, когда государь заперся съ ся отцомъ; какое-то предчувствіе шепнуло ей, что дѣло касается до нее, и когда Гаврила Аонасьевичъ

насьевичъ отослать ее, объявивъ, что долженъ говорить ей теткѣ и дѣду, она не могла противиться влеченію женскаго любопытства, тихо черезъ внутренніе покои подкралась къ дверямъ опочивальни и не пропустила ни одного слова изъ всего ужаснаго разговора; когда же услышала послѣднія отцовскія слова, бѣдная дѣвушка лишилась чувствъ и, падая, ударила головою о кованный сундукъ, гдѣ хранилось ея приданое.

Люди сбѣжались; Наташу подняли, понесли въ ея свѣтлицу и положили на кровать. Черезъ нѣсколько времени она очнулась, открыла глаза, но не узнала ни отца, ни тетки. Сильный жаръ обнаружился; она твердила въ бреду о царскомъ арапѣ, о свадьбѣ, и вдругъ закричала жалобнымъ и пронзительнымъ голосомъ: «Валеріанъ, милый Валеріанъ, жизнь моя! спаси меня: вотъ они, вотъ они!...» Татьяна Аонасьевна съ безпокойствомъ взглянула на брата, который поблѣднѣвъ, закусилъ губы и молча вынесъ изъ свѣтлицы. Онъ возвратился къ старому князю, который, не могши войти на лѣстницу, оставался внизу. Что Наташа? спросилъ онъ. «Худо» отвѣчалъ огорченный отецъ: «хуже чѣмъ я думаю: она въ безпамятствѣ бредитъ Валеріаномъ.»

—Кто этотъ Валеріанъ? спросилъ встревоженный старикъ. Неужели тотъ сирота, стрѣлецкій сынъ, что воспитывался у тебя въ домѣ?

«Онъ самъ, на бѣду мою!» отвѣчалъ Гавриилъ Аонасьевичъ. «Отецъ его во время бунта снасъ мнѣ

жизнь, и чортъ меня догадалъ принять въ свой домъ проклятаго волчонка. Когда, тому два года, по его просьбѣ, занесли его въ полкъ, Наташа, прощаясь съ нимъ, расплакалась, а онъ стоялъ какъ окаменѣлый. Мнѣ показалося это подозрительнымъ, и я говорилъ о томъ сестрѣ. Но съ-тѣхъ-поръ Наташа о немъ не упоминала, а про него не было ни духу, ни слуху. Я думалъ, она его забыла; анъ видно нѣтъ. Но рѣшено: она выйдетъ за арапа.»

Князь Лыковъ не противорѣчилъ: это было бы напрасно; онъ потянулъ домой; Татьяна Аонасьевна осталась у Наташиной постели; Гаврила Аонасьевичъ, пославъ за лекаремъ, заперся въ своей комнатѣ, и въ его домѣ все стало тихо и печально.

Неожиданное сватовство удивило Пѣрагима, по-крайней-мѣрѣ столько же, какъ и Гаврилу Аонасьевича. Вотъ какъ это случилось. Петръ, занимаясь дѣлами съ Пѣрагимомъ, сказалъ ему: «я замѣчаю, братъ, что ты приунылъ; говори прямо: чего тебѣ не достаетъ?» Пѣрагимъ увѣрялъ государя, что онъ доволенъ своей участью и лучшей не желаетъ. «Добро» сказалъ государь, «если ты скучаешь безо всякой причины, такъ я знаю чѣмъ тебя разве-селишь.»

По окончаніи работы, Петръ спросилъ Пѣрагима: «правится ли тебѣ дѣвушка, съ которой ты танцовать мишавелъ на прошедшей ассамблѣ?»—Она, го-

сударь, очень мила, и, кажется, дѣвушка скромная и добрая.—«Такъ лжъ тебя съ нею познакомно покороче. Хочешь ли ты на ней жениться?»—Я, государь? «Послушай, Ибрагимъ: ты человекъ одинокій, безъ роду и племени, чужой для всѣхъ, кромѣ одного меня. Умри я сегодня, завтра что съ тобою будетъ, бѣдой мой арапъ? Надобно тебѣ пристроиться, пока есть еще время, найти опору въ новыхъ связяхъ, вступитъ въ союзъ съ Русскимъ боярствомъ».—Государь, я счастливъ покровительствомъ и милостями вашего величества. Дай Богъ мнѣ не пережить моего Царя и благодѣтеля: больше ничего не желаю. Но еслибъ и имѣлъ въ виду жениться, то согласится ли молодая дѣвушка и ея родственники? Моя наружность «Твоя наружность? какой вздоръ! чѣмъ ты не молодецъ? Молодая дѣвушка должна повиноваться волѣ родителей, а посмотримъ, что скажетъ старый Гаврила Рагузинскій, когда я самъ буду твоимъ свагомъ?» При сихъ словахъ, государь велѣлъ подавать сани и оставить Ибрагима, погруженного въ глубокія размышленія.

«Жениться?» думаетъ Африканецъ: «зачѣмъ же нѣтъ? Ужели суждено мнѣ провести жизнь въ одиночествѣ и не знать лучшихъ наслажденій и священнѣйшихъ обязанностей человека, потому только что я родился подъ знойнымъ градусомъ? Мнѣ нельзя надѣяться быть любимымъ: дѣтское возраженіе! Развѣ можно вѣрить любви? развѣ существуетъ она въ женскомъ легкомысленномъ сердцѣ? Отказавшись навѣкъ отъ ми-

лыхъ заблужденій, я выбралъ инныя обольщенія, болѣе существенныя. Государь правъ: мнѣ должно обезпечить будущую судьбу мою. Свадьба съ молодою Рагузинскою присоединитъ меня къ гордому Русскому дворянству, и я перестану быть пришельцемъ въ новомъ моемъ отечествѣ. Отъ жены я не стану требовать любви: буду довольствоваться ея вѣрностію, а дружбу приобрету постоянной привязанностію, довѣренностію и снисхожденіемъ.»

Ибрагимъ, по своему обыкновенію, хотѣлъ заняться дѣломъ, но воображеніе его слишкомъ было развлечено. Онъ оставилъ бумажки и пошелъ бродить по Невской набережной. Вдругъ услышалъ онъ голосъ Петра, оглянулся, и увидѣлъ государя, который, отпустя сани, шелъ за нимъ съ веселымъ видомъ. «Все, братъ, кончено!» сказалъ Петръ, взявъ его подъ руку: «я тебя сосваталъ. Завтра потѣжай къ своему тестю, но смотри, потѣшь его бодрскую снѣсь: оставь сани у ворогъ, пройди черезъ дворъ нѣшкомъ, поговори съ нимъ о его заслугахъ и знатности — и онъ будетъ отъ тебя безъ памяти. Теперь» продолжалъ онъ потряхивая дубинкою «заведи меня къ плуту-Данилычу, съ которымъ надо мнѣ перевѣдаться за его новыя проказы.»

Ибрагимъ, сердечно отблагодаривъ Петра за его отеческую заботливость о немъ, довелъ его до великолѣпныхъ палатъ князя Меншикова и возвратился домой.

ГЛАВА VI.

Тихо теплилась лампада передъ стекляннымъ ки-
вотомъ, въ коемъ блистали золотые и серебряные
оклады наследственныхъ иконъ. Дрожащій свѣтъ
слабо озарялъ занавѣшенную кровать и столикъ,
установленный стеклянками съ ярьками. У печки си-
дѣла служанка за самопрлякою, и легкій шумъ ея
веретена прерывалъ одинъ тишину свѣтлицы.

«Кто здѣсь?» произнесъ слабый голосъ. Служанка
встала тотчасъ, подошла къ кровати и тихо при-
подняла пологъ. «Скоро ли разсвѣтетъ?» спросила На-
талья.—Теперь уже полдень, отвѣчала служанка. «Ахъ
Боже мой, отчего же такъ темно?»—Окны закрыты,
барышня.—«Дай же мнѣ поскорѣ одѣваться.»—Нель-
зя, барышня: дохтуръ не приказалъ.—«Развѣ я больна?
давно ли?»—Вотъ ужъ двѣ недѣли.—«Не ужъ-то? а мнѣ
казалось будто я вчера только легла....»

Наташа умолкла; она старалась себѣ разсѣян-
ныя мысли: что-то съ нею случилось, но что имен-
но—не могла вспомнить. Служанка все стояла пе-
редъ нею, ожидая приказаній. Въ это время раз-
дался внизу глухой шумъ. «Что такое?» спросила боль-
ная. Господа откушали, отвѣчала служанка: вста-
ютъ изъ-стола. Сейчасъ придетъ сюда Татьяна
Аоимасьевна. Наташа, казалось, обрадовалась; она
махнула слабою рукою. Служанка задернула занавѣ-
съ и сѣла опять за самопрляку.

Чрезъ нѣсколько минутъ изъ-за двери показалась голова въ блѣдомъ широкомъ чепцѣ съ темными лентами, и спросила въ полголоса: что Натанъ? «Здравствуй, тётенька» сказала тихо больная; и Татьяна Аонасьевна къ ней поспѣшила. Барышня въ памяти, сказала служанка, осторожно придвигая кресла. Старушка со слезами поцѣловала блѣдное, томное лице племянницы и сѣла подлѣ нея. Велѣлъ за нею Пѣмецъ-лекаръ въ черномъ кафтанѣ и въ ученомъ парикѣ вошелъ, пощупалъ у Натанъ пульсъ и объявить по-Латинѣ, а потомъ и по-Русски, что опасность миновалась. Онъ потребовалъ бумаги и чернильницы, написалъ новый рецептъ и уѣхать, а старушка встала и, снова поцѣловавъ Татьяну, тотчасъ отправилась съ доброю вѣстію внизъ къ Гаврилѣ Аонасьевичу.

Въ гостиной, въ мундирѣ при шпагѣ, съ шляпою въ рукахъ, сидѣлъ царскій арапъ, почтительно разговаривая съ Гаврилою Аонасьевичемъ. К., растянувшись на пуховомъ диванѣ, слушалъ ихъ разсѣленно и дразнилъ заслуженную борзую собаку; наскуча снмъ занятіемъ, онъ подошелъ къ зеркалу, обыкновенному приближицу праздности, и въ немъ увидѣлъ Татьяну Аонасьевну, которая изъ-за двери дѣлала брату незамѣчательные знаки. «Васъ зовутъ, Гаврила Аонасьевичъ» сказала К., оборотись къ нему и перебивъ рѣчь Ибрагима. Гаврила Аонасьевичъ тотчасъ пошелъ къ сестрѣ и притворилъ за собою дверь.

«Дивнось твоему терпѣнію» сказать К. Ибрагиму. «Битый часъ слушаешь ты бредни о древности рода Лыковыхъ и Ржевскихъ и еще присовокулимень къ тому свои правоучительныя примѣчанія! На твоёмъ мѣстѣ j'aurais planté là стараго брата и весь его родъ, включая тутъ же и Наталію Гавриловну, которая жеманится, притворяется больной une petite santé. Скажи по совѣсти: уже ли ты влюбленъ въ эту маленькую mijaugée?»—Нѣтъ, отвѣчалъ Ибрагимъ: я женюсь конечно не по страсти, но по соображенію, и то, если она не имѣетъ отъ меня рѣшительнаго отвращенія.—«Послушай, Ибрагимъ» сказать К.: «послѣдуй хоть разъ моему совѣту; право, я благодарю тебѣ, чѣмъ кажусь. Брось эту блажную мысль—не женись. Миѣ сдается, что твоя невѣста никакого не имѣетъ особеннаго къ тебѣ расположенія. Мало ли что случается на свѣтѣ? Напримерь: я конечно собою недурень, но случалось однакожъ мнѣ обманывать мужей, которые были, ей Богу, ни чѣмъ нехуже моего. Ты самъ.... поминишь нашего Парижскаго пріятеля графа Д? Нельзя надѣяться на женскую вѣрность; счастливей кто смотритъ на это равнодушно. Но ты!... Съ твоимъ ли пылкимъ, задумчивымъ и подозрительнымъ характеромъ, съ твоимъ ли сплюснутымъ носомъ, вадутыми губами, съ этой ли шаршавой головой бросаться во все опасности женщѣбы?...»—Благодарю за дружескій совѣтъ, прервалъ холодно Ибрагимъ. Но знаешь по-словинцу: не твоя печаль чужихъ дѣтей качать.... «Смотри, Ибрагимъ» отвѣчалъ смѣясь К., «чтобъ тебѣ послѣ не пришлось эту поговорку доказывать на самомъ дѣлѣ, въ буквальномъ смыслѣ.

Но разговоръ въ другой комнатѣ становился горячѣе. «Ты уморилъ ее» говорила старушка: «она не вынесетъ его виду.» Но посуди ты сама, возразилъ упрямый братъ: вотъ уже двѣ недѣли тѣдитъ онъ женихомъ, а до-сихъ-поръ не видалъ невесты. Онъ наконецъ можетъ подумать, что ея болѣзнь пустая выдумка, что мы ищемъ только какъ-бы время продлить, чтобъ какъ-нибудь отъ него отдышаться. Да что скажетъ и Царь? Онъ ужъ и такъ три раза присылалъ спросить о здоровьи Натальи. Воля твоа, а я ссориться съ нимъ не намѣренъ. «Господи Боже мой!» сказала Татьяна Аонасьевна: «что съ нею бѣднаго будетъ! По-крайней-мѣрѣ пусти меня приготовить ее къ такому посѣщенію.» Гаврила Аонасьевичъ согласился и опять вошелъ въ гостинную.

—Слава Богу! сказалъ онъ Ибрагиму: опасность миновалась, Наталья гораздо лучше; если-бы несовѣстно было оставить здѣсь одного дорогаго гостя Ивана Евграфовича, то я повелъ бы тебя вверхъ взглянуть на твою невесту. К. поздравилъ Гаврила Аонасьевича, просилъ не беспокоиться, увѣрилъ, что ему необходимо ѣхать, и побѣжалъ въ переднюю, не допуская хозяина проводить себя.

Между-тѣмъ Татьяна Аонасьевна спѣшила приготовить болѣзную къ появленію страшнаго гостя. Вошедъ въ свѣтлицу, она съла-задыхалась у постели, взяла Наташу за руку, но не успѣла еще вымолвить слова какъ дверь отворилась. Наташа спросила: кто пришелъ? Старушка обмерла. Гаврила Аонасьевичъ отдернулъ занавѣсъ, холодно посмот-

рѣлъ на больную и спросилъ, какова она. Больная хотѣла ему улыбнуться, но не могла. Суровый взглядъ отца ее поразилъ, и безпокойство овладѣло ею. Въ это время показалось, что кто-то стоялъ у ея изголовья. Она съ усиленіемъ приподняла голову и вдругъ узнала царскаго арана. Тутъ она веномнила все, весь ужасъ будущаго представился ей. Но изнуренная природа не получила примѣчательнаго потрясенія. Паташа снова опустила голову на подушку и закрыла глаза.... сердце въ ней билось болѣзненно. Татьяна Аонасьевна подала брату знакъ, что больная хочетъ уснуть, и всѣ вышли потихоньку изъ свѣтлицы, кромѣ служайки, которая снова сѣла за самопрляку.

Несчастная красавица открыла глаза и, не видя уже никого около своей постели, подозвала служанку и послала ее за кормилицею. Но въ ту же минуту круглая, старая креника какъ шарикъ подкатилась къ ея кровати. Ласточка (такъ прозывалась кормилица) во всю прыть коротенькихъ ножекъ, вслѣдъ за Гаврилою Аонасьевичемъ и Ибрагимомъ, пустилась вверхъ по лѣстницѣ и пританцалась за дверью, не измѣняя любопытству сродному прекрасному полу. Паташа, увидя ее, выслаала служанку, и кормилица сѣла у кровати на скамеечку.

Никогда столь маленькое тѣло не заключало въ себѣ столь много душевной дѣятельности. Она вмѣшивалась во все, знала все, хлопотала обо всемъ. Хитрымъ и вкрадчивымъ умомъ умѣла она приобрести

любовь своихъ господъ и ненависть всего дома, которымъ управляла самовластно. Гаврила Аоанасьевичъ слушалъ ея доносы, жалобы и мелочныя просьбы; Татьяна Аоанасьевна поминутно справлялась съ ея мнѣніями и руководствовалась ея совѣтами; а Наташа имѣла къ ней неограниченную привязанность и довѣряла ей все свои мысли, все движенія шестнадцатилѣтняго своего сердца.

«Знаешь, Ласточка» сказала она: «батюшка выдастъ меня за арапа.»

Кормилица вздохнула глубоко, и сморщенное лицо ея сморщилось еще болѣе.

«Развѣ нѣтъ надежды?» продолжала Наташа: «развѣ батюшка не сжадется надо мною?»

Кормилица тряхнула челочкомъ.

«Не заступятся ли за меня дѣдушка или тетунка?»

—Нѣтъ, барышня: арапъ во время твоей болѣзни всехъ успѣлъ заворожить. Баринъ отъ него безъ ума, князь только имъ и бредитъ, а Татьяна Аоанасьевна говорить: жаль что арапъ, а лучшаго жениха грѣхъ намъ и желать.

«Боже мой, Боже мой!» простонала бѣдная Наташа.

—Не печалься, красавица наша, сказала кормилица, цѣлуя ея слабую руку. Если ужъ и быть тебѣ за арапомъ, то все же будешь на своей волѣ. Нынче не то, что въ старину: мужья женъ не запираютъ;

арапъ, слышно, богатъ; домъ у васъ будетъ какъ полная чаша — заживешь припеваючи....

«Бѣдный Валеріанъ!» сказала Наташа, но такъ тихо, что кормилица могла только угадать, а не слышать эти слова.

—То-то, барышня, сказала она, таинственно понизивъ голосъ; кабы ты меньше думала о стрѣльцкомъ сиротѣ, такъ бы въ жару о немъ не бредила, а батюшка не гнѣвался бы.

«Что?» сказала испуганная Наташа: «я бредила Валеріаномъ? батюшка слышать, батюшка гнѣвается?»

—То-то и бѣда, отвѣчала кормилица. Теперь, если ты будешь просить его не выдать тебя за арапа, такъ онъ подумаетъ, что Валеріанъ тому причиною. Дѣлать нечего: ужъ покорись волѣ родительской, а что будетъ, то будетъ.

Наташа не возразила ни слова. Мысль, что тайна ея сердца извѣстна отцу, сильно подѣйствовала на ея воображеніе. Одна надежда ей оставалась: умереть прежде совершенія ненавистнаго брака. Эта мысль ее утѣшала. Слабой и печальной душой покорилась она своему жребію.

ГЛАВА VII.

Въ домѣ Гаврилы Аонасьевича, изъ стѣнъ направо, находилась тѣсная каморка съ однимъ окошечкомъ. Въ ней стояла простая кровать, покрытая байковымъ одѣяломъ; передъ кроватью словый столикъ, на которомъ горѣла салная свѣча и лежали открытыя ноты. На стѣнѣ висѣлъ старый синій мундиръ и его ровесница треугольная шляпа; надъ нею тремя гвоздиками прибита была лубочная картина, изображающая Карла XII верхомъ. Звукъ-флейты раздавался въ этой смиренной обители. Плиный танцмейстеръ, уединенный ся житель, въ колпакъ и въ кигайчатомъ плафрокѣ, усаждалъ скуку зимняго вечера, наигрывая старинныя Шведскіе марши. Посвятивъ цѣлые два часа на сіе упражненіе, Шведъ разобралъ свою флейту, вложилъ ее въ ящикъ и сталъ раздѣваться.

.

А. Пушкинъ.

ТРИ ЖЕШХА.

(Посвящено княгинѣ Мецкерской).

Пять копеекъ! . . . Пякто
больше? . . .

(Продолжа съ публичнаго торга.)

I.

Представьте себѣ три комнатки поэтически-нечистыя. Въ первой: тулупъ, деньщикъ, салыныя свѣчи, сапоги со шпорами, мундиртъ, сѣдло и всякая дрянь. Во второй комнаткѣ замѣтна цѣкоторая претензія на гостиную: канапе между окнами, Московскіе виды, столъ подѣ красное дерево, столъ ломберный, соломенные стулья, а на окнахъ трубки и карты. Въ третьей комнатѣ: столъ съ книгами, столикъ съ щетками и зеркаломъ, и кровать, надѣ которою виситъ ружье и патронташъ.

Вы въ комнатѣ у армейскаго офицера, не у тако-го впрочемъ классическаго пѣхотинца, который закричалъ бы: «человѣкъ! же сю: дай мнѣ въ зубы!» тре-

буя трубку. Это бывало встарину. Нынѣ армейскій офицеръ совсѣмъ не тотъ. Армейскій офицеръ нынѣ воспитывается въ университетскомъ пансіонѣ, понимаетъ по-Французски, очень любитъ отечественную литературу, въ доказательство чего получаетъ «Библіотеку для Чтенія» и бранить «Московского Наблюдателя.» Армейскій офицеръ ненавидитъ всѣхъ Петербургскихъ, въ особенности французовъ, щедро надѣляя ихъ разными эпитетами. Армейскій офицеръ мало танцуетъ, потому-что онъ разочарованъ. Онъ поминутно говоритъ: «нашъ братъ армейскій, мы армейщина, солдаты; мы не гвардейцы; гдѣ намъ! какъ намъ! куда намъ!» и т. п. Узкія тали, высокіе галстухи, топанье въ мазуркѣ и любовныя стишки давно уже въ отставкѣ. Армейское щегольство замѣнилось армейскимъ разочарованіемъ и такъ-называемою Россійскою словесностью.

Въ третьей комнатѣ, тамъ гдѣ столъ съ книгами и кровать, лежитъ на кровати здоровый, румяный, толстощекий офицеръ и, задумавшись, куритъ трубку. У него сплнить.

Вотъ вы уже разсердились, строгая моя читательница, потому-что герой моего разсказа, слава Богу, здоровъ. Вы ожидали какого-нибудь Антонъ А, Бѣднаго, длинноусаго, мрачнаго и чернаго. Но, скажите, виноватъ ли онъ, бѣдный, что лютая судьба надѣлила его здоровьемъ, что, кромѣ «люсошь», онъ не знаетъ рѣшительно никакихъ недуговъ? Разумѣется, недуговъ тѣлесныхъ. Но мучатъ моего

офицера два недуга нравственные, два камня лежатъ на его груди, два чувства терзають его душу: любовь и ревность!..

Взгляните на него. Онъ курить. Вотъ онъ затянулся, и густое облако дыма поднялось изъ-подъ его усовъ, и онъ вперилъ въ него свои сѣро-армейскіе глаза. Но отчего онъ такъ странно, такъ восторженно глядитъ на облако? Вы, княгиня, поняли. Въ дымномъ облакѣ, сквозь прозрачную, таинственную пелену дыма, мелькаетъ передъ нимъ чудный образъ дѣвушки съ обнаженными плечами, съ розою на челѣ, съ улыбкой на устахъ. И офицеръ мой, вдохнуль и вдохнувь затянулся еще разъ, и новое облако прогнало милое видѣніе и въ новомъ облакѣ появилась ненавистная фигура Петербургскаго франта съ лорнетомъ, въ желтыхъ перчаткахъ, съ тростью въ рукѣ, и франтъ мой кривается направо и налево и говоритъ коммименты на Французскомъ языкѣ.

Офицеръ плюнулъ, разсердился, бросилъ трубку, и длинными шагами началъ расхаживать по комнатѣ.

Въ дверяхъ послышался знакомый голосъ:

«Здравствуй, mon cher».

— А! bonjour», отвѣчалъ офицеръ вошедшему товарищу.

Они пожали другъ у друга руки.

«Ну, братъ Алексѣй Ивановичъ, угадалъ ты рапортоваться больнымъ. А мы такъ, горемычные,

были на ученых.—Ну, ужь чортъ знаетъ, что это такое полковникъ: только-что не дерется. Тарасенко подь арестъ, Федулова подь дрестъ, Менцова подь арестъ. Пасъ всѣхъ распекъ такъ, что, право, братецъ, совѣстно было все слушать; чортъ знаетъ что это такое: и то не такъ, и то не этакъ...»

—Гм, гм, пробормоталъ Алексѣй Ивановичъ.

«Старый мужъ, грозный мужъ!

«Не страшусь ничего.

«Знаешь что?» продолжалъ раскащикъ: «говорятъ, что нашъ полковникъ врезался въ Елену Петровну.

Алексѣй Ивановичъ вслыхнулъ.

«Началъ ферлакурить, приволакиваться. Анъ не тутъ-то было. Даромъ-что полковникъ и весь въ кавалеріяхъ, а Елена Петровна знать его не хочетъ, въ грошъ, братецъ, не ставитъ. Говорятъ, что Елена Петровна шибко правится франтикъ изъ Петербурга... какъ бишь его?»

— Леоновъ... сказалъ офицеръ дрожащимъ голосомъ.

«Да—ну, какъ напримѣръ кажется тебѣ этотъ Леоновъ? Петербургская штука! Мизерный такой! Чай стакана нунша не вынесетъ, а все по-Французски: *bonjour* да *je vous remercie*.

Ротмистръ Фридрихъ Грибенгаузенъ родомъ Немецъ вошелъ въ комнату.

«Здоровъ, ребята!» промолвилъ онъ начальническимъ тономъ, а потомъ захохоталъ какъ быкъ.

«Ну што, досталось на орѣхи? Ну, Алексѣй Ивановичъ, тайте пульсъ пощупать... А?... У васъ опасная подѣзнь. Эго истѣсная febris prityvialis... Ага, эге, Алексѣй Ивановичъ!... Ой, ой ой... Да тутъ есть еще маленькій симптомъ... Тутъ черпенки глазенки сдѣлали маленьку батарею пифъ, пафъ, пуфъ! Алексѣй Ивановичъ полно раненъ, ой, ой, ой!»

Ротмистръ Грибенгаузенъ большой шутникъ, отличный служака, но прежде всего—Нѣмецъ.

Голосъ ротмистра Геренкампа послышался за дверями: «Я не виновать, я не виновать: лошадь молодая, непривычная; я за лошадей отвѣчать не могу.»

—Ой, ой, ой, armer Gerenkampff! закричалъ Грибенгаузенъ. Полковникъ сдѣлалъ тебѣ на ученьи маленькій declaration.

«Я не виновать, господа; посудите сами: лошадь горячая; я за всѣхъ лошадей отвѣчать не могу. Болванъ рекрутъ затянулъ поводья. Я за всѣхъ рекрутовъ отвѣчать не могу.»

За дверью послышался опять шумъ, раздались разгульные восклицанія и Давыдовскіе стихи на распѣвъ:

Гдѣ друзья минувшихъ дней,

Гдѣ товарищи молодые?

Три офицера съ фуражками на затылкахъ съ раскрасившимися лицами вбѣжали въ комнату.

«Что? чай объ ученьи? Полноте, господа, бросьте, это. Полковникъ въ такомъ уморѣ, что мы съ отчаянія немножко выпили. Здравствуйте, господа!

«Председатели бесѣдъ

Собутыльщики лихіе!»

— Ой, ой, ой! сказалъ ротмистръ Грібенгаузенъ, целнувъ по воротнику: раненько готофъ...

Чаю, чаю Семень! Да, слышь, съ рѣзомъ.—Что, господа не срѣзаться ли? Я сѣлаю пять золотыхъ.—Болванъ рекрутъ. Я за горячихъ лошадей отвѣчать не могу.—Тѣма пикъ пойтеть двѣнадцать съ нульдиной и двѣ конейки мазу.—Господа, въ воскресенье въ собраньи будетъ балъ. Езерскіе пріѣхали изъ деревни. Вице-губернаторъ послалъ нарочнаго къ Любскимъ и къ Праховымъ. Говорятъ, что и онѣ будутъ, и Анзанька, и Сонечька, и Параша.—Елена Петровна тоже будетъ.. хлопъ, хлопъ, хлопъ.—Дама съ угломъ — хлопъ, хлопъ, убита!—Ахъ, пѣднал Дашенька! — Лошадь пѣзженная, рекрутъ болванъ; я за рекрутовъ отвѣчать не могу.—Гдѣ друзья минувшихъ дней?—Господа....

За здорье Елены Петровны! ура!

II.

Въ губернскомъ городѣ *** нынче балъ въ дворянскомъ собраніи. Это легко замѣтить по необыкновенному движенію улицъ. Возки поминутно сменяются у дверей Нѣмецкаго магазина и модной мадамы. Служанки съ платками на головахъ бѣгаютъ по галантерейнымъ лавкамъ гостиннаго двора, упорно торгуя розовые башмаки, лайковыя перчатки и тому-подобныя бальные необходимы. Губернскіе франты цѣлое утро страдаютъ подъ щипцами вольнопрактикующаго фериела.

Наконѣцъ двѣ плонки и присутствіе квартальнаго у подъѣзда возвышающъ жителямъ города, что ожидаютъ только посѣтителей дворянскаго достоинства съ платой одного рубля ассигнаціями съ персоны за входъ. Тутъ между барынями начинаются разныя жеманства. Ни одна не хочетъ пріѣхать на балъ первая. Казачкіи и лакеи сталкиваются у подъѣзда съ порученіемъ узнать о числѣ пріѣхавшихъ. Разряженныя дамы сидятъ важно и чинно, каждая у себя, пока не возвестятъ имъ наконецъ, что въ передней бальной залы уже лежатъ три салона и дѣтъ пары галонть.—Тогда все подымается, двигается, и фаланга барынь наводитъ разомъ залу. Матушки, въ матерчатыхъ платьяхъ съ ридикюлями въ рукахъ, переваливаются съ боку на бокъ и здороваются между собою. Дочери, съ тирзидами на головахъ, скромно идутъ за ними, потупивъ глаза на

чисто-вымытый полъ,—за исцѣпленіемъ паркета. Ватага чиновниковъ въ новыхъ вице-мундирахъ, съ пряжками за безпорочную службу въ пеллинь, важно толкуеть о всякой всячинѣ. Губернаторъ съ важностью рассказываетъ, нюхая табакъ, и гордо отвѣчаетъ на почтительные поклоны. Начинаются танцы.

Девять часовъ пробило. Въ городъ*** зала дворянскаго собранія горѣла яркимъ огнемъ. Раздуненные офицеры паркали во Французскомъ кадрили; передъ ними барышни балацеровали, махали локтями.

Авдотья Ивановна Пляскунова, вдова бывшаго губернскаго прокурора, очутилась какъ-то подлѣ Варвары Осодоровны Горисветской, сунути одного извѣстнаго помѣщика. Между ними завязался разговоръ.

«Ну, матушка, ужь бѣть! Нечего сказать: гадко поглядѣть! Что эго такое? Дѣвушки сидятъ на стульяхъ, а кавалеры лежать у нихъ на плечахъ. Нѣтъ, въ наше время такъ не бывало. Вотъ какъ покойный Николай Ивановичъ—царство ему небесное!—на мнѣ сватался. Онъ былъ тогда ужь въ чинѣ титулярнаго, а какъ, бывало, подойдетъ къ ручкѣ, такъ весь голубчикъ покрасивѣеть.»

—Правда, Авдотья Петровна: вѣкъ теперь сталъ не таково. Или мы поглупѣли, или свѣтъ уже сталъ черезъ-чуръ умелъ.—И что за наряды нынче стали носить!

«Не приличные, Варвара Оедоровна. Ну, хотя на примѣръ, эта барыня въ блондахъ. Кто это такое?»

—А, а! это жена полицмейстера: вишь какія блонды! Видно недорого достались. А за нею председательща уголовной палаты: посмотрите-ка, Варвара Оедоровна, хитрость какая: на старый чепчикъ надѣла она новыя цвѣты. Вотъ и думается, что мы такъ и повѣримъ, что чепчикъ у нея новый. Небось, не обманетъ. Видали мы его!

«Ну, матушка, а офицеръ-отъ кто?»

«А? красавчикъ-то? Это Курскій—повѣса, матушка. Дверей моихъ не знаетъ. А я и бабушку и матушку его знавала: молодые люди, вы знаете, насъ старухъ теперь въ грошъ не ставятъ, волочатся, влюбляются. Вотъ хоть этотъ Курскій: влюбленъ въ Елену Петровну. Повѣса, матушка!

Курскій воцѣлъ развѣзно. Байроновскимъ взоромъ окинулъ онъ все собраніе и остодбенѣлъ отъ ненавистнаго зрѣлища: во второмъ Французскомъ кадрилѣ стояла задумчиво Елена Петровна, а молодой Леоновъ нашептывалъ ей что-то на ухо.

Что бы ни говорили гонители Французскаго языка, Французскій языкъ удивительное изобрѣтеніе для бала и для любви. Скажите, можно ли сравнить его дипломатическую увертливость съ нашимъ православымъ простодушіемъ, съ нашей тяжелой, безкорыстной прямою? Да здравствуетъ Французскій языкъ! Какъ эмѣя увивается онъ тонкими наме-

ками около робкой мысли, непримѣтно вкрадывается въ душу и обворожительною отравою сильно волнуется неопытное воображеніе. Не правда ли, княгиня, да здравствуетъ Французскій языкъ?

Со всею восторженностью молодости и пылкой страсти Леоновъ описывать молодой дѣвушкѣ ничтожность Петербургскаго быта, его суеты и обманы, его спѣсь и причуды; но яркими, плѣнительными красками раскрашивалъ онъ ей обворожительную картину семейнаго счастья, деревенскую жизнь, уютную, безмятежную, съ камелькомъ, съ откровеннымъ разговоромъ, съ добрыми людьми. Молодой чловѣкъ говорилъ хорошо. Онъ чувствовалъ свои слова. Пламенное его воображеніе завлекло его далеко. Душа его съ презрѣніемъ отряхивала пыль свѣтскихъ условій; она вырывалась изъ цѣпей существенности, и въ какомъ-то забытіи, утопала въ поэтическомъ восторгѣ.

Елена Петровна, потупивъ глаза на полъ, небрежно перебирала ленту своего пояса. Сердце ея сильно билось и румянецъ смущеннаго удовольствія игралъ на ея щекахъ. Она сравнивала своего кавалера съ прочими молодыми людьми и мысленно любовалась его превосходствомъ. Разговоръ былъ прерванъ,

Толстобрюхая фигура полковника съ анной на шеѣ, съ усами и бакенбардами какъ щетина, гремя шпорами и саблѣй, приблизилась къ молодымъ людямъ. Сухо поклонился полковникъ Леонову и

стать неподвиженъ какъ статуя подлѣ Елены Петровны, не говоря ни кому ни слова, а отъ времени до времени пригладывая ладонью свои щетинистыя бакенбарды.

Странный человекъ этотъ полковникъ! Жизнь его пѣчая анатія и вѣчное молчаніе. Никогда никто не слышалъ отъ него самого обыкновеннаго пригласствія, самаго ничтожнаго вопроса. Служба завладѣла всѣми его способностями. На службу и на ученіи сосредоточивается вся его дѣятельность, вся его жизнь. На ученіи голосъ его мѣняется, лицо его разгарается, и всѣ чувства его невольно вырываются техническими восклицаніями. Но только-что ученіе кончилось, мой полковникъ принимаетъ опять свою молчаливую важность, свой суровый, полковничій видъ.

Когда онъ приближался къ Еленѣ Петровнѣ, съ другой стороны подошелъ къ ней Алексѣй Ивановичъ и началъ съ ней разговоръ, косо поглядывая на Леонова.

«Здравствуйте, Елена Петровна.»

«А, здравствуйте Алексѣй Ивановичъ! Что-жъ вы не танцуете?»

Гдѣ нашему брату армейскому танцовать. Мы вѣдь не Петербургскіе, а просто солдаты. Мы танцовать не мастера.

—И вы никогда не танцовали, Алексѣй Ивановичъ?

«Нѣтъ-съ, я прежде танцовать. Но что въ этомъ? Обманъ, суета, какое-то вертѣніе души и погѣ. Есть

возрасть, когда очарованіе танцевъ насъ пѣлется; но это время проходить . . . скоро проходить.»

—Право?

«Ужасно во всемъ разочароваться. Вы знаете стихи Пушкина:

Я пережилъ свои желанья,

Я разлюбилъ свои мечты!

Молодецъ Пушкинъ! Впрочемъ и Бенедиктовъ недурень: въ немъ замѣтно большое дарованье. Вы любите стихи-съ?»

— Люблю-съ.

«А танцевать вы тоже любите-съ?»

— Люблю-съ.

«Ну, такъ и быть, придется солдату тряхнуть стариной. Согласны вы танцевать со мной мазурку? Я знаю, что съ простымъ армейскимъ офицеромъ танцевать скучно. Ну-да такъ и быть. Вы будете великодушны.»

Елена Петровна покраснѣла по уши.

—Извините Алексѣй Ивановичъ, я уже обѣщала, я приглашена

Курскій закусилъ себѣ губы. Полковникъ промычалъ что-то про себя, потеръ бакенбарды и пошелъ играть въ вистъ съ однимъ майоромъ и двумя помѣщиками.

III.

Русское дворянство, какъ вамъ извѣстно, можетъ выбирать между тремя родами жизни: жизнь въ мундирѣ, жизнь въ сюртукѣ, жизнь въ халатѣ. Первая въ Петербургѣ, вторая въ Москвѣ, третья въ провинціи.

Жизнь въ провинціи дѣйствительно параспанку. Въ ней какая-то особая выпуклость. Тѣ мелочи, которыя теряются въ столицѣ, въ провинціи рѣзко выказываются наружу. Всѣ недостатки нескромно выглядываютъ. Ихъ нельзя закутать модною шалью, заглушить балльною музыкаю, усыпить обѣдомъ или театромъ. Въ провинціи все налицо: оттого такъ много страннаго, такъ много смѣшнаго бываетъ въ нашемъ губернскомъ быту.

Но напрасно вы подумаете, что въ провинціи бываютъ одиѣ только смѣшныя каррикатуры. Сохрани васъ Богъ отъ такого заблужденія! Много есть прекрасныхъ семействъ, много есть превосходныхъ картинъ, передъ которыми вы остановитесь съ умиленіемъ.

Жаль, на примѣръ, что вы не знаете Петра Михайловича Бояринова. Вотъ вамъ истинно почтенный человѣкъ. Вотъ вамъ истинно Русскій помещикъ, радушный, гостепріимный, Русскій въ полномъ смыслѣ слова. Онъ постигъ, что въ быту нашего народа и нашего частнаго существованія должна быть какая-то патріархальность, основа наше-

го государственнаго и семейнаго счастья. Безъ дальновидныхъ замысловъ, безъ напраснаго тщеславія, онъ смиренно осмотрѣлся вокругъ себя, и нашелъ занятія на всю жизнь. Изъ самаго прозаическаго и обыкновеннаго дѣйствія провинціальнаго быта, т. е. женитьбы и пребыванія въ деревнѣ, онъ умѣлъ сдѣлать что-то возвышенное и поэтическое. Онъ сдѣлался истинною главою своего семейства. Онъ сдѣлался истиннымъ помѣщикомъ своихъ крестьянъ, правосуднымъ и человеколюбивымъ. Цѣль его достигнута: семейство его прекрасно, крестьяне его боготворять, сосѣди только называютъ его дурнымъ практикомъ, пожимаютъ плечами, но любятъ его душевно, а по воскресеньямъ пріѣзжаютъ къ нему обѣдать съ женами и дочерьми.

Тридцать лѣтъ промчалось незамѣтно. Петръ Михайловичъ видѣлъ вокругъ себя цвѣтущую семью; двѣ дочери вышли замужъ; старшій сынъ служилъ въ Петербургѣ; другіе оканчивали свое воспитаніе дома подъ руководствомъ отца, который самъ присутствовалъ при всѣхъ урокахъ. Старикъ почти совершенно потерялъ уже зрѣніе. Волосы его сдѣлались зеленоватыми, но духъ его еще не унылъ, но мысль его еще свѣтла; онъ отдастъ послѣднихъ сыновей на службу, и тогда путь его будетъ оконченъ, онъ сложитъ руки и пошлется главою.

Главная страсть Петра Михайловича — музыка. По цѣлымъ часамъ съ восторгомъ слушаетъ онъ ученые аккорды безсмертнаго Бетховена. Тогда склоняетъ онъ свою сѣдую голову на дрожащую руку,

и сидитъ неподвиженъ, молчаливъ, прекрасенъ... Высокія думы налетаютъ на его чело. Онъ весь переносится въ страну какой-то душевной гармоніи священной и необъятной.

Жаль, княгиня, что вы не знаете Петра Михайловича. Я показатъ бы вамъ этотъ скромный *intérieur*, гдѣ дунетъ такъ хорошо. Я показатъ бы вамъ моего старика среди прекрасныхъ дочерей, которыя внимаютъ съ любовью его словамъ. Податѣ сидитъ за работою вѣрная его сотрудница, та, которую онъ воспиталъ, которую онъ возвысилъ до себя, и называетъ своею женою. За нею два сына играютъ въ шахматы; другіе рѣзвятся въ углу.

Два, три человека искреннихъ пріятелей раздѣляютъ бесѣду, а въ дѣрихъ старая нянька Акулина съ повязаннымъ на головѣ платкомъ суетится около самовара.

Я уже говорилъ вамъ, что двѣ дочери Петра Михайловича были замужемъ. Третья, Елена Петровна, о которой я затѣять свою повѣсть, упростила отца переѣхать на нѣсколько времени въ губернскій городъ * * *, гдѣ она вскорѣ встрѣтила толстаго, безмолвнаго полковника, мечтательнаго Курскаго, и прѣѣхавшаго по дѣламъ службы молодого чиновника Леонова.

Что сказать вамъ объ Еленѣ Петровнѣ? Елена Петровна въ полномъ смыслѣ слова барышня; а я право, княгиня, не знаю что можно сказать рѣзкаго о барышняхъ. Возьмите любую Русскую повѣсть

и прочтите на третьей страницѣ портретъ геронни. Онъ чрезвычайно похожъ на Елену Петровну. Другими словами: она обладала высшею женскою добродѣтелью, т. е. прекраснымъ лицомъ, обворожительною тальею и Французскимъ языкомъ безъ примѣси Нижегородскаго; остальное подразумевается. Кротость, добронравіе, благотворительность и тому подобное. Въ портретѣ дѣвушки есть всегда что-то вялое и отрицательное, можетъ-быть это оттого что въ ея дѣйствіяхъ не можетъ быть ничего рѣшительнаго, ничего самостоятельнаго. Какъ бы то ни было, а Елена Петровна съ ея прекраснымъ лицомъ, съ ея незнаніемъ свѣта и приличій была такъ обворожительна, такъ хороша, что она свела бы съ ума самаго опытнаго сердечнаго анатомиста.—Вотъ письмо, писанное ею къ одной деревенской пріятельницѣ:

«Ты у меня спрашиваешь, Sophie, про здѣшнее жптье-бытье и требуешь отъ меня откровенности. Ахъ, зачѣмъ нѣтъ тебя со мною! Какъ много высказала бы я тебѣ того, что на бумагѣ какъ-то совѣстно написать. Помнишь ли, Sophie, какъ бывало осенью мы ходили по большой липовой аллеѣ. Листья хрустѣли подъ нашими ногами, а мы съ тобою мечтали о будущемъ. Ты помнишь: во всѣхъ нашихъ мечтахъ, во всѣхъ нашихъ разговорахъ появлялось какое-то идеальное существо, которое мы ожидали и угадывали. Мы изображали его въ видѣ молодого человѣка съ прекрасною наружностью и пламенными рѣчами, отголосками пламенной души. Вообрази же себѣ, Sophie, что я его видѣла, что я

Современ. 1857, № 2. 11

встрѣтила такъ-какъ я его ожидала, высокаго, блѣднаго, черноволосаго. Онъ здѣсь теперь. Онъ бываетъ у насъ каждый день. Его зовутъ Леоновъ. Не правда ли, какое прекрасное имя?—Когда я его увидѣла въ первый разъ въ кабинетѣ паненки, я такъ смутилась и покраснѣла, что не знаю, право, отвѣчала ли я на его поклонъ. Тогда онъ подошелъ ко мнѣ и дрожащимъ голосомъ тихо сталъ со мною говорить. Ахъ, еслибы ты слышала его голосъ! Слыхъ-поръ онъ бываетъ у насъ каждый день. Онъ разсказалъ мнѣ свои душевные печали, свои ни-къмъ непонятныя страданія. Онъ бѣдный молодой человекъ и служить въ Петербургѣ. Ему тяжело жить одному, безпріютному, въ толпѣ служащихъ чиновниковъ, которые не могутъ его понять. Я и сама не очень поняла, Sophie, его слова; но онъ говорилъ такъ жалостливо, онъ такъ выразительно глядѣлъ на меня, что я чуть-чуть не заплакала. Паненка его очень любитъ и—сказать ли тебѣ правду, Sophie,—мнѣ кажется, что Леоновъ будетъ принадлежать нашему семейству.—Впрочемъ не скрою отъ тебя, что у меня есть еще два жениха: первый Курскій, о которомъ ты вѣрно слыхала много отъ Elise и Barbe: онъ былъ бы не дурень собой, еслибы не кривлялся; второй—здѣшній полковникъ: о немъ я тебѣ ничего сказать не могу, потому-что я до-сихъ-поръ отъ него ни одного слова не слыхала; онъ очень толстъ.

«Вотъ тебѣ, Sophie, откровенное письмо. Теперь я вправѣ требовать отъ тебя того же. Напомни мнѣ, что

дѣласть вашъ молодой сосѣдъ, часто ли онъ ходитъ гулять съ вами по роуцѣ и о чемъ толкуеть онъ съ тобой.»

Нѣсколько времени прошло.

Петръ Михайловичъ сидѣлъ на своихъ Вольтеровскихъ креслахъ, улыбался значительно, и о чемъ-то крѣпко помышлялъ.

Помолчавъ немного, онъ взялъ Елену Петровну за руку.

«Дочь моя» началъ онъ говорить: «выслушай меня. Я старъ, слѣнь и, какъ видишь, никуда не го-жусь. Нашему семейству нужна подпора. Мнѣ нужно сына, тебѣ нуженъ мужъ.»—Елена Петровна стояла какъ на огнѣ.

«Ты знаешь мои правила. Я тебѣ ни совѣтовать, ни отсовѣгивать ничего не буду. Бракъ дѣло священное. Я ни во что не стану вмѣшиваться. Выбери кого хочешь. У тебя три жениха: здѣшній полковникъ, хорошій человекъ, заслуженный, богатый, честный, хотя не разговорчивъ въ обществѣ.

«Алексѣй Ивановичъ Курскій, добрый молодой офицеръ съ небольшимъ состояніемъ. Объ немъ говорить также съ похвалою.

«Наконецъ молодой Леоновъ, котораго мы все по-любили какъ роднаго. У него три-четыре тысячи дохода ежегоднаго. Это, я знаю, не много; въ Петербургѣ съ этимъ жить нельзя. Ну такъ чтоже? А

•

я начто? Онъ можетъ выйти въ отставку. Ты будешь со мною, и я умру на вашихъ рукахъ. Согласна ты выйти за Леонова?»—Согласна, тихо отвѣчала Елена Петровна. Леоновъ, стоявшій съ невыразимымъ волненіемъ за дверью, вбѣжалъ въ комнату и бросился на шею будущаго тестя.

«Дѣти, дѣти!» говорили старикъ съ слезами на глазахъ: «вотъ вамъ мое благословеніе».

IV.

Куда, подумаешь, мудреное житіе чиновника особыхъ порученій! Сидитъ онъ спокойно въ своей комнатѣ, въ халатѣ, въ туфляхъ, съ трубкой въ рукахъ. Кажется, чего ему болѣе желать?... Вдругъ торжественно вбѣгаетъ слуга и подаетъ чиновнику казенный пакетъ съ завѣтною подписью № 3378. Что это такое? порученіе, откомандировка! Прощай, мой Петербургъ, средоточіе всѣхъ любовныхъ помышленій и невиннаго честолюбія! Прощайте, лакированные паркеты моей канцеляріи! Прощай, театръ и закулисные тайны! Прощай, гостиница Фениксъ! Чиновникъ откомандированъ; пакетъ, подъ № 3378, выгоняетъ его изъ столицы. Онъ уѣзжаетъ, бѣдный, какъ-говорится, по дѣламъ службы.

Кстати о чиновникахъ. Случалось ли вамъ когда-нибудь, княгиня, хорошенько разобрать это произведеніе, извѣстное подъ общимъ именемъ чинов-

ника? Онъ составляетъ въ обществѣ особое отдѣльное сословіе, съ своими понятіями, съ своими сужденіями, съ своимъ исключительнымъ образомъ мыслей. Служащихъ вездѣ въ Россіи много; но чиновникъ существуетъ въ-особенности въ Петербургѣ; чиновникъ восхищается островами Брамбеуса, ужасно хлопаетъ въ театрѣ, ходитъ по вѣбмъ кандидатскимъ, обѣдаетъ у Палкина, знаетъ вѣбхъ министровъ по имени, чрезвычайно доволенъ собой, рѣзко обо всемъ разсуждаетъ, и, кромѣ пачальника отдѣленія, никого на свѣтѣ не боится. Онъ лицо среднее, *juste-milieu* между провинціаломъ и жителемъ столицы, онъ чиновникъ министерства. Большею частію занимаетъ онъ такъ-называемое штатное мѣсто, а иногда отъ какого-то полувольнодумнаго пренебреженія къ постоянной службѣ онъ проситъ о своемъ переименованіи въ чиновники особыхъ порученій.

Въ этомъ огромномъ мірѣ вице-мундировъ и черныхъ манишекъ мало можно найти мыслей и чувствъ высокихъ: онъ весь склонилъ голову подъ какой-то особенный уровень. Рѣдко, очень рѣдко встрѣчаются исключенія. Рѣдко случается, что сердце молодое сильно бьется подъ форменнымъ фраккомъ и страдаетъ черною немочью среди непонятливыхъ изъ сослуживцевъ.

Теперь, ваше сіятельство, позвольте мнѣ представить вамъ моего Леонова. Онъ право чудный мальчикъ; но, увы! онъ принадлежитъ къ третьему разряду свѣтскихъ Петербургскихъ молодыхъ людей

Они раздѣляются на три разряда: на тѣхъ, которые получаютъ въ годъ по 12.000, по 6.000 и по 3.000 р. Эти трехтысячные самые жалкіе. Они на ничтожкѣ привязаны къ большому свѣту и, если у нихъ нѣтъ ни связей, ни родства, чтобы немножко ихъ поддержать, то ниточка обрывается, и они падаютъ въ чиновническую пучину. К несчастью Леоновъ былъ изъ послѣднихъ. Дряхлая его мать аккурратно ему высылала изъ своей Орловской деревеньки по тысячѣ рублей, въ треть, и добрая старушка, восхищаясь такою щедростью, отнюдь не полагала какимъ тяжелымъ испытаніемъ она подвергала своего возлюбленнаго сына. Будь Леоновъ просто бѣдень, участь его была бы легче. Для него не было бы искушеній, его не ужасало бы каждый день это безобразное сочетаніе нищеты съ роскошью, непремѣнная принадлежность столичной жизни. Леоновъ былъ хорошо образованъ. Онъ былъ хорошъ собою. Онъ былъ хорошаго происхожденія. Онъ имѣлъ все, чтобы правиться. Онъ правиться не могъ. Вездѣ гдѣ онъ ни былъ—въ гостиной, на службѣ, на гуляньи, онъ проходилъ незамѣченный никѣмъ. Эти три тысячи его убивали.

Надобно объяснить, что онъ одаренъ былъ отъ природы этимъ аристократическимъ чувствомъ, которое отвергаетъ всякую посредственность. Онъ не могъ постигнуть, на примѣръ, что можно полюбить женщину въ черномъ фартукѣ, которая сама смотритъ за кухнею и ѣздитъ въ третій ярусъ Александринскаго-Театра. Для него женщина была существо слишкомъ высокое, слишкомъ идеальное, что-

бы глядѣть на нее глазами сущестственности. Невольно окружалъ онъ ее всею поэзіею молодости и страшился для нея прикосновенія міра матеріальнаго, какъ ревностный ботаникъ сторонится сѣвернаго воздуха для рѣдкаго, въ теплицѣ взлѣльяннаго имъ нѣжнаго растенія. Съ такимъ образомъ мыслей Леоновъ увидѣлъ съ перваго взгляда, что большой свѣтъ для него недоступенъ. Онъ столько былъ гордъ, что не могъ вынести безчисленныя униженія, чрезъ которыя могъ бы достигнуть до высшаго круга Петербургскаго общества. Человѣку съ душой, признайтесь, киягиня, прійхать на рѣдуть на извончикѣ, въ снотовой шубѣ, въ галошахъ и съ замерзшими щеками! Ему нельзя вынести насмѣшливые поклоны нашихъ молодыхъ франтовъ, которые откажутъ ему даже въ правѣ вмѣшаться въ ихъ безсмысленный разговоръ, ему, у котораго душа кипитъ и жаждетъ горячихъ впечатлѣній! Не имѣвъ доступа къ высшему кругу, Леоновъ не хотѣлъ довольствоваться второстепеннымъ. Убийственный расчетъ замѣнилъ поэзію его мечтаній. Онъ убѣдился въ горькой истинѣ, что для бѣднаго губернскаго секретаря нѣтъ поэзіи на свѣтѣ.

Онъ жилъ на Гороховой улицѣ, въ третьемъ этажѣ, на дворѣ, одинъ-одинѣхонекъ, никѣмъ не любимый, никѣмъ незамѣченный. По-утру рано надѣвалъ онъ свой вице-мундиръ и отправлялся въ департаментъ. Начальникъ отдѣленія кланялся ему сухо, директоръ никогда. Изъ всѣхъ очарованій жиз-

и Леонову оставалась одна служба и знакомство его сослуживцевъ.

Такимъ-образомъ имѣлъ онъ полное время изучать нравы и характеры нашихъ Петербургскихъ чиновниковъ. Онъ узналъ чиновниковъ - тружениковъ съ нечесаными тупеями и обмаранными пальцами. Онъ узналъ чиновниковъ-интераторовъ съ надмѣнною фигурою, съ руками въ панталонныхъ карманахъ. Онъ узналъ чиновниковъ-цѣголей съ шляпою нѣбожъ и бѣлой манишкой, любезниковъ 17-й линіи Васильевскаго-Острова. Онъ узналъ чиновниковъ-лѣнтыевъ, въ вѣчной враждѣ съ начальникомъ отдѣленія. Онъ узналъ чиновниковъ - гулякъ, чиновниковъ - охотниковъ до актрисъ и пунча, чиновниковъ-неданговъ, ростовщиковъ, волокитъ, пльницъ и взяточниковъ.

Онъ всѣхъ ихъ узналъ, и тяжело вздохнулъ. Вотъ съ кѣмъ суждено было ему провести всю жизнь свою! Вотъ сфера, посреди которой судьба его бросила! Онъ приходилъ въ отчаяніе. Духъ его метался. Имъ овладѣла черная немочь.

Ксчастью его онъ былъ откомандированъ въ ** губернію. Тогда вдругъ для его жизни открылась новая эра, эра чувства и мысли. Онъ познакомился съ Петромъ Михайловичемъ. Добрый старикъ не спросилъ сколько у него дохода, не спрашивалъ, знакомъ ли онъ съ важными Петербургскими барынями, а нашелъ въ немъ пріятную бесѣду, познанія, умъ свѣтлый и молодой. Онъ полюбилъ его какъ сына. Мы уже видѣли, какъ мечты Леонова вдругъ осу-

ищевались. Его души не доставало на такое счастье. Такой восторгъ впрочемъ столько великъ, столько святъ, что мнѣ на умъ не приходитъ вамъ его описывать.

V.

Есть власть величественная, передъ которою ничтожны все суеты большаго свѣта, передъ которою страсти утихаютъ и люди уравниваются. Эта власть великая—смерть. Она равнодушно господствуетъ надъ свѣгомъ, надъ горемъ и радостью людей. Все это такъ мало, такъ ничтожно передъ ея неограниченною силой

Спустя нѣсколько времени послѣ помолвки дочери, Петръ Михайловичъ вдругъ началъ угасать. Смерть его была, какъ его жизнь—тихая и праведная. Жена его не пережила такого удара. Елена Петровна сдѣлалась спротою. Разумѣется, что свадьба была отложена.

У Елены Петровны была тетка, которая взяла ее къ себѣ и увезла съ собою въ Петербургъ на цѣлый годъ.

Разставаніе ее съ Леоновымъ было самое трогательное. Откомандировка его не была еще окончена. Они разстались.

Не знаю, право, чему въ Петербургъ научили Елену Петровну, что ей рассказали и объяснили; знаю

только, что она нашла въ нашей столицѣ цѣлую кучу кузинъ и тетокъ; знаю, что она стала разбирать всѣ мундиры по полкамъ, стала разсуждать о театрѣ и очень много выучилась смотреть въ двойной лорнетъ.

Недавно возвратилась она въ извѣстный намъ губернской городъ, гдѣ до-сихъ-поръ говорятъ еще о ея свадьбѣ.

Свадьбу праздновали у Спаса. Невѣста была въ бѣломъ атласномъ платьѣ и въ большомъ блондовомъ вуалѣ, къ великой зависти всѣхъ губерскихъ красавицъ. Женихъ, въ новыхъ полковничьихъ эполетахъ, стоялъ подлѣ нея какъ истуканъ, и величественно потиралъ ладонью свои щетинистыя бакенбарды.

Неправдали, княгиня, что у женщинъ бываютъ такія странности, которыхъ ничѣмъ объяснить нельзя?

Неужно, кажется, объяснять, что Леоновъ получилъ отъ Елены Петровны формальный отказъ. Теперь онъ служигъ опять въ Петербургъ и представленъ къ станиславу 4-й степени. Курскій разочарованъ болѣе, нежели когда-нибудь, и, говорятъ, скоро напечатать чувствительные стихи, которые намѣренъ напечатать гдѣ-то.

С. В.

Ноябрь 1856. С. Петербургъ.

НЕДУГЪ.

Я недугомъ томимъ,
Но отрадно мнѣ съ нимъ,
Мнѣ пріятны недуга мученья.
Онъ ужасный всего,
Но и прелесть его
На землѣ не имѣетъ сравненья.

Я недугомъ объять:
Вижу демоновъ, адъ,
Вижу міръ въ наготѣ, подземельный;
Вижу солнце безъ дня,
Вижу свѣтъ безъ огня,
Вижу мглы океанъ безпредѣльный.

Съ черной тучей грущу,
Съ буйнымъ моремъ ронщу,
Вижу свѣтлыхъ алмазовъ рожденье;
Знаю, въ нѣдрахъ земли
Какъ граниты росли,
Чую травъ и деревь прозябанье.

На землѣ тяжело,
На землѣ несвѣтло;
Все здѣсь пахнетъ и златомъ и кровью!
Люди ближнихъ гнетутъ,
Люди честь продаютъ,
И торгуютъ свягою любовью!..

Полечу за эфиръ:
Какъ прекрасенъ тотъ міръ!
Какъ блестящія звѣзды роями
Въ стройномъ чинѣ плывутъ,
Кольца огненны выютъ,
И расходятся вольно кругами!..

И въ гармоніи той
Я летаю душой.
Свѣтъ невѣдомый умъ озаряетъ.
Предъ умомъ таетъ тьма,
И природа сама
Передъ нимъ тайники отворляетъ.

Звѣздъ небесныхъ свѣтлый,
Краше солнца лучей,
И зарницы полночной живѣе;
Ярче жгучихъ очей
Ненаглядной моей
Онъ въ душѣ неполтно свѣтлѣетъ!

Но недугъ отлетить:
Начинаю я жить,
Прозлбать, какъ земное творенье,
Стану въ міръ страдать,
И, какъ радости, ждать
Мой прекрасный недугъ-вдоховенье.

Е. Грессенка.

АЛЕКСАНДРУ СЕРГѢЕВИЧУ ПУШКИНУ.

Вотъ старая, мой милый, была,
А можетъ-быть и небылица;
Сквозь мракъ вѣковъ и хартій пыль
Какъ распознать? Дѣла и лица,
Все такъ темно, нестро, что самъ,
Самъ нашъ исторьогграфъ почтенный,
Прославленный, превознесенный,
Едвадь не сбился тамъ и слякъ.
Но вѣрно, что съ большимъ стараньемъ,
Стариннымъ убѣжденъ преданьемъ,
Одинъ ученый нашъ искалъ
Подарковъ, что пѣвцамъ въ награду
Владиміръ щедрый раздавалъ,
И вобразилъ его досаду,
Вѣдь не нашелъ. Конь вѣрно палъ;
О славныхъ латахъ слухъ пропасть:
Французы-ль какъ пришли къ Царьграду
(Они вѣдь шли въ Ерусалимъ

За гробъ Христовъ святымъ походомъ,
Да сбился, и случилось имъ
Царьградъ разграбить мимоходомъ),
Французы-ли, скажу опять,
Изволили въ числѣ трофеевъ
Ихъ у наследниковъ отнять,
Да по обычаю злодѣевъ
Въ Парижскій свой музеумъ взять;
Иль время, иль трудившися дѣсти,
Подѣлю ржавчиной бѣзатъ,—
Но только не доню къ намъ вѣсти
Объ участи несчастныхъ латъ.
Лишь кубокъ, говорятъ, остался
Одинъ въ живыхъ изъ всѣхъ наградъ;
Изъ рукъ онъ въ руки попадался,
И даже часто невспадаъ,
Гулялъ, бродилъ по бѣлу свѣту;
Но къ настоящему поэту
Пришолъ однако на житье:
Ты съ нимъ, счастливецъ, поживаешь;
Въ него ты черезъ край вливаешь
Свое волшебное питье,
Въ которомъ Вакха лозъ огнистыхъ
Румяный, сочный, вкусный плодъ
Растворенъ свѣжестію чистыхъ
Капельскихъ животворныхъ водъ.

Когда за скуку въ утѣшеніе
Неугомонною судьбой
Дано мнѣ будетъ позволеніе,
Мой другъ, увидѣться съ тобой:
Изъ кубка, сдѣлай одолженіе,
Меня питьемъ своимъ напои.
Но не облей неосторожно:
Онъ, я слыхалъ, замороженъ,
И смѣло пить тому лишь можно
Кто сыномъ Фебовымъ рожденъ.
Невиннымъ опытомъ сначала
Узнай правдивъ ли этотъ слухъ:
Младыхъ романтиковъ, хоть двухъ,
Проси отвѣдать изъ бокала;
И, если капли не проливъ,
Напьются милые свободно,
Тогда и слухъ конечно живъ.
И можно пить кому угодно;
Но если, Боже сохрани,
Замочатъ пазуху они,
Тогда и я желанье кипю,
Въ урокъ поставлю ихъ бѣду,
И въ слѣдъ Ришальду-Паладину
Благоразуміемъ пойду:
Надеждой ослѣпленъ пустою,
Опаснымъ не прельщусь питьемъ,

И въ дѣло не входя съ судьбою,
Сстанусь лучше при своемъ;
Наливъ, тебѣ подамъ я чану;
Ты вынешь, духомъ закинешь,
И тихую бесѣду нашу
Байронскимъ пѣнемъ огласишь.

ПРОКОПИЙ ЛЯПУШОВЪ,

или

ВРЕМЕНА МЕЖДОЦАРСТВІЯ (*).

(Отрывокъ.)

ГЛАВА IV.

Прибывъ въ Троицкую-Лавру, князь и княгиня Шуйскіе были приняты съ особеннымъ усердіемъ, какъ высокіе почитатели, достойные общаго уваженія. Архимандритъ и иноки старались предупредить этимъ гибельныя слѣдствія быстро распространившейся молвы, что невѣстка царская и братъ ея отравили князя Скопина, что царю было извѣстно ихъ намѣреніе. Но между-тѣмъ, какъ дальновидная заботливость о благѣ общемъ не позволяла архимандриту отвергнуть богатые вклады князя и княгини Шуйскихъ, нищіе, отсюду сзываемые для полученія щедрой милостыни, по-большей-части нехотѣли занею явиться, слѣпо вѣрили некоторымъ расказчикамъ, что этими деньгами сатана награждалъ княгиню Екатерину Григорьевну за убійство князя Михаила и

(*) Такъ называется новый романъ О. П. III ой, изъ котораго взятъ этотъ отрывокъ и который будетъ служить продолженіемъ прежняго ея романа «Князь Михаилъ Васильевичъ Скопинъ-Шуйскій».

что, взявъ ихъ, они неминуемо погубятъ и тѣло свое и душу. Не подозрѣвая такихъ сужденій, князь и княгиня не сомнѣвались, что въ лавръ и ея окрестностяхъ долго будутъ съ признательностію вспоминать о ихъ посященіи, и что прендобный Сергій будетъ имъ вѣрнымъ помощникомъ во всѣхъ ихъ предпріятіяхъ. Они привыкли вѣрить, какъ вѣрили нѣкогда и самъ царь Іоаннъ Васильевичъ, что всякое преступленіе можно оправдать наружнымъ богомоленіемъ и богатыми приношеніями на потребности церковныя. Заблужденіе это, совершенно противное православному закону, и нынѣ еще имѣетъ власть надъ умами слишкомъ ограниченными или помраченными страстями. Княгиня Шуйской тѣмъ труднѣе было побѣдить его, что она совѣтовалась о средствахъ спасенія только съ тѣми изъ духовныхъ, которые льстили ея склонностямъ, наблюдая одніи собственныя выгоды.

Возвращаясь въ Москву, имепитые богомольцы почевали въ селѣ Братовицнѣ, гдѣ обыкновенно останавливались цари на пути къ Троицѣ. Имъ отворили находящееся для царскаго отдохновенія зданіе, называвшееся «царскою вышкою»; громкое имя это не согласовалось съ его постройкою: оно очень походило на простой, высокій анбаръ, въ которомъ для пріѣзда брата государева устлали полъ свѣжею травою и отворили задвижныя окна. Вечеръ былъ прекрасный. Напившись меду, княгиня Екатерина Григорьевна смотрѣла на возвращавшихся съ поля работниковъ. Нѣкоторые, останавлива-

лся передъ вышкою, почтительно кланялся, другіе предпочитали обойти кругомъ, чтобы, какъ шептали другъ другу, не встретить змѣйнаго взгляда убійцы. Сѣдовавшій за стадомъ пастухъ довольно пріятно игралъ на дудкѣ, вызывая этимъ хозяевъ порученныхъ ему коровъ и овецъ. Различные голоса животныхъ мѣшались со звуками сельскаго инструмента, стукомъ чѣлгъ и крикомъ ребятнишекъ, погонявшихъ усталыхъ лошадей, на которыхъ работали отцы ихъ. Все это представляло живую картину, скоро надѣвную князю Дмитрію Ивановичу; но княгиня не допустила его послать приказаніе, чтобы тотчасъ все умолкло... Чудно сердце человеческое! справедливо кто-то называлъ его бездонною пропастью: много о немъ писали древніе и новыя мудрецы; но никто не разгадалъ его тайныхъ побужденій, естественной его воли. Безчеловѣчная женщина, изъ зависти и властолюбія совершившая неимоверное злодѣяніе, забывала тревожныя ожиданія и необузданныя мечты свои, смотря на поселянъ, которыхъ желанія ограничивались прокормленіемъ ихъ семействъ. Она кидала въ окно ребятнишкамъ деньги и пироги, и жадность нѣкоторыхъ, ихъ споръ и ссоры забавляли ее, какъ будто совсѣмъ новое, дотошъ неизвѣстное ей зрѣлище, хотя оно было только слабымъ, но вѣрнымъ изображеніемъ собственныхъ ея чувствъ.

Не выдавшись еще съ княгиней Елизаветой Петровной послѣ кончины князя Михаила, княгиня Екатерина Григорьевна рѣшилась захватить къ ней при-

мо изъ лавры. Князю Дмитрію Ивановичу очень этого не хотѣлось; но онъ не могъ ни въ чемъ прекословить женицѣ, всегда надъ нимъ господствовавшей, особенно же съ-тѣхъ-поръ, какъ онъ долженъ былъ считать себя обязаннымъ жельзной волею ея и безжалостному сердцу надеждою владѣть престоломъ. Книгиня не признавалась мужу, что она отравила племянника, но онъ не могъ въ этомъ сомнѣваться, и не въ состояніи будучи самъ отважиться на такой поступокъ, почиталъ себя счастливымъ, что ему уже нигдѣ и ни въ чемъ не будетъ пренятствовать знаменитый юноша, слава котораго онъ не переставалъ завидовать. По необходимость носѣцать княгиню Скопну - Шуйскую была истиннымъ наказаніемъ для князя Дмитрія Ивановича, особенно когда онъ у ней встрѣчалъ царевну Ольгу Борисовну. Взоръ ея и каждое ея движеніе напоминали ему свиданіе его съ нею у тѣла князя Михаила, когда она выразительнымъ голосомъ, какъ-будто предвѣщая ему уничтоженіе безумныхъ надеждъ его, повторила произнесенныя читавшимъ псалтырь священникомъ слова царственного пророка: «Богъ отмщень Господь, Богъ отмщень не обинулся есть». Онъ не понималъ ангельскаго ея состраданія о грѣшникѣ, нерасположенномъ къ раскаянію, и что, не надѣясь любовно побѣдить его ожесточеніе, она хотѣла по-крайней-мѣрѣ заставить его страшиться гнѣва Божія. Смотря на страдальцу, давно угадавшую, что дядя ея и тетка изъ зависти ненавидятъ юнаго защитника отечества, князь Шуйскій съ ужасомъ, по безъ

пользы душевной, повторять слова, завѣщанныя потомству праотцемъ Спасителевымъ.

Съ угрюмымъ видомъ встрѣтивъ родственниковъ своей госпожи, старикъ Сергѣичъ сказалъ имъ, что княгиня Елена Петровна, отслуживъ обѣдно и панихиду, легла отдохнуть, и въ первый еще разъ послѣ горестной потери своей крѣпко уснула. Они надеялись, что, услышавъ это, они пойдутъ обратно, какъ всѣ прочіе посѣтители; но княгиня Екатерина Григорьевна не хотѣла отлагать слишкомъ важнаго для нея свиданья и, сказавъ, что она дожидается пробужденія сестры своей, чтобы лично передать ей благословеніе отца архимандрита и Троицкихъ старцевъ, пошла изъ кареты. Поднимаясь на крыльцо, она увидѣла въ сѣняхъ двухъ женщинъ въ черныхъ платьяхъ: въ одной узнала она Іуліанію Резанову, другая показалась ей привидѣніемъ. Екатерина Григорьевна затрепетала; гнѣвъ, колкости, даже явные упреки не могли бы смутить ее: она была готова на нихъ отвѣчать; она научилась говорить не робѣя, что князь Михайло Ивановичъ, хранимый Богомъ въ сраженіяхъ, по волю же Божіей скончался въ Москвѣ; она сама совершенно въ этомъ увѣрилась, и духъ ея былъ бодръ, и ея не тревожили горестныя предчувствія. Но явившійся ей призракъ, въ которомъ все казалось разрушеннымъ, мертвымъ, кромѣ страшнаго, судорожнаго движенія и чудно свѣтившихся очей, внезапно исполнилъ ее тоскою и ужасомъ. Она схватила руку мужа своего и крѣпко ее стиснула горячею рукою.

«Это Александра Васильевна» шопотомъ сказалъ князь: «она тиха и послушна.»

—Не подходи къ ней; дай мигъ ее увести, вскричала Іуліанія: она вѣрно тебя узнастъ!...

«Такъ что же?» съ надменностью спросила княжна Шуйская.

—Какъ что? прервала молодая, пылкая дѣвица, стараясь заслонить страдальцу: она испугается!

—Дура! съ бѣшенствомъ вскричала княгиня Шуйская: это ты пугаешь ее и мучишь вздорными сплетнями.

Едва послѣднія слова сорвались у нея съ языка, княгиня почувствовала свою неосторожность и съ отчаянною рѣшимостью пошла впередъ.

Посмотрѣвъ на нее пристально изъ-за плеча Іуліаніи, Александра Васильевна сказала, что она уже не хочетъ идти гулять, что ей надобно угощать прїѣзжихъ.

—Какъ она страшна! сказала княгиня Шуйская, сѣвъ въ гостиной задомъ къ двери, за которою осталась Александра Васильевна: она хуже и блѣднѣе племянницы царевны; у меня и въ умѣ не было, что она такъ перемѣнилась. Нечего сказать, Дмитрій Ивановичъ, ты радъ съ утра до вечера болтать пустое, а что нужно знать мнѣ, того отъ тебя вѣкъ не услышу. На что похоже теперь, что я не узнала племянницу, словно не посмѣла подойти къ ней? По твоей милости Ольгина нахлѣбница при холопахъ обрутала меня...

«Тише, тише, матушка, Бога ради не горлчись; чай здѣсь стѣны слышатъ наши рѣчи» отвѣчалъ вполголоса князь Шуйскій, и чтобы не продолжать разговора, съ притворнымъ вниманіемъ сталъ смотрѣть въ окно.

Въ столовой тихо отворилась дверь; въ нее заглянула Александра Васильевна и, обрадовавшись, что ея никто не примѣтилъ, приподняла платокъ и на цыпочкахъ, удерживая дыханіе, подошла къ княгинѣ Екатерины Григорьевнѣ. Увидя въ зеркалѣ обезображенное лицо ея, княгиня едва не лишилась чувствъ; голосъ ея замеръ, всѣ члены оцѣнѣли; она не могла отвести глазъ отъ несчастной, у которой въ рукахъ былъ напоенный кровью платокъ. Растянувъ его, Александра бросила на голову своей теткѣ; онъ покрылъ лицо ея, и ей показалось, что изъ него потекли ручьи крови, что всѣ это видятъ, всѣ ее обвиняютъ въ убійствѣ князя Михаила. Всевышній медлить наказаніемъ преступницу, ожидал ея покаянія, но дерзкое ея ожесточеніе утомило милосердіе неумыглаго Судин, и казнь ея сравнилась съ ея злодѣяніемъ. Екатерина Григорьевна не смѣла коснуться платка, но вскопчила съ мѣста, и пронзительный вопль ея раздался по всему дому. Съ ужасомъ оборотась, князь Дмитрій Ивановичъ всплеснулъ руками, увидя жену свою подъ кровавою, извѣстною ему фатою, а предъ нею Александрѣ Васильевнѣ, которая съ умильнымъ поздравляла княгиню, что ее выдаютъ замужъ за графа Делагарди.

Іуліанія, искавшая по всѣмъ комнатамъ скрывающуюся отъ нея молодую княгиню, вбѣжавъ въ гостиную, схватила съ Екатерины Григорьевны платокъ. Въ вѣдательныхъ чертахъ питомицы Ксении Годуновой гордая невѣстка царская прочла глубокое презрѣніе, но невольно оперлась на ея руку, и по щекамъ ея прокатились пламенные слезы.

Князь Дмитрій Ивановичъ грубо оттолкнулъ Іуліанію.

«Не суйся, голубушка» сказалъ онъ: «гдѣ тебѣ не спрашиваютъ; ты взялась служить моему племеницу и не должна спускать съ нея глазъ. Богъ вѣсть, куда ты опрокинулась, а она безъ тебя видишь какъ напроказила, чуть не задушила мою княгиню. Жаль племянницу» продолжалъ онъ, помолчавъ: «но еще больше жаль бѣдную сестру: каково ей подъ старость водиться съ безумною невѣсткой! Вотъ и славные Шмцы не могутъ пособить ей: видно только Богъ или смерть ее вылечить....»

—Смерть! вскричала Александра Васильевна: скажите, кто умеръ? ради Бога скажите скорѣе. — Да что я объ этомъ спрашиваю, на что мнѣ это знать? Князь Михайло Васильевичъ не можетъ умереть, его никто не уморитъ, никто, никогда!

Она стала твердить послѣднія слова, то прижимая платокъ къ губамъ, то махая имъ, какъ-будто обороняясь отъ злаго чловѣка. Рѣзкіе ея вопли разбудили княгиню Елену Петровну. Она поспѣши-

ла встать и осведомиться, что случилось съ ея невѣсткой, не огорчилъ ли ее кто-нибудь, не занемогла ли она. Узнавъ отъ старушки Лукерьи о пріѣздѣ Екатерины Григорьевны, киягини упала въ кресла и, закрывъ руками лицо, нѣсколько минутъ была недвижима; только сердце ея сильно билось. Она не постигала, какъ Екатерина Григорьевна дежурила въ тотъ домъ, гдѣ и люди, и стѣны, и самый воздухъ должны были напоминать ей ея злодѣяніе, гдѣ черезъ нее все осиротѣло, измѣнилось все; надежды и радости погибли, неутѣшная горестъ смѣнила высшее благополучіе. Елена Петровна трепетала, воображая, что безчеловѣчная родственница ждетъ ее, готовится ее обнять; что, оттолкнувъ ее, она утвердитъ подозрѣнія народа, подвергнетъ опасности государя, умножитъ бѣдствія отечества. «О мой Боже!» подумала она съ неизъяснимою тоскою: «зачѣмъ Ты допустилъ ее сюда пріѣхать? зачѣмъ не удалилъ пагубное свиданье на мѣсяцъ, на недѣлю, хотя на одніе сутки?»

Лукерья пристально смотрѣла на киягиню, которую она носила на рукахъ, бывъ уже замужемъ, но у которой, послѣ кончины сына ея, было немоще морщинъ, какъ и у нея самой. Слезы капали изъ красныхъ и опухлыхъ глазъ старухи; она утирала ихъ полою чернаго своего лѣтника и, воображая, что Екатерина Григорьевна пріѣхала подразнить несчастную госпожу ея, что-то сердито шептала. Бормотанье ея, сопровождаемое сильнымъ движеніемъ головы, походило на волшебныя заклинанія. Она

усердно желала, чтобы княгиня Шуйская во всю жизнь ея терзалась страхомъ, печалью и болѣзнями, не возбуждая ни въ комъ состраданія, но остерегалась громко выражать чувства свои въ присутствіи Елены Петровны, которая, страшась произносить имя Екатерины Григорьевны, никому не позволяла проклинать ее. Но тщетно подавала она примѣръ христіанскаго терпѣнія и великодушія: это раздражало только общую печаль, и Лукерья, а съ нею и всѣ домашніе, почитая себя обязанными молить Бога о наказаніи враговъ госпожи ихъ, говорили, что у нихъ лопнули бы сердца, еслибы они не облегчили страданій своихъ громкими жалобами. Люди самые просвѣщенные часто не заботятся tantъ не только важныя, но и мелочныя свои огорченія, и, спѣша ихъ высказать, вмѣсто ожидаемой отъ этого отрады, бесполезно потомъ жалѣють о горячности, которая, обнаруживъ недостатокъ ихъ великодушія и твердости, становится причиною продолжительныхъ ссоръ и неудовольствій, нарушающихъ иногда спокойствіе общества и даже цѣлыхъ областей.

Мало-по-малу утихал, голосъ Александры Васильевны совсѣмъ замокъ; только слышно было, что въ гостиной часто отворлется дверь. Лукерья пошла провѣдать, что тамъ дѣлается, и, скоро воротясь, сказала, что княгиня Александра Васильевна спокойно смотритъ какъ на дворъ кормить гусей, а княгиня Екатерина Григорьевна, протянувшись на покрытой пуховикомъ скамьѣ, зѣваетъ и смѣется;

мужь ся, увѣряя, что она опасно занемогла, такъ велѣлъ накурить рѣбчиковыми перьями, что, если-бы не были открыты окна, молодая княгиня и Іуліанія вѣрно бы задохнулись отъ дыма.

—Воля твоя, кормилица, продолжала Лукерья: не могу смолчать; чай Катерина Григорьевна нарочно прикинулась больною, чтобы всѣхъ у насъ переполошить: она за это недорого возьметъ. Ну, а коли и впрямь ей стало у насъ тошно, все-таки бѣратцу твоему не шло бы здѣсь, въ такомъ печальномъ мѣстѣ, распорядиться какъ въ своихъ хоромахъ: поскорѣе бы везъ домой свою княгиню. Какъ нашу батюшка князь Михайло Васильевичъ у нихъ занемогъ

Княгиня прервала ее. Тщетно надѣялась она, что плачевные вопли Александры Васильевны заставятъ удалиться Екатерину Григорьевну: ей надлежало, подобно святымъ мученикамъ, обруганнымъ и изувѣченнымъ за вѣру свою, до дна выпить горькую чашу. Она нѣсколько разъ поклонилась въ землю передъ иконами, прося помощи Всемогущаго, и наконецъ съ растерзаннымъ душою, по совершениию преданности воли Божіей, пошла въ гостиную.

Увидя несчастную мать, княгиня Шуйская съ заблуждающимся видомъ посмотрѣла около себя и, накрывъ платкомъ столцію передъ нею чашку съ водою, тихо сказала мужу чтобы онъ спряталъ ее отъ Елены Петровны.

«Зачѣмъ ее унести?» въ слухъ отвѣчалъ князь — «это вода свѣжая; статья-можетъ, оплѣть тебѣ понадо-
добится . . .»

— Что ты? что ты? я тебѣ говорю вынеси ско-
рѣе эту чашку, не показывай ее никому и ни съ-
кѣмъ объ ней не толкуй—сказала Екатерина Гри-
горьевна на ухо князю, слѣдя притомъ все взоры,
чтобы узнать не видать ли еще кто, что вмѣсто
воды, какъ ей показалось, въ чашкѣ налита кровь.

«Христось съ тобою, матушка! Видно тебѣ что-
нибудь почудилось» сказалъ князь и, чтобы успо-
коить жену, вынесъ воду.

Княгиня Елена Петровна съѣла возлѣ своей неvě-
стки, до половины высунувшейся въ окно. Алек-
сандра такимъ образомъ проводила большую часть
дня; служители воображали, что она забавляется,
смотря какъ кормятъ птицъ и какъ бѣгаютъ ребя-
та; но она, вовсе не примѣчая, что происходило на
дворѣ, напрягала слухъ и зрѣніе, надѣясь заранѣе
угадать возвращеніе своего супруга, ежеминутно его
ожидаемаго. Свекровь ея и Іуліанія стремились
исполнять все ея желанія, страшась ее огорчить
малѣйшимъ противорѣчіемъ; вообще все ее окру-
жающіе ревностно угождали ей, и любовь ихъ, или
лучше сказать, благоговѣніе охраняли ее среди опас-
ностей, которымъ она въ безпамятствѣ своемъ без-
престанно подвергалась.

«Преподобный Сергій послалъ тебѣ свою милость, сестрица Елена Петровна. Мы ему отслужили молебенъ за твое здоровье» сказалъ князь Дмитрій Ивановичъ.

Княгиня Скопина въ знакъ благодарности наклонила голову, но не могла произнести ни одного слова.

«Мы прямо отъ преподобнаго къ тебѣ заѣхали и дома еще не бывали. Мой княгинѣ прежде всего захотѣлось съ тобою повидаться и поплакать; она у меня предобрая, изволишь видѣть, захворала, посмотрѣвъ на бѣдную племянницу: такъ ей стало жалко и ее и тебѣ.»

Елена Петровна опять наклонила голову.

—Кто-то идетъ, вскричала княгиня Александра: кажись и конь-то знакомый; никакъ вѣстникъ отъ князя Михайла Васильевича; авось онъ прислалъ за мною! Я видѣла во снѣ.... нтъ, нтъ, слышала наву, что моему князю соскучилось безъ меня.

Она побѣжала къ двери; но когда вошелъ братъ ея Семенъ Васильевичъ Головинъ, не узнала его и спряталась за князя Дмитрія Ивановича.

Поздоровавшись съ княгиней Еленой Петровной, окольный, бѣдный и мрачный, поклонился Іуліанъ и, не видѣвъ сестры, устремилъ глаза на княгиню Шуйскую. Примѣчая, какъ его изумило и раздражило ея присутствіе, Елена Петровна умоляла взорами Головина снести великодушно встрѣчу

съ женщиною, справедливо имъ ненавидимою, но отъ посѣщенія которой ей невозможно было отказаться. Онъ понялъ ея желаніе и, горько усмѣхнувшись, спросилъ у князя Дмитрія Ивановича, счастливо ли съѣздитъ въ лавру.

—Очень счастливо, отвѣчалъ князь, весьма довольный придворною вѣжливостію окольничаго. Погода была славная, а архимандритъ и старцы угощали насъ какъ родныхъ.

«О, въ этомъ я не сомнѣвался» сказалъ Головинъ; «но не оттого ли захворала теперь княгиня Катерина Григорьевна, что слишкомъ долго стояла на молитвѣ?»

—Катеринѣ Григорьевнѣ трудиться Бога ради не диво, сурово отвѣчала княгиня Шуйская. Господь не разъ меня сподобилъ по цѣлой недѣлѣ жить у преподобнаго Сергія, и никто не укорялъ меня, что лѣнива молиться.

«Напрасно же, коли вамъ обонмъ такъ полюбилось у Троицы, спѣшили вы сюда воротиться: намъ нечѣмъ васъ здѣсь порадовать» сказалъ окольничій.

—Какъ быть! сказала княгиня: не всякъ день свѣтлый праздникъ; въ міру вѣкъ не жилали такъ тихо и радостно, какъ въ святыхъ обителяхъ.

«О, теперь врьдѣ-ли и отецъ архимандритъ весело бесѣдуетъ со своими старцами: чай дошли и до нихъ вѣсти....»

—Какія вѣсти? перервала Александра Васильевна, вдругъ внемливъ, что она ждала отъ прїѣзжаго извѣстія о князѣ Михаилѣ.

Головинъ обнялъ ее. Въ первый еще разъ послѣ кончины своего супруга она не противилась ласкамъ брата, но, быстро смотря въ глаза мнимому вѣстнику, нетерпѣливо ожидала, что онъ пригласитъ ее отправиться съ нимъ въ желанный путь.

«О, моя милая, невинная страдальца!» вскричалъ Головинъ: «Господь прогнѣвался на насъ за тебя. Каждая слеза твоя, каждый твой вздохъ будутъ тяжело отомщены!»

— Ради Царицы Небесной скажи скорѣе, вскричала княгиня Елена Петровна: что еще случилось? У меня стынетъ кровь!

«Безнапрасно ты испугалась, матушка Елена Петровна» съ глубокою печалью отвѣчалъ Головинъ: «Тебѣ дорогѣ отчизна, ты бы за нее отдала и имущество и самую жизнь твою, а на нее пала новая, страшная бѣда, и некому отразить ее...»

— Въ умѣ ли ты Семенъ Васильевичъ? перервалъ князь Шуйскій: при мнѣ грозишь всею гибелью! Ну, какъ я объ этомъ доложу великому государю...

«Хорошо сдѣлаешь, болринъ; и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Государь еще ничего не знаетъ, отъ него, по-обычаю, таятъ горькую истину. Радъ я очень, что ты слышалъ мои рѣчи: перескажи ихъ

и прибавъ, что возмутилась Рязань, что тамошній воевода . . .»

— Я говорилъ Василію Ивановичу, съ бѣшенствомъ опять перервалъ князь Шуйскій: что, пощадишь, въ угодность покойному племяннику, Прокофья Ляпунова, онъ въ самое сердце запустилъ себѣ змѣю.

«Пока былъ живъ князь Михайло Васильевичъ» возразилъ Головинъ: «Прокофій былъ вѣренъ царю; но у Прокофья буйная голова, Прокофій не то, что мы, князь Дмитрій Ивановичъ: ему мало, чтобы царь самъ радъ о благѣ общемъ, ему надо еще, чтобы совѣтники его были люди умные, правдивые и безкорыстные.»

— А самъ-то онъ каковъ? сказалъ князь Дмитрій Ивановичъ голосомъ, прерывающимся отъ гнѣва: если не всѣхъ глупѣе, такъ всѣхъ безстыднѣе. Давно ли онъ подчинялъ царствомъ покойнаго племянника? Теперь самому захотѣлось сравниться съ Тушинскимъ-Воромъ. Не диво, что онъ взбунтовалъ, и бѣда это небольшая, — не по-прежнему: уймутъ молодца

«Не берись самъ его унимать, бояринъ» возразилъ съ мрачнымъ видомъ окольничій: «онъ всюду разослалъ гонцовъ и ему всюду вѣрять, что царская невѣстка и мужъ ея отравили князя Михаила Васильевича.»

Александра Васильевна замертво упала на полъ. Книжкина Елена Петровна и Іуліанія бросились по-

могать ей, не сомнѣваясь, что она поняла сказанное ей братомъ, что, можетъ-быть, для влѣцшаго ей мученія, возвратился ей разсудокъ.

«Прокоей!» сказалъ Головинъ, поцѣловавъ оледѣвшую руку сестры своей: «ты ничѣмъ не воскресишь князя Михаила Васильевича; но, измѣнивъ своей присягѣ и послѣднему приказанію усоннаго праведника, ты заставишь не однихъ враговъ его, а всю святую Русь платить слезами и кровью за безвременную его кончину.»

Послѣшивъ удалиться, князь и княгиня Шуйскіе хотѣли ѣхать прямо во дворецъ; но князь Василій Васильевичъ Голицынъ, повстрѣчавшись съ ними, сказалъ, что ни царя, ни царицы нѣтъ дома, что, отслушавъ обѣдно въ Вознесенскомъ монастырѣ, они заходили къ царевнѣ Ольгѣ Борисовнѣ и от нея отправились по другимъ обителямъ. Князь Голицынъ подтвердилъ извѣстіе о бунтѣ Ляпунова и прибавилъ, что никто не могъ рѣшиться встревожить государя, и безъ того крайне задумчиваго и грустнаго, такою прискорбною вѣстью, и болре съ нетерпѣніемъ ждали возвращенія князя Дмитрія Ивановича, чтобы онъ объ этомъ доложилъ, будучи всѣхъ способнѣе, какъ по родству, такъ и по уму своему, облегчить печаль и заботы царя.

—Спасибо болярамъ, что берегутъ великаго государя, сказалъ князь Шуйскій: ему конечно отъ роднаго брата легче, чѣмъ отъ кого другаго услышать нерадостную вѣсть; но пока еще не о чемъ

много печалиться: не бѣдовое дѣло, что Прокофью Лянунову захотѣлось провѣдать остеръ ли у пала-ча тоноръ.

Князь Голицынъ быстро взглянулъ на царскаго брата, едва вѣря ушамъ своимъ, что онъ такъ судитъ о происшествіи, которое, по мнѣнію всѣхъ опытныхъ людей, было для царя опаснѣе успѣховъ Польскаго короля и самозванца.

«Ты видно, бояринъ» сказалъ онъ: «не изволишь держаться пословицы: худой миръ лучше хорошей войны?»

—Я не вѣрю, чтобы Лянуновъ могъ надѣлать хлопотъ, отвѣчалъ князь Шуйскій: я его видѣлъ нѣредко въ прежніе года, пока онъ не былъ посланъ въ Рязань: сущій Индѣйскій пѣтухъ; на всѣхъ и за все горячится, но только-что дуется и кричитъ, а съ ногъ не сшибетъ никого.

—Вотъ какъ! а меня увѣряли, будто покойный князь Михайло Васильевичъ говорилъ, что Прокофій лихой удалецъ, что онъ пѣшій обгонитъ коннаго.

— Они были старинные пріятели, сухо сказалъ князь Шуйскій.

Князь Голицынъ лукаво улыбнулся. Его не удивила тщеславная самонадѣянность князя Шуйскаго, и, онъ простившись съ нимъ, поѣхалъ, внутренно веселясь его беззаботностью, обѣщавшею, что ввѣрившагося такому совѣтнику государя нетрудно будетъ свергнуть съ престола. Голицынъ тайно желалъ этого едва-ли не болѣе Лянунова, давно наску-

чивъ повиноваться прежнему товарищу и почитая себя достойнѣе его носить царскій вѣнецъ. Вовсе этого не подозревая, князь Дмитрій Ивановичъ воображалъ, что оказанное имъ презрѣніе всего вѣрнѣе можетъ предупредить успѣхъ Рязанскаго бунта, и, совершенно довольный самимъ-собою, сталъ хвалиться княгинѣ мнимою своею дальновидностью. Но она, сильно пораженная всѣмъ, что видѣла и слышала, не расположена была вѣрить счастливымъ предвѣщаніямъ. Отчаяніе и злоба наполнили ея сердце: она изумлялась и не постигала, почему убійцы царя Θεодора Борисовича остались ненаказаны, а за смерть князя Михаила тотчасъ явился грозный мститель; кляла Ляпунова, какъ личнаго, яростнаго врага своего, укоряла преподобнаго Сергія, что онъ не наградилъ ея усердія, роптала на Провидѣніе.

«Да что ты такъ тревожишься прежде времени, Катерина Григорьевна?» сказалъ князь Дмитрій Ивановичъ: «Богъ дастъ, все будетъ къ лучшему . . .»

Онъ не договорилъ послѣдняго слова, увидя, вѣхавъ на свой дворъ, что въ задніа ворота спѣшили отправить тѣлегу съ двумя гробами.

«Это еще что такое?» вскричалъ онъ: «никакъ Юдичъ совсѣмъ спился у насъ! Право, пора смѣнить его . . .»

— А кого ты посадишь на его мѣсто? перебила княгиня: ужъ не хочешь ли своего Ларьку сдѣлать дворецкимъ?

«Вѣрно бы и у Ларьки было больше толку: не стать бы онъ среди дня и когда послано сказать, что мы ѣдемъ домой, вывозить мертвыхъ.»

Запряженная въ тѣлегу лошадь, долго бившись на одномъ мѣстѣ, вдругъ поворотила въ сторону, и, помчавшись мимо кареты, чуть не опрокинула на нее двухъ деревянныхъ колодъ, стучавшихъ одна объ другую. Княгиня обомлѣла; такая встрѣча въ собственномъ ея домѣ умножила волненіе ея и ужасъ; она съ трудомъ поднялась на крыльцо и, принуждена будучи остановиться, тяжело оперлась объ руку своей кормилицы. Хорошая Паросиновна ѣздила съ княгинею въ лавру, и, воротясь домой ранѣе, выпила встрѣтить господъ своихъ съ небольшимъ числомъ людей, такихъ же блѣдныхъ и печальныхъ, какъ и она. Только одинъ Кезявкинъ суетился и кланялся съ веселымъ видомъ, надѣясь, что обыкновенная его дерзость поможетъ ему, какъ часто бывало, представить съ выгодной для него стороны все случившееся во время отсутствія князя и княгини.

«Послушай, Юдичъ» сказавъ князь Шуйскій: «ты часть-отъ-часу становишься глупѣе. Кого ты это вздумалъ хорошить на показъ всему міру, и куда ты распустилъ весь домъ? На что все это похоже? Словно ты и не ждаль насъ сегодня. Да что же ты молчишь, рыжая борода?» продолжалъ князь разгорячаясь: «мнѣ тошнѣ смотрѣть, что у меня, въ княжескомъ дому моемъ, нусто, какъ у какого-нибудь бѣднаго дворянчика или у Литовскаго шляхтича.

Сказывай скорѣе: гдѣ Ларька, гдѣ Дениска, гдѣ Осебка, гдѣ всѣ мои слуги?»

— Сейчасъ, сейчасъ доложу обо всемъ, занка-
ясь отвѣчать Кезявнинъ, не предвидѣвшій такого
гнѣва.

«Пора тебѣ отдохнуть, моя матушка» сказала
княгиня: ея кормилица: «нобереги силы свои; много
было трудовъ тебѣ.»

Задумчиво поглядѣвъ около себя, княгиня по-
шла въ свою комнату и хотѣла сѣсть у окна, отку-
да видно было все пронсходящее на дворѣ.

Горячо любя выкормленную ея грудью, но не
заимствовавшую отъ нея кротости ея и смиренія
дочь Малюты-Скуратова, старуха Паросновна, же-
лая, хотя на-время, скрыть отъ нея прискорбныя
новости, совѣтовала ей раздѣться и лечь въ постель,
откровенно сказавъ, что она въ ней приметъ
сильное изнеможеніе. Дѣйствительно, княгиня не по-
ходила на себя, несмотря что она по-обыкнове-
нію была густо набѣлена и парумана. По выра-
женію глазъ ея и по блѣднымъ ея губамъ нельзя
было сомнѣваться, что она или очень нездорова,
или сердечно огорчена. Тщетно силълась она пре-
одолѣть свое уныніе: сердце ея невольно замирало,
какъ-будто кто шепталъ ей на ухо, что она отжи-
ла спокойные дни свои. Она согласилась раздѣться,
но только-что сняла верхнее платье, князь вбѣжалъ
къ ней съ пылающимъ лицомъ.

«Ну, Катерина Григорьевна» вскричалъ онъ, бросившись на стоящія подъ окномъ огромныя кресла: «прибирай хорошенько добро твое; у насъ полноя домъ воровъ, или нѣтъ, нѣтъ, у насъ завелся одинъ, но онъ сгоняетъ цѣлой шайки. Разбойникъ Юдичъ вѣрно самъ обокралъ насъ, и, чтобы скрыть концы въ воду, замучилъ лучшихъ моихъ рабовъ.»

Княгиня дико смотрѣла, какъ-будто не понимая словъ его.

«Вотъ тебѣ, Катерина Григорьевна» продолжалъ князь: «все нелюбо было, что я хвалить Ларьку: будь покойна, онъ уже не попадетъ тебѣ на глаза: не увидишь ни его, ни его матери: по милости Юдича оба отиравились на тотъ свѣтъ. Теперь мнѣ не съ кѣмъ на охоту выѣхать; теперь некому у меня и ружья вычислитель; такого слуги, каковъ былъ Ларька, не сыщешь и днемъ съ огнемъ во всѣхъ моихъ волостяхъ. Проклятый Юдичъ съ зависти погубилъ его.... Но я самъ въ этомъ виноватъ: не зналъ, гдѣ былъ у меня умъ, когда я вздумалъ поручить мой домъ Юдину сыну; чего тутъ было ждать добраго! И еще божился, окаланный, что онъ изъ усердія къ намъ не щадилъ рабовъ нашихъ; но хотъ онъ треснулъ, я не повѣрю, чтобы Ларька укралъ царицынъ кубокъ.»

— Царицынъ кубокъ? съ заблуждающимся видомъ перервала княгиня: какой царицы, когда, на что?

«Такъ ты и не слыхала» отвѣчалъ князь: «что безъ насъ пропалъ золотой кубокъ съ алмазами,

подаренный тебѣ невестушкой Марьей Петровной, въ которомъ ты на последнемъ обѣдѣ подносила медъ покойному племяннику. Я думаю, что Паросновна успѣла тебѣ сказать объ этомъ.»

—Итъ, батюшка князь Дмитрій Ивановичъ, я не смѣла безъ твоей милости ничего разсказывать. Извольнѣ видѣть, какъ государыня Катерина Григорьевна и безъ того истомилась: вся не своя, моя сердечная! Ужъ подлинно, грѣхъ случился, продолжала кормилица: какъ я, воротаясь, ухлынула объ этомъ, ажъ волосы дыбомъ поднялись; сама видѣла, что онамедни, лишь вышли гости изъ столовой, Климъ Юдичъ тотчасъ ее заперъ. Чего въкъ у насъ не бывало: изъ-подъ ключа унесли лучший кубокъ! Пытали всѣ искать, куда онъ дѣвался, и Богу свѣчи ставили, и къ ворожеямъ ходили—ничто не помогло. И Климъ Юдичъ—прости ему Господи!—много, много хлопоталъ: слишкомъ двадцать человекъ по его приказу безъ языка снесли въ избу, а двое и советъ Богу души отдали, но и онъ ничего не дознался; словно самъ бѣсъ закопалъ кубокъ въ землю.

Княгиня сидѣла какъ истуканъ; только глаза ея сверкали и вертелись, и ихъ быстрое движеніе, — между-тѣмъ какъ всѣ черты были неподвижны и самое дыханіе непримѣтно,—казалось сверхъестественнымъ: чуденъ, страшенъ, невообразимъ былъ видъ ея! Возбѣшенный пропажю кубка и смертию любимаго охотника, князь Дмитрій Ивановичъ не-

умолкло ругать Кезявкина, грозя жестоко отмстить ему за худое радѣіе о порученныхъ ему вещахъ и за безсмысленную свирѣность. Кормилица, выплакавша всѣ слезы и истощившая всѣ догадки, столла поджавъ руки и опустила голову.

«Наросновна!» вскричалъ вдругъ князь сильнымъ голосомъ и указалъ пальцемъ на жену свою.

У старухи заняло духъ, такъ же какъ и у князя. Еслибы она увидѣла въ могилѣ огонь, еслибы заговорила съ нею мертвецъ, она не была бы такъ поражена. Но сила любви преодолѣла ужасъ: кормилица бросилась на помощь къ госпожѣ своей. Княгиня ее оттолкнула.

«Кровь! кровь!» вскричала она, и стала рвать съ себя платье.

Призывая въ помощь Московскихъ угодниковъ, Наросновна схватила съ полки, на которой стояли иконы, стклянку съ богоявленскою водою и усердно стала прыскать ею княгиню, между-тѣмъ какъ князь заботливо поддерживалъ жену свою. Съ трудомъ увѣрившись, что на ней и около нея ничто незамарано кровью, княгиня долго рыдала. Она не чувствовала истиннаго раскаянія, но невольно трепетала, воображая, что, рѣшившись на одно убійство, она сдѣлалась убійцею нѣсколькихъ людей; и когда князь, заговоривъ о кубкѣ, сказалъ, что онъ до-тѣхъ-поръ не будетъ спокоенъ, пока его не отыщутъ, княгиня не въ силахъ была долѣе танть по-ступокъ, слѣдствій котораго она не предвидѣла, или

по-крайней-мѣрѣ не воображала, чтобы они были такъ для нея мучительны. Удержавъ за руку мужа своего, хотѣвшаго выдти изъ комнаты, она сказала ему, что она отвезла кубокъ въ лавру, гдѣ и отдала его на поминовеніе душъ сестры своей царицы, ея сына юнаго царя Осодора и... князя Михаила.

КЪ ИВАНУ ИВАНОВИЧУ ДМИТРИЕВУ,

*по случаю стиховъ, напечатанныхъ въ 16 книжкѣ
«Московского Наблюдателя» 1857 года.*

Вотъ слава чистая какъ солнце въ ясный день;
Вотъ истинный талантъ, примагниченный какъ радость,
Какъ взоръ красавицы, какъ счастливая младость;
Вотъ ^ггеній-исполнѣе!... Пѣвецъ сокрылся въ сѣнь
Спокойства, отдыха на розахъ негашеныхъ —
И юноша-пѣвецъ, въ движеніяхъ сердца чистыхъ,
Пѣвцу маститому благоговѣнно дань
Приноситъ творческихъ, небесныхъ вдохновеній,
Которыхъ яркій свѣтъ, какъ діаманта грань,
Какъ искры сѣверныхъ ночныхъ воспоминаній,
Взыграетъ на радужномъ *клубящемся* оплывѣ!

И современники въ тебѣ, въ *своихъ* нѣвѣхъ,
Утѣшны, чело подъемля гордо къ Фебу,
И съ *Ермакомъ* тебя *благодаря* душой,
Вручаютъ снова дни твои благому Небу:
Да днѣтъ ихъ токѣ съ твоей прекрасною судьбой!

Князь Шаликовъ.

АНГЕЛУ-ХРАНИТЕЛЮ.

(Посл. Писскъ Озерской.)

Съ младенчества къ тебѣ съ мольбами,
Хранитель мой, я прибѣгалъ:
Молилъ и сердцемъ и устами,
Чтобъ безматеринными крылами
Мнѣ плоть и духъ ты осыпалъ,
Не покидая и мнѣ повѣнья
Меня безъ помощи святой...
И вѣкъ, съ слезами униженья,
Пыля, жаркія моленья
Тебѣ нести питомецъ твой.
Внемли мнѣ: пусть судьбѣ на волю
Отнышѣ буду вѣданъ я;
Идя по жизненному полю,
Пусть встрѣчу горестную долю,
Испыю всю горечь бытія,
Но ты покѣши меня, хранитель!
Покинь, и силою святой
Будь, будь отнынѣ утѣшитель

Души мнѣ милой и родной!
Люби ея; будь ей покровомъ;
Отъ бурь житейскихъ ограждай,
И надъ ея витая кровомъ,
И день и ночь не отлетай!
Пусть съ утромъ—новая ей радость,
А съ ночью—мирный, сладкій сонъ;
Пусть вся жизнь ей будетъ въ сладость,
Утѣхой каждый мигъ сочтѣнь.
Пусть чистотою херувима
Ея всѣ помыслы блестять,
А жезлъ порока идетъ мимо,
Далече унося свой лѣдъ...
Пусть мглою вѣчнаго несчастья,
Простертаго на жизнь мою,
Дни свѣтозарныя, дни счастья,
Душѣ-подругѣ я куплю:
И въ сладость будутъ мнѣ мученья,
И, счастьемъ роднымъ дыша,
Возвеселится въ дни гоненья
Моя унылая душа!

М. дк-Лавро.

1 Марта 1835.

БОРОДИНО.

«Скажи-ка, дядя, въдь не даромъ

Москва, спасенная пожаромъ,

Французу отдана.

Вѣдь были жь схватки боевыя,

Да, говорятъ, еще какіа!

Не даромъ помнить вся Россія

Про день Бородина!»

— Да, были люди въ наше время,

Не то, что нынѣшнее племя:

Богатыри — не вы!

Плохая имъ досталась доля:

Немногіе вернулись съ поля.....

Не будь на то Господня воля

Не отдали бь Москвы.

Мы долго молча отступали.

Досадно было, боя ждали,

Ворчали старики:

«Чтожь мы? на зимнія квартиры?
Не смѣютъ что-ли командиры
Чужіе изорвать мундиры
О Русскіе штыки?»

И вотъ пашни большое поле:
Есть разгуляться гдѣ на волю!
Построили редутъ.
У нашихъ ушки на макушкѣ!
Чуть утро освѣтило пушки
И лѣса снѣія верхушки—
Французы тутъ-какъ-тутъ.

Забить зарлѣдъ я въ пушку туго
И думалъ: угощу я друга!
Постой-ка, братъ, мусью:
Что тутъ хитрить, пожалуй къ бою;
Ужь мы пойдемъ ломить стѣною,
Ужь постоимъ мы головою
За родину свою!

Два дня мы были въ перестрѣлкѣ.
Что толку въ такой бездѣлкѣ?
Мы ждали третій день.

Повсюду стали слышны рѣчи:
«Пора добратся до картечи!»
И вотъ та полъ грозной сѣчи
Ночная пала тѣнь.

Прилежъ вздремнуть я у лафета,
И слышно было до разсвѣта
Какъ ликовалъ Французъ.
Но тихъ былъ нашъ бивакъ открытый:
Кто киверъ чистилъ весь избитый,
Кто штыкъ точилъ, ворча сердито,
Кусая длинный усъ.

И только небо засвѣтилось,
Все шумно вдругъ зашевелилось,
Сверкнулъ за строемъ строй.
Полковникъ нашъ рожденъ былъ хватомъ:
Слуга царю, отецъ солдатамъ....
Да, жаль его: сраженъ булатомъ
Онъ спитъ въ землѣ сырой.

И молвилъ онъ, сверкнувъ очами:
«Ребята! не Москва ль за нами?»
«Умремте жъ подъ Москвой,
«Какъ наши братья умирали!»

— И умереть мы обѣщали,
И клятву вѣрности сдержали
Мы въ Бородинскій бой.

Ну-жъ былъ дѣпѣкъ! Сквозь дымъ летучій,
Французы двинулись какъ тучи,
И все на наши редуты.
Уланы съ пестрыми значками,
Драгуны съ конскими хвостами,
Всѣ промелькнули передъ нами,
Всѣ побывали тутъ.

Вамъ не видать такихъ сраженій!...
Носились знамена какъ тѣни,
Въ дыму огонь блеснуть,
Звучаль булатъ, картечь визжала,
Рука бойцовъ колоть устала,
И ядрамъ пролетать мѣшала
Гора кровавыхъ тѣлъ.

Извѣдалъ врагъ въ тотъ день немало,
Что значить Русскій бой удамый,
Нашъ рукопашный бой!...
Земля тряслась—какъ наши груди,

Смѣшались въ кучу кони, люди,
И залпы тысячи орудій
Слились въ протяжный вой...

Вотъ смерклось. Были все готовы
Заутра бой затѣять новый
И до конца стоять...

Вотъ затрещали барабаны —
И отступили бусурманы.
Тогда считать мы стали раны,
Товарищей считать.

Да, были люди въ наше время,
Могучее, лихое племя :

Богатыри—не вы.

Плохая имъ досталась доля:
Немногіе вернулись съ поля.
Когда бъ на то не Божья воля,
Не отдали бъ Москвы.

М. Лермонтовъ.

А. Б.....ву и Г. Т.....му.

I.

Страстями знойными томимый,
Я звалъ на грудь свою людей;
Но въ хладныхъ скопищахъ толпы неумолимой
Не встрѣтилъ я своихъ друзей.
И думы лживыя стрѣлою пролетѣвъ,
И грустно стало мнѣ, и долго плакалъ я,
И съ горькою тоской влачилъ безъ чувствъ, безъ
цѣли

Оковы тяжкія земнаго бытія.
Я не таилъ скорбей передъ бездушнымъ свѣтомъ,
И чувствомъ чувство я и сердцемъ сердце звалъ;
Но, ахъ, въ холодномъ мірѣ этомъ
Никто душѣ не отвѣчалъ!
Одной слезы въ часы моей печали
Одной слезы я у людей просилъ;
Но и въ слезѣ мнѣ люди отказали,
И я печаль свою одинъ въ душѣ носилъ.
И съ горькой жалобой въ часъ тяжкаго недуга

Я такъ ропталъ на грустный жребій свой:
«Любви ты не даёшь мнѣ, такъ дай въ замѣну друга;
Пусть облегчить онъ часть моей тоски тѣмой!
Уже ли въ жизни сей никто не отзовется,
Никто съ улыбкою мнѣ не подастъ руки,
Никто съ душой моей душою не сольется,
Не раздѣлитъ моей тоски?
Быть-можетъ, недругъ мой глаза мои закроетъ
И въ тѣсный гробъ меня втолкнётъ,
Съ хулой безчувственной заростъ
И съ дикимъ смѣхомъ отойдетъ!...»

II.

Судьба въ отвѣтъ на ропотъ мнѣ вѣщала:
Безумецъ, два пути лежали предъ тобой,
И я на выборъ твой тебѣ ихъ отдавала.
Ты избрала путь: зачтоже ропотъ твой?
Мой первый путь лежалъ между цвѣтами—
Толпа людей по немъ идетъ
И убрала онъ роскошными мечтами;
Но къ свѣту истины тотъ путь не приведетъ.
Второй мой путь—есть путь страданий;
Кто изберетъ его—не жди веселыхъ дней:
Его покинетъ рой мечтаній
И встрѣтитъ ненависть людей.
По терніямъ проходить путь печальный,

Надежда странника на немъ не оживить,
И только факель погребальный
Его порою озарить.
Но кто, начавъ отъ колыбели,
До трудной пристани по терніямъ дойдетъ,
Тому вѣнецъ у дальней цѣли,
На персяхъ истины страдалецъ отдохнетъ.
Ты властенъ быть располагать судьбою;
Мечтатель пламенный, ты избралъ трудный путь,
Иди по немъ—я разочлась съ тобою;
До цѣли негдѣ отдохнуть!

III.

И, неутѣшенный, я снова въ путь стремился—
И снова дикій смѣхъ людей,
Какъ громъ, во слѣдъ за мной носился,
Смущая миръ души моей:
«Гдѣ истина твоя? гдѣ цѣль твоихъ желаній?
Намѣсто вѣрныхъ благъ, безумецъ, принявъ ты
Голодный міръ несбыточныхъ мечтаній
И посохъ тяжелой нищеты.
Бѣги отъ насъ, суровый проповѣдникъ,
Не жди сочувствія къ мученіямъ твоимъ;
Нѣтъ, грозной истины восторженный наслѣдникъ,
Мы слезъ твоихъ не раздѣлимъ.
Ты жаждалъ истины—она тебя мечтами

Обворожить и увлечь;
Ты жертвовалъ, бѣднякъ, ей вѣрными дарами—
А истина тебя же осмѣетъ.
Не открывай намъ будущаго клада;
Мы не хотимъ его—онъ твой;
Сходи на дно могилы; тамъ вся твоя награда—
Остатокъ тынія съ трапезы гробовой!»

IV.

Судьбѣ таинственной послушный,
Я принялъ на душу презрѣніе людей,
И, прахъ отъ ногъ стряхнувъ, я бросилъ свѣтъ без-
душный
И грязныхъ чадъ разврата и страстей;
Я скрылъ отъ нихъ завѣтъ моей печали,
Святую заповѣдь таинственной судьбы;
И люди хладные не знали
Моихъ скорбей, моей борьбы.
Я сердце жадное любви невыразимой
Мертвящимъ холодомъ облекъ,
И огненный языкъ тоски неукротимой
Я безусловному молчанію обрекъ.
Я пламенемъ страстей съ толпой не торговалъ,
Подъ непломъ сердца онъ, пожравъ его, погасъ;
Я міра жалкаго чуждался
И не далъ страсти на показъ.

Они тоски моей не знали
Своей тоски я имъ не открывалъ,
И ропоть тяжкія печали
На лъвахъ сердца измиралъ.

V.

Но въ этотъ мигъ, когда надежды милой
Послѣдній лучъ въ глазахъ моихъ погасъ,
Но въ этотъ мигъ передъ могилой,
Друзья мои, я встрѣтилъ васъ!
И вы меня не оттолкнули,
Какъ брата приняли въ свой кругъ,
И о судьбѣ моей вздохнули,
И облегчили мой недугъ.
Не подкупавъ друзей себѣ постыднымъ торгомъ,
Съ какою радостью отъ васъ
Услышалъ съ трепетнымъ восторгомъ
Я имя друга въ первый разъ!
О, свято, свято имя друга
Тому, кто видитъ въ немъ, какъ я,
И исцѣленіе недуга
И всѣ надежды бытія!
Тому, кто съ тщетною мольбою
Одной души себѣ просилъ,
Но между кладною толпою
Ея нигдѣ не находилъ.

Ко мнѣ, друзья! въ мои объятья!
О дайте слезы, дайте мнѣ
Судьбы карающей проклятья
Сокрыть въ сердечной глубинѣ!
Одно блаженное мгновенье
Изъ горькой чаши бытія,
Прошедшихъ мукъ минутное забвенье
Изъ рукъ судьбы украду я.
На вашу грудь я перелью страданье;
Одножатіе руки,
Одну слезу, одно лобзанье—
И снова въ путь по терніямъ тоски!
И снова въ путь — пока передо мною
Спадетъ завѣса бытія
И тайны міра предъ собою
Въ лучахъ зари увижу я!

Э. Губертъ.

ЗАПИСКИ БРИГАДИРА МОРО- ДЕ-БРАЗЕ.

о походе 1711 года.

*Съ предисловіемъ и примѣчаніями
А. С. Пушкина.*

Въ числѣ иноземцевъ, писавшихъ о Россіи, Моро-де-Бразе заслуживаетъ особенное вниманіе. Онъ принадлежалъ къ толпѣ тѣхъ наемныхъ храбрецовъ, которыми Европа была наводнена еще въ началѣ XVIII столѣтія и которыхъ Валтеръ-Скоттъ такъ гениально изобразилъ въ лицѣ своего капитана: Dalgetty.

Моро былъ родомъ Французскій дворянинъ. Вслѣдствіе какой-то ссоры принужденъ онъ былъ оставить полкъ, въ которомъ служилъ офицеромъ, и искать фортуны въ чужихъ государствахъ. Въ началѣ 1711 года, услыша о выгодахъ, доставляемыхъ Петромъ I иностраннымъ офицерамъ, пріѣхалъ онъ въ Россію и принять былъ въ службу полковникомъ. Онъ былъ сандѣтелемъ несчастному

походу въ Молдавію, и послѣ Прутскаго мира былъ отставленъ отъ службы съ чиномъ бригадира. Онъ скитался потомъ по Европѣ, предлагалъ свои услуги то Австріи, то Саксоніи, то Венеціанской-Республикѣ, получалъ отказы и вспоможенія; сидѣлъ въ тюрьмѣ, и проч.

Онъ былъ женатъ на вдовѣ, женщины хорошей дворянской фамиліи, и которая для него перемѣнила свое вѣроисповѣданіе. Она, какъ кажется, была то, что Французы называютъ *une aventurière*. Въ 1714 году, г-жа Моро-де-Бразе была при дворѣ государыни великой княгини, супруги несчастнаго царевича, но не ужилась съ молодымъ графомъ Левенвольдомъ и была выслана изъ Петербурга.

Въ 1735 году, Моро издалъ свои записки подъ заглавіемъ: *Mémoires politiques, amusans et satiriques de messire J. N. D. B. C. de Lion, colonel du régiment de dragons de Casanski et brigadier des armées de Sa M. Czarienne, a Veritopolis chez Jean Dibaut-vrai. 3 volumes.* Въ сихъ запискахъ слишкомъ часто принужденъ онъ оправдывать то себя, то свою жену. Онѣ не имѣютъ ни прелести Гамельтона, ни оригинальности Казановы; слогъ ихъ столь же тяжелъ, какъ и неправиленъ. Впрочемъ Моро писалъ свои сочиненія съ небрежной увѣренностію дворянина, а смотрѣлъ на ихъ успѣхъ съ философіей челоуѣка, знающаго цѣну славы и деньгамъ. «*Qui que vous soyez, ami lecteur*» говоритъ онъ въ своемъ предисловіи: «*quelque élevé que soit votre genie, quelques superieures que soient*

vos lumières, quelque délicate enfin que soit votre manière de parler et d'écrire, je ne vous demande point de grace et vous pouvez-vous égayer en critiquant ces amusements, que je laisse à la censure publique; mais en vous donnant carrière à mes depens et aux vôtres, car il vous en coutera votre argent pour lire mes ouvrages, souvenez-vous qu'un gallant homme qui se trouve au fond du nord, avec des gens la plupart barbares dont il n'entend pas la langue seroit bien à plaindre, s'il ne savoit pas se servir d'une plume pour se desennuyer en écrivant tout ce qui se passe sous ses yeux. Vous savez qu'il n'est pas donné à tout le monde de penser et d'écrire finement. Sur ce pied vous m'excuserez, s'il vous plait, s'entend, par la raison qu'il y auroit bien des gens inutiles, s'il n'y avoit que ceux qui pensent et qui écrivent dans le goût raffiné qui s'en mêlent; vous y perdriez les nouvelles de ces pays perdus, que je vous donne, où les bonnes plumes ne sont pas familières. Adieu, lecteur mon ami, critiquez; plus il y aura de censeurs, mieux mon libraire s'en trouvera. Ce sera une marque qu'il débitera mon livre et qu'il retirera les fruits de son travail.

Sunt sanis omnia sana.

Записки Моро перемѣшаны съ разными стихотвореніями, иногда чрезвычайно вольными, большею частию собранными имъ; ибо онъ, вѣроятно, по своей драгунской привычкѣ, располагалъ иногда чужою литературною собственностію, какъ непріятельскою.

Впрочемъ онъ и самъ написалъ множество стиховъ. Выпишемъ нѣсколько строфъ изъ его оды къ королю Августу, какъ образецъ его поэтическаго таланта.

En quittant le Brabant j'épousai la querelle
Du Czar votre allié, je cru le bien servir,
J'ai même cru longtems p̄voir lui convenir.

Et quoiqu'il agréa mon zèle,
Je fus contraint de revenir.

Le sang que j'ai versé, les pertes que j'ai faites
D'un équipage entier que je n'ai point gagné;
Qui fut par le Turban dans le combat pillé
Furent les tristes interprètes
Qui m'annoncèrent mon congé.

Renvoyé sans argent du fond de la Russie;
Etranger, sans patron et toujours malheureux,
Je cherche le secours d'un prince généreux
A qui je viens offrir ma vie
Egalement comme mes vœux.

Ne croyez pas, grand Roi, qu'ardent en espérance,
J'ose vous demander plus que mon entretien,
Dans mon état present, que je ne me sai rien,
Un peu d'honneur pour ma naissance
Un peu de bien pour mon soutien.

Эти стихи доказываютъ, что финансы отставнаго бригадира находились не въ цвѣтущемъ состояніи. Впрочемъ Августъ велѣлъ выдать ему триста

гульденовъ, и Моро былъ очень доволенъ ; должно признаться, что ода и того не стоила.

Разсказъ Моро-де-Бразе о походѣ 1711 года, лучшее мѣсто изъ всей книги, отличается умомъ и веселостію беззаботнаго бродяги; онъ заключаетъ въ себѣ множество любопытныхъ подробностей и неожиданныхъ откровеній, которыя можно подмѣтить только въ пристрастныхъ и вмѣстѣ искреннихъ сказаніяхъ современника и свидѣтеля.

Renvoyé sans argent du fond de la Russie,

Моро не любитъ Русскихъ и недоволенъ Петромъ; тѣмъ замѣчательнѣе свидѣтельство, которыя вырываются у него по-неволѣ. Съ какой просто-душной досадою жалуется онъ на Петра, предпочитающаго своихъ полудикихъ подданныхъ храбрымъ и образованнымъ иноземцамъ! Какъ живо описанъ Петръ во время сраженія при Прутѣ! Съ какой забавной вѣтренностію говорить Моро о нашихъ грендерахъ, *qui, quoique Russes, c'est á dire peu pitoyables, vouloient monter á cheval pour secourir ces braves Hongrois (*)*, на что чувствительные Нѣмцы, ихъ начальники, не хотѣли однако согласиться. Мы не хотѣли скрыть или ослабить и порицанія, и вольныя сужденія нашего автора, будучи увѣрены, что таковыя нападенія не могутъ повредить ни славѣ Петра Великаго, ни чести Русскаго народа. Предлагаемъ «Записки бригадира Моро»,

(*) Тринадцать Венгерцевъ, кинувшихся въ средину Турецкой колонны.

какъ важный историческій документъ, который не-
должно смѣшивать съ нелѣпыми повѣствованіями
иностранцевъ о нашемъ отечествѣ.

Начинаю съ замѣчательнѣйшаго и самаго бле-
стящаго изъ событій, конемъ былъ я свидѣтель въ
этой глухой сторонѣ: именно съ войны, объявлен-
ной султаномъ Петру Алексѣевичу, Императору
Великой и Малой-Россіи. Но дабы представить ее
въ истинномъ видѣ, мнѣ должно будетъ описать
предшествовавшія обстоятельства. Позвольте мнѣ (*)
обратиться къ тому времени, какъ Шведскій король
Карль XII, восторжествовавъ надъ Фридрикомъ-
Августомъ (королемъ Польскимъ и курфирстомъ
Саксонскимъ) и надъ Его Царскимъ Величествомъ (**),
бросился въ Саксонію, возвелъ на Польскій пре-
столь Станислава, и принудилъ Августа отказаться
отъ короны съ сохраненіемъ единого королевскаго
титула. Въ это время Шведскій король могъ заклю-
чить честный и выгодный миръ, предлагаемый ему
Царемъ. Положеніе его было самое счастливое: у
него было до 40.000 прекраснаго войска, обык-
шаго къ болмъ и цѣлымъ десять лѣтъ избалован-
наго побѣдами; у войска всего было вдоволь: оно
обогащалось въ Саксоніи, не безъ обиды и притѣ-

(*) Моро-де-Бразе относится въ своихъ запискахъ къ неизвестной
дамѣ. *Прим. А. С. Пушкина.*

(**) Должно было прибавить: и надъ Датскимъ королемъ Фридри-
комъ IV, который началъ сѣверную войну и первый почувствовалъ
когти Шведскаго льва. *Прим. А. С. П.*

сненій обывателямъ. Главная цѣль Шведскаго короля была имъ достигнута. Фридерикъ - Августъ былъ низверженъ. Онъ могъ отдѣлаться отъ прочихъ своихъ непріятелей миромъ, котораго они сами домогались. Вспомнимъ, что Карлъ XII былъ главнымъ посредникомъ при заключеніи Ризвицкаго мира. Онъ могъ обезоружить Европу, воюющую за Испанское наслѣдство, еслибы только объявилъ себя противникомъ сторонъ несогласной на общій миръ. Даже было о томъ и предположеніе, устроенное г-мъ де Бонакомъ, Французскимъ чрезвычайнымъ посломъ при его дворѣ; но герцогъ Марибругъ отворотилъ ударъ, прибывъ въ Саксонію и успѣвъ задарить г-на Пипера Англійскимъ и Голландскимъ золотомъ (*). Сей министръ изъ благодарности разрушилъ мѣры, уже принятые для утвержденія общаго мира, и завлекъ Карла XII въ преслѣдованіе Петра въ предѣлы областей Его Царскаго Величества, — роковое предпріятіе, дорого ему стоившее!

Шведскій король вышелъ изъ Саксоніи со всеми своими полками. Онъ оставилъ въ Польшѣ, для поддержанія Станислава, имъ коронованнаго, 20.000 войска (въ томъ числѣ 9.000 новоприбывшаго изъ Швеціи) подъ начальствомъ генерала графа Крассау; а самъ пошелъ къ Днѣпру, перепра-

(*) Такъ вообще думали въ Европѣ. Вольтеръ съ этимъ несогласенъ: Il est certain que Charles étoit inflexible dans le dessein d'aller détrôner l'Empereur des Russes, qu'il ne recevoit alors conseil de personne et qu'il n'avoit pas besoin des avis du comte Piper pour prendre de Pierr Alexiowitz une vengeance qu'il cherchoit depuis longtems. *Histoire de Charles XII. Прил. А. С. П.*

вился чрезъ него, несмотря на всѣ препятствія, и приблизился къ самой Полтавѣ, гдѣ Его Царское Величество остановился и укрѣплялся, предавъ огню и разоренію собственную землю, дабы отнять у непріятеля способы къ пропитанію.

Вся Европа видѣла конецъ несчастнаго похода и паденіе короля дотоле непобѣдимаго. Войско его было уничтожено или захвачено въ плѣнь. Его совѣтъ, чиновники, за нимъ послѣдовавшіе, имѣли ту же участь; самъ король, дабы не попасться въ руки своимъ врагамъ, пробился, съ тремястами конныхъ, въ Турецкую землю, за Днѣстръ, въ сосѣдство Буджакскихъ Татаръ и искалъ убѣжища въ Бендерахъ.

Это удивительное пораженіе измѣнило всѣ его дѣла не только въ Польшѣ, но и въ собственномъ его государствѣ. Крассау, получивъ о томъ извѣстіе и не будучи въ состояніи держаться долѣе въ Польшѣ, поспѣшно удалился въ Померанію. Станиславъ за нимъ послѣдовалъ, страшась попасться въ руки приверженцамъ Августовымъ.

Польскій король обнародовалъ манифестъ, въ которомъ отказывался отъ мира, имъ заключеннаго съ Карломъ XII, объявляя, что принужденъ былъ на оный согласиться, дабы избавить свои насѣдственные области отъ насилія Шведскихъ войскъ, разорвавшихъ Саксонію, и что министры, имъ употребленные для переговоровъ, нестати обязали его и преступили его предписанія. Потомъ явился

онъ въ Польшѣ, и, поддерживаемый великимъ гетманомъ Снявскимъ, имѣя въ своей власти коронное войско и множество приверженцевъ, онъ снова вступилъ на престолъ и по прежнему признанъ королемъ.

Съ другой стороны король Датскій, видя что Карлъ въ Турціи, а что войско его уничтожено, и полагая, что ему легко будетъ завоевать Скандію (*) и далѣе вступить въ Швецію, обратилъ туда свои войска. Генералы его вторгнулись въ сію соседственную область, предметъ всегдашней его зависти. Но Шведы, большею-частью кое-какъ и кой-гдѣ набранные люди, разбили ихъ на-голову. Датское войско бѣжало, подрезавъ жилы ногъ у лошадей, дабы не могли онъ служить непріятелю, и бросивъ казну, обозъ и артиллерію.

Его Царское Величество, пользуясь разбитіемъ непріятеля, двинулъ поспѣшно полки свои въ Финляндію. Между-тѣмъ король Датскій и Польскій должны были въ одно время войти въ Померанію, дабы произвести диверсію и облегчить Царю завоеваніе провинцій, которой онъ давно добивался и отъ которой онъ уже успѣлъ *отлупить* (**) Нарву, дабы защищать Петербургъ - новый, укрѣпленный городокъ, выстроенный имъ на рѣкѣ *Нервѣ* (Nerva) въ началѣ войны.

(*) Шоны.

(**) Dont il avoit déjà écorné Narva. *Прил. А. С. II.*

Сего недовольно; новое бѣдствіе поразило Швецію, гдѣ въ отсутствіи короля учрежденъ былъ советъ изъ лучшихъ и благоразумѣйшихъ головъ всего государства: явилась чума въ Стокгольмѣ, въ Сканин, въ Померани и во всей Лифляндіи, гдѣ свирѣпствовала во всей своей силѣ. Въ сіе-то время Его Царское Величество вознамѣрился овладѣть Лифляндіей и началъ свои завоеванія осадою Риги. Городъ принужденъ былъ къ сдачѣ болѣе чумою, нежели силою оружія и бомбами, которыя, безъ сего Божьяго наказанія, не принесли бы Царю великой пользы.

Около сего времени прибылъ я въ Ригу проситься въ службу къ Его Царскому Величеству, твердо рѣшившись скорѣе умереть съ голоду, нежели воевать противу отечества моего и вредить его пользѣ.

Царь, послѣ взятія Риги, поручилъ князю Меншикову взять Ревель и Пернау, города укрѣпленные, имѣющіе гавани на Балтійскомъ-Морѣ.

Князь Меншиковъ завоевалъ ихъ тѣмъ же средствомъ, какимъ взята была Рига: чума предала ихъ въ его руки и увѣнчала его лаврами, межъ-тѣмъ какъ осыпала кипарисомъ несчастную Лифляндію, Курляндію, Литву и Пруссію.

Послѣ Ревеля и Пернау князь Меншиковъ, не нашедъ Выборга достойнымъ своего личнаго присутствія, отрядилъ къ оному генералъ-лейтенанта

Брекольса (Bresols) (*) съ достаточнымъ числомъ войска, а самъ отправился въ Петербургъ отдать во всемъ отчетъ Его Царскому Величеству (**). Онъ принять былъ какъ побѣдитель; его пожаловали губернаторомъ Лифляндіи (Онъ уже былъ герцогомъ Нингерманландскимъ).

Порта испугалась быстротѣ сихъ завоеваній. Султаны и его сановники предвидѣли, что сосѣдь ихъ, если усилятся, то нанесетъ имъ современемъ большія огорченія. Завоеваніе Азова (***) лежало у нихъ на сердцѣ, тѣмъ болѣе, что Царь въ укрѣпленіи онаго сдѣлалъ значительныя улучшенія, и содержалъ въ немъ морское войско, притѣсняя тѣмъ Турецкую торговлю на Черномъ-Морѣ, если ужъ не во все ее уничтожал. Сверхъ-того, для защиты Азова и окрестностей онаго, Петръ выстроилъ новыя крѣпости. Все это, при помощи пруссовъ Шведскаго короля, понудило Порту объявить войну Его Царскому Величеству. Царь получилъ о томъ извѣстіе по прибытіи князя Меньшикова и по распределеніи войскъ по квартирамъ послѣ столь многотрудной компаніи. Онъ сталъ пена-шутку заботиться о приготовленіяхъ къ будущему походу, да-

(*) Бергольцъ, генералъ - майоръ. *Прил. А. С. II.*

(**) Все это писано изобумъ. Выборгъ взятъ былъ не Бергольцемъ, но сдѣлалъ генералъ - адмиралу графу Андраксину, въ присутствіи самаго Царя, 11 іюля 1710 года. Чернау взятъ 14 ав уста того же года не княземъ Меньшиковымъ, а генераломъ Боуромъ, отразившимъ изъ-подъ осажденной Риги. Ревель взятъ имъ же Боуромъ 29 сентября, и проч. *Прил. А. С. II.*

(***) Azof, sur la Mer-Noir, пишетъ Моро. *Прил. А. С. II.*

бы предупредить, буде возможно, опаснаго непріятеля, который на него навязывался.

Генералъ-лейтенантъ Беркгольцъ взялъ Выборгъ, но не безъ потери и не безъ труда. Царь однакожь, въ знакъ благоволенія, прислалъ ему свой портретъ, осыпанный алмазами, и повелѣлъ войска, осаждавшія Выборгъ, Ревель и Перновъ (кроме конницы) распределить по симъ городамъ. Всей же конницѣ, кроме нѣсколькихъ драгунъ, приказано идти въ Верхнюю-Польшу и въ Польскую-Россію (*dans la Haute Pologne et dans la Russie Polonoise*), гдѣ легче было ее продовольствовать, нежели въ Лифляндіи, коей всѣ почти селенія опустошены были чумою (*).

Около ноября мѣсяца курьеръ отъ князя Меншикова привезъ уполномоченному генералъ-коммиссару Лифляндскому барону Левенвольду приказаніе собрать Рижскихъ дворянъ и объявить имъ, что князь черезъ мѣсяцъ прибудетъ въ Ригу для принятія отъ нихъ присяги въ вѣрности и подданствѣ Его Царскому Величеству. Между разными новостями князь прислалъ Левенвольду и условія, недавно предложенныя Портою Царю, во избѣжаніи войны, неминуемой въ случаѣ несогласія съ его стороны. Я жилъ у Левенвольда. Мы провожали вмѣстѣ часы веселія на досугѣ. Опъ показалъ мнѣ эти условія; они состояли изъ семи статей:

1. Возвратить Азовъ, а укрѣпленія, вновь приложенныя къ прежнимъ, также и новыя крѣпости, выстроеныя по берегамъ Чернаго-Моря, разорить.

(*) Отсюда рассказъ Моро становится достовернымъ. *Прил. А. С. П.*

II. Расторгнуть совершенно союзъ заключенный съ Фридрихомъ - Августомъ, курфирстомъ Саксонскимъ, и принять Станислава королемъ Польскимъ.

III. Возвратить всю Лифляндію и вообще все завоеванное Русскими Шведскому королю, а Петербургъ разорить и срыть до основаній.

IV. Заключить наступательный и оборонительный союзъ съ королями Карломъ XII и Станиславомъ противу Фридриха-Августа, курфюрста Саксонскаго, если курфирстъ возобновитъ притязанія свои на Польскій престолъ, имъ уступленный Станиславу.

V. Казакамъ возвратитъ прежнюю вольность и преимущества.

VI. Возвратить *натурой или иначе* все что король Шведскій потерялъ черезъ Полтавское сраженіе.

VII. Морское войско и флотъ отвести къ Воронежу и съ нимъ къ Черному-Морю не приближаться.

Еслибъ Его Царское Величество находился въ положеніи Шведскаго короля, то и тутъ Порта не могла бы предложить ему условія болѣе притѣснительныя. Зато ихъ и не приняли. Стали сильно готовиться къ войнѣ, дабы доказать Портѣ, что Его Величество не дошелъ еще до того, чтобы могъ выслушивать таковыя предложенія.

Между-тѣмъ какъ Царь созывалъ совѣтъ за совѣтомъ для опредѣленія мѣръ нужныхъ противу столь опаснаго непріятеля, повсюду приготовляли

войско къ выступленію въ походъ по первому приказанію. Посреди сихъ приготовленій, и въ самое то время какъ государь болѣе всего казался озабоченнымъ, Курляндскій герцогъ женился въ Петербургѣ на племянницѣ государя. Бракъ сей праздновать князь Меншиковъ и праздновать по-царски. Но молодой герцогъ такъ былъ невосдержанъ на пирахъ, данныхъ по тому случаю, и такъ много пилъ Венгерскаго (къ чему Русскіе привыкли), что шесть дней послѣ свадьбы онъ занемогъ на обратномъ пути въ свои владѣнія, на первомъ ночлегѣ, и умеръ чрезъ пять дней. Объ немъ очень жалѣли его подданные и всѣ тѣ, которые имѣли честь быть съ нимъ знакомы. — Герцогъ былъ любезный молодой человекъ и много обѣщалъ.

Нѣсколько времени спустя послѣ погребальнаго его шествія чрезъ Ригу въ Митаву, столицу Курляндскаго-Герцогства, гдѣ долженъ былъ онъ быть похороненъ между гробами герцоговъ, своихъ предковъ, князь Меншиковъ изъ Ревеля и Пернова, гдѣ принималъ онъ присягу дворянства, прибылъ въ Ригу для той же церемоніи. Въ три дня князь привелъ къ концу препорученіе, на него возложенное, и возвратился въ Петербургъ.

Его Царское Величество отправилъ изъ Петербурга своихъ генераловъ, cadaго къ своей дивизіи, и повелѣлъ генералъ-фельдмаршалу графу Шереметеву вывести въ поле полки, назначенные къ походу, и самому слѣдовать за ними къ Дибсгтру, гдѣ вся армія должна была собраться.

Съ другой стороны повелѣлъ онъ адмиралу и вице-адмиралу, находившимся при его особѣ, ѣхать въ Азовъ, а самъ отправился въ Москву. Тамъ осмотрѣлъ онъ рекрутовъ, набранныхъ по его повелѣнію, и отправилъ ихъ къ Смоленску, гдѣ ихъ ожидалъ отрядъ, дабы препроводить въ Подолію для распредѣленія по полкамъ. Царь потомъ занялся послѣдними приуготовленіями, отправилъ казну, и самъ наконецъ поѣхалъ въ Польшу, поручивъ князю Меншикову надзоръ надъ непріятелемъ въ Лифляндіи.

24 февраля 1711 года дивизія князя Рѣпинна, стоявшая около Ревеля и Пернова, выступила въ походъ къ Подоліи, назначенной сборнымъ мѣстомъ для всѣхъ войскъ. Баронъ Амартъ, одинъ изъ искусснѣйшихъ генераловъ Его Царскаго Величества, выступилъ изъ Литвы со своею дивизіей; то же сдѣлали генералы Вейде и баронъ д'Энгобергъ.

Имѣвъ честь быть приняту полковникомъ Казанскаго драгунскаго полка и бригадиромъ войска Его Царскаго Величества, получилъ я приказаніе ѣхать въ свой полкъ и къ своей бригадѣ, находившейся въ Польской-Россіи на зимнихъ квартирахъ. Я имѣлъ дозволеніе взять изъ Курляндіи драгуновъ, сколько мнѣ ихъ понадобится, для доставленія всего нужнаго мнѣ и людямъ моимъ во все время столь долгаго пути: отъ Риги до Сороки, что на Днѣстрѣ, къ сторонѣ Молдавіи, гдѣ соединилась армія, считается 266 Нѣмецкихъ миль, или 532 Французскихъ миль. Я повиновался данному мнѣ приказанію и от-

правился въ эту дальнюю дорогу съ двадцатью только драгунами. Я ѣхалъ на Митаву, Вильну, Новогрудскъ, Слуцкъ, Давидоградскъ (отъ косяго въ шести Французскихъ лѣ переправился черезъ Днѣпръ, рѣку опасную, неимѣющую береговъ, и разливающуюся направо и налево, на разстояніе нѣсколькихъ лѣ), потомъ на Полось, Острогъ, Мазибушь, Леополь, Замосць, Тарнаполь, Сатанопъ и Шарградъ, (Разградъ?), гдѣ настигъ я армию. Сей послѣдній городъ былъ нѣкогда весьма обширенъ и имѣлъ знатную торговлю. Но во время войнъ Польши съ Портою, Турки его опустошили; теперь одні развалины свидѣтельствуютъ о томъ, чѣмъ былъ онъ прежде.

Генералъ - фельдмаршалъ графъ Шереметевъ, вслѣдствіе своихъ повелѣній, нашелъ въ Бродахъ всю свою кавалерію, собранную начальникомъ оной генераломъ Янусомъ. Фельдмаршалъ пошелъ къ Могилеву съ нею и съ пѣхотными полками Ингерманландскимъ и Астраханскимъ, сопровождавшими его отъ самой Риги. Тутъ и переправился онъ чрезъ Днѣстръ въ трехъ разныхъ мѣстахъ, и занялъ Молдавію. Господарь отложился отъ Порты, передался фельдмаршалу и привелъ къ нему до шести тысячъ плохой Молдавской конницы; ихъ всадники большею - частию вооружены стрѣлами или полупиками, подобно казакамъ; всѣ они ужасные вори.

Дивизія генерала Алларта достигла Днѣстра, первая изъ всей пѣхоты. Вслѣдъ за нимъ прибыли въ тотъ же день генералы Брюсъ и Гинтеръ со всею артиллеріей и своими полками. Баронъ Аллартъ пе-

реправился черезъ Днѣстръ на понтонахъ и поспѣшилъ занять укрѣпленіе въ Сорокѣ, чему никто и не думалъ воспротивиться.

Сорокъ - пять лѣтъ передъ - тѣмъ, крѣпость эта выдержала славную осаду. 40,000 Турокъ и 40,000 Татаръ, подъ предводительствомъ сераскира, принуждены были, послѣ шестимѣсячныхъ тщетныхъ усилій, со стыдомъ отступить, покинувъ лагерь и всю артиллерію, за что сераскиръ заплатилъ своею головою.

Генераль Амартъ нашелъ хорошіе подземельные погреба, нѣсколько сабель, нѣсколько боченковъ пороху, но мало съѣстныхъ припасовъ.

Il y ordonna des ouvrages extérieurs, qu'il traça lui-même, et un pont sur le Niester qui eut pour tête le chateau fort bon pour le pays, et deux doubles tenailles en queue.

Генераль Амартъ, сверхъ многихъ другихъ достоинствъ, есть одинъ изъ лучшихъ инженеровъ своего времени. Онъ умѣетъ искусно развѣдать мѣстныя обстоятельства, расположиться лагеремъ, воспользоваться выгодами и начертать вѣрную карту театру войны.

Покаместъ, по его приказанію, войско занималось работами, генераль-лейтенантъ Брюсъ - переправилъ артиллерію подъ прикрытіемъ неразлучныхъ съ нею полковъ канонерскихъ и бомбардирскихъ; онъ

расположить свой паркъ влѣво отъ укрѣпленія, на полуостровѣ, образуемомъ рѣкою.

30 мая дивизія генерала Адама - Вейде заняла Дибетровскія высоты въ получасъ отъ Сороки, въ прекрасной долинѣ, куда прибылъ въ тотъ же день генераль баронъ Денебергъ. На другой день, 31 мая, генераль князь Рининъ сталъ тамъ же, на лѣвой сторонѣ линіи.

Его Царское Величество изъ Москвы отправился въ Польскій Ярославъ, гдѣ, по просьбѣ его, собраны были королемъ Польскіе сенаторы, съ тѣмъ чтобы принудить, если возможно, республику, соединиться съ Россіею противу невѣрныхъ. Но сенаторы рѣшили иначе: положено было республикѣ, держась условій Карловицкаго мира, никакимъ образомъ не мѣшаться въ эту новую войну, ибо довольно было ей и своихъ междоусобій.

Не успѣвъ въ своемъ намѣреніи, государь отправился въ армію всопровожденіи генерала Рене, остававшагося въ окрестностяхъ Ярослава съ частію конницы для охраненія особы Его Величества.

12 іюня (*) (ст. ст.) государь прибылъ на берегъ Днѣстра съ Императрицею, съ своими министрами,

(*) У Моро поставлено здѣсь 9 іюня: ошибка или опечатка. Въ журналѣ Петра Великаго сказано: «во 12 день (іюня) прибыли (Нхъ Величества) съ гвардіей къ рѣкѣ Днѣстру, гдѣ случились съ пѣхотными дивизіями генерала Вейде и Аларта»; отсюда и отъ того же числа Петръ написалъ нѣсколько писемъ, *Прил. А. С. II.*

съ казною, съ Пресображенцами и Семеповцами (*les Breobrasenski et Simonovski*), своею гвардією; полки сін, хотя пѣхотные, но въ походѣ садятся на конь и идутъ съ литаврами, штандаргами и трубами; (тожь и Ингерманландскій и Астраханскій). Въ лагерь или въ городъ имъ возвращаютъ барабаны.

13 іюня, поутру, Его Величество дѣлалъ смотръ пѣхотѣ; послѣ обѣда посѣтилъ онъ мостъ, уже оконченный попеченіями генерала Алларта, также и новыя укрѣпленія Сороки. Государь былъ очень доволенъ. Потомъ осмотрѣлъ онъ артиллерію и возвратился въ свой лагерь.

14-го былъ у Его Величества большой военный совѣтъ; на немъ присутствовали всѣ генералы, которые могли только пріѣхать. И на семь-то совѣтъ предприняты были государемъ, по внушенію его министровъ и Русскихъ генераловъ, мѣры, произведшія бѣдствія, которыя можно было избѣжать, еслибъ обратили порядочное вниманіе на положеніе, въ которомъ находилось войско, на мѣстныя обстоятельства и на состояніе земли, въ которую готовились вступить; однимъ словомъ, если бы Его Величество согласился съ мнѣніемъ своихъ *Нѣмецкихъ* генераловъ (*), которые, кромѣ его славы и пользы, ничего въ виду не имѣли.

(*) Иностранцыхъ. См. далѣе объясненіе самого Мора. *Прии. А. С. П.* Какъ замѣтно, что здѣсь говоритъ иностранецъ, приверженный къ своей партіи. *Прии. А. С. П.*

Прежде нежели опишу то, что произошло на знаменитомъ этомъ совѣтѣ, я долженъ дать вамъ понятіе о состояніи арміи. Войско не имѣло съѣстныхъ запасовъ и на восемь дней, и могло, если оныхъ не находилось въ Молдавіи, быть уничтожено не непріятелемъ, а голодомъ. Это затруднительное положеніе извѣстно было всѣмъ; генералы, министры, самъ государь это знали: комиссары посланы были имъ въ Венгрію для закупки быковъ, а въ Украину для забранія барановъ и муки.

Совѣтъ, собранный Его Величествомъ на берегу Днѣпра, и который рѣшилъ судьбу всей кампаніи, составляли: великій канцлеръ графъ Головкинъ, баронъ Шафировъ и господинъ Сава (Рагузинскій)—все трое тайные совѣтники (то же что во Франціи министры); генералъ Рене, князь Рѣпинъ, Адамъ-Вейде, князь Долгорукій и Брюсъ (все генералы, или лейтенантъ-генералы). Они составили партію Русскихъ. Партію Нѣмцевъ составляли генералы: баронъ Аллартъ и баронъ Денсбергъ и лейтенантъ-генералы баронъ Остенъ и Беркгольцъ. Это раздѣленіе на двѣ партіи въ Россіи признано всѣмъ.

Стали разсуждать о томъ, что надобно было дѣлать? Войско было собрано, а о Туркахъ было не слыхать, какъ-будто-бы въ мирное время. Правда, нѣсколько тысячъ Буджацкихъ Татаръ нѣсколько времени предъ-симъ учинили набѣгъ на Русскую Украину и на Землю Казаковъ (*en Cozaquie*), гдѣ они

пожгли и ограбили селенія, отогнали скотъ и захватили людей; но при приближеніи нашихъ полковъ, они уже не смѣли показываться, и лагерь нашъ былъ въ совершенномъ спокойствіи. Генераль-фельдмаршалъ графъ Шереметевъ, стоявшій близъ Ясъ, въ самой Молдавіи, былъ точно въ томъ же положеніи.

Советъ начался. Нѣмецкіе генералы первые имѣли честь предложить свое мнѣніе. Они полагали нужнымъ оставаться на берегахъ Днѣстра, по двумъ важнымъ причинамъ: во-первыхъ, для узнанія непріятельскихъ намѣреній; во-вторыхъ, дабы дать арміи отдохнуть послѣ долгаго похода. Они представили, что съѣстные запасы, безъ которыхъ никакая армія не можетъ существовать, могутъ быть безъ большихъ расходовъ доставляемы по Днѣстру; что, можно будетъ устроить магазины въ Польшѣ; что, занимая берега Днѣстра, не должно однако оставаться въ бездѣйствіи, но что, напротивъ того, надобно идти къ Бендерамъ, которыя взять можно въ скоромъ времени, укрѣпить и сдѣлать изъ нихъ и крѣпость и военный магазинъ *en y etablissant un pont (?) de communication*; что Сорока, находясь уже во власти Его Величества и будучи укрѣплена, есть также крѣпость и магазинъ; что то же самое можно сдѣлать и въ Могилевѣ (на Днѣстрѣ), и что такимъ-образомъ Его Величество будетъ имѣть три входа въ Молдавію, при всѣхъ трехъ переправахъ черезъ Днѣстръ, и три магазина для своихъ войскъ; что Турки, будучи принуждены проходить степью,

потеряют лошадей, прежде нежели до насъ достигнуть; что имъ почти невозможно будетъ взять наши крѣпости, защищаемыя многочисленнымъ и исправнымъ войскомъ; что вѣроятно не рѣшатся они ихъ осадить, и того менѣе переправляться черезъ Днѣстръ и строить мосты въ присутствіи войскъ Его Величества; что если Его Величество въ настоящихъ обстоятельствахъ захочетъ ввести армию свою въ Молдавію, то онъ можетъ ея лишиться и погрязнуть славу свою; что, по показанію Сорокинскихъ жителей, должно по-крайней-мѣрѣ пять дней проходить необитаемую стѣну, гдѣ нельзя найти ни воды, ни хлѣба; что сторона, находящаяся за стѣною, не изобилуетъ хлѣбомъ, ибо онаго недостаточно даже на продовольствіе жителей, хотя та часть Молдавіи мало заселена; что если въ Яссахъ, и по ту сторону сего города, и было чѣмъ продовольствоваться, то наша конница, стоящая тамъ, въ три недѣли, вѣроятно, все уже потребила; что примѣръ Шведскаго короля слишкомъ еще свѣжъ, и что не должно отважиться сдѣлать ошибку еще важнѣйшую, углубляясь въ незнакомую землю, о коей всѣ доселѣ получаемыя свѣдѣнія ничего благопріятнаго не предвѣщаютъ.

Взаключеніе, Нѣмцы просили Его Величество быть увѣрену, что, представляя ему дѣло каково оно есть, они не имѣли ничего въ виду, кромѣ его собственной славы; что когда займемъ мы берега Днѣстра и устроимъ магазины, Турки, покусясь на что бы то ни было, утратятъ свои силы всѣ или

отчасти, между-тѣмъ какъ Его Величество, имѣя тѣмъ свой свободнымъ, усилить свои войска, будетъ въ состояніи съ пользою употребить полки, оставленные въ Польшѣ, и послѣ кампаніи уже безо всякаго препятствія проводить непріятеля въ его собственную землю, и тамъ расположится по своей волѣ и приготовится къ завоеваніямъ, прежде нежели Турки успѣютъ выдти изъ зимнихъ своихъ квартиръ.

Мнѣніе сіе было самое здравое; но Русскіе ему воспротивились. Генераль Рене, хотя родомъ и Курляндецъ, но по положенію своему придерживающійся стороны министровъ, возразилъ, что неприлично было бы Его Величеству защищать рѣку съ такими прекрасными войсками; что въ случаѣ истощенія запасовъ должно будетъ ихъ достать въ самой непріятельской землѣ; что области Греческія, по примѣру Молдавскаго государя, готовы были возмутиться при первомъ вступленіи нашихъ полковъ въ Турецкія границы; что по донесеніямъ генераль-фельдмаршала графа Шереметева, за стѣною до Дуная армію можно будетъ продовольствовать; что стыдно было бы тратить деньги на построяніе магазиновъ, когда можно дѣлать это на счетъ непріятеля; что надобно войти и углубиться въ Турецкія земли; что Турки будутъ полу-уничтожены уже и тѣмъ, что увидятъ сильное войско Его Величества посреди ихъ областей, готовое предписывать имъ законы; что примѣръ Шведскаго короля здѣсь вовсе нейдетъ; что полки наши тѣ же самые, кото-

рые разбили его и готовы разбить Турковъ; что таково его мнѣніе, и что славѣйшаго и полезѣйшаго способа Его Царскому Величеству избѣгать невозможно.

Съ сими мнѣніемъ согласились Русскіе министры и генералы, охотно ему послѣдовали, и, вопреки благоразумному мнѣнію Нѣмцевъ, положено было перенравиться черезъ Днѣстръ и войти въ степи.

Разсуждая о семъ движеніи, всѣ мы сильно обвинили тѣхъ, которые его присовѣтовали Его Величеству. Ясно было, что государь принужденъ будетъ отступиться отъ своихъ намѣреній. Но зналъ, что Русскій народъ склоненъ къ спокойствію, лѣнивъ и не любитъ военныхъ трудовъ, мы увѣрены были, что царскіе министры, опасаясь слишкомъ продолжительной войны, нарочно завлекали государя въ неудачу, дабы уменьшить въ немъ пылъ воинскій и принудить его къ покою (*). Таково было, по-крайней-мѣрѣ, мнѣніе почти всѣхъ иностранцевъ.

16 іюня, рано утромъ, дивизіи генераловъ Алларта и Денсберга выступили въ походъ. 17-го, Его Величество съ Преображенцами, Семеновцами, свои-

(*) Напоминаемъ читателямъ сказанное въ предисловіи: переводчикъ не хотѣлъ ни скрыть, ни ослабить порицанія и вольныя сужденія автора, будучи увѣренъ, что они не могутъ вредить ни Петру Великому, ни Русскому народу: Моро не любилъ Русскихъ и былъ недоволенъ Петромъ.

Редакція.

ми министрами и всею свитою поспѣлъ въ авангардъ и вступилъ въ степи. За нимъ слѣдовалъ генералъ-поручикъ Брюсъ съ артиллеріей. Аррьергардъ составляли дивизія генерала Вейде и конница, приведенная изъ Ярославля генераломъ Рене и которую Его Величество поручилъ въ мое начальство, приказавъ мнѣ слѣдовать за нимъ. Дивизія князя Рѣпина осталась въ Сорокѣ для окончанія работъ и для принятія запасовъ, которые, по приказанію Его Величества, должны были быть туда доставлены (*).

Генералы Аллартъ и Денебергъ, вышедъ изъ степей, прибыли въ лагерь генерала - фельдмаршала, который находился въ трехъ миляхъ отъ Яссы на выгодномъ мѣстоположеніи.

Его Величество недолго томился въ пустыняхъ: маршируя днемъ и ночью, достигнулъ онъ прекрасной долины, орошаемой Прутомъ, гдѣ и расположилъ свой лагерь тыломъ къ рѣкѣ. Онъ тотчасъ отправилъ бочки съ водою на собственныхъ подводахъ и на лошадяхъ свиты своей полкамъ, идущимъ по степямъ. Но сіе пособіе принесло имъ болѣе вреда, нежели пользы. Солдаты бросались пить съ такою жадностію, что многіе перемерли. Мы лишились множества людей отъ безводницы. Жары нестерпимы въ сихъ мѣстахъ, гдѣ видно только небо.

(*) Въ журналѣ Петра Великаго сказано: «и стояли тутъ (при городкѣ Сорокѣ) Аллартова дивизія до 20-го (іюня), а Вейдева и князя Рѣпина до 22.» Прил. А. С. П.

да горы раскаленного песку, безъ деревьевъ, безъ жителей и безъ воды (*).

Дивизія Вейдова и артиллерія, послѣ шести-дневнаго перехода чрезъ ужасныя сѣи пустыни, соединилась съ лагеремъ Его Величества. 25 іюня государь ѣздитъ осматривать лагерь генерала-фельдмаршала, и принялъ въ подданство Молдавскаго господаря. Съ нимъ было только триста рейтаровъ. Онъ пожаловалъ господарю свой портретъ, осыпанный алмазами (что впослѣдствіи времени пригодилось сему Турецкому даннику). Въ тотъ же вечеръ Его Величество возвратился въ свой лагерь, а на другой день приказалъ наводить два моста на Прутъ.

Здѣсь спокойно оставались мы отъ 22 до 29 іюня, какъ-будто въ самое мирное время, ожидая запасовъ, которые князь Рыннинъ долженъ былъ доставать и привезти. 26 фельдмаршалъ и господарь посѣтили Его Императорское Величество. Войско стояло въ строю. Имъ отдали честь по всему фрунту, и самъ государь салютовалъ саблею, стоя передъ Преображенскимъ полкомъ, какъ генералъ-поручикъ своей арміи.

Они приглашены были на торжество, празднуемое ежегодно Его Величествомъ въ память Полтав-

(*) Степи Буджакія испесчаныя: онѣ стелются златой, зеленой равниною, усыянною курганами. Моро здѣсь пользуется правомъ раскшищика. Правда, что въ 1711 году эти степи были голы: трава съядена была саранчею. *Прим. А. С. П.*

скаго сраженія, случившагося 27 іюня, по старому стилю.

Все генералы съ утра явились къ Его Величеству, дабы вслѣдъ за нимъ отправиться въ артиллерійскую церковь, гдѣ отслушать онъ обѣдно, и гдѣ придворный священникъ (*) цѣлыхъ полтора часа говорилъ проповѣдь, имъ сочиненную на случай сего счастливаго дня.

Полки выстроены были въ боевомъ порядкѣ и составляли три фаса одного каррея; артиллерія занимала четвертый. После обѣди стрѣльба началась съ правой стороны артиллеріи и продолжалась по всемъ фасаамъ; полки стрѣляли по мѣрѣ приближенія къ нимъ огня. После того все генералы слѣдовали за Его Величествомъ къ его палаткамъ, гдѣ въ землѣ былъ утверждёнъ столъ необыкновенной длины, и за которымъ насчиталъ я до ста-десяти кувертовъ съ каждой стороны.

Его Величество находился въ центрѣ стола. По правую руку сидѣлъ Молдавскій господарь, по лѣвую графъ Головкинъ, министры, баронъ Шафировъ и Сава (Сава Владиславъ Рагузинскій); на углахъ стола генералы, генералъ-поручики, генералъ-майоры, бригадиры и полковники, и прочіе, каждый по своему чину, помѣстились за этимъ же столомъ. Кромѣ Венгерскаго вина, ничто мнѣ не понравилось. Оно было отличное, то есть, то котѳорое доходило

(*) Осозанъ Прокоповичъ. Прим. А. С. П.

до меня, ибо полковники, сидѣвшіе ниже, пили другое, а подполковникамъ подносили особенное, капитанамъ еще хуже, и такъ далѣе. Капитаны Преображенскіе и Семеновскіе разносили вина: каждый прислуживать шести персонамъ, имѣя въ своемъ распоряженіи трехъ слугъ для перемѣны стакановъ и бутылокъ. Тутъ-то, милостивая государыня, вино льется какъ вода; тутъ-то заставляютъ бѣднаго чело-вѣка, за грѣхи его, напиваться до чрезмѣрности (*).

Императрица съ своей стороны угощала армейскихъ дамъ. Почти всѣ иностранные генералы имѣли съ собою своихъ женъ и дѣтей, по той причинѣ, что въ случаѣ разлуки срокъ свиданія неизвѣстенъ, и что, по недостатку почты, никто отъ своихъ не получаетъ извѣстій. Еслиже и придутъ письма, то генералы и министры имѣютъ похвальную привычку никогда ихъ не отдавать. Можно переписываться только чрезъ министровъ иностранныхъ, но не всегда можно быть съ ними въ сношеніи. Я говорю по собственному опыту: втеченіи четырнадцати мѣсяцевъ я только могъ однажды писать къ моей милой графинѣ (которая оставалась въ Данцигѣ), и то черезъ барона Лоца, посланника короля Польскаго при дворѣ Его Царскаго Величества.

(*) Встарину пили не по-нашему. Предки наши говаривали: пьязь да ужьсь—два угодыя въ немъ. Впрочемъ пьянство никогда достоинствомъ не почиталось. Петръ I, указавъ содержать при монастыряхъ ошчєровъ, отставленныхъ за болѣзнями, именно исключаетъ большихъ отъ пьянства и распутства. Прил. А. С. II.

Мало дамъ явилось къ Императрицѣ. Генеральша Амартъ и генераль-майорша Гинтеръ одинъ представились къ Ея Величеству и были милостиво приняты.

Обѣдъ государя продолжался цѣлый день, и никому не позволено было выдти изъ-за стола прежде одиннадцатаго часу вечера. Пили, такъ ужъ пили (*on y but ce qui s'appelle boire*). Велкое другое вино навѣрно меня убило бы, но я пилъ настоящее Токайское, то же самое, какое подавали и государю, и оно дало мнѣ жизнь.

Около пяти часовъ вечера одинъ изъ адъютантовъ князя Рѣпина привезъ письма къ Его Величеству. Генераль давалъ знать, что 4000 быковъ, 8000 барановъ и 300 маленькихъ Польскихъ тѣлѣжекъ съ рожью, мукою (*et de grit*) отправлены были къ намъ. Государь тутъ же распредѣлилъ, что куда доставить, и приказалъ тотъ же часъ отправить часть въ лагерь генераль-фельдмаршалу.

28 іюня мосты были готовы. Артиллерія потянулась черезъ Прутъ по мосту, назначенному для двора. Вейдова дивизія переправилась по другому, назначенному для войскъ, и расположилась лагеремъ въ Ясской долинѣ, въ двухъ миляхъ отъ прежняго лагеря.

29 іюня (по нашему приходится 10 іюля, ибо Русскіе держатся еще стараго стиля) въ день святаго Петра, въ именины Его Царскаго Величества, я, слѣдуя обычаю, со всѣмъ генералами, пришелъ

поздравить государя. Онъ принялъ милостиво наши привѣтствія и всѣхъ насъ оставилъ у себя обѣдать. Государь празднуетъ и этотъ день и обѣдаетъ съ своими министрами и офицерами, когда находится въ своей арміи.

Около пяти часовъ генераль-фельдмаршалъ графъ Шереметевъ приказалъ мнѣ, чтобъ я послалъ моего адъютанта, стоявшаго за мною, посадить кавалерію мою на-конь, и велѣлъ ейидти впередъ къ своему лагерю съ моимъ экипажемъ. Фельдмаршалъ сказалъ мнѣ, что мнѣ нужны будутъ только мои лошади, что я останусь при немъ, и что онъ беретъ-ся быть моимъ вожатымъ. Я отдалъ приказъ адъютанту. Кавалерія была въ порядкѣ, а экипажъ мой заложенъ. У Русскихъ обыкновенно употребляются тѣлѣги, ибо выученныя лошади и лошаки не могли бы выдержать обыкновенные походы ихъ войскъ (5 à 600 lieux).

Наканунѣ знали, что близъ лагеря фельдмаршальскаго произошло маленькое сраженіе. 20,000 Татаръ показались на утренней зарѣ и ударили (въ рассыпную, по своему обычаю) на передовой пикетъ, составленный изъ 600 человекъ конницы, подъ начальствомъ подполковника Ропа (de Roop) конно-гренадерскаго полка моей бригады. Непріятель пробился сквозь отрядъ, несмотря на всѣ старанія командира. Число превозмогло, отрядъ былъ окруженъ отовсюду. Одинъ капитанъ, родомъ изъ Ютарингін, надѣлалъ тутъ чудеса и былъ убитъ къ сожалѣнію всѣхъ офицеровъ знавшихъ его. Подпол-

ковникъ взятъ былъ въ плѣтъ, и убито 250 рядовыхъ. Все это произошло въ виду бригадира Шенсова (*) (Chensof), родомъ Русскаго, который былъ отраженъ съ 2500 человекъ конницы на подкрѣпленіе Рона и не сдѣлалъ ни малѣйшаго движенія.

Генераль Янусъ, начальствующій въ отсутствіе фельдмаршала, при семъ случаѣ сдѣлалъ все что только было возможно, чтобъ исправить сію неудачу и предупредить большее несчастіе. Онъ велѣлъ выѣхать четыремъ конно-гренадерскимъ полкамъ и вслѣдствіи старался уговорить бригадира Шенсова, чтобъ онъ по-крайней-мѣрѣ хоть показался непріятелю. Но офицеръ сей отвѣчалъ, что онъ получилъ приказаніе охранять лагерь, а не искать непріятелей. Наши конно-гренадеры разсѣяли эту сволочь и освободили лагерь (*le front du camp*.)

Никогда генераль Янусъ не говорилъ мнѣ безъ бышенства объ этомъ происшествіи и о маневрѣ бригадира Шенсова. А еще должно глотать такіе пилюли не морщась и не жалуясь, потому-что Его Величество и фельдмаршалъ неохотно выслушиваютъ жалобы и не любятъ видѣть ясныя доказательства, чтобы у когонибудь - изъ Русскихъ не доставало ума или храбрости (**).

(*) Таковой фамиліи нѣтъ ни въ книгахъ нашего дворянства (стариннаго), ни въ спискахъ офицеровъ того времени. Кажется, дѣло идетъ о Шпешницевѣ, одномъ изъ начальниковъ драгунскихъ полковъ, набравшихъ въ 1699 году. *Прим. А. С. Н.*

(**) Благодаримъ нашего автора за драгоцѣнное показаніе. Намъ пріятно видѣть удостовѣреніе даже отъ иностранца, что и Петръ Великій и фельдмаршалъ Шереметьевъ принадлежали партіи Русской. *Прим. А. С. Н.*

Какъ войска скоро соединится, то позвольте, милостивая государыня, исчислить вамъ ихъ силы и познакомить васъ съ генералами, которые начальствовали полками.

Главнокомандующій — генералъ - фельдмаршалъ графъ Шереметевъ. (Его Величество во время дѣла занимаетъ мѣсто генералъ-лейтенанта.)

Дивизія Вейдова состояла изъ 8 пѣхотныхъ полковъ, каждый изъ 1.400 человекъ состоящей. Всего 11.200 человекъ; начальниками оной были: генералъ Вейде, генералъ-лейтенантъ Беркгольцъ (Bresols), генералъ-майоры Голосинъ (Golossin) и де-Бушъ, и бригадиры графъ Ламберти и Боз.

Дивизія Рьпинна, состоящая изъ такого же числа полковъ и людей. Начальники оной: генералъ князь Рьпиннъ, генералъ-лейтенантъ князь Долгорукий, генералъ-майоры Альфендель и Бомъ и бригадиры Бушъ и Голлицъ.

Дивизія барона Алларта, во всемъ равная двумъ первымъ, была подъ начальствомъ генерала Алларта, генералъ - лейтенанта барона Остена и бригадировъ Стафа и Лессе.

Дивизія барона Денсберга, также равная другимъ, находилась въ командѣ генерала барона Денсберга и бригадира барона Ремкимга (Remquimgue), его зятя.

Нехудо замѣтить, что Русскіе дивизіонные начальники имѣли комплектное число подчиненныхъ имъ генераловъ; Пѣмцы же онаго не имѣли; особенно

баронъ Денсбергъ, у котораго не было ни генераль-лейтенанта, ни генераль-майоровъ, а только одинъ бригадиръ, зять его. Это происходило отъ генераль-фельдмаршала, не любившаго иностранцевъ, какой бы націи ни были, и не подавшаго имъ никакой помощи, нарочно для того, чтобъ вводить ихъ въ ошибки (*). Однакожь баронъ Денсбергъ есть тотъ самый, который съ такимъ великодушіемъ и храбростію защищалъ Кельскую крѣпость, осаждаемую герцогомъ Виллеромъ въ началѣ прошедшей войны. Онъ доказалъ, что былъ достоинъ начальствовать не только двѣнадцатитысячнымъ отрядомъ, но и цѣлыми арміями.

Полки Преображенскій, Семеновскій, Ингерманландскій и Астраханскій составляли 15 баталіоновъ, всего 15.000 человекъ, и были подъ начальствомъ самого Его Царскаго Величества, генераль-лейтенанта князя Голицына и бригадира графа Шереметева (сына фельдмаршала); сюда же принадлежали полки канонерскій и бомбардирскій, каждый изъ 1500 человекъ состоявшій.

Дивизіа генерала Люса, состоявшая изъ 8 полковъ, каждый изъ 1000 человекъ, была подъ начальствомъ поминутаго генерала, генераль-майоровъ Волконскаго и Вейсбака и бригадировъ Моро-де-Бразе, графа Люнскаго, и Шенсова.

Дивизіей Рене, равной по числу полковъ и людей, начальствовали генералъ Рене, генераль-майоры Вит-

(*) См. выше прим. редакціи.

манъ и Шариковъ (Cherikof), самый образованный, вѣжливый и любезный изъ всѣхъ мнѣ знакомыхъ Русскихъ, и два бригадира.

Еще одинъ драгунскій полкъ, составлявшій гвардію князя Меншикова, не соединился съ арміею и остался въ Яссахъ съ 2,000 избранныхъ фузиларовъ, между-тѣмъ какъ войско двинулось въ Молдавію.

Гвардейскій эскадронъ Его Царскаго Величества, состоящій изъ 300 рейтаровъ (*maîtres, reîtres?*), сопровождалъ государя въ его поѣздкахъ и другой службы не несъ.

Всѣ сии отряды составляли на Днѣстрѣ 79,800 наличнаго войска. Каждый полкъ былъ укомплектованъ признанными рекрутами.

Артиллерія состояла изъ 60 пушекъ, разнаго калибра, отъ двадцати до четырехъ-фунтовыхъ, изъ 16-ти понтоновъ на тѣлегахъ и изъ 200 подводъ съ ящиками пороховыми, не считая тѣлегъ, нагруженныхъ бомбами и ядрами.

Кромѣ сей артиллеріи, въ каждомъ полку пѣхотномъ и конномъ, находились четыре малыя орудія двухъ и трехъ-фунтовыя. Они всегда слѣдуютъ за полкомъ, съ малыми своими ящиками и съ нужными офицерами. Ихъ зовутъ корпусными дѣтьми (*ce qu'ils appellent les enfants des corps* (кадеты?).

При каждомъ полкѣ находятся также малыя тѣлеги съ аммуниціею, которая, въ случаѣ нужды,

всегда подъ рукою, что очень хорошо придумано и достойно похвалы.

Таковы были силы Его Царскаго Величества. Здѣсь не считаю 10,000 казаковъ и 6,000 Молдаванъ, годныхъ только для опустошенія земли какъ и Татары. Сей арміи было бы весьма достаточно, чтобы управиться съ Турками, еслибъ вовремя ввести ее въ непріятельскія земли и еслибъ ее не раздѣлили, какъ вы впоследствии увидите.

29 іюня, Его Царское Величество сидѣлъ за столомъ до семи часовъ вечера. Вставъ изъ стола, держалъ онъ совѣтъ. Генераль Рене предложилъ отрядить 15,000 человекъ въ Валахію, хорошую сторону, въ которой всего было много и которая могла продовольствовать армію. Онъ утверждалъ, что Валахскій воевода, будучи одной націи и одного исповѣданія съ Молдавскимъ господаремъ, не замедлитъ покориться, соединитъ войско свое съ войсками Его Величества и доставитъ намъ жизненные запасы.

Генераль-поручикъ Беркгольцъ былъ единственныи Нѣмецъ на семъ совѣтѣ. Онъ спльно воспротивился предложенію генерала Рене, по причинѣ той, что Турки побѣждали всякій разъ, какъ противъ нихъ войска дѣйствовали отдѣльно. Онъ привелъ въ примѣръ принца Карла V (Югариинскаго), который во второй походъ, послѣ снятія Вѣнской осады, раздѣлилъ на четыре отряда свое войско, дабы удобнѣе оное продовольствовать, и видѣлъ какъ Турки разбили всѣ четыре отряда одинъ за

другимъ, не могли подать имъ никакой помощи. Но все его разсужденія пропали втунѣ. Было положено отрядить войско, а начальство поручено генералу Рене, какъ подавшему первый на то совѣтъ. Кромѣ сихъ 15,000 отряженныхъ въ Валахію (*), 4,000 должны были оставаться въ Сорокѣ, дабы сберечь намъ отступленія и для сопровожденія провіанта въ случаѣ, еслибъ мы остались въ Молдавіи; 2,000 въ Могилевѣ, черезъ который можно было бы воротиться въ случаѣ неудачи, да 5,000 въ Яссахъ для охраненія Молдавіи и для удержанія жителей въ повиновеніи.

Фельдмаршалъ съ 9-ти часовъ вечера сѣлъ верхомъ, и я, вѣдѣ за нимъ, прибылъ въ его лагерь. Господарь остался съ Его Царскимъ Величествомъ. Онъ былъ средняго роста, сложенъ удивительно стройно, прекрасенъ собою, важенъ, и съ самой счастливой фізіономіей. Онъ былъ учтивъ и ласковъ; разговоръ его былъ вѣжливъ и свободенъ. Онъ очень хорошо изъяснялся на Латинскомъ языкѣ, что было весьма пріятно для тѣхъ, которые его разумѣли.

Мы догнали мою конницу въ верстѣ отъ фельдмаршальскаго лагеря, куда и прибыли въ 4 часа утра. Тутъ увидѣлъ я въ первый разъ летучихъ кузнечиковъ (саранчу). Воздухъ былъ ими омраченъ: такъ густо летали они. Не удивляюсь, что они разоряютъ земли, черезъ которыя проходятъ, ибо въ Молдавіи видѣлъ я изсохшее болото, покрытое

(*) У Рене было восемь драгунскихъ полковъ (5,056 ч.), баталіонъ Нигерманландцевъ, да 5,000 Молдавіи. *Прил. А. С. II.*

высокимъ тростникомъ, который съѣденъ былъ ими на два вершка отъ земли.

Остальной лагерь Его Величества перенесли черезъ Прутъ 30 іюня. Мостъ, черезъ который переправился государь съ своею свитою, былъ тотчасъ разобранъ; другой оставленъ подъ охраненіемъ 500 гренадеровъ для дивизіи князя Рѣпина, которую ожидали.

Фельдмаршалъ, возвратясь въ свой лагерь, велѣлъ призвать бригадира Шенсова и высказалъ ему все что заслуживало его гнусное поведеніе, о которомъ донесено ему было при его прѣздѣ однимъ драгунскимъ полковникомъ моей бригады. Онъ приказалъ бригаднымъ майорамъ отрядить по 20 человѣкъ съ каждой бригады для устроенія двухъ мостовъ, находившихся въ тылу нашего лагеря, дабы ему безпрепятственно можно было, въ случаѣ нужды, идти соединиться съ Его Величествомъ. Это стоило труда, потому-что мосты наведены были на малыхъ челнахъ, изъ выдолбленныхъ пней, кое-какъ собранныхъ по берегамъ Прута. Мѣдные понтоны оставались при Его Величествѣ для надобностей его собственныхъ. Того же самаго числа (30 іюня) генералъ Рене прибылъ къ фельдмаршальскому лагерю и собралъ полки, долженствовавшіе идти въ Валахію подъ его начальствомъ. Онъ выступилъ на другой день по утру и уже въ армію не возвращался. Онъ соединился съ кавалеріей уже въ Польской-Россіи, послѣ кампаніи, когда армія тамъ отдыхала.

Въ лагерь Его Царскаго Величества и въ фельдмаршальскомъ оставались въ бездѣйствіи до самаго

7 іюля. Въ сей день фельдмаршалъ получилъ отъ государя приказаніе оставить постепенно лагерь и перевести свою малочисленную армію за рѣку, находившуюся у него въ тылу. Фельдмаршалъ ѣздилъ осматривать долину, назначенную имъ для новаго лагеря, и возвращаясь, въ тотъ же день отдалъ въ приказъ, что полки стануть переправляться одинъ послѣ другаго во избѣжаніе смятенія, могущаго произойти на мостахъ въ случаѣ, если войска выступятъ всѣ въ одно время.

Генералъ Янусъ, на котораго возложено было исполненіе сего, взялъ съ собою бригадира Шенсова, дабы въ случаѣ нападенія отъ непріятеля во время переправы, имѣть достаточную причину не употреблять офицера столь ненадежнаго. Онъ оставилъ его у моста, съ двумя майорами и 20-ю драгунами для надзиранія за исправностію въ исполненіи приказовъ.

8 іюля, на утренней зарѣ, экипажи барона Денсберга, съ нѣсколькими полками, переправились по мосту, назначенному для пѣхоты. Между-тѣмъ, экипажи генерала Януса потянулись-было по мосту, назначенному для кавалеріи. Но фельдмаршалъ, самъ заблагоразсудивъ оставить лагерь, приказалъ переправить прежде своихъ; а остальнымъ экипажамъ генерала Януса не позволилъ переправиться прежде полковъ Астраханскаго и Ингерманландскаго съ ихъ обозами. Фельдмаршалъ во всякомъ случаѣ радъ былъ дѣлать непріятность иностраннымъ генераламъ.

9 іюля съ утра войско и обозы потянулись, и только малая часть успѣла переправиться, какъ болѣе 30,000 Татаръ явились передъ лагеремъ. Войско остановили и тотчасъ выстроили въ боевомъ порядкѣ подъ прикрытіемъ рогатокъ. Никетъ отозвали; по приказанію генерала Януса, два баталіона гренадеръ поставлены были на оба фланга, и въ семь расположеніи стали ожидать приближенія Татаръ, дабы угостить ихъ картечью изъ тридцати орудій. Фельдмаршалъ, генералъ баронъ Денсбергъ, генералъ-лейтенантъ баронъ Остенъ и бригадиръ баронъ Ремкингъ пріѣхали изъ новаго лагеря, гдѣ они находились съ прошедшаго дня. Фельдмаршалъ былъ очень доволенъ мѣрами, принятыми генераломъ Янусомъ для защищенія стараго лагеря въ случаѣ нечаяннаго нападенія. Онъ отослалъ генерала Денсберга съ его бригадой къ новому лагерю для охраненія онаго, а въ старомъ оставилъ только генералъ-лейтенанта Остена подъ начальствомъ генерала Януса, съ полками, не успѣвшими еще переправиться. Ихъ было довольно противъ и вдвое-большаго числа Татаръ.

Но какъ они часъ-отъ-часу умножались, то фельдмаршалъ приказалъ казакамъ и Молдаванамъ (находившимся въ новомъ лагерѣ) прогнать и преслѣдовать непріятеля. Они пустились съ быстротою немнѣвѣрною, но которая часъ-отъ-часу болѣе и болѣе ослабѣвала. Съ обѣихъ сторонъ все кончилось скаканіемъ да круженіемъ.

Одинъ капитанъ, родомъ Венгерецъ, вступившій въ службу Его Царскаго Величества, такъ же какъ и

многіе изъ его соотечественниковъ, послѣ паденія его свѣтлости принца Рогоци, находился въ лагерь съ нѣсколькими Венгерцами, въ надеждѣ быть употребленнымъ въ дѣло. Онъ уговорилъ отрядъ казачій поддержать его, обѣщаясь доказать, что не такъ-то мудро уравниваться съ Татарами. Казаки обѣщались отъ него не отставать. Онъ бросился съ своими двѣнадцатью Венгерцами въ толпу Татаръ и множество ихъ перерубилъ, пробиваясь сквозь ихъ кучи и разсѣвая кругомъ ужасъ и смерть. Но казаки ихъ не поддерживали, и они уступили множеству. Татары ихъ окружили, и всѣ тринадцать паки дуть же, дорого продавъ свою жизнь; около нихъ легло 65 Татаръ, изъ коихъ 14 были обезглавлены. Всѣхъ менѣе раненый изъ сихъ храбрыхъ Венгерцевъ имѣлъ 14 ранъ. Всѣ бывшіе, какъ и я, свидѣтелями ихъ неумѣстной храбрости, сожалѣли о нихъ. Даже наши конные гренадеры, хотя и Русскіе, т. е. хоть и неочень жалостливыя сердца, однакожь просились на коней, дабы ихъ выручить; но генераль Янусъ не хотѣлъ взять на себя отвѣтственность и завязать дѣло съ непріателемъ.

Пока Татары привлекали на себя наше вниманіе, генераль Янусъ, предвидя, что наше отступленіе могло быть обезпечено еще болѣе числомъ Татаръ и даже самими Турками, приказалъ переправить всѣ корпусные экипажи, всѣхъ лошадей драгунскихъ и прочей кавалеріи и остальные экипажи офицеровъ, дабы тѣмъ удобнѣе отступить до новаго лагеря тѣнинами, вѣдущими къ мостамъ, что и производилось во весь тотъ день и въ ночи.

Между тѣмъ Татары, не видя никакого движенія въ лагерь, гдѣ полки наши стояли все еще въ боевомъ порядкѣ за рогатками, ожидавъ смѣло ихъ нападенія, около третьяго часа по полудни отступили, наскочившись влопали, и такимъ образомъ дали генералу Янусу возможность безопасно переправиться въ новый лагерь, куда вступилъ онъ самый послѣдній (10 іюля.)

Онъ приказалъ разобрать оба моста и караулить лодки. По нашу сторону рѣки они могли пригодиться. Къ нимъ нарядили капитана съ двумястами гренадеръ.

Того же дня фельдмаршалъ отдалъ приказъ отрядить по 200 человекъ съ бригады для дѣланія фашиновыхъ мостовъ черезъ большой и глубокой ручей, называемый Малымъ-Прутомъ, и протекавшимъ во стѣ шагахъ отъ нашего новаго лагеря, дабы въ случаѣ нужды можно было тотчасъ выступить.

Мосты кончены къ полудню 11 іюля. Въ 5 часовъ вечера, одинъ изъ генералъ-адыутантовъ Его Царскаго Величества привезъ фельдмаршалу приказъ, вслѣдствіе коего мы, 12 іюля, оставили лагерь, и въ одной миліи отъ онаго нашли Его Царское Величество. Вся армія тамъ соединилась, и такимъ образомъ расположилась вся на одной линіи. Царь съ полками Преображенскимъ, Семеновскимъ, Астраханскимъ и Ингерманландскимъ стоялъ по лѣвую сторону, и слѣдственно въ авангардѣ. Дивизіи Алларта, Денсберга, Януса со всею остальною кавал-

леріей, Брюсь съ артиллеріей и Вейде стояли на правой рукѣ лицомъ къ горѣ и имѣя Прутъ у себя въ тылу.

13-го, армія пошла въ походъ, принимая вѣво. Экипажы составляли вдоль Прута вторую колонну. Мы прошли три мили до ночи, и расположились лагеремъ, принявъ вправо (*en faisant à droite*). Пространство между рѣкою и горами не позволяло намъ расширяться и составить двѣ линіи. Мы стали въ томъ порядкѣ, какъ стояли наканунѣ и какъ цѣлый день маршировали (т. е. въ одну линію).

14-го, мы подвинулись еще на три мили, не видавъ ни города, ни деревни, но кое-гдѣ близъ лѣсовъ разсѣяныя лачужки, которыя показались намъ жалкими обителями. Это насъ удивило, тѣмъ-болѣе-что на нашихъ картахъ по берегамъ Прута назначено было множество городовъ и деревень. Мы стали лагеремъ такъ же какъ и въ предыдущіе два дни.

15-го, армія прошла еще три мили; но переходъ черезъ крутую гору, находящуюся на самомъ берегу рѣки, остановилъ войско. Мы достигли мѣста, назначеннаго для лагеря, не прежде какъ въ три часа по полуночи. Мы въ тотъ день видѣли за сей горою старинную могилу одного Молдавскаго государя. Она имѣла видъ четвероугольной пирамиды, будучи гораздо шире въ основаніи, нежели въ высотѣ.

Молдаване, слѣдовавшіе за армією, изъ конхъ многіе хорошо говорили по-Латинѣ, рассказали намъ о ней слѣдующее преданіе:

Государь, покоившійся въ ея могилѣ, былъ великій воинъ, но несчастный во всѣхъ своихъ предпріятіяхъ. Учинивъ нападеніе на земли одного изъ своихъ сосѣдей, онъ привлекъ его въ свои собственныя владѣнія. Оба войска сошлись и сразились въ той долинѣ. Кровопрлитная битва длилась два дня. Молдавскій государь остался побѣдителемъ; непріятельское войско было имъ истреблено или захвачено въ плѣнъ, а противникъ его найденъ былъ между мертвыхъ тѣлъ, пронзенный одиннадцатыо стрѣлами. Но побѣдитель, въ то самое время, какъ приносилъ Богу благодаренія, умеръ отъ раны полученной имъ въ томъ сраженіи, и которой онъ сгоряча не почувствовалъ. Онъ не имѣлъ дѣтей, и войско избрало себѣ въ государи одного изъ своихъ начальниковъ. Первымъ повелѣніемъ новаго государя было каждому воину, каждому Молдавскому жителю и каждому рабу принести на три фута земли на сіе мѣсто. Онъ послѣ того воздвигнулъ эту земляную пирамиду, въ среднѣй коей находится комната со сводомъ. Тамъ похоронено тѣло его предшественника, а комната наполнена сокровищами, принадлежавшими его врагу. — Потомъ входъ въ комнату былъ задѣланъ и пирамида окончена. На вершинѣ ея находилась площадка, сохранившаяся донынѣ; на ней возвышался трофей изъ оружія убитыхъ, нынѣ уже не существующій. Повѣ-

ствователь присовокушилъ, что всѣ изъ государей, властвовавшихъ потомъ, которые хотѣли проникнуть въ сокровенную комнату, умерли прежде, нежели могли вынуть хоть одинъ камень заграждавшаго входа. Курганъ показался намъ тщательно покрытымъ дерномъ. Мы спросили у нашего Молдавана: кто смотритъ за могилою? Онъ отвѣчалъ, что жители, поселенные кругомъ въ трехъ миляхъ отсюда, ежегодно въ мартъ и въ сентябрь мѣсяцъ, приходятъ стричь могилу пожнинами, подобными тѣмъ, кои употребляютъ нашими садовниками. Онъ прибавилъ, что когда того не дѣлаютъ, тогда бываетъ неурожай. Взаключеніе онъ насъ увѣрялъ, что съ-тѣхъ-поръ, какъ саранча напала на ихъ землю, все было ею разорено, кромѣ пространства, заключеннаго въ этихъ трехъ миляхъ окружности, куда она не залетала, хотя была вездѣ, и съ боковъ и сзади.

Этой исторіи и ея послѣдствіямъ мы повѣрили только отчасти, хотя повѣствователь и хвалился бытъ дворяниномъ и военнымъ человекомъ.

16-го, Его Царское Величество приказалъ выслать 1000 человекъ конныхъ гренадеръ, подъ начальствомъ г. полковника Рона, съ двумя вожатыми, данными Царю самимъ господаремъ, слѣдовавшимъ за Его Величествомъ со всѣмъ своимъ Молдавскимъ дворомъ. Полковникъ Ронъ имѣлъ повелѣніе изѣздить всю сторону, находившуюся влѣво отъ арміи вдоль Прута, дабы удостовѣриться, возможно ли непріятелю напасть на насъ съ тыла? Онъ возвра-

тились вскорѣ и объявили намъ, что капитанъ, наряженный съ двумя-стами гренадерами для охраненія лодокъ, составлявшихъ мосты фельдмаршальскаго лагеря, и который подвигался вмѣстѣ съ арміей, былъ убитъ, а съ нимъ и весь его люди. Жители, бывшіе при полковникѣ, видѣли его за дѣлами отъ лагеря и показали ему побойцы. Они сказывали, что Татары, въ числѣ 20,000, переправились чрезъ рѣку, каждый держась за хвостъ своей лошади, и неожиданно напали на капитана въ одной тѣснинѣ, гдѣ онъ и погибъ съ своимъ отрядомъ.

Это заставило Его Царское Величество расположить вдоль рѣки гренадерскіе взводы въ некоторомъ разстояніи одинъ отъ другаго, имѣвшіе между собою коммуникацію и начальствуемые однимъ подполковникомъ, двумя капитанами и четырьмя поручиками.

Въ тотъ же день генераль князь Рыншинъ, сдѣлавъ усиленный переходъ, сталъ на той же линіи и занялъ правую руку или аррьергардъ.

Армія наша, вся вмѣстѣ состоявшая изъ 79,800 человекъ, не считая казаковъ и Молдаванъ, и, по отряженіи войскъ въ Валахію и на охраненіе Сороки, Могилева и Яссы, все еще составлявшая 55,000, уже не составляла и 47,000, какъ то оказалось на смотрѣ, сдѣланномъ 17 іюля по приказанію государя: слѣдствіе безпрестанныхъ трудовъ перенесенныхъ полками, изъ коихъ пѣхотные шли безъ от-

дыха отъ самаго 24 февраля (нов. ст.). По счастью смертность была по большей части на однихъ рекрутъ, которые видимо таяли. Это могу я доказать моими табелями, которыхъ я сохранилъ. Изъ всѣхъ четырехъ полковъ моей бригады, составлявшихъ 4000 человекъ, на семь смотру, 724 оказались убитыми, изъ коихъ только 56 убиты въ помянутомъ сраженіи при пикетѣ.

17-го, генералу Янусу повелѣно быть готову выступить рано утромъ со всею нашею конницею и съ генералами, ею начальствовавшими, и явиться за часъ передъ свѣтомъ въ палатки Его Царскаго Величества, дабы получить отъ него приказанія касательно того похода. Какъ я имѣлъ честь приносить ему приказы и всякій день приходитъ узнавать отъ него, не было ли чего прибавить для бригады, то я явился къ нему. Онъ просилъ меня пріѣхать за нимъ на другой день за полтора часа до свѣту и сопроводить его къ Царю, къ чему я съ охотою и приготовился. И такъ 18-го передъ свѣтомъ явились мы къ Его Царскому Величеству.

Государь отдалъ генералу свои повелѣнія, и какъ ни онъ, ни я по-Русски не разумѣли, то Его Величество повелѣлъ ихъ объяснить на Французскомъ и Нѣмецкомъ языкѣ, и вручить намъ тотъ же приказъ, писанный по-Русски съ Латинскимъ переводомъ на оборотъ.

Приказъ состоялъ въ томъ, чтобы намъ идти по рѣкѣ Пруту восемь миль (или 16 льё) до того

мѣста, гдѣ Турки, по донесеніямъ скороходовъ или шпионовъ (*congreurs ou espions*), должны были наводнить свои мосты. Еслибы генераль ихъ напалъ, то долженъ онъ былъ на нихъ ударить и уничтожить ихъ работу, коли только мосты не могли намъ пригодиться и которые въ нашихъ рукахъ. Во всякомъ случаѣ онъ долженъ былъ извѣстить обо всемъ государя черезъ четырехъ драгуновъ, посланныхъ поочасу одинъ послѣ другаго. Въ случаѣ же если Турковъ не встрѣтимъ, то идти къ Дунаю и тамъ остановиться, о чемъ также донести.

Выслушавъ приказъ и хорошо его понявъ, мы приступили къ исполненію оного: выступили изъ лагерь въ 5 часовъ и пошли по одной линіи, эскадронъ за эскадромъ. Экипажи наши тянулись въ другую линію вдоль берега Прута, во-избѣжаніе нечаяннаго нападенія. Мы отрядили впередъ на довольно большое разстояніе двухъ конныхъ гренадеръ съ обнаженными палашами; за ними шестеро другихъ съ однимъ унтеръ-офицеромъ, и подкрѣпили ихъ двумя-стами рейтаровъ (*waitres?*), дабы могли они выдержать первые выстрѣлы и дать намъ время съ выгодною атаковать непріятеля. Въ такомъ порядкѣ, какъ мы, такъ и нашъ обозъ, шли безъ помѣшательства и довольно скоро. Около 11 часовъ утра, пройдъ не болѣе какъ 2 мили (или 4 Французскихъ льё), вдругъ очутились мы, совсѣмъ неожиданно, въ тѣснину весьма узкой, пбо рѣка протекала ближе къ горѣ, около которой мы все еще тянулись. Генераль Янусъ, г. Видманъ (генераль-

майоръ) и я поѣхали къ передовому отряду grenadiers, которые остановились и дали намъ знать, что чѣмъ далѣе они ѣхали, тѣмъ уже становилась дорога.

Генераль Янусъ приказалъ войску остановиться для отдыха, и мы отправились высматривать мѣстоноженіе. Земля, непримѣтно возвышаясь, закрывала отъ насъ сторону, находившуюся передъ нами. Когда достигли мы послѣдней точки сего возвышенія, увидѣли передъ собою широкую долину и, казалось, весьма гладкую; а вдали множество бѣлыхъ головъ, скачущихъ по долинѣ съ большою ловкостію и быстротою. Мы тогда съѣхали вѣхо въ густоту деревь, растущихъ на берегу Прута. Мы подѣхали какъ-можно-ближе къ непріятелю и наконецъ усмотрѣли два укрѣпленія (*deux têtes-de-ponts fraisées et palissadées en forme de demi-lune*), защищаемыя множествомъ пѣхоты, которую признали мы впоследствии, по ея калпакамъ, за Янычаровъ. За ними увидѣли мы два готовые моста, черезъ которые крупной рысью переправлялась конница и соединялась съ тою, которая находилась уже въ долинѣ.

Высмотрѣвъ все добрымъ порядкомъ, все вмѣстѣ и каждый особо: генераль Янусъ, Видманъ и я, возвратились рысью тою же дорогою, и соединились съ нашими полками. Тутъ мы держали совѣтъ все трое между собою, ибо генераль не имѣлъ никакой довѣренности къ князю Волконскому и къ

Вейсбаху (генераль-майорамъ), а того мѣнѣ къ бригадиру Шенсову.

Нечего было терять времени. Мы рѣшились спѣшить нашу конницу и выстроить ее въ карре, поставивъ экипажи въ срединѣ. Генераль написалъ нѣсколько къ государю. Мы перенесли нашу маленькую артиллерію въ аррьергардъ и на оба фланга, между третьимъ и четвертымъ рядомъ (войско выстроено было въ 4 шеренги). Мы приказали артиллерійскимъ офицерамъ зарядить пушки картечью, а коннымъ гренадерамъ, составлявшимъ нашъ аррьергардъ (или фронтъ каррея со стороны Турокъ), не стрѣлять безъ приказанія, что бы ни случилось, и лечь на брюхо при первой командѣ. Когда наши 52 орудія были уставлены, тогда мы вывели изъ рядовъ слабыхъ и больныхъ солдатъ, болышею частию рекрутъ, и приказали имъ держать лошадей, находившихся, какъ и экипажи, въ центрѣ каррея. Мы препоручили авангардъ князю Волконскому, правый флангъ авангарда Вейсбаху, величайшему трусу во всей Германіи, а лѣвый бригадиру Шенсову. Видманъ и я, по волѣ генерала, остались при его особѣ.

Отроду мы не видывали офицеровъ столь смущенныхъ, какъ нашихъ трехъ авангардныхъ генераловъ. Безпокойство ихъ очень забавляло насъ въ аррьергардѣ и вселяло въ насъ истинную къ нимъ жалость.

Въ семь порядкѣ мы двинулись, дабы возвратиться туда отколѣ мы пришли (?). Генераль Янусъ,

Видманъ и я дивились исправности свѣдѣній, доставляемыхъ Его Царскому Величеству его шпионами: въ двухъ миляхъ отъ лагеря находили мы два моста, навешенные и укрѣпленные, когда предполагали найти ихъ еще только начатыми въ 8-ми миляхъ, и то ненавѣрное. Вдругъ драгунъ, оставленный нами въ тылу, выстрѣлилъ вмѣсто сигнала и прискакалъ къ намъ. Мы скомандовали полу-оборотъ направо аррьергарду, полу-оборотъ вправо и влѣво флангамъ, и такимъ образомъ составили фронтъ со всѣхъ четырехъ сторонъ. Только-что успѣли выстроиться, какъ увидѣли мы двѣ толпы въ чалмахъ, скачущія треугольникомъ и ревущія во все горло, какъ бѣшенныя, думая насъ уничтожить. Но какъ скоро они приблизились, первый рядъ нашихъ гренадеровъ легъ наземь, и мы встрѣтили ихъ залпомъ изъ 12 орудій миниатюрной нашей артиллеріи, что удержало ихъ стремленіе, охладило ихъ пылкость и лишило ихъ очень многихъ товарищей. Однакожь это не помѣшало имъ насъ окружить. Но встрѣтя со всѣхъ сторонъ отпоръ и видя, что нападать на насъ опасно, они довольствовались тѣмъ, что издали досаждали намъ и огнестрѣльнымъ оружіемъ и своими стрѣлами.

Здѣсь, милостивая государыня, долженъ я вамъ чистосердечно признаться, что, будучи приученъ къ огню шестью генеральными сраженіями и четырнадцатью осадами, при коихъ присутствовать я съ-тѣхъ-поръ какъ служу, между прочими при осадѣ Монмеліана въ 1691 и Намура въ 1692, я столько

опасаюсь огня, сколько то надлежитъ человеку доброму и твердому; но мысль о стрѣлахъ была для меня столь ужасна, что я внутренне боялся ихъ, того не показывая. Однакожь, когда я увидѣлъ ихъ малое дѣйствіе, я къ нимъ привыкъ и сталъ смотрѣть на нихъ какъ на чучела, стыдясь моего панническаго страха.

Было два часа пополудни на нашихъ часахъ, какъ Турки къ намъ приблизились и съ нами поздравествовались. Съ той поры до десяти часовъ вечера болѣе пятидесяти тысячъ ихъ сидѣли у насъ на шеѣ, не смѣя ни ударить на насъ, ни разстрѣять насъ. Единственный ихъ успѣхъ состоялъ въ замедленіи нашего марша. Они такъ часто насъ останавливали, что отъ двухъ часовъ до десяти прошли мы не болѣе какъ четверть мили. Ночью, однако, сдѣлали они важную ошибку, которой мы и воспользовались, не имѣя никакой охоты пропустить случай соединиться съ нашимъ центромъ, т. е. со всею арміею: они все безъ изыятія, при наступленіи ночи, ретировались въ ту сторону, откуда явились. Замѣтивъ сіе, генераль отпавилъ адъютанта на лучшей своей лошади съ донесеніемъ государю обо всемъ, что произошло съ-тѣхъ-поръ какъ имѣлъ онъ честь писать Его Величеству. Онъ рѣшился идти ночью какъ можно поспѣшнѣе, и мы прошли болѣе мили довольно скоро и безо всякаго препятствія. Теперь признайтесь, что слабыя господа бѣлые калпаки отрѣзали намъ дорогу, выставя предъ нами толпу своей конницы и оставя таковую же

у насъ въ тылу, то мы принуждены были бѣ ночью стоять и, можетъ-быть, не успѣли бы на другой день соединиться съ нашей арміей и были бы принуждены уступить усталости, если ужъ не силѣ.

Турки догнали насъ на разсвѣтъ въ бѣльшей силѣ, нежели наканунѣ; но все безъ пѣхоты и безъ артиллеріи. Они безпокоили насъ стрѣльбою безпрерывною. Около 5 часовъ утра увидѣли мы пѣхоту, приближающуюся къ намъ на помощь, и которая гордымъ и медленнымъ своимъ движеніемъ вселяла робость въ скакунахъ и наѣздикахъ: генераль баронъ Денсбергъ со всею дивизіей шелъ на обезпеченіе нашего отступленія. Корпусъ его соединился съ нашимъ; онъ смѣнилъ нашихъ конныхъ гренадеръ, находившихся безпрестанно въ аррьергардѣ двумя своими гренадерскими баталіонами и далъ почувствовать непріятельно безпрерывнымъ и сильнымъ огнемъ, что не такъ-то легко было насъ смять и помѣшать намъ соединиться съ арміею (*).

Армія Его Царскаго Величества не ожидала, когда мы выступали, чтобы мы къ ней возвратились съ такимъ прекраснымъ и многочисленнымъ обществомъ. Однако такъ случилось къ величайшему на-

(*) Петръ негодовалъ на генерала Януся; въ журналѣ его сказано «и конечно могъ оный Януся ихъ задержать (Турковъ), ежелибъ сдѣлать такъ какъ доброму человеку надлежитъ». Но, какъ замѣчаетъ генераль Бутурлинъ въ исторіи Русскихъ походовъ, ничто не могло помѣшать визирю перейти Прутъ выше того мѣста и стать вѣдѣ Русской арміи. *Прил. А. С. II.*

шему сожалѣнію, и едва вступили мы въ лагерь, какъ увидѣли противоположную гору покрытую непріятельскими полками.

Генераль-фельдмаршалъ тремя пушечными выстрѣлами далъ сигналъ всей линіи выстроиться въ боевомъ порядкѣ, что и было тотчасъ исполнено. Какъ Турки подступали съ лѣвой стороны, то Преображенцы, Семеновцы и полки Ингерманландскій и Астраханскій вытерпѣли по большей части огонь непріятельскій, и во весь тотъ день почти не имѣли покоя.

Я не говорилъ, милостивая государыня, о потерѣ, претерпѣнной нами во время отступленія, и, можетъ-быть, полагаете вы, что мы никого не потеряли. Это было бы слишкомъ счастливо. Довольно ужъ и того, что мы не погибли подъ усиленнымъ пятидесяти тысячъ человѣкъ, сражавшихся противу 8 и менѣе. Мы лишились одного подполковника, двухъ капитановъ, трехъ поручиковъ. Ранены были: подполковникъ моего полка, два поручика и триста съ чѣмъ-то драгуновъ и другихъ конныхъ рядовыхъ; раны большею частію были легкія. Генераль баронъ Денсбергъ потерялъ одного пѣхотнаго полковника, о которомъ весьма сожалѣли, семь или восемь раненыхъ офицеровъ, 160 рядовыхъ убитыми и 246 ранеными — все это менѣе чѣмъ въ два часа съ половиною времени. Нѣтъ сомнѣнія, что весь нашъ отрядъ былъ бы истребленъ, еслибы непріятель ранѣе могъ насъ замѣтить. Но онъ далъ намъ время выстроиться въ карре, что и способ-

ствовало намъ удержаться и спасло насъ отъ смерти или рабства.

Около пяти часовъ вечера, 19 июля, Его Царское Величество приказалъ призвать своихъ генераловъ, дабы совѣтоваться съ ними о томъ, на что надлежало рѣшиться. Генералы: Янусъ, Амартъ, Денсбергъ, генераль-поручики Остенъ и Беркгольдъ явились, но ни одинъ изъ генераловъ Русскихъ, ни изъ министровъ Его Величества не показались. Даже и генераль-фельдмаршала тутъ не было. Генераль Янусъ взялъ меня съ собою, и такимъ-образомъ быть я свидѣтелемъ всему, что ни происходило. На семь-то совѣтъ генераль Янусъ представилъ Его Величеству о небреженіи, оказываемомъ иностраннымъ его генераламъ, къ которымъ прибывали только тогда, какъ дѣла были уже въ отчаянномъ положеніи. Онъ сказалъ, что онъ, будучи начальникомъ всей кавалеріи и первымъ генераломъ арміи, не былъ заранѣе уведомленъ о предположеніяхъ всего похода. Онъ жаловался потомъ на неуваженіе министровъ и Русскихъ генераловъ, и заключеніе сказалъ Его Царскому Величеству, что тѣ же самые люди, которые завлекли армію въ лабиринтъ, должны были и вывести ее. Всѣ иностранные генералы съ большимъ удовольствіемъ слушали генерала Януса. Царъ вслѣски обласкалъ его, и всѣ стали думать объ исправленіи запутаннаго положенія, въ которомъ находилась армія.

Турокъ, слишкомъ приближившійся къ нашему лѣвому флангу во время нашего отступленія, схва-

ченъ былъ шестью нашими конными гренадерами и приведенъ къ генералу Янусу, который приставилъ къ нему строгій караулъ и тотчасъ по вступленіи въ лагерь отослалъ его къ государю.

Плѣннаго допросили. Онъ показалъ, что Турецкая армія состояла изъ ста - пятидесяти тысячъ, т. е. изъ 100,000 конницы и 50,000 пѣхоты, что вся конница должна была къ вечеру соединиться, но что пѣхота, при которой находилось 160 артиллерійскихъ орудій, не могла прибыть прежде какъ къ завтрашнему дню около полудня.

По симъ извѣстіямъ, послѣ оказавшимся достоверными, приняты были въ совѣтъ слѣдующіи мѣры:

Положено было арміи воротиться назадъ, устроиться въ карре и оградиться рогатками; экипажи, конница и артиллерія должны были оставаться въ центрѣ, и въ такомъ порядкѣ надлежало было стараться по-возможности совершить небезславное отступление. Недостатокъ конницы болѣе всего могъ намъ повредить. Наши лошади были совсѣмъ изнурены, а Турецкія свѣжи и сильны.

Отданъ былъ приказъ вслѣдствіе сихъ положеній. Армія все еще находилась въ боевомъ порядкѣ, на одной линіи, съ своими рогатками передъ собою. Повелѣно было всемъ генераламъ и офицерамъ уменьшить по-возможности свои экипажи и жечь все ими бросаемое.

При наступленіи ночи, государь, государыня-Императрица, министры и весь двор перенеслись на правую сторону съ лѣвой, которая стала авангардомъ. Между-тѣмъ готовились устроить батальонъ-каре, что и сдѣлано было въ ночь. Гора, по которой разсѣяна была Турецкая конница, явилась намъ вся въ огняхъ, разложенныхъ непріателемъ.

Неужно сказывать вамъ, что ночь эта прошла въ смутеніи и безпорядкѣ. Мы видѣли, что Турки на горѣ то подвигались впередъ, то шли назадъ, и не могли судить о ихъ намѣреніи иначе, какъ наугадъ. Генераль баронъ Алмартъ, генераль баронъ Остенъ и я занимали тотъ же постъ и находились близко другъ отъ друга. И какъ главнымъ предметомъ была для насъ гора, занимаемая непріателемъ, то мы только и старались понять, что происходило тамъ, и къ чему клонились эти марши и контръ-марши, замѣченные нами передъ наступленіемъ ночи. Мы подумали, что намѣреніе непріателя было окружить нашу армію и напасть на нее со всѣхъ сторонъ. Это казалось намъ очевидно по движенію полковъ, которые возвращались къ тому мѣсту, откуда пришли, дабы обойти лѣвый нашъ флангъ и растянуться вдоль берега Прута, съ коего имъ бы предосторожность снять всѣ наши посты.

Непріятельно легче было судить о нашихъ движеніяхъ. Онъ стоялъ надъ нами на высотѣ и лагерь нашъ былъ освѣщенъ, какъ среди бѣлаго дня, безчисленнымъ множествомъ фуръ и тѣлецъ, сожигаемыхъ вслѣдствіе повелѣній.

Въ эту ночь не пропали мы четверти мили. Мы осмотрѣлись уже на разсвѣтъ, и тогда только увидѣли опасность, въ которой находились. Постарались исправить, каждый на своемъ посту. Одной только важной ошибки, сдѣланной княземъ Рынскимъ, не могли исправить прежде цѣлыхъ шести часовъ.

Генералъ сей пачальствовалъ правымъ флангомъ нашего карре и не разсудить, что какъ ни медленно подвигалась голова отряда, хвостъ его непременно долженъ слѣдовать за нею рысью и вскачь, дабы не отставать; онъ прошелъ усиленнымъ маршемъ, думалъ, что все дѣло состояло въ томъ, чтобъ уйти какъ - можно - далѣе. Такимъ - образомъ разрѣзалъ онъ флангъ, и чѣмъ далѣе подвигался, тѣмъ шире становился промежутокъ имъ оставленный.

Экипажи, заключенные въ центрѣ, растянулись на просторѣ, полагая себя огражденными рогатками, и такъ-то растянулись, что большая часть отдѣлилась отъ батальона-карре и шла въ степи безо всякаго прикрытія. Турки, замѣтивъ оплошность и видя, что экипажи составляли уголь, незащищенный никакимъ отрядомъ, скользнули вдоль праваго фланга подъ нашимъ огнемъ, отрѣзали всѣ экипажи, вышедшіе изъ батальона, и захватили ихъ. Экипажей было тутъ довольно: болѣе двухъ тысячъ пяти-сотъ каретъ, колясокъ, тѣлесъ малыхъ и большихъ попались въ руки непріятелю. Здѣсь-то, милостивая государыня, потерялъ я свою карету и весь свой обозъ. Я успѣлъ спасти только *une petite*

raloube съ своимъ бѣльемъ и платьемъ довольно порядочнымъ.

Нѣсколько дамъ были умерщвлены съ дѣтьми своими въ каретахъ. Жена подполковника Роба, взятаго въ плѣнъ въ сраженіи при Ликетѣ, погибла съ тремя своими дѣтьми. Почти все слуги, управлявшіе экипажами, или тутъ же замѣшавшіеся, имѣли ту же участь.

Ошибка князя Рыннина была замѣчена, но слишкомъ поздно. Посланъ былъ къ нему одинъ изъ адъютантовъ Его Величества съ повелѣніемъ остановиться. Между-тѣмъ выставили нѣсколько артиллерійскихъ орудій въ промежутокъ праваго фланга, дабы огогнать непріятеля и воспрепятствовать ему прорваться. Цѣлыхъ пять часовъ употреблено было на исправленіе ошибки непростительной для генерала. Турки, окружавшіе насъ со всѣхъ сторонъ, съ утра самаго не оставляли насъ въ покоѣ, усиливая огонь.

Это было причиною тому, что Турецкая пѣхота и артиллерія втеченіи дня успѣла насъ догнать.

Генераль баронъ Аммартъ былъ легко раненъ въ руку; зять его подполковникъ Лиенро (Lienrot) раненъ былъ смертельно близъ него; генераль-майоръ Волконскій также. Все трое были на лѣвомъ флангѣ, на углу фронта аррьергарда (près de l'angle du front de l'arrière-garde). Генераль-лейтенантъ баронъ Остенъ раненъ былъ въ правое плечо, что не позволяло ему надзирать за безопасностію своего по-

ста, гдѣ чрезвычайно стало жарко, когда догнала насъ Турецкая пѣхота.

Около пяти часовъ вечера фронтъ нашего батальонъ-карре дошелъ до рѣки Прута. Его Величество приказалъ остановиться и выстроиться. Аррьергардъ, сдѣлавъ полу-оборотъ направо, стать нашимъ правымъ флангомъ, а правый флангъ левымъ. Едва успѣли мы произвести сіе нужное движеніе, какъ Турки уперлись своими обоими флангами къ рѣкѣ и заключили насъ съ трехъ сторонъ двойною линіей, расположенной полукружіемъ. Нѣсколько времени спустя, горы, находящіяся по той сторонѣ рѣки, заняты были Шведами, Поляками Кіевского Палатина и Буджацкими Татарами.

Выстроенные въ батальонъ-карре и со всехъ сторонъ обращенные лицомъ къ непріятелю, мы завалили землею наши рогатки; и пока часть полковъ погребала насъ, остальная производила безпрестанный огонь на непріятеля, который съ своей стороны также укрѣплялся.

Около семи часовъ, какъ я возвращался къ генералу Янусу, начальствовавшему на правомъ флангѣ, гдѣ находился и мой постъ, исполнивъ данное мнѣ порученіе, я былъ раненъ пулею въ правую руку, но довольно легко, и могъ остаться на своемъ мѣстѣ, гдѣ люди падали въ числѣ необыкновенномъ, ибо непріятельская артиллерія почти не давала промаха. Въ восемь часовъ вечера три орудія были у меня сбиты. Его Величество, носѣтивъ

ний мой постъ, какъ и прочіе, приказалъ ихъ исправить въ ночь и присовокупить двѣнадцати-фунтовое орудіе.

Могу засвидѣтельствовать, что Царь не болѣе себя берегъ, какъ и храбрѣйшій изъ его воиновъ. Онъ переносился повсюду, говорилъ съ генералами, офицерами и рядовыми также и дружелюбно (*avec tendresse et amitié*), часто ихъ разспрашивая о томъ, что происходило на ихъ постахъ.

При наступленіи ночи роздали намъ, по 800 на каждый полкъ, новоизобрѣтенныхъ ножей, съ трехъ сторонъ острые какъ бритвы, которые, будучи сильно брошены, втыкались въ землю; намъ повѣляли ихъ бросать не прежде, какъ когда непріятель вздумаетъ насъ атаковать. Въ эту ночь непріятель сдѣлалъ только два покушенія: одно, при свѣтѣ фейерверка, на постъ, занимаемый генераль-поручикомъ Остенъ-Сакеномъ, а другое на постъ генераль-майора Буша. Ихъ отразили съ той и другой стороны. Они приближились снова уже на разсвѣтѣ и дали знать о себѣ безпрерывнымъ огнемъ изъ ста-шестидесяти пушекъ, поддержанныхъ безпрестанной стрельбою ихъ конницы и пѣхоты.

Будемъ справедливы: генералы Янусъ, Аллартъ и Денебергъ, генераль-поручики Остенъ и Беркгольцъ, генераль-майоры Видманъ и Бушъ и бригадиръ Ремкингъ сдѣлали болѣе, нежели можно пересказать. Между-тѣмъ какъ Русскіе начальники показывались только ночью, а днемъ лежали подъ

своими экипажами, генералы иностранные были въ безпрестанномъ движеніи, днемъ поддерживая полки въ ихъ постахъ, исправляя уронъ, нанесенный непріятелемъ, давая отдыхать солдатамъ наиболѣе усталымъ и смѣняя ихъ другими, находившимися при постахъ, менѣе подверженныхъ нападенію непріятеля.

Когда ночь показалась намъ коротка, потому-что не были мы обезпечены, то утро зато показалось намъ очень долгимъ, по причинѣ быстрого и безпрестаннаго непріятельскаго огня, отъ котораго много мы терпѣли, по-крайней-мѣрѣ на правомъ нашемъ флангѣ, со стороны фронта. Войско, приближенное къ рѣкѣ, было совсѣмъ безопасно.

Около девяти часовъ утра Его Величество, которому не безызвѣстно было, что иностранные генералы одни могли спасти его арміи, приказалъ позвать ихъ въ центръ экипажей, гдѣ находилась его палатка. Генералъ Янусъ, котораго Царь приглашалъ особенно вмѣстѣ съ барономъ Остенемъ, взялъ меня съ собою къ Его Величеству. Государь милостиво освѣдомился о моей ранѣ, которая очень меня беспокоила, потому-что я только еще промывалъ ее виномъ, даннымъ мнѣ генераль-майоромъ Бушомъ. У меня не было ни капли. Тѣлеса мои были въ числѣ тѣхъ, которыми овладѣли Турки.

Государь, генералъ Янусъ, генералъ - поручикъ Остенъ и фельдмаршалъ держали долгое тайное совѣщаніе. Потомъ они всѣ подошли къ генералу ба-

рону Алларту, лежавшему въ каретѣ по причинѣ раны имъ полученной, и тутъ, между каретою сего генерала и каретою баронессы Остенъ, въ которой находилась г-жа Бушъ, положено было, что фельд-маршалъ будетъ писать къ великому визирю, прося отъ него перемирія, дабы безопасно приступить къ примиренію обоихъ государей.

Трубачъ генерала Януса отправился съ письмомъ, и мы ожидали отвѣта, каждый на своемъ посту, какъ объявили намъ о смерти генераль-майора Видмана.

Эго было невозвратная потеря для Царя. Видманъ былъ человекъ достойный и честный, прямой, правдивый, добрый товарищъ и хорошій кавалерійскій офицеръ, основательно знавшій свое дѣло. Все объ немъ сожалѣли, тѣмъ-болѣе-что онъ находился не на своемъ посту: онъ служилъ въ дивизіи генерала Рене и долженъ былъ бы съ нимъ отправиться въ Валахію, еслибъ Его Царское Величество не оставилъ его въ своей арміи изъ уваженія къ нему.

Не прошло двухъ часовъ по отъѣздѣ трубача, какъ увидѣли мы, что онъ возвращается съ агою Янычаровъ. Турокъ прибылъ на постъ, гдѣ находился генераль-поручикъ Беркгольцъ, и сказалъ ему на Арабскомъ языкѣ, на которомъ Беркгольцъ изъяснялся хорошо, что великій визирь соглашался на требуемое перемиріе, и давалъ намъ знать, чтобъ мы прекратили нашъ огонь (что и съ ихъ сторо-

ны будетъ учинено), и чтобы мы присылали комиссаровъ для переговоровъ о мирѣ.

Мы не дождались повелѣній генераль-фельдмаршала и остановили огонь, каждый на своемъ посту, и въ минуту на той и другой сторонѣ водворилось спокойствіе.

Не прошло и двухъ часовъ со времени, что перемиріе было объявлено и что баронъ Шафировъ отправился въ лагерь великаго визиря въ качествѣ комиссара съ препорученіемъ трактовать о мирѣ, какъ увидѣли мы всю Турецкую армію около нашихъ рогатокъ: Турки пріѣхали насъ навѣстить и полюбоваться нами въ нашей кѣлѣкѣ. Наконецъ они такъ приблизились, что генералы наши возмущѣнъ подозрѣніе, особенно генералъ Янусъ, который послалъ г. Беркгольца къ великому визирю, прося его приказать войску своему возвратиться въ окопы и учредить караулы для удержанія Турокъ въ повиновеніи, что, съ нашей стороны, должны были сдѣлать и мы.

Генераль-лейтенантъ Беркголецъ возвратился съ тѣмъ же Янычарскимъ агою, который однимъ словомъ погналъ всю Турецкую армію въ ся окопы. Онъ разставилъ потомъ караулы (*vedettes*) со стороны ихъ, а мы съ нашей.

Признаюсь, милостивая государыня, изъ всѣхъ армій, которыя удалось мнѣ только видѣть, никогда не видывалъ я ни одной прекраснѣе, величе-

ственные и великолѣпнѣе арміи Турецкой. Эти разноцвѣтныя одежды, ярко освѣщенные солнцемъ, блескъ оружія, сверкающаго наподобіе безчисленныхъ алмазовъ, величавое однообразіе головнаго убора, эти легкіе, но завидные кони, все это на гладкой стѣнѣ, окружая насъ полумѣсяцъ, составляло картину невыразимую, о которой, не смотря на все мое желаніе, я могу вамъ дать только слабое понятіе.

Когда увидѣли, что дѣло клонилось къ миру не на шутку, мы отдохнули, перемѣнили бѣлье и платье. Вся наша армія походила на трубачествовъ; потъ, пыль и порохъ такъ покрывали насъ, что мы другъ друга ужь не узнавали. Менѣе нежели черезъ три часа всѣ явились въ золотѣ, всякій одѣлся какъ можно великолѣпнѣе.

22-го вечеромъ узнали черезъ барона Шафирова, прибывшаго изъ Турецкаго лагеря для объясненій съ Его Величествомъ о нѣкоторыхъ спорныхъ пунктахъ и черезъ часъ уѣхавшаго обратно, что все шло хорошо и что конечно миръ будетъ заключенъ.

Не могу, милостивая государыня, здѣсь не упомянуть о благоразумномъ поступкѣ, который заставилъ насъ уважать Турецкій народъ. Какой-то снаги, или, что все равно, всадникъ, перешелъ за указную черту и явился близь моего поста, гдѣ прогуливался я съ сыномъ барона Денсберга, под-

полковникомъ въ Блюзерскомъ полку, и съ генераль-майоромъ Вейсбахомъ.

Этотъ спаги говорилъ что-то нашимъ драгунамъ, находившимся за рогатками, размахивая своею саблею, и полагая, видно, что мы понимали его нарѣчіе. Офицеръ, развѣзжавшій около ихъ лагерь, замѣтилъ, что спаги перешелъ за положенную черту, и, давая знакъ возвратиться въ лагерь, съ твердостію выговаривалъ ему. Спаги его не послушался; офицеръ, послѣ двукратнаго требованія, приблизился къ нему молча, и махомъ своею саблею чистого отрубилъ руку, которая упала съ саблею къ нашимъ ногамъ; потомъ, продолжая путь свой съ тѣмъ же хладнокровіемъ, простился съ нами, коснувшись рукою чалмы своей. Спаги не сталъ тратить времени и усакалъ во весь опоръ, оставя руку и саблю у ногъ молодого Денеберга. Сей поступокъ невѣрнаго служить урокомъ для христіанъ, съ какою строгостію должно хранить свое слово, данное и непріятелямъ.

22-е и 23-е числа прошли въ нетерпѣливомъ ожиданіи столь нужнаго и столь желаемаго мира. Положеніе, въ которомъ мы недавно находились, того требовало. Оно было ужасно. Смерть или рабство—не было середины. Намъ должно было выбрать изъ двухъ одно, еслибъ великій взырь сдѣлалъ свое дѣло и служилъ съ усердіемъ государю своему. Надлежало ему только быть осторожнымъ, укрѣпляться въ окопахъ и оставаться въ бездѣйствіи. Армія

наша не имѣла провіанта; пятый день большая часть офицеровъ не ѣли хлѣба; тѣмъ-паче солдаты, которые пользуются меньшими удобствами. Лошади были изнурены (*étoient depuis le même tems au filet*); нѣкоторые генералы имѣли при себѣ нѣсколько кулей овса, и кое-какъ поддерживали своихъ лошадей; остальные же кони лизали землю и были такъ изнурены, что когда пришлось употребить ихъ въ дѣло, то не знали сѣдять ли, запрягать ли ихъ, или нѣтъ.

Вечеромъ 23 іюля (по старому стилю) бригадиръ получилъ приказъ отобрать розданные пожитки, по 800 на каждый полкъ, и побросать ихъ ночью въ рѣку черезъ надежныхъ офицеровъ. Узнали также, что въ артиллерійскомъ паркѣ зарыто было множество пороха, бомбъ, гранатъ и ядеръ, также и оружія, предварительно сломаннаго, что предвѣщало намъ конецъ нашимъ бѣдствіямъ.

Наконецъ, милостивая государыня, 24-го увидѣли мы одну изъ придворныхъ повозокъ (*paloube*) въ которой везли на 200,000 червонцевъ золота и вещей, обѣщанныхъ барономъ Шафировымъ въ подарокъ великому визирю. Въ полдень, Его Царское Величество чрезъ своего генералъ-адъютанта объявилъ всѣмъ генераламъ, что онъ заключилъ съ Портою твердый, неколебимый и вѣчный миръ, и приказалъ дать знать о томъ всѣмъ офицерамъ и рядовымъ своей арміи.

Еслибы сказали намъ 22 іюля утромъ, что миръ

заключенъ будетъ такимъ образомъ 24-го, то всякій почелъ бы конечно мечтателемъ и сумасшедшимъ того, кто бы осмѣлился ласкать насъ надеждою на такое несбыточное счастье. Я помню, что когда трубачъ генерала Януса отправился съ письмомъ фельдмаршала, въ которомъ просили оъ перемирія, генераль сказалъ намъ, возвращаясь къ нашимъ постамъ, что тотъ, кто завелъ Его Царское Величество въ это положеніе, долженъ былъ быть величайшимъ безумцемъ всего свѣта; но что если великій визирь приметъ наше предложеніе въ настоящихъ обстоятельствахъ, то это первенство принадлежитъ ему. Богу угодно было, чтобъ генераль невѣрныхъ ослѣпленъ былъ блескомъ двухъ-сотъ-тысячъ червонцевъ, для спасенія великаго множества честныхъ людей, которые, по-истинѣ, находились въ рукахъ Турковъ.

Въ часъ пополудни Отоманы обнародовали миръ, и почти въ то же время фельдмаршаль отдалъ приказъ арміи выступить въ походъ въ шесть часовъ вечера, въ новомъ боевомъ порядкѣ, ксого планъ розданъ былъ всѣмъ генераламъ, дабы каждый изъ нихъ занялъ свое мѣсто. Войско должно было выступить изъ лагеря съ распущенными знаменами, съ барабаннымъ боемъ и съ фейсгами передъ каждымъ полкомъ.

Ненужно было приказывать офицерамъ, у коихъ оставались еще экипажи, ихъ облегчить: необходимость и такъ ужъ того требовала. Множество добра побросали въ лагерь, ибо лошади едва таскались изнуренныя и чуть живыя.

Прежде нежели оставим лагерь, вы позволите, милостивая государыня, исчислить вамъ потерю обѣихъ армій въ эти четыре дня. Достоверно, что Его Царское Величество лишился не болѣе какъ 8,800 человекъ убитыми. Изъ генераловъ убитъ одинъ г. Видманъ; два полковника, пять подполковниковъ, 18 капитановъ и 26 нижнихъ чиновъ раздѣлили съ нимъ ту же участь. Турки чистосердечно признались намъ, что они потеряли убитыми 8,900 человекъ, между прочимъ одного любимца ихъ султана и множество офицеровъ.

24-го, въ 6 часовъ вечера, армія выступила въ походъ центромъ праваго фланга. Четыре батальона, въ немъ находившіеся, составляли фронтъ подъ командою генерала барона Денеберга, генераль-майора Альфенделя и бригадира Моро-де-Бразе (Moreau de Brasey, Comte de Lion en Beance). Прочіе генералы слѣдовали по старшинству; Адамъ Вейде и князь Голицынъ составляли аррьергардъ, а солдаты несли рогатки, какъ и во время сраженія. Армія, составляя батальонъ - карре, гордо прошла мимо Турковъ, выстросенныхъ въ одну линію въ долину по лѣвую нашу руку. Мы шли до самой ночи по берегу Прута, который былъ отъ насъ вправо, а горы влѣво.

Одинъ Французскій инженеръ, по имени Терсонъ, человекъ самый честный, уважаемый Царемъ и Русскими, пріятель всего свѣта, удостовѣрилъ меня, что есть люди, имѣющіе вѣрныя предчувствія о

своей смерти. Сей Французъ подружился со мною въ Ригѣ, гдѣ я узналъ его; и когда шесть мѣсяцевъ послѣ встрѣтились мы въ той же арміи, онъ часто дѣлалъ мнѣ честь навѣщать меня и довольствоваться моею хлѣбъ-солью. Въ тотъ день какъ возвратились мы въ лагерь, всопровожденіи непріятелей, онъ ко мнѣ пришелъ поздравить меня съ достославнымъ нашимъ отступленіемъ и съ тѣмъ, что генераль Янусъ благосклонно отзывался ему обо мнѣ, радуясь, что въ семъ случаѣ имѣлъ меня при себѣ. Я отвѣчалъ, что генераль Янусъ отдавалъ свои приказанія съ такою ясностію, что офицеру, какъ бы тупо ни было его понятіе, невозможно было ихъ не выполнить. Умирая съ голоду, я тѣмъ съ большимъ аппетитомъ то, что могъ еще найти годнаго въ моихъ запасахъ, и Терсонъ послѣдовалъ моему примѣру. Тутъ открылъ онъ мнѣ за тайну, что ему изъ Молдавіи не выдти и что онъ оставить въ ней свои кости. Я вѣчески старался разсѣять его мрачное предчувствіе, но тщетно. Заключили миръ, армія выступила. Терсонъ прибылъ къ моему посту и довольно долго со мною разговаривалъ. Я сталъ смѣяться надъ его предчувствіемъ, доказывая его ложность, ибо миръ былъ заключенъ. Онъ отвѣчалъ, что генераль Янусъ, которому также онъ открылся, дѣлалъ ему то же разсужденіе, но что онъ и мнѣ дастъ тотъ же отвѣтъ какъ и генералу, именно, что онъ изъ Молдавіи еще не выплещетъ и что мы успѣемъ надъ нимъ посмѣяться, когда войско перейдетъ за Днѣстръ. Нѣсколько времени спустя, онъ меня оставилъ и

поѣхалъ къ генералу Янусу, который, страдая подагрой, ѣхалъ въ каретѣ вдоль праваго фланга во стѣ шаговъ отъ фронта. Поговоривъ съ нимъ немного, онъ оставилъ его по нѣкоторой нуждѣ. Одинъ изъ Татаръ, слѣдовавшихъ за нашей арміей въ намереніи что-нибудь подѣбнить, проскакавъ мимо его, воткнулъ въ него копье и оставилъ его мертвымъ, не снявъ даже съ него шляпы. Генералъ Янусъ послалъ за мною своего адъютанта, и показалъ мнѣ его тѣло, принесенное къ батальону гренадерамъ, и которое было еще тепло. Мы жалѣли объ немъ отъ всего сердца и дивились между-тѣмъ предчувствіямъ, которые оспаривалъ я съ упрямствомъ. Фельдмаршалъ послалъ трубача къ великому визирю съ жалобою на нарушеніе условій. Трубачъ возвратился ночью съ предписаніемъ вѣшать всѣхъ Татаръ, которые попадутся намъ въ руки, гонимыхъ за нашей арміей.

При совершенномъ наступленіи ночи, Его Царское Величество велѣлъ остановиться батальону-карае. Мы выстроились какъ можно исправнѣе. Мы расположились на бивакахъ. Ночлегъ былъ кратокъ, а ночь чрезвычайно дождлива.

Не правда ли, что вы находите меня нечувствительнымъ въ-отношеніи къ вашему полу, ибо досихъ-поръ не говорилъ я вамъ о всемъ, что претерпѣли дамы, находившіяся въ нашей арміи? Вообразите ихъ себѣ, милостивая государыня, посреди ужасовъ четырехъ-дневнаго сраженія, подверженныхъ тѣмъ же опасностямъ, какъ и мы; кареты ихъ про-

стрѣлены были пулями, разбиты пушечными ядрами; и эти милыя дамы должны были понастѣять въ плѣнь, если не погибнуть въ печальномъ надевѣніи, ксого мы только и опасались. Не знаю болѣе ли онѣ страдали во время битвы, нежели радовались о своемъ избавленіи; но знаю, что генераль-майорша Бушъ, три недѣли послѣ, не могла еще оправиться отъ страха, ею претерпѣннаго въ тѣ четыре дня какъ мы имѣли дѣло съ Турками.

Какъ объ условіяхъ мира хранили глубокое молчаніе, то мы (иностранны) никого и не спрашивали, а разсуждали о нихъ между собою, не сомнѣваясь, чтобъ они не были весьма тягостны для Его Царскаго Величества. Однако мы узнали обо всемъ въ походѣ (25 іюля) и советъ неожиданнымъ для насъ образомъ.

Армія выступила въ походъ на разсвѣтѣ съ экипажемъ, уменьшеннымъ по-крайней-мѣрѣ двумя третями. Въ полдень пришли мы въ тѣснину, гдѣ мы такъ долго простояли въ началѣ нашего похода. Я былъ одинъ изъ начальниковъ авангарда или фронта нашего батальонъ-карре, который для болыней удобности экипажей раздѣлился при входѣ въ тѣснину. Мы первые прибыли въ долину, находящуюся за тѣсвиною: мѣсто пріятное, окруженное густыми деревьями и огражденное съѣва высокими, лѣсистыми горами, а сирава рѣкою Прутомъ, разливающимъ на свои берега прохладу, которой мы и воспользовались. Тамъ постигли меня сначала генераль-майоръ Бушъ, а вслѣдъ за нимъ генераль

баронъ Остенъ. Все трое мы проголодались. Карета госпожи Бунъ ѣхала недалеко. Мужъ ея послалъ спросить, нѣтъ ли у ней чѣмъ бы намъ пообѣдать. Эта милая дама прислала намъ бутылку Венгерскаго вина, четыре холодныхъ цыпленка, хлѣба довольно черстваго, но все жь хлѣба, и мы при приближеніи такого сильнаго сикурса, избрали мѣстоположеніе и стали работать съ одинаковою жадностію. Бутылка оказалась недостаточной для утоленія нашей жажды: мы послали за подкѣрвленіемъ, которое и было намъ доставлено съ тою же любезностію. Только-что мы кончили нашъ обѣдъ, фельдмаршаль на насъ наѣхалъ и попросилъ насъ угостить трехъ нашихъ, присланныхъ отъ великаго визиря къ Его Царскому Величеству, покаместъ государь не дастъ имъ отвѣта. Мы къ нимъ отправились. Одинъ изъ нихъ говорилъ хорошо по-Нѣмецки и еще лучше по-Латинѣ. Онъ достался на мою долю; друзья мои довольствовались оба однимъ изъ остальныхъ, говорившимъ только по-Нѣмецки. Въ минуты первыхъ привѣтствій слуги фельдмаршальскіе разбили натель, постлали наземь коверъ Турецкій, на который усадили мы нашихъ трехъ нашихъ. Они сѣли сложивъ ноги крестомъ и велѣли принести себѣ трубки, конхъ чубуки столь были длинны, что головки ихъ лежали на землѣ.

Сначала разговоръ нашъ былъ общій. Они сказали намъ, что великій визирь послалъ ихъ предложить Его Царскому Величеству 2.000 человекъ спаговъ для отогнанія Татаръ, насъ преслѣдующихъ и изъ конхъ шестеро ночью были пойманы, не

считая тридцати убитыхъ нашими конными гренадерами. Наконецъ паша, говорившій по-Латинѣ, коль-скоро узналъ, что я Французъ, подозвалъ меня къ себѣ и громко объявилъ, что Французы были пріятельи Туркамъ. Тогда, вступивъ въ частныя разсужденія, я спросилъ у него, по какой причинѣ и на какихъ условіяхъ заключили они миръ? Онъ отвѣчалъ, что твердость наша ихъ изумила, что они не думали найти въ насъ столь ужасныхъ противниковъ, что, судя по положенію, въ которомъ мы находились и по отступленію нами совершенному, они видѣли, что жизнь наша дорого будетъ имъ стоить, и рѣшились, не упуская времени, принять наше предложеніе о перемиріи, дабы насъ удалить. Онъ объявилъ, что въ первые три дни артиллерія паша истребила и изувѣчила множество изъ ихъ единоплеменнцевъ, что у нихъ было 8,000 убитыхъ и 8,000 раненыхъ, и что они поступили благоразумно, заключивъ миръ на условіяхъ почетныхъ для султана и выгодныхъ для его народа.

Вы чувствуете, милостивая государыня, что, увидя случай отозваться съ похвалою о нашей арміи, я не сталъ скромничать и, признаюсь, отроду не хвасталъ я съ такимъ усердіемъ и не встрѣчалъ подобной довѣренности. Потомъ я сказалъ ему, что, будучи доволенъ изъясненіемъ причинъ, по которымъ заключили они миръ, я хотѣлъ бы знать и условія онаго; онъ охотно исполнилъ мое желаніе, выпивая кофе, который между-тѣмъ имъ подносили. И вотъ они, снѣ условіа, которыя тѣмъ болѣе

изумили меня, что, основываясь на предложеніяхъ, показанныхъ мнѣ въ Ригѣ Левенвольдомъ, я полагаю короля Шведскаго истинною причиною войны.

1) Его Царское Величество возвратитъ Туркамъ Азовъ, срывъ новыя укрѣпленія онаго, также и крѣпости, выстроенныя имъ по берегу.

2) Флотъ свой и морское войско переведетъ онъ въ Воронежъ и не будетъ имѣть другой, ближайшей пристани къ Черному-Морю, кроме какъ Воронежской.

3) Казакамъ возвратитъ ихъ старинную вольность, а Польшу Украину-Польскую, такъ же какъ и Эльбингъ и другіе города, имъ захваченные.

4) Выведетъ безъ-изыятія всѣ полки, находящіеся въ разныхъ частяхъ Польши, и впредь, ни подъ какимъ предлогомъ и ни въ какомъ случаѣ, не введетъ ихъ обратно, самъ или черезъ своихъ генераловъ.

5) Наконецъ Его Царское Величество дастъ королю Шведскому свободный пропускъ въ его государство, даже, въ случаѣ нужды, и черезъ свои владѣнія, съ конвоемъ, который данъ будетъ отъ султана; также не станетъ никакимъ-образомъ тревожить короля во время проѣзда его черезъ Польскія владѣнія, обязуясь въ то же время удержать и Фридерика-Августа, курфюрста Саксонскаго, отъ всякаго непріязненнаго покушенія какъ на особу короля, такъ и на конвой, его сопровождающій.

Таковы были условія мира, столь полезнаго и столь нужнаго для славы Его Царскаго Величества. Прибавьте къ тому и 200,000 червонцевъ, подаренныхъ великому визирю (что подтверждено мнѣ было моимъ пашею).

Онъ сказалъ мнѣ, что спусти часть, по отсутствіи арміи нашей, Шведскій король перѣхалъ черезъ Прутъ на челнокѣ, сдѣланномъ изъ выдолбленнаго пня, пустивъ лошадь свою влѣвъ, и самъ плѣсъ приискалъ въ лагерь великаго визиря; что король говорилъ ему съ удивительною гордостію и между прочимъ сказалъ что «если одинъ изъ его генераловъ вздумалъ бы только заключить таковой миръ, то онъ отрубилъ бы ему голову, и что ему визирю, должно то же самое ожидать отъ султана». На всю эту брань великій визирь отвѣчалъ только то, что онъ имѣлъ отъ султана приказаніе, и что онъ ничего не сдѣлалъ безъ согласія одного министра (de Sa Hautesse), находящагося въ его лагерьѣ и своего военнаго совѣта.

Мы разговаривали обо всемъ этомъ, какъ фельд-маршалъ пришелъ имъ объявить, что Его Величество принимаетъ учтливое предложеніе великаго визиря. Паша откланялся, взявъ съ собою шестерыхъ Татаръ, схваченныхъ нами ночью, и отослалъ ихъ связанныхъ къ великому визирю для примѣрнаго наказанія.

Я всегда воображалъ себѣ Турковъ людьми не обыкновенными; но мое доброе о нихъ мнѣніе уси-

лись съ-тѣхъ-поръ какъ я на нихъ насмотрѣлся. Они болѣею частью красивы, носятъ бороду не столь длинную какъ у капуциновъ, но снизу четырехугольную, и носятъ ее, какъ мы холимъ лошадей. Эти наши, хотя всѣ трое разнаго цвѣта, имѣли красивѣйшія лица. Тотъ, съ кѣмъ я разговаривалъ признался мнѣ, что ему было 65 года, а на-взглядъ нельзя было ему дать и сорока-пяти.

Армія наша, разстроенная батальонъ - карре при выходѣ въ тѣснину, раздѣлилась въ долину, находящейся при выходѣ изъ оной. Его Царское Величество съ Преображенцами, Семеновцами, Асгранацами и Ингерманландцами сталъ въ авангардъ въ двухъ миляхъ отъ тѣсины. Генераль-лейтенантъ Брюсъ съ артиллеріей и дивизія князя Рѣпина слѣдовали за Его Величествомъ и расположились лагеремъ въ полторѣ мили, генералъ баронъ Денсбергъ въ одной милѣ, генералъ баронъ Аллартъ въ полу-мили, съ кавалеріей, которою командовалъ онъ по приказанію Его Величества, ибо г. Янусъ страдалъ въ это время подагрой. Дивизія же Адама-Вейде осталась при выходѣ изъ тѣсины. Двухтысячный Турецкій отрядъ раздѣлился на три части: одна осталась въ тылу арміи, а двѣ другія расположились по ея флангамъ. Въ такомъ расположеніи и наблюдая все тѣ же дистанціи, мы пошли на Яссы, гдѣ надѣялись найти всѣ запасы нужные для обратнаго нашего похода черезъ степи. Мы достигли сего города въ шесть переходовъ, каждый въ четырехъ миляхъ состоявшій. Тамъ оста-

вались мы четыре дня и запаслись всѣмъ, что могли только найти.

Много претерпѣлъ бы я во время сего перехода, еслибы генераль баронъ Аллартъ, зная, что я потерялъ весь мой экипажъ, не снабдилъ меня великодушно повозкою, четверкою лошадей и прекрасною палаткой съ ея маркизою. А какъ въ повозочкѣ моей (*paloube*) съ одеждой и бѣльемъ находилась и постеля, то я въ своемъ несчастіи почиталъ себя счастливѣйшимъ изъ смертныхъ.

Давъ четырехдневный отдыхъ своей арміи и собравъ запасы для перехода черезъ степи, Его Царское Величество повелѣ насъ вдоль Прута до (Станопре) Станопы, по дорогѣ не столь трудной и длинней, какъ Сороцкая. Въ Станопѣ мы стояли опять четыре дня по той причинѣ, что Его Величество приказалъ навести одинъ только мостъ для переправы всей арміи.

Здѣсь разстались мы съ тремя пашами и съ ихъ отрядомъ. Дорогой имѣлъ я честь нѣсколько разъ съ ними разговаривать, а однажды и обѣдать вмѣстѣ у генераль-лейтенанта барона Остена. Они попросили рису варенаго на молоко и пились имъ, насыпавъ кучу сахара. Мы никакъ не могли заставить ихъ пить Венгерскаго вина, какъ они просили: они предпочитали кофе, сваренный по ихъ обычаю, и который пили они цѣлый день.

Отъ Станопы армія въ четыре дни пришла къ Могилеву на Днѣстръ, куда прибылъ ужь Сороцкій

гарнизонъ, истребивъ мостъ и наружныя укрѣпленія города. Новый мостъ, который должно было навести на Дибетръ, задержалъ насъ тутъ еще восемь дней. Буджацкіе Татары вѣдунали-было насъ безпокоить. Казачій полковникъ заманилъ ихъ по-своему въ засаду. 160 были убиты, шестеро взяты въ плѣнь, и фельдмаршалъ велѣлъ ихъ повѣсить всѣхъ на одномъ деревѣ на самой высокой изъ сосѣднихъ горъ, дабы устранилъ тѣхъ, которые вѣдунали бы оныя насъ безпокоить въ нашемъ лагерѣ или фуражировкѣ, что не переставали они чинить съ нами отъ самаго Станюпа.

Мостъ былъ готовъ, и армія спокойно переправилась въ трос сутокъ. Шесть батальоновъ гренадеръ остались въ аррьергардѣ лагеря, изъ опасенія чтобъ Татары, кроющіеся въ горахъ, не потревожили переправы нашихъ послѣднихъ полковъ. Но они оказались болѣе благоразумными, нежели мы предполагали; проученные послѣднею своею неудачей, они уже не показывались, и отступленіе наше совершилось со всевозможнымъ спокойствіемъ.

Во время нашего пребыванія въ лагерѣ за Дибетромъ въ Подоліи, Его Царское Величество пожелалъ узнать въ точности потерю, имъ понесенную въ сей краткій, но трудный походъ. Приказано было каждому бригадиру представить къ слѣдующему утру подробную опись своей бригады, опредѣливъ состояніе оной въ первый день вступленія нашего въ Молдавію и то, въ которомъ находилась она въ

день отданнаго приказа. Воли его Царскаго Величества была исполнена: изъ 79,800 людей, состоявшихъ на лицѣ при вступленіи нашемъ въ Молдавію, если вычесть 15,000, находящихся въ Валахіи съ генераломъ Рене, оставаться надлежало 64,800; но оказалось только 37,515. Вотъ все, что вышло изъ Молдавіи. Прочіе остались на удобреніе сей бесплодной земли, отчасти истребленные огнемъ непріятельскимъ, но еще болѣе поносомъ и голодомъ.

На третій день нашего пребыванія въ новомъ лагерѣ, куда припасы стекались изобильно изъ Каменца и другихъ городовъ Подольскихъ, государь, Императрица, свита ихъ и министры (за исключеніемъ барона Шафирова и графа Шереметева, оставленныхъ въ лагерѣ Турецкомъ заложниками мира) отправились *incognito* въ 10 часовъ вечера, подъ прикрытіемъ одного только гвардейскаго эскадрона, къ Ярославу. Тамъ, по приказанію государя, приготовлены были суда, на которыхъ онъ Вислою отправился въ Торнъ, гдѣ Императрица, въ то время беременная на седьмомъ мѣсяцѣ, располагалась родить. Это былъ первый ея ребенокъ съ того времени, какъ она признана была Императрицей: честь, коей она достойна болѣе многихъ принцессъ, которыя должны бы краснѣть отъ стыда, видя, что женщина ничтожнаго происхожденія (*une femme de rien*), безо всякаго образованія, не воспитанная въ чувствахъ величія и душевной возвышенности, собственныхъ высокому рожденію, поддерживаетъ санъ

императорскій со всею честію, величіемъ и умомъ, которые можно было бы только ожидать отъ самой знатнѣйшей крови.

На другой день отъѣзда Его Величества, фельд-маршалъ со всею арміею выступилъ въ походъ и остановился лагеремъ въ Шарградѣ, куда, по его приказанію, съѣхались все генералы изъ разныхъ мѣстъ, гдѣ они находились, ибо армія была распредѣлена по разнымъ направленіямъ для удобства продовольствія и фуражировки.

Когда генералы собрались въ палаткахъ фельд-маршала, онъ объявилъ имъ, что Его Царское Величество, заключивъ миръ съ Турками, не имѣлъ уже надобности въ столь великомъ числѣ генераловъ, что онъ имѣлъ повелѣніе отъ государя отпустить тѣхъ изъ нихъ, которые по ихъ большому жалованію наиболѣе были ему тягостны, что онъ именемъ Его Царскаго Величества благодарить ихъ за услуги, ими оказанныя, особенно въ сей послѣдній походъ; потомъ онъ роздалъ абшиды генераламъ, конмъ прилагаю здѣсь списокъ, включая въ томъ числѣ тѣхъ, которые оставили службу Его Величества съ 1 января 1711 года.

Списокъ генераловъ, отпущенныхъ Его Царскимъ Величествомъ или оставившихъ его службу безъ отпуску.

Фельдмаршалъ генералъ-лейтенантъ Гольцъ отошелъ безъ отпуску, не получивъ 60,000 экю и болѣе должнаго ему жалованья.

Генералъ Янусъ отошелъ безъ отпуску по той же причинѣ.

Генералъ баронъ Денебергъ отпущенъ съ абшидомъ.

Генералъ - лейтенантъ баронъ Остенъ отпущенъ съ абшидомъ.

Генералъ - лейтенантъ Беркгольцъ отпущенъ съ абшидомъ.

Генералъ-лейтенантъ Ностицъ, Эльбингскій комендантъ, отошелъ безъ абшида, самовольно удовлетворивъ себя 50,000 экю, которые считалъ за государемъ.

Бригадиръ графъ де-Фризъ отошелъ безъ отпуску.

Бригадиръ Моро-де-Бразе (comte de Lion en Vexance) отпущенъ съ абшидомъ.

Бригадиръ Боэ отпущенъ съ абшидомъ.

Бригадиръ баронъ Ремкингъ отпущенъ съ абшидомъ.

Бригадиръ графъ Ламберти отпущенъ съ абшидомъ.

Баронъ Денебергъ, кавалерійскій полковникъ, отпущенъ также съ абшидомъ.

Полковникъ отъ инфантеріи Миронсъ отпущенъ также съ абшидомъ.

На слѣдующій же 1712 годъ отпущены съ абшидомъ генералъ баронъ Алмартъ и генералъ - лейтенантъ Флюгель.

14 иностранныхъ полковниковъ отпущено съ абшидомъ; некоторые же отошли сами.

22 подполковника отпущены съ абшидомъ, отчасти отошли.

156 капитановъ отпущены или отошли сами.

Фельдмаршалъ неслишкомъ много истратилъ денегъ, отпускалъ всѣхъ сихъ офицеровъ; ибо никому ничего не заплатилъ; и до-сихъ-поръ за нимъ пропадаетъ жалованія моего за 15 мѣсяцевъ (*), по 150 рублей на мѣсяць (рубель стоилъ 5 Фр. ливровъ): я получалъ 70 рубл. какъ бригадиръ, 40, какъ полковникъ, и 20, какъ капитанъ.

Генералъ баронъ Денсбергъ имѣлъ ужасную схватку съ фельдмаршаломъ касательно денегъ; но это ни къ чему не послужило. Дѣлать было нечего; мы рѣшились терпѣть; генералъ баронъ Денсбергъ, генералъ-лейтенантъ баронъ Остенъ и я, отправились вмѣстѣ черезъ Satanore (Тарнаполь) (гдѣ мы встрѣтили полки генерала Рене, возвращающіеся изъ Валахін, и которые тамъ обогатились въ той-же мѣрѣ, какъ мы обнищали) и потомъ черезъ Замосць въ Лесноль, гдѣ цѣлый мѣсяць отдыхали отъ трудовъ нашего сумасброднаго похода. Въ семъ-то городѣ познакомился я съ госпожею коронною старостиною и ея сестрою госпожею великой хорунжихою. Обѣ онѣ сестры великому коронному гетману Синявскому. Сін дамы оказали мнѣ множе-

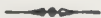
(*) Кажется, слыгивши храбраго капитана Dalgetty, жалующагося на бедности и несправность въ платежѣ жалованья. *Прим. А. С. П.*

ство вѣжливостей; между прочимъ получить я отъ старостины прекраснаго Испанскаго табаку, который оживилъ мой носъ, совсѣмъ изнемогавшій безъ сей благодѣтельной помощи, для меня необходимою.

Изъ Леополя мы пріѣхали въ Варшаву, гдѣ отдыхали еще одинъ мѣсяць. Оттуда Вислою отправился я съ барономъ Остеномъ и его супругою въ Данцигъ, гдѣ нашелъ я свою жену и семейство свое, умноженное одною наследницею, милымъ и прекраснымъ ребенкомъ.

ОТРЫВКИ ИЗЪ «ФАУСТА».

НОЧЬ.

Фаустъ съ выраженіемъ безпокойства сидитъ передъ столикомъ подъ высокими сводами узкой готической комнаты.

Съ какою пламенной любовью
Философическимъ мечтамъ
И медицинѣ и правамъ,
Увы, и даже богословью
Учился я! Чтò пользы въ томъ?
Остался тѣмъ же я глупцомъ,
Хотя въ ученое сословіе
И принять докторомъ. Убивъ
Ужъ десять лѣтъ на пустословье,
Туда, сюда, и вкось и вкривъ
Я за носъ школьниковъ вожу —
А все, какъ прежде, пахожу,
Что сколько умъ свой ни тревожизъ,
Но кромѣ немощи своей

Постигнуть ничего не можемъ...
Судьба проклятая людей!
Конечно, я не дуралей
И разсудительный индо
Писца, магистра, богослова:
Меня сомнѣнья не страшатъ,
Ни черный бѣсъ, ни мрачный адъ;
Зато не занятъ я собою,
Своей ученостью, мечтою
Людей дивить, образоватъ
И имъ Богъ-вѣсть что возвѣщать.
Нѣтъ у меня казны, палаты,
Замѣны нѣтъ за всѣ утраты —
И псу не жить какъ я живу!...
Кчему же медлить? призову
На помощь рой духовъ желанный,
Предамся магін туманной
И, можетъ-быть, узнаю я
Тогда пружины бытія.
Быть-можетъ, гордо я воспримѣ
И пересказывать не стану
Въ поту безсмысленнымъ глупцамъ
Того, чего не знаю самъ.
Въ обширныхъ нѣдрахъ мірозданья,
Душа, веселія полна,
Тогда откроетъ всѣ познанья

Законовъ вѣчныхъ сѣмена,
Вещей всегдашнее начало,
И ужь не будетъ, какъ бывало,
Словами бѣдными играть.

О, еслибъ, ты въ послѣдній разъ,
Луна, рассыпала сіянье
На бѣлаго въ полночный часъ
Въ душевномъ горѣ и страданьи!
Печальный другъ, какъ часто ты
Сіялъ съ эфирной высоты
На этотъ столъ, загроможденный
Страницъ ученостью презрѣнной!
Ахъ, еслибъ можно было мнѣ
Теперь въ лазурной вышинѣ,
Объятой тихими лучами,
Парить съ безсмертными духами
Надъ безднами въ ущельяхъ горъ,
И оживить усталый взоръ,
Простясь съ наукою пустою,
Твоей цѣлебною росой!

Увы, ужель все тамъ же я —
Въ глухой, заброшенной темницѣ,
Гдѣ тускло брежжетъ лучъ денницы,
По стекламъ крашеннымъ скользятъ,
Подъ этимъ сводомъ, гдѣ летаетъ

Одна удушливая пыль,
Гдѣ червь, и ржавчина, и гниль
На полкахъ книги пожираетъ,
Гдѣ перемѣшаны лежатъ:
Домашній, дѣдовскій снрядъ,
Сосуды, банки, и студентовъ
Казна пустая инструментовъ?...
Вотъ міръ, въ которомъ ты живешь,
И вотъ что жизни зовешь!

Ужель еще въ недоумѣньи
У сердца спрашиваешь ты,
Зачѣмъ уснуло въ немъ движеніе
И въ жилахъ кровь безъ теплоты?
Дары зиждительной природы,
Для коихъ созданъ родъ людей,
Ты промѣнялъ на мрачны своды,
На прахъ и остовы звѣрей!

Бѣги, лети въ тотъ міръ созвучный,
И тамъ учись читать скрижали,
Гдѣ Нострадамусъ своеручно
Загадку жизни начерталъ.
Твой духъ, природой вдохновенный,
Тогда узнаетъ ходъ свѣтилъ—
И самъ съ духами дерзновенно
Заговоритъ въ избыткѣ силъ.

Закрѣты здѣсь дунѣ стѣсенной

Волшебной книги писмена.

Я чувствую: вокругъ меня

Духовъ толпится лстѣны...

Отвѣтствуйте, когда для васъ

Уже достуненъ Фауста гласъ!

Во прахъ, ничтожныя препоны!...

*Онъ открываетъ книгу, и глазами его попадет-
ся изображеніе макрокосма.*

Какъ счастливъ я, на книгу бросивъ взглядъ,

Какъ весь дрожу нагѣмъ священнымъ!

О, сколько онъ живительныхъ отрадъ

Мнѣ въ сердце влилъ по жиламъ раскаленнымъ!

Не Богъ ли начерталъ свѣтлыя писмена,

При конхъ грудь, забывъ мученья

И тихой радости полна

Какъ-бы во снѣ, безъ принужденья

Открыла таинства всемірнаго творенья?

Не Богъ ли я?... Исчезла тма;

Природа дивная сама

Является дунѣ, отбросивъ покрывало.

Ясна теперь загадка этихъ словъ,

И я постигнулъ вдругъ премудрости начало:

«Достуненъ свѣтлый міръ духовъ,

«Разсѣй лишь мракъ своей темницы!

«Твой духъ стѣсенъ, не унывай!

«Крѣпнися, школьникъ! и купай
«Земную грудь въ лучахъ денницы!»

Фаустъ разсматриваетъ изображеніе.

Какъ всѣ созданія одно въ другомъ живутъ,
Какъ все въ единый міръ сливается прекрасно,
Какъ силы горнія между собой согласно
Златыя ведра подаютъ,

И, тиховейными крылами

Спускается съ небесъ надъ сушею и водами,
Въ водахъ и подъ землею

Поютъ всемірный хоръ созвучными устами!

Какое зрѣлище!... Но, ахъ, однихъ очей

Насытитъ имъ для Фауста недовольно.

О, безграничный міръ, изъ коего привольно

Текутъ всѣ рѣки бытія!

Тебѣ обнять не въ силахъ я;

Къ твоимъ сосцамъ, которыми всечасно

Питается земля и неба сводъ прекрасный,

Склонилась и моя алкающая грудь.

Они журчатъ, они текутъ,

Увы, мнѣ ль одному томиться такъ напрасно!...

*Онъ перевертываетъ съ негодованіемъ страницу, и
ему попадается изображеніе земли.*

Спокойнѣе гляжу на эти письмена.

О, духъ земли! ты мнѣ сроднѣе.

Какъ чарка свѣжаго вина

Ты сердце укрѣпилъ, и взоръ мой веселѣе

Глядитъ въ яснѣющую даль.

Во мнѣ и сила и желанье

Отвѣдать счастье и страданье,

Земныя радости, подлунную печаль.

И, если гитѣнный Богъ дастъ волю урагану,

Корабль мой затрещитъ, но я робѣть не стану!...

Чу! заронился лунный лучъ

Подъ ризу тучъ.

Лампада тмится,

Отсюду паръ клубится.

Вокругъ чела

Трикраты обвилась огнистая стрѣла...

Какой-то холодъ изступленья

Схватилъ меня;

Я чувствую твоё прикосновенье,

Желанный духъ!

Разоблачись,

И взору смертнаго явись!

Дрожу священнымъ содроганьемъ...

Ты въ сердце распалилъ волшебныя мечты.

И я горю снѣдающимъ желаньемъ...

Явись! явись! и, если хочешь ты,

Готовъ я жертвовать тебѣ существованьемъ...

*Схвативъ книгу, онъ произноситъ таинственно
изображеніе духа. Внезапно показывается красно
ватое пламя и въ немъ духъ земли.*

Д у х ъ.

Кто звалъ меня?

Ф а у с т ъ (*отсorasисаясь*)

Ужасный видъ!

Д у х ъ

Не ты ль привлечь изъ сферы сокровенной
Меня на свѣтъ, вызывая изстуженно?
И что жъ?

Ф а у с т ъ.

Отстань! Твой взоръ мертвить!

Д у х ъ.

Ты звалъ меня, безъ отдыха стремился
Узрѣть мой взоръ, услышать голосъ мой:
На мощный зовъ я наконецъ склонился,
Явился я. — Что значить ужасъ твой,
О полубогъ? Гдѣ гордое призванье,
Гдѣ радостный восторгъ и груди трепетанье,
Въ которой цѣлый міръ ты создашь и носишь,
Лелѣлъ пламенно и безразсудно мнилъ
Дышать, подобно намъ, всемірною душою? . . .
Ты ль это, Фаустъ? Зачѣмъ же нредо мною,
Внезапно ослабѣвъ, нѣмѣешь и молчишь?
Моимъ дыханьемъ пораженный,
Какъ-будто червь безкровный и презрѣнный,
Отворотился ты и жадостно дрожишь!

ФАУСТЪ.

Издаде пламени! Твоей насмѣшки злобой
Я нестерпно: то Фаустъ, то духъ тебѣ подобный!

ДУХЪ.

Въ стихіяхъ враждебныхъ, въ волнахъ бытія

Присутствую я,

Незримая сила,

Рожденье, могилы,

И радость и горе,

Предвѣчное море;

Въ станокъ ударяя,

Надъ тканью волнистой трудясь безъ конца,

Пряду я одежду живую Творца.

ФАУСТЪ.

О духъ недремлющій, обилвшій цѣль міровъ,

Какъ близокъ я къ тебѣ, какъ я тебѣ подобенъ!

ДУХЪ.

Ты равенъ лишь тому изъ вышреннихъ духовъ,

Котораго постичь способенъ:

Равняться можешь ли со мной?

(Исчезаетъ).

ФАУСТЪ.

Съ тобой?...

Зачѣмъ же цѣть? Отъ тварей естества

Одинъ я отличенъ подобьемъ Божества,
А ты свой ликъ отъ Фауста отвращаешь?

(Стучатся въ дверь).

Проклятый стукъ! Какъ ты некстати возвѣщаешь
Помощника моихъ студенческихъ заботъ!
Сухой педантъ какъ мышь опять ко мнѣ ползетъ—
И разлѣтѣлися волшебныя видѣнья,
Какъ легкій дымъ, какъ сновидѣнья!...

*Вагнеръ, въ пономѣ халатъ и колпакъ, съ лам-
пою въ рукахъ. Фаустъ отворачивается отъ не-
го съ негодованіемъ.*

ВАГНЕРЪ.

По-Гречески читали вы сейчасъ,
И, декламируя, вникали въ духъ поэта.
Позвольте мнѣ обеспокоить васъ,
Спроситься вашего совѣта
Въ искусствѣ чтенія: необходимъ для свѣта
И этотъ умственный запасъ.
Не даромъ говорятъ: отличный комедьянтъ
Пастору иногда служить бы могъ примѣромъ.

ФАУСТЪ.

Конечно такъ, когда подъ изувѣромъ
Сокрытъ презрѣнный плутъ, обманщикъ, сикофантъ.

ВАГНЕРЪ.

Увы, что дѣлать намъ! Трудясь въ музеяхъ пыльныхъ,
Сбирая скудный даръ познаній щепетильныхъ,

На міръ взираемъ мы въ день праздничный слегка,
И зрительной трубой слѣдимъ издалика
Людей, на конхъ умъ и вѣчныя сомнѣнья
Мы дѣйствовать должны посредствомъ убѣжденья.

Ф а у с т ь.

Когда для васъ сокрытъ источникъ вдохновенья,
Не вамъ людей поработать
Краснорѣчивыми словами,
Не вамъ въ избыткѣ силъ играть
Ихъ побѣжденными сердцами.
Питайтесь крошками пировъ,
Чужимъ живите достояньемъ,
Но отъ похищенныхъ даровъ
Не воскурится дымъ святымъ благоуханьемъ.
Съ однихъ дѣтей и обезьянъ
Собирайте удивленья дань,
Когда вамъ лестны ихъ отзывы.
Но лишь душевные порывы
На душу дѣйствуютъ; кто чувствами кипить,
Тотъ чувствомъ движеть и владѣть...

В а г н е р ь.

Завидую тому, кто риторъ нѣ пѣтъ,
Словами звучными витѣйствовать умѣтъ.

Ф а у с т ь.

Повѣрь мнѣ, жертвовать мечтамъ
Своею выгодой смѣшно и безразсудно.

Въ наукѣ счастья не подражай глупцамъ:
 Разсудку здравому постичь се не трудно.
 За славой не гонись, не трать напрасныхъ словъ,
 Но къ дѣлу будь всегда готовъ.
 Противны вычурь бездушныхъ разсуждений,
 Засмѣны листки чужихъ произведений:
 Витѣваты вы какъ бури хладный свистъ,
 Срывающій съ деревь сухой, осенній листъ.

В а г н е р ь.

Какъ быть! Обширень кругъ познаній,
 А наша жизнь летитъ стрѣлой!
 Сиди хоть до поры ночной
 Среди ученыхъ разысканій,
 А тѣхъ высотъ не достигнуть,
 Гдѣ первобытный ключъ сокрытъ подъ облаками.
 Едва, едва пустился въ путь —
 А смерть, гланишь, стоитъ ужъ за плечами.

Ф а у с т ь.

Ужель мечтаешь ты разсѣять сонмы тучъ,
 Въ листахъ пергаментныхъ ученость почерная?
 Но знай, когда въ тебѣ не бьетъ священный ключъ,
 Ты жаждать осужденъ, въ наукахъ утоная.

В а г н е р ь.

Вы правы! Но ужель не согласитесь въ томъ,
 Что сладко въ духъ время мечтой переносится
 И, въ древнихъ мудрецахъ порывшись, гордится

Живымъ столѣтїемъ и собственнымъ умомъ,
Науки двинувшимъ такъ быстро и далеко?

ФАУСТЪ.

Не правда ли, до звѣздъ ужасно какъ высоко?..
Мой другъ! вѣковы минувшихъ бытъ
Отъ насъ какъ таинство закрыть.
За духъ время мы часто принимаемъ
Свой духъ, въ которомъ отражаемся
Время ступившійся туманъ.
Вездѣ вдаемся мы въ обманъ.
Ученый растетъ какъ мышь въ подвалахъ грязныхъ,
Сбирая кое-гдѣ вѣковы зарытый соръ—
Тамъ прагматическій, вельеръчивый вздоръ,
А здѣсь событіе средь повѣстей несвязныхъ,
И все погонь, склѣнивъ на собственный свой ладъ,
Изъ жизни дѣлаетъ ветошный маскарадъ.

ВАГНЕРЪ.

Но міръ и человекъ, души его движенья
Ужель прилежнаго не стоятъ изученья?

ФАУСТЪ.

Сперва мнѣ растолкуй, что значить изучать?
Кто будетъ истину вездѣ провозглашать?
Немногіе толпѣ безумно расточали
Избытокъ разума, души священный кладъ.
Но ихъ повсюду жгли, повсюду распинали...

Любезный другъ! пора бесѣду кончить намъ:
Ужъ ночь глубокая спустилася на землю.

ВАГНЕРЪ.

Забывъ полночный сонъ, какъ я охотно внемлю
Глубокомысленнымъ, не суетнымъ рѣчамъ!
Завтра первый день Христова воскресенья:
Съ вопросами опять надихъ лвнося къ вамъ,
Въ надеждѣ мудрое услышать разрѣшенье:
Въ наукахъ многое успѣть я разобрать,
Но ненасытный умъ хотѣлъ бы все объять.
(Уходитъ).

ФАУСТЪ (одинъ).

Въ безмозглою головѣ, какъ пчелы золотыя,
Мечты копышятся и сладостно жужжать:
Онъ жадною рукой зарытый ищетъ кладъ
И тѣшится, отрывъ лишь черви дождевые.
Давно ли надо мной толпился рой духовъ,
Но ихъ разсѣлао глупца прикосновенье!
На этотъ разъ прими мое благодаренье,
О ты, презрѣннѣйшій изъ всѣхъ земныхъ сыновъ!
Кинжалъ отчалнлъ безумствомъ изощренный
Внезапно отвратилъ ты отъ груди моей.
Увы, я чуть дышалъ, раздавленный пигмей,
Гигантскимъ призракомъ какъ громомъ пораженный!

Не я ли, созданный во славу Божества,
Ужь невозбранно зрѣть въ зеркалѣ правды вѣчной
Все то, что подлежитъ законамъ естества?
Не я ли выше звѣздъ и выше херувима
Знждительнымъ крыломъ природу обнимаю,
Уже съ бессмертными амброзію вкушалъ,
Незримой силою на небо возносимый?
Но громозвучный гласъ изрекъ мой приговоръ —
И я паденіемъ означилъ свой позоръ.

Меня безумнаго надежды обманули —

Я могъ привлечь тебя, но удержать могу ли?

Стремясь къ тебѣ, я былъ въ одинъ и тотъ же
мигъ

Такъ слабъ ничтожностью, такъ дерзостью великъ!

Ты оттолкнулъ меня всесильною пятою

Въ тотъ міръ, гдѣ человекъ сражается съ судьбою.

Тобой отверженный, къ кому прибѣгну я?

Вездѣ, вездѣ одни страданья!

Какъ и бездѣйствіе, мѣшаютъ намъ дѣянья

Въ пути земнаго бытія.

Вотще высокое мы духомъ постигаемъ,

Старался воспарить изъ нищеты мірской;

Когда стремясь къ добру, мы цѣль достигаемъ,

Тогда все лучшее намъ кажется мечтой.

Толпа прекрасная душевныхъ сновидѣній

Пугливо прячется отъ жизненныхъ волнений.

Высокъ, могущественъ фантазии полетъ,
Когда къ звѣздамъ она свободно возлетаетъ,
Но въ скромный уголокъ она же путь склоняетъ
Утративъ счастье въ потокъ бурныхъ лѣтъ.
Тогда печаль гнѣздо свиваетъ
На глубинѣ измученной души
И насъ преслѣдуетъ средь шума и въ тиши.
Вездѣ, подъ всякою личиною—
Подъ видомъ женщины, въ младенческихъ чертахъ,
Въ дому или при дворѣ, въ огнѣ или въ пучинѣ,
Въ отравѣ или въ мечѣ, она наводитъ страхъ.
Безъ горя плачемъ мы, безъ раны изнываемъ,
Владѣя жизнью, о жизни воздыхаемъ!

Нѣтъ, чувство сильное не даромъ мнѣ вѣщаетъ,
Что я не Богъ, а червь, презрѣнный сынъ земли,
Питомецъ брешя, котораго въ пыли
Подошва странника на-вѣки погребаетъ!

Не пыль, не прахъ ли и не тѣнь
Все то, что взоромъ обнимаю
На грязныхъ полкахъ этихъ стѣнь?
Чего такъ пламенно желаю,
Найду ли въ книгахъ здѣсь?.. Что пользы въ нихъ
прочестъ

Въ десятый, въ сотый разъ одну и ту же вѣсть,
Что всюду человекъ томился и терзался,
Что гдѣ-то невзначай счастливцевъ обрѣтался!..
Что такъ насмѣшливо ты смотришь на меня,
О черень, смертно давно опустошенный?
И твой однажды мозгъ, мечтою обольщенный,
Стремился къ истинѣ, искалъ сіянье дня,
Но въ лоно сумрака все глубже погружался!..
Снарядъ искусственныхъ вальковъ,
Колесъ зубчатыхъ и винтовъ,
И ты ученому въ посѣщениѣ достался.
Хитро придуманъ ты, но ключъ твой не помогъ
Раскрыть таинственный замокъ:
Подъ свѣтлымъ солнцемъ утанила
Отъ насъ природа свой тайникъ;
Никто изъ смертныхъ не проникъ
Въ ту дверь, которую не потреплетъ ни сила
Железныхъ рычаговъ!.. О дѣдовскій снарядъ!
Куда дѣваться мнѣ съ тобою?..
Столѣтній блокъ, висѣщій надо мною,
Какъ задымилъ тебѣ полночный лампы чадъ!
Не лучше ли прожить скудельное нѣтъе,
Чѣмъ смерти ждать въ трудахъ, въ пыли, въ само-
забвеньи?..
Какъ цѣнь колодника, владыка бременить
Пенужное добро. Одно употребленье

Одушевляетъ то, что случай намъ дарить...
Но отчего мой взоръ въ тотъ уголь устремился?
Магнитомъ на меня тамъ дѣйствуетъ сосудъ.
Мой духъ веселіемъ внезапно озарился,
Какъ мѣсячнымъ лучомъ, лѣсной, угрюмый путь.

Склонившись предъ тобой, тебя беру я въ руки
Съ подобострастіемъ, магическій бокалъ,
Вѣнецъ премудрости, вѣнецъ земной науки!
Ты долго подъ стекломъ безъ пользы сохранялъ
Чудесныхъ эсѣй сокъ, исполненный дремоты
И смертоносныхъ силъ. Въ тебѣ теперь заботы
Хочу я потопить. Едва лишь на стѣнѣ
Тебя завидѣлъ я—и легче стало мнѣ:
Взволнованный потокъ въ груди моей стихаетъ;
Въ открытый океанъ мечта меня стремить,
Тамъ море зеркаломъ у ногъ моихъ лежитъ
И къ новымъ берегамъ день новый призываетъ.
Уже спустился, какъ-будто съ облаковъ,
Ко мнѣ крылатая возница пламени:
Къ эфирнымъ высотамъ подняться я готовъ,
И снова дѣйствовать свободно, не робѣя.
Божественный восторгъ! о слабый червь, и ты
Упьешься имъ, какъ духъ нетлѣнный,
Лишь только отъ земли презрѣнной
Отъ солнца краснаго свой взоръ отвори!

Влюмися приступомъ, не трепещи войти
Въ тѣ страшныя врата, которыхъ осторожно
Обходить челоѡкъ. Ему ли невозможно
Съ богами наравнѣ достоинствомъ блистать?
Дѣлами мужества пора намъ доказать,
Что не страшимся мы разсѣять мракъ пещеры,
Гдѣ грезятся глумцу ужасныя химеры;
Что мы безтрепетно идемъ въ отверстіе вратъ,
Гдѣ предпріятіе достойно исполненія,
Хотѣбъ намъ и грозилъ удѣлъ уничтоженія!

Отбрось, отбрось теперь футляръ старинный свой
И выходи на свѣтъ, давно забытый мной
Торжественный бокаль! Ты щеголялъ, бывало,
На дѣдовскихъ пирахъ и чистотой кристалля
И сладостнымъ виномъ, когда въ кругу гостей
Заздравной чашею ты обходилъ друзей.
Край, покрытые рѣзбою драгоценной, —
Обычай ихъ красу стихами прославлять
И разомъ весь бокаль геройски осушать
Напоминаютъ мнѣ тѣ ночи незабвенны,
Когда я молодъ былъ. Какъ прежде, вдохновенный,
Теперь не стану я ни пѣть, ни подносить
Товарищамъ тебя. Готовъ я осушить
Чреватое стекло, въ которомъ зеленѣетъ
Хмельное вещество, составленное мной.

Кто выпьетъ этотъ сокъ, тотъ многомъ оцѣлится...

Привѣтствуя восходъ денницы золотой,

Я ныю въ послѣдній разъ изъ чашки роковой!

*Фаустъ подноситъ къ устамъ чашу, наполненную
ядомъ.*

Звонъ колоколовъ и пѣнье хорось.

ХОРЪ АНГЕЛОВЪ.

Христось воскресъ!

Пойте, о смертные,

Пѣсни побѣдныя!

Узы наследныя,

Тяжко - завѣтныя

Рушились днесь!

Христось воскресъ!

ФАУСТЪ.

Какой внезапный звонъ, торжественный, густой,

Отъ устъ монахъ отторгиваетъ чашу?...

Гудятъ колокола, и не во-славу ль чашу

Вездѣ разносятъ вѣсть о Пасхѣ пресвятой?..

Какъ утѣшительно то ангельское пѣнье,

Которое съ небесъ, надъ стѣною гробовой,

Однажды предрекло, разсѣлять мракъ ночной,

Союзу новому благое исполненье!...

Зачѣмъ призывный гласъ, небесъ отрадный звукъ,

Ты въ прахъ посѣтилъ штомца дольнихъ мукъ,

Я слышу вѣсть твою, но ахъ, безъ упованья!
Пусть мягкосердѣя тебя поймутъ созданья,
Молитвой пламенной къ Спасителю летя.
Кто чуда не признаетъ, тотъ не имѣетъ вѣры:
Оно ея любви милѣйшее дитя.
С, мнѣ ли воспарить къ предѣламъ чистой сферы,
Откуда ты звучишь какъ вѣстникъ неземной?
Но съ отроческихъ лѣтъ я былъ знакомъ съ тобою
И снова къ жизни ты обратною стезею
Влечешь мой слабый духъ, встревоженный мечтой.
Бывало на меня, въ субботній часъ молебя,
Какъ-будто нисходили небесный поцѣлуй,
И гулъ колоколовъ, какъ шорохъ райскихъ струй,
Вливать въ земную грудь святыхъ наслажденья!
О, непонятное, но сладкое стремленье,
Какъ сильно ты влекло безпечнаго тогда
Въ долины, въ темный лѣсъ, въ ущелья горъ —туда,
Гдѣ сердце юноши мѣръ цѣлый создавало
И слезы теплыя въ восторгъ проливало!
Такъ, нѣкогда и мнѣ сей голосъ возвыцалъ
И игры дѣтскія и праздники веселы
Воспоминаніемъ теперь онъ оковалъ
Надъ бездною мой шагъ огчальный, послѣдній.
О нѣсни сладкія, звучите надо мной!
Я снова слезы лью... Земля! я снова твой!

ЗА ГОРОДСКИМИ ВОРОТАМИ.

Толпа гуляющего народа разных сословій.

Нѣсколько подмастерьевъ.

Зачѣмъ въ ту сторону, друзья?

Другіе.

Идемъ въ трактиръ сосѣдняго ручья.

Первыя.

Пойдемте къ мельницѣ тропинками лѣсными.

Одинъ изъ подмастерьевъ.

Нехудо бы въ зершницѣ заглянуть.

Другой.

Туда ведетъ прескучный путь.

Оба.

А ты куда?

Третій.

Да вотъ за ними.

Четвертый.

Что призадумались? Въ Бурддорфъ сходить бы намъ:

Красивѣ дѣвушки, хмельнѣ пиво тамъ,

Шумнѣ схватки съ молодцами.

П я т ы й.

Ахъ, ты гуляка записной,
Ужъ видно чешется опять затылокъ твой!
Боюсь туда тащиться съ вами.

С л у ж а н к а.

Ни шагу далѣе. Прости, иду назадъ.

Д р у г а я.

У этихъ тополей онъ ждетъ насъ непременно.

П е р в а я.

Какая прибыль мнѣ, что ты сыскала кладъ?
Онъ твой танцоръ, твой проводникъ безсмысленный;
Онъ за тобой шатается какъ тѣнь —
Глядѣть на то мнѣ, право, лѣнь.

Д р у г а я.

Нѣтъ, подожди; довольна будешь имъ:
Сюда придетъ курчавый съ нимъ.

Ш к о л ь н и к и.

Скорѣй за ними въ слѣдъ! Вонъ идутъ двѣ бѣлянки.
Мой вкусъ неприхотливъ, и я на все готовъ:
Люблю хмельной табакъ, да пива цѣлый штофъ,
Да свѣжій поцѣлуй разряженной служанки.

Г о р о ж а н к а.

Взгляни-ка на повѣсь: вѣдь это право срамъ!
За челядью простой не стыдно ль имъ гоняться?

Могли бы въ обществѣ хорошемъ показаться,
А врядь ли дикарей хоть разъ увидишь тамъ!

Второй школьникъ (*къ первому*)

Куда торопишься? Вотъ парочка за нами:
Одна изъ нихъ сосѣдка мнѣ;
Въ нарядѣ, скромными шагами
Бредутъ тихохонышко одиѣ,
А, можетъ-быть, пойдутъ и съ нами.

Первый школьникъ.

Съ мѣщанками плохой расчетъ;
Меня ихъ взоръ не соблазняетъ;
Простая жь дѣвушка въ субботу полъ мететъ,
А въ день свободный отъ работъ
Иѣжится всѣхъ тебя голубить и ласкать.

Горожанинъ.

Нѣтъ, черезъ чуръ храбриться сталъ
Нашъ бургомистръ съ-тѣхъ-поръ какъ въ почести
попалъ.

Поразсмотри-ка ты дѣла его поближе:
Какую городу онъ пользу принесетъ?
Начальству кланяться велить какъ можно ниже,
И вдвое податей беретъ.

Нищій (*постъ.*)

О госпожи и господа!
Богатствомъ вашимъ ослѣпленный,
Взываетъ къ вамъ старикъ презрѣнный:

Его преслѣдуетъ нужда.

Лишь тогь прямое счастье знаетъ,

Чья благотѣлельна рука,

Кто въ общій праздникъ надѣляетъ

Богатой жатвой бѣдняка.

Другой горожанинъ.

Признаться, страхъ люблю окончить день воскресный

Бесѣдой о войнѣ, объ ужасахъ ея,

Тогда-какъ въ Турціи, далеко въ поднебесной,

Течетъ среди полей кровавая струя.

Межъ-тѣмъ, побулся красивыми судами

Надъ синею рѣкой, за рюмочкой вина,

Стоишь-себѣ спокойно у окна,

Слѣдя за струйками глазами.

Потѣмъ подъ вечерокъ пускаешься домой,

Благословляя міръ и вѣкъ свой золотой.

Третій горожанинъ.

Сосѣдъ, и я готовъ на этомъ помириться.

Пускай ихъ рѣжутся въ далекой сторонѣ,

Пускай у нихъ все дномъ вертится,

Лишь только бы у насъ все шло по старинѣ.

Старуха (къ горожанкамъ).

Подъ этой дымкою какая кровь играть!

Кто не сойдетъ съ ума отъ престестей такихъ!

Но что за строгой видъ? старушка ли не знаетъ

Желанья скрытныхъ красавицъ молодыхъ?

Г О Р О Ж А Н К А .

Агафья! при людяхъ подальше отъ колдуньи.
Я первая бѣгу отъ вѣдьмы записной,
Хотя, по милости услужливой вѣщуньи,
На сваткахъ мой женихъ мнѣ снился какъ живой.

Д р у г а я .

А мнѣ такъ въ зеркалѣ она же показала
Его воинскій станъ въ кругу богатырей;
Но сколько милаго теперь я ни искала,
Не вижу ни его, ни смѣлыхъ усачей.

С о л д а т ы (поютъ.)

Башни строптивыя
Стѣнь крѣпостныхъ,
Очи спѣсивые
Дѣвъ молодыхъ!
Сладостно храброму
Васъ покорять,
Сладостно воину
Васъ цѣловать.

Музыка бранная
Чуть загремѣть,
Къ смерти, къ веселію
Храбрый летитъ.
Сколько превратностей

Въ жизни солдатъ !
Много опасностей,
Много наградъ.

Крѣпость зубчатую
Въ прахъ обративъ,
Дѣвъ-обольстительницъ
Тамъ полонивъ,
Мы же веселыя
Пѣсни поемъ,
Снова на родину
Дружно идемъ.

ФАУСТЪ И ВАГНЕРЪ.

ФАУСТЪ.

Разбѣла рѣка ледяные затворы,
Весны милостивое солнце уарѣвъ;
На нивахъ надежда лелѣеть посѣвъ;
Сѣдая зима удалилася въ горы:
Ослабшая, тамъ истощаетъ свой гнѣвъ.
Оттуда она иногда посылаетъ
На юныхъ луговъ зеленѣющихъ скатъ
Снѣжокъ перелетный, крупчатый градъ.
Но солнце весь міръ оживлять начинаетъ,
Безцвѣтныхъ предметовъ не терпитъ оно;
Когда же въ землѣ еще дремлетъ зерно
И садъ безъ цвѣтовъ, оно вызываетъ

Изъ хладныхъ покоевъ на встрѣчу лучей
Въ блестящія ткани одѣтыхъ людей.
Теперь оглянись! Вонъ тамъ подъ горою
Увидишь какъ дружно изъ мрачныхъ воротъ,
Въ поляхъ разсыпаясь шумящей толпою,
Пестрѣя выходятъ разгульный народъ.
Всѣ празднуютъ вкупѣ Христа воскресенье,
Для всѣхъ настаютъ беззаботные дни;
Покинувъ на время свое заточенье,
Не къ новой ли жизни воскресли они?
Изъ-подъ мрака навѣсовъ и кровлей тяжелыхъ,
Изъ улицъ тѣсныхъ и невеселыхъ,
Изъ ночи таинственной древнихъ церквей—
Всѣ появились на свѣтъ лучей.
Смотри же, смотри, какъ волнистой толпою
Народъ разбивается между садовъ,
Какъ по рѣкѣ одна за другою
Слѣдуютъ лодки веселыхъ пловцовъ.
А вотъ и послѣдній челнокъ, утопая,
Чуть подъ тяжелымъ грузомъ плыветъ.
Даже, въ горахъ отдаленныхъ мелькая,
Платья пестрятъ, народъ бредетъ.
Какъ шумно въ селѣ молодежь веселится,
Смотря на нее, и старикъ молодеетъ.
Здѣсь каждый въ довольствѣ проводить свой вѣкъ,
Я здѣсь на свободѣ, я здѣсь человекъ!

ВАГНЕРЪ.

Пойти съ ученымъ прогуляться
И наставительно и лестно для меня;
Но не охотникъ я по деревнямъ шататься;
Отъ сельскихъ праздниковъ бѣгу, какъ отъ огня.
Забавы грубыя, и кеглей стукотня,
И скрынъ гудковъ, и пѣсни удалыхъ
Противны мнѣ: какъ духи злые
Бѣснуются и пляшутъ и кричатъ;
Имъ весело, а мнѣ такъ сущій адъ!

СТАРИКЪ.

Ученый мужъ! спасибо вамъ
За честь, оказанную намъ.
Душѣ высокой, благородной
Знать непротивенъ шумъ народный.
Примите жъ кубокъ круговой
Съ единодушною мольбой,
Чтобъ онъ не только жажду вашу
Струей прохладной утолилъ,
Но чтобы Царь небесныхъ силъ
По мѣрѣ капель въ этой чашѣ
Дней вашихъ долю продолжилъ.

ФАУСТЪ.

Охотно кружку осушаю,
Друзья, и счастья вамъ желаю!

СТАРИКЪ.

Какъ любо намъ смотрѣть на васъ
Среди народа въ добрый часъ
Тѣмъ болѣе, что въ дни печали
Вы насъ унылыхъ утѣшали!
Отъ смерти лотой вашъ отецъ
Избавилъ многихъ въ ту годину,
Когда народную кручину
Преодолѣлъ онъ наконецъ.
Въ больницы чумныя входили
И вы тогда во цвѣтъ лѣтъ;
За трупомъ трупы выносили—
Но изъ жилища страшныхъ бѣдъ
Безвредно вышелъ нашъ хранитель:
Спасавшаго сберегъ Спаситель!

В с ѣ.

Да здравствуетъ тотъ мужъ на добрыя дѣла,
Чья добрая рука намъ помощь подала!

Ф А У С Т Ъ.

Творцу хваленіе подобаетъ:
Лишь Онъ хранить и наставлять!

ВАГНЕРЪ.

Гордись, великій мужъ, собой,
Толпы внималъ восклицаньямъ!
Счастливъ, кто славою такой

Облзанъ рѣдкимъ дарованьямъ!
Явился ты—и старъ и младъ
Вокругъ тебя тѣсниться радъ.
Съдой старикъ, подливши руку,
Тебя показываетъ внуку.
Затихли пляски и гудокъ;
Народъ сбѣгается въ кружокъ,
На воздухъ шапками бросая
И какъ царя тебя встрѣчая.

Фаустъ.

Къ пригорку ближнему ведетъ отсюда путь:
Тамъ скоро можемъ мы отъ шума отдохнуть....
Молитвой и постомъ въ то время изнуренный,
Надеждами богатъ и вѣрой подкрѣпленный,
Задумчивъ, одинокъ, тамъ часто начиналъ
У неба я молить конецъ чумѣ ужасной
Слезамъ, вздохамъ... Но было все напрасно!
Теперь же похваляю сей черни я внимаю
Какъ-будто ѣдкой укоризнѣ...
О, еслибы ты могъ событъя прежней жизни,
Въ моей груди сокрытыя прочесть,
Онъ бъ тебѣ всю истину открыли!
Тогда бъ увидѣлъ ты, какъ мало эту честь
И я и мой отецъ въ народѣ заслужили.
Отецъ мой былъ простой, но добрый гражданинъ,
И добросовѣстно, умомъ обыкновеннымъ,

Мірскимъ, псевдохристовскимъ
Старался изучать природы стройный чинъ.
Къ нему собиралися аденты
Въ лабораторію, на тайны естества,
Писали длинныя рецепты
И разнородныя сливали вещества.
Со Львомъ случая красноватымъ
Лилъ чистый цвѣтъ въ разтворѣ тепловатомъ
И жаркимъ пламенемъ пахнувъ изъ горна въ нихъ,
Они изъ куба въ кубъ прилежно гнали ихъ.
Когда жъ царица молодая,
Цвѣтами пестрыми блистая,
На днѣ являлась наконецъ,
Въ ней силъ цѣлебныхъ образецъ
Они вотще найти мечтали.
Больные между-тѣмъ какъ мухи умирали,
И хоть бы кто развѣдать могъ,
Кому лекарство было впрокъ.
По здѣшнимъ доламъ и селеньямъ
Такъ пуще бѣдственной чумы
Въ удобность адскимъ навожденьямъ
Тогда свирѣпствовали мы.
Я самъ на смерть повѣз отравой
Число несмѣтное людей:
Никто не всталъ съ одра, а намъ—убійцамъ слава
Грешить въ устахъ обманутыхъ судей!

ВАГНЕРЪ.

Не предавайтесь ложной мукѣ.
Повѣрьте мнѣ, тотъ честно поступалъ,
Кто добросовѣстно условия исполнялъ
Ему завѣщанной науки.
Отцовскимъ опытнымъ словамъ
Охотно юноша почтительный внимасть;
Потомъ, познаній кругъ распространивши самъ,
Онъ къ цѣли выперней потомковъ направляетъ.

ФАУСТЪ.

Блаженъ, кто сохранилъ надежды даръ златой,
Надъ кѣмъ не тяготитъ туманный міръ сомнѣній,
Кто всплыть надѣется надъ моремъ заблужденій!
Какъ жалкіе слѣпцы, мы вѣкъ проводимъ свой,
Все намъ доступное съ презрѣньемъ отвергалъ
И къ недоступному желанья устремля....
Но вечерѣтъ день. Безумно отравлять
Печальной думою святую благодать...
Смотри какъ на зарѣ багровое свѣтло
Льса и хижины сіяніемъ покрыло,
Какъ медленно течетъ — и въ дальніе края
Готовится нести зародышъ бытія.
О, еслибы теперь полѣтомъ безконечнымъ
Я могъ парить за нимъ и зрѣть въ мерцаньи вѣч-
номъ
Успокоенный міръ, лежащій подо мной,

Въ объятяхъ вечера уснувшія долины,
Въ серебрянныхъ водахъ послѣдній лучъ златой
И жаркимъ пурпуромъ покрытыя стремнины!
Шагнувъ черезъ хребты и бездны дикихъ горъ,
Уже я опустилъ свой удивленный взоръ
На синія моря, на теплые заливы.
Но лучезарный богъ исчезнулъ торопливо,
И я, восторженный, усиливъ свой полетъ,
За вѣчною зарей спѣшу ему вослѣдъ.
Передо мною день, ночь темная за мною,
Сводъ неба надъ челою и волны подъ стоюю.
Видѣнъе чудное! о мимолетный сонъ!
Увы, нашъ духъ одинъ быть можетъ окрыленъ,
И крыльевъ нѣтъ у насъ тѣлесныхъ!
Но кто же въ пажитяхъ небесныхъ
Врожденнымъ чувствомъ не парить,
Тогда-какъ жавронокъ, въ лазури утопая,
Весенней пѣснью гремить,
Когда орелъ, крылами помавая,
Кружится долго надъ скалою,
И плавно журавли протяжною грядой,
Черезъ озера и поляны,
Летятъ на родину, въ полуденныя страны!..

ВАГНЕРЪ.

Случается, и я какъ-будто самъ не свой;
Но страшностей такихъ не знаю за собой.

Въ лѣсу и на лугахъ частѣхонько скучаю,
А птицею парить я вовсе не желаю.
Другой, духовный міръ меня къ себѣ манить;
Онъ въ ночи зимнія пріютъ мой украшаетъ
И по составамъ кровь ровнѣе разливаешь,
Когда надъ книгою мой быстрый взоръ бѣжитъ
Съ одной страницы на другую.
Какъ вы на небеса, съ восторгомъ онъ глядитъ
На рукопись старинную, святую.

Ф а у с т ь.

Одною страстію твоя пылаешь грудь.
Страшись знакомиться съ другою!
Но двѣ души въ груди моей живутъ:
Онъ, увы, въ раздорѣ межъ собою!
Къ мірскимъ потребностямъ привязана одна
Любовью грубой и тѣлесной,
Другая въ горькій міръ мечтой увлечена,
Стремится къ правдѣмъ, къ обители небесной.
О, если въ воздухѣ, межъ небомъ и землею,
Въ эфирѣ золотомъ духовъ вьтается рой,
Да слышитъ онъ мое призванье!
Да увлечетъ къ себѣ изъ родины земной
На новый пиръ существованья!
Когда бъ волшебный плацъ теперь меня умчалъ
Въ предѣлы чуждые, къ заоблачному міру,

Я плащъ таинственный тогда бѣ не промѣнялъ
За все, что цѣнить свѣтъ, за царскую порфиру!

В А Г Н Е Р Ъ.

Нѣтъ, не зови испытанныхъ духовъ;
Ихъ сонмы злобные нашъ воздухъ отягчаютъ
И жителямъ земли отъ всѣхъ ея концовъ
Всегдашней гибелью лукаво угрожаютъ.
Отъ сѣвера они кидаютъ жало въ насъ
Изъ лютыхъ челюстей, осыпанныхъ зубами;
Съ востока, засухой незримо ополчась
Спираютъ нашу грудь тлѣтворными парами;
Отъ юга, изъ пустынь, надъ нашей головой
Лишь только соберутъ лучей каленныхъ зной —
И вдругъ отъ запада ихъ влажныя станицы,
Намигъ намъ освѣживъ усталыя зѣницы,
Ужъ козни новыя готовятъ здѣсь и тамъ
И потопляютъ насъ, поля и жатвы наши.
Старался вредить, они послушны намъ;
Ничто не можетъ быть коварнѣе и краше
Ихъ словъ предательскихъ, какъ-будто отъ небесъ.
Внушенныхъ геніямъ, блюстителямъ созданья...
Но ужъ пора домой. Темнѣетъ доль и лѣсъ
И вѣетъ сыростью туманный часъ мерцанья.
Отрадно вечеромъ подъ кровлей отдохнуть.
Но что же медлишь ты? пора пуститься въ путь
Чему такъ въ сумракахъ твой долгій взоръ дивится?

ФАУСТЪ.

Смотри, какъ черный пестъ по пажити въ кружится.

ВАГНЕРЪ.

Давно его замѣтилъ я.

Что поразило въ немъ тебя?

ФАУСТЪ.

Взгляни-ка что за звѣрь и что за образина?

ВАГНЕРЪ.

Не звѣрь, а пудель, какъ другой;

Онъ крадется чутьемъ по слѣду господина.

И въ нетерпѣннѣ пускается стрѣлой.

ФАУСТЪ.

Все уже, все тѣсный, спиральными кругами

Мелькая мимо насъ, сближается онъ съ нами.

Мнѣ даже чудится, что огненной чертой

Означенъ бѣгъ его проворный.

ВАГНЕРЪ.

Въ моихъ глазахъ одинъ лишь пудель черный;

Ты ослѣвленъ несбыточной мечтой.

ФАУСТЪ.

Ужель не видишь ты, какъ онъ нетерпѣливо

Въ магическихъ сѣтяхъ запутать хочетъ насъ?

ВАГНЕРЪ.

На незнакомцевъ онъ косится боязливо

И дѣлаетъ прыжки, поднять не смѣя глазъ.

ФАУСТЪ.

Уже стѣсплетъ онъ свой бѣгъ крутообразный,
И вотъ у изиныхъ ногъ.

ВАГНЕРЪ.

Не призракъ безобразный,
А песъ передъ тобой. Видна собака въ немъ:
Ворчить, ласкается и шевелить хвостомъ.

ФАУСТЪ.

Поди сюда! ступай за нами!

ВАГНЕРЪ.

Искусный пудель какъ смѣшонъ
Своею хитростью, прыжками:
Остановился ты — и неподвиженъ олъ;
Ты приласкалъ его словами —
Онъ лѣзетъ на тебѣ, въ глаза тебѣ глдитъ,
За тростью въ воду побѣжить.

ФАУСТЪ.

Ты совершенно правъ: собачьи все уловки.
Не самобытный духъ, въ немъ сила дрессировки.

ВАГНЕРЪ.

На пса ученаго, на шалости его
Съ усмѣлкою глдитъ и самъ мудрецъ суровый.
Достоинъ онъ вниманья твоего,
Студентовъ школьникъ образцовый.

Э. ГУБЕРТЪ.

О КІЕВѢ.

I. О КІЕВѢ.

Весною 1855 года. *Кіевъ.*

Оставляя мрачный, но милый для меня сѣверъ, я не зналъ что желать: снова ли увидѣть благословенные берега Днѣпра или встрѣтиться съ какой-нибудь волшебной силой, которая возвратила бы меня къ оставленнымъ мною берегамъ Невы, — какъ услужливыя курьерскія примчалы меня въ полуденную Россію. Это была ночь; мрачныя сны, бѣлѣющія поляны песку, напоминали и снѣгъ, и безконечныя лѣса сѣвера, переносили меня въ далекія мѣста... Въ забытѣ, далеко собственнo отъ себя, я былъ весь на сѣверѣ. Казалось мнѣ, что и оледѣвѣлая природа и расчетливое равнодушіе, и..... Но плавный говоръ волнъ пробудилъ меня; я раскрылъ глаза: величественный Днѣпръ шумѣлъ передо мной. Луна спокойно катилась по лазурной, чистой синевѣ небесъ, игралъ и скрывался за блуждающими облаками; то снова появлялась, обрисовывала рѣзкими тѣнями крутизны противолѣжащаго берега, упирающагося высоко въ сводъ небесъ множествомъ церквей и колоколенъ. Тамъ

♦

вправо, какъ рама огромнаго зеркала, наравнѣ съ горизонтомъ водъ, въ туманѣ, тянулся стройный Подоль; надъ нимъ висѣла, подобно мрачной тучѣ, гора Щековина. Все дышало таинственностію на берегахъ древняго Борисовна!... Одинъ предметъ отражалъ лучъ свѣта луны: то былъ крестъ собора, какъ вѣчная лампада, теплившаяся въ сердцахъ православныхъ Россіянъ. Онъ горѣлъ звѣздой неугасимой предъ милосерднымъ Творцомъ..... Кіевъ, Кіевъ! какъ имя твоё любезно сердцу Русскому! Подъ твоимъ счастливымъ небомъ въра, впервые приняла въ материнскія объятія свои добрыхъ и великихъ Россіянъ. Отъ береговъ Балтики и до Камчатки нѣтъ мѣста, гдѣ бы имя твоё не наполняло благоговѣніемъ сердца христіанъ, истинныхъ дѣтей твоихъ! Незабвенныя для Россіянъ мѣста на берегахъ Невы, Дона, на Куликовомъ-Полѣ—имѣютъ себѣ подобныхъ, также прославленныхъ подвигами нашими на поляхъ Полтавы, на берегахъ Дуная, Сены, Эвфрата; но не было и быть не можетъ равнаго тебѣ воспоминаніямъ, святой Кіевъ!

Какъ взоръ, искавшій разгадать предметы среди ночнаго мрака, такъ мысль моя стремилась въ давнопрошедшее. Съ могилы Асколда я спѣшилъ поклониться праху великаго Олега; съ Крещатика переносилъ взоръ свой на Выдубецкій монастырь—мѣста, гдѣ низвергнутый Перунъ въ послѣдній разъ еще стяжалъ поклоненіа отъ немногихъ упорныхъ обожателей своихъ. У Боричева-Возова, на крутизнѣ горы, у подошвы которой шумѣли воды Почайны,

красовался великокняжескій теремъ; тамъ возмъ храмъ Василия, первый храмъ, сооруженный православною рукою святаго Владиміра на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ предъ-тѣмъ стоялъ храмъ Перуна.—Кіевъ являлся мнѣ, какъ въ дни славы своей, съ многочисленнымъ народонаселеніемъ, обнесенный крѣпкою каменною стѣною съ множествомъ башенъ; то въ страшный часъ, когда несмѣтныя полчища Батыя, обложивъ святыи градъ, стояли куренями на самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ предметіе, сохранившее названіе Куренъка: тогда взорамъ моимъ представлялся грозный приступъ, проломъ въ стѣнѣ у самого Десятиннаго-Храма. Неистовые, поштраченные святыню! Мнѣ чудился гулъ разрушаемыхъ храмовъ; я видѣлъ дымящееся пещище; сердце мое замирало при воплѣ и стоиѣ жертвъ пльна и блуждающихъ какъ тѣни старцевъ и невинныхъ младенцевъ среди ужасовъ смерти и разрушенія, среди труиовъ падшихъ братій и сродниковъ

Я вопрошала и грозные берега и утрюмый боръ: все безмолвствовало, все казалось мнѣ погруженнымъ въ мрачную думу о протекшихъ столѣтіяхъ и исчезнувшихъ поколѣніяхъ!... Тогда я переясился вдаль, когда и насъ не будетъ, когда десятки поколѣій послѣдуютъ за нами, когда еще столѣтія, какъ день, какъ мигъ единый, пролетятъ—и наша будущиость новою будущиостию замѣнится!

Такъ мысли смѣняли одна другую. Погруженный въ размышленіа, я сидѣлъ, завернувшись въ шинель

на прекрасной шести-весельной шлюбкѣ. Волны лѣниво плескали о бортъ; шлюбка отваливала; *разомъ!* раздалось повелительное слово лоцмана; грѣбы взмахнули веслами, разсѣкли влажную стихию, и чрезъ нѣсколько минутъ примчали къ подножію святаго града. — Я спустился на берегъ и медленно пошелъ къ городкеѣ заставѣ.

Вѣздъ въ городъ проложенъ по живописному ущелью между высотами Выдубецкими и Печерскими. Пальмо обрывистый оврагъ, тѣнистыя сады съ вѣковыми деревьями; направо—грозно безмолвствуетъ Кіево - Печерская цитадель.

II. ВОСПОМИНАНІЕ О КІЕВѢ.

Осенью 1855 года. Царское - Село.

Кому чужды мѣста сятія? Кому чужды священныя мѣста, свидѣли и славы и несчастій первыхъ образователей законной власти въ отечествѣ нашемъ, сего единственнаго источника счастья и величія народовъ!

Я пишу не для тѣхъ равнодушныхъ, которые, можетъ-быть, полусонные проѣзжаютъ нашу Кіевъ, и какъ-бы дорожатъ своими взорами, чтобъ раскрыть ихъ лишь за Радзивилловской - Заставой. . . . Я не виню ихъ; они справедливо жадничаютъ иноземнымъ; оно одно для нихъ священно; иноземныя воспоминанія одни нечужды имъ; это чув-

ство дѣтства ихъ; оно передано имъ иноземными воспитателями, которые такъ искусно умѣютъ, вмѣстѣ съ произношеніемъ своего языка, передать намъ и чувство равнодушія къ родному небу и ко всему отечественному.

Могу ль не говорить о Кіевѣ, простившійся съ нимъ надолго, можетъ - быть навсегда? Прими, святой градъ, слишкомъ слабую дань моихъ чувствованій! Они вполнѣ были твоими, когда съ величественныхъ высотъ твоихъ я восхищался живописными видами окрестностей твоихъ, или, когда въ часъ ночи, я внималъ призывному гулу колоколовъ твоихъ; или, когда величественное свѣтило Полуденной-Россіи бросало первые лучи свои на позлащенные верхи храмовъ твоихъ,—тогда, о! какъ любилъ я восхищаться красотою твоей съ тѣнистыхъ береговъ Черторыи! . . Мѣстоположеніе Кіева и скрестностей очаровательно; каждый шагъ внутри самого города открываетъ вамъ всегда новыя, всегда разнообразныя и равновеличественныя виды.

Кіевъ начинаетъ быть видѣнъ передъ послѣдней станціей по Петербургскому тракту. Но чтобы видѣть самую обворожительную картину Кіева, должно стать на третьемъ мосту вновь дѣлаемаго шоссе; тутъ взоръ обнимаетъ всю прелесть картины: Выдубецкій монастырь, Кіево - Печерская Лавра съ своею колокольнею, двѣ Никольскія церкви, Дворцовый-Садъ, нижняя часть города, собственно Подоль называемая, Братская-Обитель, и наконецъ Кирилловскій монастырь—все это какъ-бы выдвинуто

напоказъ на самую крутизну берега. — Отъ высотъ, лежащихъ вѣво за Китаевской-Пустынею, Кіевскій берегъ на протяженіи 35-ти верстъ оканчивается вправо мысомъ, какъ - бы претрадившимъ теченіе Днѣпра. На сей оконечности крутизнь праваго берега стоитъ Вынгородъ, нѣкогда увеселительное мѣстопребываніе царицы Ольги; за нимъ — даль сливается съ горизонтомъ, и лишь вдали кое - гдѣ мелькающія маяки означаютъ теченіе Днѣпра и впадающей въ него Десны. — Вѣво отъ высотъ Выдубецкихъ теченіе Днѣпра также живописно, и крутизны праваго берега, покрытые лѣсомъ и садами, видны слишкомъ на 100 верстъ.

Нынѣшній Кіевъ — не тотъ Кіевъ время Владимиръ; самая мѣстность приняла иной видъ: гдѣ былъ лугъ и боръ, тамъ городъ; устья Почайны сѣловъ нѣтъ; гдѣ былъ городъ, тамъ поле. На мѣстѣ загороднаго увеселительнаго Берестова — цитадель; въ ней драгоцѣнная память Владиміра, церковь Спасъ-Преображенія, воздвигнутая въ 17 столѣтіи на развалинахъ церкви Спасъ-на-Берестовѣ, второй церкви, сооруженной Владиміромъ въ 989 году близъ терема, въ которомъ онъ и преставился. Тутъ почіють: прахъ Долгорукаго и Евфимія, супруги Владиміра-Мономаха. Угорскій-Вѣздъ, Боричевъ-Возвозъ, Аскольдова могила, Олегова могила — все это можно только разгадывать, но вѣка, вѣка изгладили ихъ. Гдѣ былъ городокъ Владиміровъ съ крѣпкими каменными стѣнами и башнями, тамъ бѣдныя хижинны, разрытые до половины валы и нѣсколько

церквей; но это уже вновь воздвигнутые въ 17 столѣтіи позже, на развалинахъ прежнихъ.

Но съ какимъ чувствомъ останавливаете вы взоры ваши на развалинахъ храма св. Прины, на остаткахъ Златыхъ-Вратъ, на гробницѣ Ярослава и мозаическомъ украшеніи внутри Софійскаго собора! Вы только тамъ можете вполне бесѣдовать съ прошедшими столѣтіями и переноситься въ вѣкъ Ярослава-Великаго. Тамъ все такъ, какъ было тогда: вы видите искусство, прочность въ постройкѣ, которой подражать мы не въ состояніи; вы предугадываете великолѣпіе и даже изыщность: утѣшительное чувство наполняетъ тогда душу Россіянина! Вотъ каковъ былъ Кіевъ время Ярослава-Великаго — меньше, нежели чрезъ 150 лѣтъ отъ своего возрожденія!... Россіане были тѣ же: по одному мановенію государя своего, они, какъ и при Петрѣ, съ единодушіемъ и восторгомъ спѣшили обнять все, и дучь образованности протекъ отъ береговъ Понта до Волхова. Гибельная система удѣловъ остановила все: внутренніе раздоры открыли свободный путь неистовымъ Ордынцамъ, и возродившееся величіе Россіи сляшкомъ на 500 лѣтъ сокрылось подъ развалинами и цѣломъ опустошеннаго отечества.

Безъ вновь-открытыхъ остатковъ храма св. Прины и Златыхъ - Вратъ мы не имѣли бы почти ничего въ настоящемъ видѣ того времени. Кто можетъ вообразить себѣ, подходя къ Софійскому монасты-

рю, что въ стѣнахъ его настоящая гробница Ярослава-Великаго 1037 года, а стѣны Софійскаго собора еще древнѣйшей кладки? Принятое тамъ обывновеніе побилять и закрашивать ежегодно, какъ внутри, такъ и снаружи стѣны церквей и колоколенъ, разочаровываетъ путешественника. Церкви безъ поновленія имѣли бы свой видъ древности; но бѣленькія, расписанныя снаружи узорами онѣ теряютъ всю свою наружную собственность, и являются глазамъ какъ грубое произведеніе архитектуры и болѣе ничего.

Мы много обязаны любителю отечественной древности г. Лохвицкому за открытіе самыхъ древнихъ памятниковъ. Жаль, что ограниченное состояніе г. Лохвицкаго не позволяетъ ему предаться вполне призыву пламеннаго усердія къ открытію, тѣмъ болѣе къ сбереженію священныхъ остатковъ древностей Кіева. — Я ѣздилъ съ г. Лохвицкимъ осматривать развалины, которыя, по моему мнѣнію, онъ весьма справедливо называетъ остатками храма св. Ильи. Хозяинъ усадьбы, въ которой находятся эти развалины, говорилъ, что, когда досталось ему во владѣніе усадьба, тому болѣе двадцати лѣтъ назадъ, еще оставались столбы подеводные и части стѣнъ, но что все это разобрано на новыя постройки. Теперь нѣтъ ничего сверхъ земли; но осталась часть фундамента: камень, кирпичъ, цементъ—все неоспоримо свидѣтельствуетъ древность постройки, и если принять оныя развалины за остатки храма св. Ильи, то это памятникъ самой древней христіанской церкви въ Кіевѣ.

Церковь св. Ильи существовала въ Кіевѣ во времена язычества. Самъ Несторъ удостовѣряетъ въ этомъ, говоря о клятвенномъ обязательствѣ Игоря съ дружиной на священномъ холмѣ: «и на утрѣ призва Игорь послы, и прииде на холмъ, гдѣ стояше Перуны, и покладоша оружїе свое и щиты, и золото, и ходи Игорь роть, и мужи его, и елико поганыхъ Руси; а Христїанскую Русь водиша роть въ церкви святаго Ильи, яже есть надъ ручасмъ, конецъ постыччи бесѣды въ Козарьхъ: се бо бѣ соборная церковь, мнози бо бѣша Варязи Христїане.»

По моему мнѣнію, весьма несправедливо полагають сей древній храмъ на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ церковь св. Ильи на Подолѣ. «Бесѣда» означало вѣтаришу сѣдалище, селитбу. Мѣсто, гдѣ нынѣшній Подоль, не было занято подъ заселеніе еще долгое время. Несторъ въ своей лѣтописи ясно говоритъ: «и посланна Древлѣне лутчіе мужи, числомъ двадцать, ко Ользѣ въ лоды, и присташа подѣ Боричевомъ; бѣ бо вода текущи тогда возли горы Кіевскіа. На Подолѣ не сѣдаху люди, но на горѣ.» — Сравнивая мѣсто, гдѣ нынѣшняя церковь св. Ильи, съ тѣмъ мѣстомъ гдѣ открыты развалины, о которыхъ я говорю, мы находимъ тутъ уединенное ущелье, мѣсто сокрытое; а въ древности могъ бытъ и ручей, ибо мѣсто это и теперь неизвѣстно-почему называется Іорданскій-Ручей. Не въ такихъ ли мѣстахъ мы находимъ въ памятники первыхъ церквей христїанскихъ? Во времена язычества, христїане, невидимые, гонимые, могли ли со-

оружать храмы Богу истинному, на живописныхъ берегахъ Почайны и Днѣпра, въ виду священнаго холма? «Конецъ постыжни бесѣды въ Козарѣхъ» могъ быть на горѣ выше ручья, гдѣ действительно есть слѣды селитбы.

Желаю отъ души, чтобы составилось общество любителей древности для Кіева, чтобы оно обратило должное вниманіе на открытіе, тѣмъ болѣе на сохраненіе священныхъ остатковъ древняго Кіева. Нельзя не вспомнить и не показать, что остатки десятиннаго храма — двѣ стѣны, которыя митрополитъ Петръ-Могилъ сохранилъ, и мозаичскій полъ разобраны . . . Священные остатки, свидетели ужаснаго событія! О, какъ много говорили бы вы сердцу Россіянина! — Камни, одни камни! не такъ ли бы мы благоговѣли предъ вами, какъ благоговѣемъ мы, какъ благоговѣютъ всепрощенные народы предъ простыми бревенчатыми стѣнами домика Великаго Петра!

Какой частной человѣкъ какими пожертвованіями можетъ купить право разламывать самаго малѣйшій памятникъ, освященный вѣками и воспоминаніями народными? Усердные приносители! Если уже желаете сдѣлать что-либо и сдѣлать достойное, то употребите капиталы ваши на полезныя заведенія: воздвигайте ихъ въ виду сихъ священныхъ памятниковъ, и да вознесутся молитвы и благословенія благодѣтельствованныхъ вами, какъ отголосокъ потомства, благоговѣющаго предъ памятью Великихъ.

П. Пшчевичъ.

ТРИ ЯВЛЕНІЯ

ИЗЪ ЧЕТВЕРТОЙ ЧАСТИ ДРАМАТИЧЕСКОЙ ПОЭМЫ

А Л Ь М А.

ЯВЛЕНІЕ III.

Затворенный домъ Альмы у стѣнъ Иерусалима. — Передъ ними разстилаются поля, часть которыхъ занята царскими нивами. — Между домомъ и стѣнами, въ переднемъ концѣ правой стороны, видна часть сада, принадлежащаго Альмѣ. — Съ двухъ остальныхъ сторонъ сцены тянутся холмы, покрытые виноградниками. — Альма, собравшаяся идти, остается при появленіи новыхъ лицъ. — Въ глубинѣ сцены, изъ-за послѣдняго угла городскихъ стѣнъ, выходятъ: Нахаль, пачальникъ обходной стражи, Рагуиль, его помощникъ, и третья стража.

Рагуиль (*написаетъ, побря-
кивая мицлоомъ**)).

Мой мицлоомъ, ты громчей пробряньчи,
Прозвени веселье, мицлоомъ,
Чтобъ дозорному стражу въ почѣ
Сократилась бы скука часовъ!.....

(*Къ нагальнику.*)

(*) Мицлоомъ — *звонокъ*. Починный дозоръ въ древнемъ Иерусалимѣ ходилъ съ мицлоомами, а часовые отвѣчали обходникамъ звонками же.

Такъ, другъ Набáль? Вѣдь всю тоску разноситъ
Живая пѣснь?

На б á л ь.

Такъ, правда, Рагуи́ль.

Да для живой побольше нужно силъ

Ра гу и́ л ь.

А, знаю я: душа фамáри (*) проситъ,

И умная веселую зоветь;

Но подожди: всему пора придетъ.

(Напѣваетъ побрякивая.)

Вотъ когда, разогнавъ море мглы,

Станетъ день съ высоты намъ сѣять,

Мы опять всѣ толпой за столы,

И потомъ за сикеру опять!

На б á л ь.

Ты, Рагуи́ль, не видѣлъ ли видѣнье,

Что такъ рѣчишь?

Ра гу и́ л ь.

Мы видѣли съ тобой

Скудельники, покрытые смолой.

На б á л ь.

А что за удивленье?

(*) *Фамáръ*—пальма, изъ плодовъ которой Евреи дѣлали крепкое вино, известное въ Библии подъ названіемъ *сикѣры*, правильнѣе: *сикѣръ*. Сикеру и другіе вина хранили на Востокъ въ глиняныхъ засмоленныхъ сосудахъ.

Рагуиль.

(Снова бряньгитъ и поетъ:)

Да живеть, да живеть Бельзебуль —

.

Альма (сполголоса.)

Вотъ человѣкъ!.... Какъ страшно онъ безбожнѣтъ!...

Рагуиль (увидя Альму, говоритъ Набллу).

Живѣ богъ Дагонъ (*)! И пусть владыка мой
 Казнитъ меня Египетской чумой,
 И ту чуму проказой да умножить,
 Когда теперь не встрѣтились мы
 Съ прекрасною охотницей до тьмы!....

(Подходя къ Альмѣ:)

Любовь и миръ, скиталица ночная!....
 Что, счастливо ль дождался ты дня?...
 Полна ли съѣтъ?

Альма (отворачиваясь отъ него).

Онъ страшнѣе для меня,
 И рѣчь его, презрительно-земная,
 Такъ для души неопытной дика.....

(*) *Дагонъ* божество Филистимлянъ, такъ же какъ и *Астаротъ*. — Египтяне, уклонявшіеся отъ своей религіи, по большей части, прильпая къ идолопоклонству Филистимлянъ.

Рагуиль (*къ стражанинъ, указывая на Альму и Набала.*)

Вы слышите ль? ... Не любигтъ старика? ...

(*Сильясь къ Набалу.*)

Что, другъ Набаль? Умчались вѣрно годы? ...

Да за тебя отвѣтчикъ буду я ...

(*Взявъ Альму за руку.*)

Кудаже ты, красавица моя?

Не убѣгай, какъ убѣгаютъ воды,

И дай ты намъ волнами поиграть ...

Альма (*вырываясь, говоритъ сквозь слезы.*)

Пусти меня! ... Миѣ надобно искать,

Кого всю ночь искала я напрасно,

Кто здѣсь меня оставилъ сиротой ...

Рагуиль (*прерывая ее.*

Сынъ вѣтра онъ и человекъ пустой! ...

Какъ въ мысль придеть: оставилъ цвѣтъ прекрасный,

Когда вотъ такъ и просится душа

Побыть надъ нимъ и нѣжиться дыша? ...

Нѣтъ, стало-бытъ, что сердце въ немъ повито

Въ морозъ и мглу, и вѣрно все затѣмъ,

Что здѣсь цвѣтамъ онъ предпочелъ кетѣмъ (*)

(*) *Кетемъ*—золото. Рабы (т. е. такъ называемые равиши) ишутъ это слово также, но выговариваютъ неправильно *хѣсемъ*.

А взять меня.... такъ признаюсь открыто:
 Въ талантахъ (*) я и въ минахъ—какъ ничто,
 А потому и скупи на нихъ, зато,
 Зато я весь—любить умѣю щедро,
 И ежели неправду говорю,
 То пусть я вдругъ съ сикеры загорю,
 И до красвъ пренолненные иѣдра
 Мое вино да разорветъ какъ мѣхъ—
 Народу въ иѣснь, и воротамъ (**) на смѣхъ!...

А л ѣ м а (*самой себя вполголоса:*)

Вотъ рѣчь раба и друга бѣлая;
 Но пусть она погибнетъ въ забытїи...

(*Обращаясь къ пришедшимъ, со встѣмъ
 простодушїемъ.*)

Невидѣли ль вы, добрые мои,
 Царя-Царей?...

Р а г у й л ѣ (*Принимая ее за
 сумасшедшую.*)

Да ты бѣ давно сказала!...

Какъ не видать?... Вѣдь мы и въ ночь и днемъ
 Заботимся, и только все объ немъ!

А л ѣ м а.

И видѣть ты возлюбленнаго брата?

(*) *Таланты и мины*—денежный вѣсъ.

(**) *Ворота т. е. вѣстїи*, потому-что заведенїя послѣднихъ были
 у воротъ... «Рыдайте ворота!» говоритъ Исаїа (XIV, 51.)

(***) *Бѣлая-книжка* жестокость; въ переносномъ смыслѣ—все вѣдѣемое,
 суеиное.

Рагуиль.

Вотъ какъ тебя.

Альма (*продолжая шептать.*)

Такъ гдѣ же свѣтлый онъ?...

Скажи ты мнѣ: ты будешь награжденъ;

Я дамъ тебѣ и серебра, и злата....

Набаиль (*тихо къ Рагуилу.*)

Зачто она щедрится такъ казной?

Рагуиль (*также въ полголоса.*)

Да нуженъ ей какой-то братъ родной

И Царь-Царей.... Бѣднѣйка помышлялась,

А хороша!....

Альма (*Рагуилу.*)

Да чтожъ не скажешь ты,

Гдѣ дивный цвѣтъ небесной красоты?

Рагуиль.

Да жаль тебя; напрасно ты скиталась:

Оставя тронъ, и скипетръ, и подиръ,

Твой Царь отылылъ за золотомъ въ Офиръ,

И невидать тебѣ святаго цвѣта

Твоихъ небесъ. Но это не бѣда.

Тутъ нѣтъ потерь, особенно бѣ когда

Послушалась ты умнаго совѣта

И стала бы привѣтнѣе со мною....

Вѣдь я, взгляни, не кто-нибудь иной,
И въ дѣлѣ силъ, по волѣ Астарофа,
Срывать верхи едва ли дамъ кому.
Да вотъ тебѣ. Читала ты Шлѣму (*).
Гдѣ пишеть онъ о силѣ бегемова?
Ну, это я! Такъ будь же подобрь;
Ктомуужъ твой братъ какой-то Царь-Царей,
Такъ вѣрно старъ, а изъ того выходитъ,
Что молодой обходный Рагуиль
Великаго прекрасно бѣ замѣнилъ,
Тѣмъ-болѣе, что онъ и не приходитъ,
По старости, въ условный срокъ часовъ,
А я всегда и весель и готовъ.

А л ѣ м а (вырываясь.)

Прочь отъ меня, презрѣнное созданье,
Сынъ бѣдствія, и плоти, и грѣха!
И на тебя смѣю я жениха?
Творецъ! Ты зрншь моей души рыданье!
Спаси жь меня Ты въ этотъ скорбный часъ:
Я слѣзы лью.

(*) *Шлѣма*. Большая часть раббовъ приписываютъ книгу Іова Саломону, котораго они называютъ Шлѣма (вмѣсто *Саломона*) Здѣсь Рагуиль намекаетъ на известное мѣсто изъ упомянутой книги: «Слаа его въ связи чрева его; его напряженный ошнѣ какъ кедръ. XL 11 и 12. *Бегемовъ* собственно—*жери*, но, употребленное вмѣсто единственнаго, означало *склона*.

Рагуиль.

Пустая порча глазъ.

Да времени напрасная утрата,

И съ ними, другъ, нельзя красой цвѣсти.

Брось этотъ вздоръ!....

Альма.

Пусти меня, пусти!

Рагуиль.

Нѣтъ, поцѣлуй!

Альма.

Мой Богъ!... Пошли мнѣ брата!

Рагуиль.

Да, вотъ сейчасъ!.... Не догадалась ты

Позвать сперва!....

Альма.

Призри Ты съ высоты—

И бѣдствіямъ не преполняй мнѣ мѣру!

Рагуиль (*срывая съ Альмы
драгоценное покрывало.*)

Не хочешь ласкъ, такъ дай намъ апперимъ!....

Набаль.

Э, брось!....

Рагуиль.

Кого? Я не расстаюсь съ нимъ.

Овъ намъ съ тобой годится на сикеру.

Наба́ль.

Да брось ее.

А́льма.

Пусти меня, злодѣй!

Рагу́иль.

Счастлива ты, что красоты твоей

Въ моихъ глазахъ твой ансеримъ дороже;

А то-бы я..... Но такъ и быть — пошла!

(Оттолкнувъ ее сильно, къ стражамъ;)

Прогнать ее!

Стражн *(толкая Альму.)*

Еще Царя звала!....

Негодница! долой отсюда!

А́льма *(падая безъ чувствъ.)*

Боже!

Рагу́иль.

Ну, пусть лежитъ. Оставьте вы ее!

Мы сдѣлали какъ слѣдуетъ свое —

Чего же намъ?.... Теперь на всехъ достанетъ....

Наба́ль.

Да и на все.

Стражн.

Спасибо, другъ и братъ.

Рагу́иль.

Я для друзей служить послѣднимъ радъ;

Однакоже, ужь солнце скоро встанетъ,

А мы своихъ не сдѣлали концовъ;
 Но главное, чтобы застать кунцовъ,
 И если имъ, поставя на колеса,
 Скатить слово да цѣнь не возвынять, —
 Такъ въ санхедринъ не сводить отвѣчать,
 Ловя, какъ въ сѣть, въ докучные разспросы,
 И, сиклями (*) платя за плодъ грѣховъ,
 Не сдѣлаютъ насъ притчей языковъ.
 Они, какъ мы, къ себѣ не слишкомъ строги,
 И для семьи всѣхъ этихъ богачей,
 Важней, друзья, видѣніе очей,
 Чѣмъ разныя душевныя дороги (**);
 А потому и недосужно имъ
 Разыскивать: гдѣ взять я апперімъ
 Пойдѣмте-же. Но чтобы намъ въ тревогу
 Не впасть, какъ въ ровъ! такъ налецъ на уста
 И не снимать до времени перста —
 А то бѣда! . . .

На б á л ь (*напльваетъ, побря-
 кивая.*)

Вотъ когда на вино апперімъ
 Промѣняетъ покорный твой рабъ,

(*) Сикль—депешный вѣсъ. Серебряный сикль равнялся 266 $\frac{2}{3}$ граммамъ или 4 Римскимъ драхмамъ; золотой былъ въ половину легче.

(**) Т. е. лучше то, что есть, нежели разныя мечты, изслѣдованія и предположенія.

Ужь тогда, мой старикъ, прогремимъ
Мы и въ туоъ, и въ цалциль и въ гуггáбъ (*)

—

Тогда прочь и печаль и труды!
Но смотрите жъ: собираться скорѣй,
Чтобы пить отъ утра до звѣзды
За здоровье Царя всѣхъ Царей!

Наба́ль (*подпывалъ сильнѣе
голосомъ*):

Славно пить отъ утра до звѣзды
За здоровье Царя всѣхъ Царей!....

Рагу́иль.

Ай, другъ Наба́ль! Да ты на пѣсни левъ!

(*Скрываются за садомъ Альмы.*)

—

ЯВЛЕНІЕ IV.

А́лма. (*Приходя съ собою.*)

Гдѣ я? Мой братъ! Какъ полнѣ любви твой
гнѣвъ!

Ты допустилъ, чтобъ мигъ одинъ забвенья
Обидами презрѣнныхъ былъ омытъ;
Но сладкій плодъ въ обидахъ тѣхъ сокрытъ
И радостны мигъ стали оскорбленья:

(*) *Туоъ*-тимпанъ или тамбуристъ. *Цалциль* кимвалы. *Гуггáбъ*-связка тростниковыхъ дудочекъ, съ которыми изображаютъ Сатиревъ.

Въ нихъ затаёнъ источникъ новыхъ силъ,
И вѣрю я, что ты меня простишь!....

(*Встаетъ.*)

Да, ты простишь! Но разтвори жь объятъя
И тѣмъ слѣпцамъ, у конхъ огнь плотской
Разлить въ груди кипящую рѣкой.
Прости ты имъ, прости: они мнѣ братья;
Но ихъ проникъ собою порчи лѣтъ,
И бѣдные не знаютъ что творять!
Забудь ихъ грѣхъ, какъ сердцемъ я забыла
Враждебные поступки ихъ со мной,
И пусть, мой Богъ, съ порочною земной
Не внидетъ въ судъ Твоя святая сила!....
И что судить, когда ихъ свѣтъ какъ тьма?
Въ презрительномъ ребячествѣ ума
Они душой смѣются надъ святыней,
Идя въ ночи по грязному пути;
А Ты съ высотъ ихъ утромъ освѣти
И всѣхъ покрой своею благостыней,
Чтобы *Твои*, восторженно узя
Въ томъ дѣйствіи величіе Царя,
Еще сильный любилъ бы то Слово,
Въ которомъ все божественность одна!
О, какъ теперь я чувствомъ вся полна,
И чувство то такъ хорошо, такъ ново,
И такъ въ меня проникло глубоко!

Оно житье: съ нимъ радостно, легко,
Съ нимъ я опять надеждами объята,
Сильнѣй люблю и вѣрю я сильнѣй,
Что съ женихомъ не знатъ мнѣ грустныхъ дней.
Онъ всё воздастъ.... Пойду жь искать я брата....
*(Всходитъ на холмы и скрывается
за виноградниками.)*

ЯВЛЕНІЕ V.

Подруги Альмы *(съ арфами.)*Дода *(тихо къ подругамъ.)*

Дозоръ прошолъ, и стражи по стѣнамъ,
Брляча въ мицюбъ, не помѣшаютъ намъ.
Споёмте жь (*) ей то древнее сказанье,
Которое намъ передалъ пророкъ....
Теперь пора: вонъ сталъ алѣть востокъ,
И теплое весеннее сіянье
Сквозь тонкій паръ любзаетъ вышину.
Вы слышъ всё? Такъ я сейчасъ начну....

*(Садится рядомъ съ подругами. Сперва раз-
даются общіе аккорды; потомъ каждая иг-
раетъ и поетъ поодинакль.)*

(*) Удревнѣхъ Евреевъ серенады были въ большомъ употребленіи.
Нхъ обыкновенно давали для невесты ея подруги въ продолженіи семи
свадебныхъ дней, утромъ и вечеромъ, подъ окнами невестиней ложницы.

Д о д а.

Заря догорала , закатъ поблѣднѣлъ ,
 И скрылась изъ вида долина Гарана
 Подъ мѣчною зыбью ночнаго тумана,
 И утварью Божьєю сводъ занскрѣтъ,
 А въ градѣ Гаранѣ семья Баоуила
 Для путника снѣдь и питье припосила,
 И путника мирный хозяинъ просилъ:
 «Мой гость, подкрѣпился трапезой простою,
 И сладкія вещи (*) ты выпей со мною»
 Но гость отказался: не ѣлъ и не пилъ.

Т у с і а г а.

«Ни хлѣба, ни снѣдей, ни сладкихъ вещей.
 Не стану вкушать я, хозяинъ, съ тобою,
 Пока простодушно тебѣ не открою
 Зачѣмъ я, и кто я, откуда, и чей,
 И какъ у меня завершилась дорога,
 Чтобъ зналъ я отвѣты, и съ помощью Бога
 Увидя, согласны ли съ цѣлью они,
 Я сразу все дѣло окинулъ бы взглядомъ»
 И мирный хозяинъ, садясь съ нимъ рядомъ,
 Сказалъ дружелюбно: «ты можешь: начини.»

К е т ё м а.

«Хозяинъ! Я старшій (**) изъ дома отца,

(*) Такъ Евреи называли вина.

(**) *Старшій* (по Евр. *жхёнъ*) т. е. главноуправляющій домою.

Который возвышенъ судьбой изъ народа (*),
 Которому Творчій небеснаго свода
 Сказалъ, что размножить его безъ конца.
 Доѣхавъ сегодня до вашего града,
 Я съѣлъ со своими подѣ тѣнь вертограда,
 Вблизи отъ колодца *Кто-зритъ-и-жисеть*,
 И, съ холма любуюсь красивой страной,
 О дальнемъ и близкомъ я вспомнилъ душою,
 И ты о минувшемъ узнай напередъ....»

І е м и м á г а.

«Старѣлся возвышенный оный отецъ,
 А ложе хладѣло и было безчадно;
 Но можноль исчезнуть тому безотрадно,
 Кого изъ народовъ возвысилъ Творецъ?
 Всевышній услышалъ мольбы господина:
 Онъ далъ ему *Радость*, прекраснаго сына,
 И сынъ, возмужавши, исполнился силъ,
 И видя въ томъ сынѣ пору огневую,
 Сказалъ мнѣ владыко: «клади ты десную
 «На чресла у старца!» И я положилъ.»

М á р а.

«Клянися мнѣ Богомъ небесъ и земли,
 «Клянися» сказалъ онъ «какъ брату и другу,
 «Что выберешь сыну ты дѣву-подругу

(*) Т. е. изъ дома Авраама или Абрагама, потому - что это имя
 есть сокращеніе словъ: *аб-рам-за-нонъ*—отецъ, возвышенный изъ народовъ.

«Отъ сей Хананен безвѣрной вдали,
 «Въ прекрасныхъ долинахъ Гарана роднаго,
 «Чтобъ леза не портила сына младаго
 «И родъ малодушный съ моимъ не сличся,
 «Сей родъ, о которомъ рекло Провидѣнье:
 «Что онъ, какъ въ могилу, сойдѣтъ въ заустынье...
 «Клянися жь мнѣ Богомъ!» И я покаялся.»

Пѣлн.

«Намъ нечего медлить: настала пора
 «Родиться владыкамъ твоимъ, Хананея!
 (Такъ старецъ прибавилъ лицомъ веселымъ)
 «Возьми же ты злата, возьми ты сребра, —
 «И крышко я вѣрю смиренной душою,
 «Что ангела Дивный пошлетъ предъ тобою,
 «Затѣмъ, чтобъ хранитель тебѣ бы привелъ
 «Къ родному Гарану въ цвѣтную долину,
 «И дѣву-подругу назначилъ бы сыну....
 «Ступай же ты съ миромъ!» И вотъ я пошолъ.»

Нергаль.

«Приблизилось дѣло: мой путь совершонъ!
 (Такъ мыслить я нынѣ съ вечерней зарею)
 Вотъ старца родимый Гаранъ предо мною;
 Вотъ, въ тусклъ одѣваясь, поплѣкъ небосклонъ,
 И тыни съ востока простерлись по своду.
 Вотъ выйдутъ, которыя черпаютъ воду;
 Вотъ скоро толпа ихъ цвѣтная придетъ—

И какъ я изъ многихъ невѣсту узнаю?
 Но я на Владыку небесъ уповаю,
 Но я у колодца *Кто-зритъ-и-жисеть*».

Д о д а.

«О, вѣчно-живущій и дивно съ высотъ
 Всевидящій Боже! Молю тебя нынѣ:
 Исполни Ты мнѣ встрѣчу въ Гаранской долигѣ;
 Исполни молитву, чтобъ нынѣшній родъ
 О томъ бы грядущему передать роду!
 Вотъ вышли, которыя черпаютъ воду:
 Содомай же, Сильный, вѣдѣемъ своимъ,
 Чтобъ *Радости* нашей невѣста младая,
 Безвѣстнаго путника въ полѣ встрѣчая,
 Была бы привѣтна и ласкова съ нимъ!»

Т у с і а г а.

«И если скажу я красавицѣ той:
 Какою бы доброй была ты, беоула (*),
 Когда бы водицы ты мнѣ почерпнула!—
 Пускай мнѣ отвѣтитъ она съ простотой:
 «Мой путникъ! Служить я для каждаго рада!
 «Вотъ пей на здоровье изъ этаго кѣда (**);
 «А тамъ я верблюдовъ твоихъ напою...»
 Да будутъ мнѣ знакомъ подобныя рѣчи,

(*) *Беоула* дѣвушка.

(**) *Кѣда*—мѣра ёмкости, можетъ-быть, что-нибудь въ родѣ Ашиска-го *кади*, содержавшаго 3 урны или 1½ Римск. кружки, или въ родѣ Русской *кади*.

Что я ужь достигъ до желательной встрѣчи! —
И Вышній услышалъ молитву мою.»

К с т ё м а.

«Едва я окончилъ, и вотъ подошла
Красавица-дѣва, какъ воды живая,
И, путнику съ тихой улыбкой внимая,
Она мнѣ изъ када напиться дала,
И такъ дружелюбно потомъ предложила
Начерпать верблюдамъ въ большіа поила,
И стала трудиться. А я между-тѣмъ,
Творя передъ Богомъ молитвы свѣтыя,
Досталъ для себѣ златыя обручнны
Въ четырнадцать сиклей и въ девять пеземъ (*).

І е м н ѣ г а.

«Свершивъ начатое, сказала она:
«Ужъ я для верблюдовъ воды наносила.»
Но кто жъ ты такая?—«Я дочь Баоуила,
«Нахорова сына.»—А намъ бы нужна
Ложница, гдѣбъ можно предаться покою,
Да мѣсто верблюдамъ.—«Такъ слѣдуй за мною:
«Мы путникамъ рады и любимъ гостей.»
Такъ мнѣ говорила та дѣва молодая,
И я, въ помышленьяхъ Творца восхваляя,
Подарки тѣ отдалъ съ веселіемъ ей.»

(*) Пеземъ—героньерка.

М а р а.

«Тутъ дѣвушка скрылась—и вскоре потомъ
 Ты самъ, мой хозяинъ, явился для встрѣчи,
 И съ лаской сказалъ мнѣ привѣтныя рѣчи,
 И ввелъ дружелюбно въ отеческій домъ,
 И здѣсь угощаешь трапезой святою;
 Но вѣрь, что не стану вкушать я съ тобою
 Ни хлѣба, ни снѣдей, ни сладкихъ вещей,
 Пока не узнаю: вы всѣ ли согласны,
 Чтобъ сынъ влестелъ, молодой и прекрасный,
 Стать мужемъ красавицы-дѣвы твоей?»

П е л и.

«Ты вѣрно замѣтилъ, хозяинъ, давно,
 Какъ волю святую являетъ чудесно
 Въ земномъ начинаньи Владыка небесный;
 Но, можетъ, иначе у васъ рѣшено,
 И дѣву другому отдать вы хотите:
 Такъ просто и прямо мнѣ это скажите—
 И я, некушалъ, теперь же пойду,
 Но мирно, и тихо, безъ всякаго гнѣва,
 Чтобъ взять ли направо, идти ли налѣво
 Хозяинъ! я кончилъ: отвѣта я жду.» —

Н е р г а л ь.

«Гдѣ воля Господня, тамъ рѣчь не нужна.
 «И видно, мой путникъ, что дочь Басуна,
 «Въ Гаранѣ родившись, въ Гаранѣ гостила,

«А жить ей далеко... Но вотъ вамъ она!
 «Ты можешь отвезть ее къ сыну свободно:
 «Пускай же все будетъ какъ Богу угодно!
 «Мы съ дѣтства привыкли смиряться предъ Нимъ,
 «И съ небомъ ли спорить мы будемъ, земные?
 «Обнимемся жъ дружно, какъ братья родные,
 «И дѣлю святымъ поцѣлуемъ скрепимъ!»

Д ѽ д а.

«Да будетъ! да будетъ!» прѣзжій сказалъ;
 Какъ юноша бодрый, подъ сѣдью линуя
 И къ рѣчи прибавя печать поцѣлуя,
 Съ довольной улыбкой рабамъ приказалъ,
 Чтобъ выюки скорѣе вносили съ дарами,—
 И домъ распахнулся широко дверями,
 И все заблестѣло отсвѣтомъ сребра,
 И все засіяло отливками злата,
 И каждого путникъ ущедрилъ богато,
 И пиръ пировали всю ночь до утра.

Т у с і а г а.

Вотъ утро настало, и путникъ сѣдой
 Хозяину вымолвилъ рѣчью прямою:
 «Пустите жъ вы дѣву теперь же со мною!»
 Останься, отвѣтилъ хозяинъ молодой:
 Побудь, погости для веселія съ нами,—
 «Да какъ мнѣ остаться, когда я мыслями
 Все къ *Радости* нашей на радость лечу?

Не спорю жь; но дѣлю чтобъ кончить согласно,
Тамъ спросимъ уста мы у дѣвы прекрасной» —
И тѣ, улыбаясь, сказали: «хочу».

К е т ѳ м а.

И быстро тотъ путникъ собрался домой.
И вотъ на верблюдовъ ковры разстлали;
Вотъ вышли садиться, другъ друга обняли,
Простилися братья съ родимой сестрой —
И тронулся поѣздъ въ раздолье пустыни,
И ѣхали слѣдомъ за дѣвой рабыни
Съ толпою могучихъ и смѣлыхъ рабовъ.
И братья невѣсты едали прокричали:
«Дай Богъ, чтобы дѣти твои возрастали,
И вѣчно владѣли вратами враговъ!»

І е м и м ѳ г а.

Однажды маститаго праотца сынъ,
Воздавши усердно хваленіа Богу
И ловчимъ одѣвшись, пошолъ на дорогу,
Которая вьется въ раскатъ долины
Ко граду Нахора широкой тесьюю.
Онъ вышелъ, и, вспомя невѣсту душою,
Сталъ думать кипучія думы о ней. —
Вдругъ всадники ѣдутъ на встрѣчу отгуда;
Вотъ стали, и дѣва спрыгнула съ верблюда,
И сердце у сына забилось сильнѣй.

М а р а.

Вотъ путники ближе, и сыгъ узнаётъ
 Посла за невѣстой изъ дома роднаго, —
 И вспыхли ланиты у сына младаго,
 И вотъ онъ не знаетъ: идти ли вперёдъ,
 Стоять ли съ осанкою гордой на мѣстѣ;
 А самъ незамѣтно все ближе къ невѣстѣ,
 И ближе невѣста младая къ нему.
 Вотъ въ старшемъ веселостью все закипѣло,
 И началъ онъ было-разсказывать дѣло,
 Но все говорилъ онъ себѣ-самому.

П ё л и.

Взволнованъ и веселъ, смущенъ и счастливъ,
 Смиренный и смѣлый, невинный и страстный,
 Приблизился къ путницѣ ловчій прекрасный,
 И тихо откинулъ онъ длинный цайовъ (*),
 И, сильнымъ порывомъ любовь знаменуя,
 Онъ обнялъ красавицу крѣпко цѣлуя,
 И повѣсть отъ дѣвы внимательно, такъ
 Онъ слушалъ съ улыбкой отъ слова до слова,
 И ввелъ напослѣдокъ предъ старца роднаго
 Младую Ревекку младой Исаакъ....

Общій хоръ (*подъ игру вспыхъ арфъ.*)

Укрывшись отъ свѣта въ пріютъ тишины
 И въ нсмъ восторженьемъ любви обладая,

(*) Цайовъ покрывало.

Ты слышала ль, наша подруга младая,
Святое преданье святой старины?
И эти простые о древнемъ напѣвы
Пріятны ли сердцу плѣнительной дѣвы,
И дышетъ ли жизнию счастья оно,
И въ нѣгѣ кипитъ ли восторгами сноза,
Воспомня Царя-Жениха всеблагаго?...
Вставай же, подруга: ужь утро давно!

(Встаютъ и подходятъ къ ложницѣ.)

Г е м и м а г а.

Отвѣта нѣтъ. Другъ Альма, встала ль ты?
Взгляни, какъ здѣсь на лхонтъ высоты
Торжественно взлетаютъ глыбы свѣта,
И міръ одѣтъ веселіемъ опять;
Вставай же, другъ, спѣши ты насъ обнять,
Спѣши скорѣй!....

Н е р г а л ь *(заглядывая въ ложницу.)*

Но какъ мы ждемъ отвѣта,
Когда ее въ ложницѣ этой нѣтъ?

М а р а.

Ея любовь предупредила свѣтъ.
Еще съ зарей, въ объятіяхъ у друга,
Невинная и чистая, она
Бесѣдою святой упоена.
Счастливица!....

Тусіага.

Но вотъ идетъ подруга!...

Д о д а (*поетъ, играя на лирѣ.*)

I.

Прозрачно-зыбкіе туманы
 Лежать въ поляхъ. Но кто сія,
 Какъ стебель дыма отъ хамбаны (* ,
 Какъ мирры легкая струя?

II.

Она восходитъ изъ пустыни
 Какъ тонкій паръ, и вся она
 Пензлагежанной святости
 И мыслей царственныхъ полна.

III.

Одѣта въ бѣломъ, какъ лилея,
 Блестя румянцемъ какъ заря,
 Идетъ, восторгомъ пламенея,
 Невѣста дивнаго Царя.

(*Альма выходитъ изъ-за синоградника, показывается на скатѣ близлежащаго холма. Подруги Альмы, составляя передъ нею торжественный танецъ, поютъ.*)

(*) Хамбана — одна изъ душистыхъ смолъ. Мирра по-Еврейски *литъ*.

Общій хоръ.

Ты привлекла, ты насъ плѣнила;
Въ тебѣ любовь, въ тебѣ краса,
И ты въ себѣ соединила
Наземный цвѣтъ—и небеса! . . .

Альма лобзается съ ними.)

Б. Л. Соколовскій.

А. С. ПУШКИНУ.

Не вовсе чужа Бога свѣта
Въ моей неполной головѣ,
Не вѣря вѣтренной молвѣ,
Я благосклоннаго привѣта —
Клянусь Парнаскимъ божествомъ,
Клянуся юности дарами:
Наукой, честью и виномъ
И вдохновенными стихами —
Въ тиши безвѣстности, не ждалъ
Отъ сына музы своенравной,
Равно-торжественной и славной
И высшей рока и похвалъ.
Пѣвецъ единственной забавы,
Пѣвецъ вакхическихъ картинъ,
Искихъ дѣвъ искихъ винъ,
И прозелить журнальной славы,

.

.

.....

Такъ я тебя благодарю.
Богъ вѣсть что въ мірѣ ожидаетъ
Мои стихи, что буду я
На темномъ полѣ бытія,
Куда неопытность мол
Меня зачѣмъ-то порывасть;
Но будь-что-будетъ — не боюсь;
Въ бытописаньи Русскихъ музъ
Меня твое благоволенье
Предастъ въ другое поколѣнье,
И сталь плѣшиваго косца,
Всему ужасная, не скосить
Тобой хранимаго пѣвца.
Такъ камень съ низменныхъ полей
Носитель Зевсовыхъ огней,
Играя, на гору заносить.

Н. Языковъ.

ИЗЪ ТРАГЕДІИ: «МИХАИЛЬ- ТВЕРСКОЙ».

ДѢЙСТВІЕ V-е.

ЯВЛЕНІЕ I-е.

(Уединенный шатеръ Михаила на степи въ Золотой-Ордѣ; предъ нимъ бояре и Константинъ).

Константинъ *(вбѣгая).*

Бояре, гдѣ родитель?

Бояринъ.

Спать въ шатръ.

Константинъ.

Скорѣй прервите сонъ его.

Бояринъ.

Княжичъ,

Всю ночь молился онъ; лишь на разсвѣтъ,
Отъ бдѣнія уставшій, задремалъ.

К о н с т а н т и н ъ.

Царица въ ужасѣ меня позвала:
«Бѣги къ отцу, не медли, умоли
Бѣжать отсюда, когда лишь есть возможность!»
Вотъ золото, чтобъ стражей подкупить.

Б о л г и н ъ.

Благой совѣтъ царицы бесполезенъ:
Враги предупредили. Ночью сонмъ ихъ
Оковами его обременилъ
И близкой казнѣю грозилъ, отъ хана.
Всю ночь готовился онъ встрѣтить смерть,
И отрокъ княжескій всю ночь стоялъ
И перелмывалъ ему неалтирь,
Чтобъ облегчить окованныя руки. . .
Не нарушай послѣдняго покоя!

К о н с т а н т и н ъ.

О Боже! неужли спасенья нѣтъ? —
Я къ хану устремлюсь.

Б о л г и н ъ.

Княжичъ, ужь поздно.

Мы только можемъ вмѣстѣ умереть! . . .
Останься съ нами; здѣсь ты почерпнешь
Изъ устъ его благія наставленья,
И кладъ сей сохрани на дѣль души;
Но плачемъ духъ отца не возмущай.

К о н с т а н т и н ъ.

Я буду твердъ! Взамѣну каждой капли
 Сихъ тщетныхъ слезъ я взрослый кровь пролью
 Георгія!

Б о л г и н ъ.

Достойный родъ Тверскихъ!
 Здѣсь все семейство замѣни отцу
 И будь ему свидѣтелемъ кончины.

2-й Б о л г и н ъ.

Вотъ тихій голосъ изъ шатра. — Онъ снова
 Всталъ на молитву и твердитъ псаломъ.
 Внемли:

В. К н я з ь (*въ шатръ*).

«Въ груди моей смутилось сердце
 «И на меня папалъ кончины страхъ.»

2-й Б о л г и н ъ.

Умолкъ. Печальную внушили думу
 Слова псалма! Но въ нихъ же утѣшенье.
 Княжичъ, родителю духъ ободря,
 Дочти ему спасительный псаломъ.

К о н с т а н т и н ъ.

«На Господа печаль твою возверзи:
 Онъ праведныхъ въ смятеніе не дастъ!»

(*Палы шатра отжидываются.*)

В. Князь (*выходитъ*).

Ты здѣсь, мой Константинъ! Благое небо
Еще однажды, и въ послѣдній разъ,
Позволило мнѣ сжать тебя въ объятіяхъ
И утѣшительный твой голосъ слышать,
Когда смутился духомъ....

Константи н ѣ (*бросаясь въ его
объятія*).

О, родитель!

В. Князь.

Мой сынъ! Господь велитъ намъ разлучиться,
Мнѣ преждевременно оставить міръ,
Тебѣ же съ юныхъ лѣтъ въ немъ привыкать
Сиротствовать, на Бога уповая.
По горней волѣ будь готовъ идти.

Константи н ѣ.

Ты образцомъ моимъ!

В. Князь.

Нѣтъ, сынъ мой, нѣтъ:

Ищи его межъ сонма славныхъ дѣдовъ.

О, еслибъ ты и счастье ихъ обрѣлъ!

Боляринъ.

Тебя лишь да напомнить намъ твой отрокъ!

В. Князь.

Болре вѣрные, вамъ поручаю

Дѣтей моихъ. Для нихъ не будьте скудны

Сокровищами вашей сѣдины —
Лѣтъ многихъ опытомъ. — Я вашу ревность
Къ владыкѣ лично и къ престолу знаю;
Но Русскій князь во мнѣ не умираетъ,
И самый Михаилъ въ потомствѣ жнетъ.
Забудьте сей изсохшій, ветхій корень,
Который скоро изсѣкутъ предъ вами;
Взгляните, какъ роскошно онъ разцвѣлъ
Въ сынахъ своихъ! Меня вамъ замѣнитъ
Димитрій. Отчину ему вручаю,
Родную Тверь: пусть онъ подѣлитъ младшихъ,
И матери участокъ дастъ, и васъ
Не позабудетъ.

Б о л г е.

Мы его, онъ нашъ!

В. К н я з ъ.

Я знаю правъ Димитрія: онъ бурень,
Въ мигъ ярости все сокрушить; навремя
Кровь юная въ немъ можетъ заглушить
Благоволеніе его души.
Страшусь и за него и за отчину:
Онъ не проститъ Георгію злодѣйства,
Въ крови его омоетъ клевету;
Междоусобная вновь возгорится
Брань на Руси!....

Константины.

Злодѣя ль пощадить?

В. Князь.

И у тебя въ груди, мой нѣжный отрокъ,
Такъ рано закинуло чувство мести?
Ахъ, истреби его въ молодой душѣ!
Что пользы въ мести? Ею ль оправданосъ
Предъ міромъ въ черной клеветѣ врага?
Но кто изъ благомыслящихъ поверитъ?
Кто жень убійцей назоветъ меня?
Одинъ лишь ханъ! и не отъ злаго сердца,
Нѣтъ, отъ сѣрной любви своей къ Кончаку.

Бояринъ.

Ты ль за гонителя еще стоишь?

В. Князь.

Когдабъ, бояре, знали, какъ странна
И какъ чужда земная ваша злоба
Мнѣ, отходящему въ безстрастный міръ,
Котораго ужъ я отнынѣ житель!...
Я гнѣвъ свой промѣнялъ на состраданье;
И самый Кавгадый, столь дикій, звѣрскій,
Въ глазахъ моихъ лишь огпечатокъ степи!
Но есть одинъ изъ всѣхъ моихъ враговъ,
Которому нѣтъ на землѣ прощенья,
Не отъ меня, но отъ его жь отчизны!..

Константинь.

Онъ проклять будь!

В. Князь.

Умолкни! клятва съ неба,

Съ земли жь одиѣ молитвы о прозрѣньи
Слѣпаго сердца въ избѣжанье золь
Отчизнѣ отъ его грядущихъ козней! —
И вотъ что братьямъ завѣщай.

Константинь.

Родитель,

Обѣтъ тяжелый наложить ты намъ,
Мнѣ передать лишь, имъ его исполнить.

В. Князь.

Еще одно меня тревожитъ въ жизни:
Димитрій дышетъ честолюбомъ; онъ
Владимірскаго пожелаетъ трона—
И вотъ кровавый ключъ неправой брани
Съ Георгіемъ!... Но не ему вѣнецъ!
Съ моею смертью Юрій старшимъ въ родѣ.
Пусть отчиной довольствуется сынъ;
Когда же незаконно жаждетъ трона,
Бояре, вы напомните ему
Въ отцѣ законнаго владыки участь.

Бояринъ.

Мы все исполнимъ, свято соблюдемъ.
Скажи, что на сердцахъ еще лежитъ?

В. Князь.

Святителю Петру я бью челомъ
Объ отпущеніи и о молебнахъ
За упокой души многострадальной.
Не онъ меня въ міръ горній отпоетъ,
Не онъ листъ отпустительный вручить,
Но милосердья мнѣ откроютъ дверь
Его доступныя поминувенья...
А вы мой прахъ въ чужбинѣ не покиньте;
Мнѣ будетъ дико въ сей безбрежной степи:
На родинѣ хочу костями лечь, тамъ,
Но столькимъ странствіямъ, ихъ успокоить.

Болринъ.

О, длячего въ сей горькій, тяжкій часъ
Святителя намъ въ утѣшеніе нѣтъ?
Онъ приготовилъ бы тебя и насъ.

В. Князь.

Бояре, я готовъ. Еще въ тѣ дни,
Когда собирались вы въ Орду, и близкихъ
Надеждой возвращенья утѣшали,
Я ужъ на смерть собирался, и тогдаже
Духовному покался отцу,
И страшныхъ тайнъ Христовыхъ сталъ причастникъ.
Заранѣе я предсказалъ ему

Мою безвременную здѣсь кончину —

И нынѣ Судинъ предстать готовъ....

(Вбѣгаетъ отрокъ княжескій)

1-й Бояринъ.

Отколѣ блѣдный отрокъ?

2-й Бояринъ.

Что трепещеть?

К. Отрокъ. *(въ ужасѣ)*.

На торжищѣ...

3-й Бояринъ.

Что видѣть?

К. Отрокъ.

Тамъ толпа

Грозить оружіемъ, тамъ Кавгадый....

3-й Бояринъ.

О Боже!

К. Отрокъ.

Тамъ князь Юрій.

2-й Бояринъ.

Все погибло!

К. Отрокъ.

Они сюда ведутъ своихъ убійць;

Толпа ихъ скоро сей шатеръ обступитъ.

В. Князь.

Спасайтесь!

Константинь.

Мы отстоимъ тебя!

1-й Болринъ.

Тебя ли, князь, въ сей грозный часъ покинемъ?

В. Князь.

Бѣгите! Нѣтъ вамъ здѣсь спасенья.

2-й Болринъ.

Здѣсь

Мы сложимъ головы за государя!

В. Князь.

Я не приѣмлю безразсудной жертвы.

Или мнѣ легче умереть на трупахъ

Болръ своихъ и сына? . . . Нѣтъ, къ царицѣ

Отъ моего лица бѣгите: тамъ

Васъ защититъ. . . .

3-й Болринъ.

Но, государь! . . .

В. Князь.

Болре!

Еще до смерти я владыка вамъ:

Когда вамъ страшень гнѣвъ мой — повинуйтесь.

Тебѣ же, Константинь, велитъ отецъ.

Константинь *(бросаясь къ ногамъ его)*.

Отецъ, отецъ! благослови меня!

В. Князь (*возлагая руки*).

Господь да сохранитъ тебѣ молебамъ
 Святыхъ угодинокъ и благовѣрныхъ
 Князей намъ кровныхъ, въ мѣръ облеченныхъ
 Въ чинъ ангельскій, и сопричтенныхъ въ ликъ
 Многострадальныя! — Въ тебѣ, мой сынъ,
 Я всю семью свою благословляю:
 Димитрія — онъ нынѣ твой отецъ, —
 И младшихъ Александра и Василья,
 И безутѣшную мою княгиню.
 Скажи ей: прежде-чѣмъ нестать пріюта
 Въ тиши келейной, возраститъ должна
 Мнѣ и семейству младшихъ сыновей;
 Тогда жь пусть воля сердца ея закономъ!
 И бабкѣ Ксении снеси поклонъ мой;
 Мы оба ужь такъ близки отъ могилы,
 Что и свиданіе недалеко; дотолѣ
 По сынъ пусть творить поминовенья...
 Благую часть давно она избрала!...
 Прости, будь счастливый отца, прости!
 Еще одно, послѣднее лобзанье!...
 Прости, мой отрокъ!.....
 Ты молчишь? ты хочешь
 Безмолвемъ плачь и слезы удержать?
 Но я ихъ чувствую: онѣ горлятъ
 И на рукахъ моихъ и на ланитахъ...

Господь тебѣ да призрѣтъ и утѣшитъ!—

А вы, болре....

1-й Б о л р и н ъ.

Князь!....

2-й Б о л р и н ъ.

Владыка!....

В. К н я з ь (*прошавсь съ ними*).

Ахъ,

Онъ вашимъ другомъ былъ и имъ умереть.

Благодарю, за все благодарю!....

Словъ не ищите, я безъ нихъ васъ понялъ.

Вотъ дѣти: въ нихъ мнѣя любите!.... Мыслью

Межъ вами стану жить.... Оставьте; время;

Скорбите сердцемъ, но мужайтесь духомъ;

Въ послѣдній разъ простите, удалитесь!

Въ мольбахъ не забывайте!.... Ахъ и ты,

Прости, мой отрокъ!....

(*Все удаляются*).

В. К н я з ь (*съ шатръ падаетъ на колѣни*).

Боже, Боже! Все,

Что лѣдъ душѣ, что сердцу мечъ двуострый,

Все, что суровымъ потрясеньемъ грудь,

Какъ доску гробовую, разбиваешь,
 И все, что внутренность, какъ бездну, ростъ
 Отчаяніемъ, все я испыталъ;
 Всю чашу осушить до самой желчи!
 И пьешь, полный горя и позора,
 Здѣсь одинокимъ предстою Тебѣ!
 Владыко, Ты судить — и я молчалъ.
 Земную казнь вѣѣи мнѣ въ оправданье:
 Пусть кровь моя грѣхи мои замоетъ,
 Но въ грозный судъ съ рабомъ твоимъ не вниди!
 Кто смертный оправдится предъ Тобой!...

КАВГАДЫЙ, КН. ЮРІЙ и ТОЛПА УБИЙЦЪ.

Кавгадый.

Вотъ ставка; въ ней все совершите.

Кн. Юрій.

Цѣть,

Еще лишь мигъ!...

(Убийцы останавливаются.)

Кавгадый.

Что слышу, князь Московскій,
 Отколъ медленность? Ты ль у меты
 Не хочешь долгаго труда окончить?
 Что духъ твой возмутило?

Кн. Юрій.

Духъ покоснѣ.

Я только осмотрѣть хочу шатеръ,

Чтобъ видѣть, тамъ ли врагъ?

Кавгадый.

Ты слышишь голосъ?

В. Князь (*съ шатра* .

Въ послѣдній разъ, Владыко, я съ земли

Къ Тебѣ молебный возсылаю гласъ.

Прими жъ конечное здѣсь покаянѣ.

Мнѣ будетъ скоро чуждымъ этотъ міръ,

Къ которому давно ужъ охладѣть.

Какъ часто, бѣдствіемъ его томимый,

Въ пустынь жажду водвориться, тамъ

Тебя спасающаго Бога чаять

Отъ злодунѣ и отъ бурѣ; а нынѣ

Часъ отпущенія съ земли насталъ.

Я жъ, пораженный имъ, смугился духомъ...

Кавгадый.

Еще ли ждатель?

Кн. Юрій.

Постой, онъ на молитвѣ!

Кавгадый.

Молитва ль Юрію страшнѣ крови?

К н. Ю р і й.

Нѣтъ, онъ напомнилъ мнѣ слова псалма,
Которыя самъ натвердилъ изустно
Младенцу Юрію, во дни родства,
Для утреннихъ молитвъ моихъ во храмѣ.

В. К н я з ъ (*въ шатръ.*)

Оковы тяжкія, мой горній духъ
Къ земной темницѣ вы не прикуете,
И трупъ мой выльется изъ вашихъ узъ!....
О, кто мнѣ крылья дастъ, какъ голубицѣ,
И полечу я, и почию!.... Боже!
Какъ въ вѣчности твоей легко, свободно!....

К а в г а д ы й.

Умолюъ онъ; знакъ дадимъ....

К н. Ю р і й.

Ты самъ подай!

К а в г а д ы й.

Не все ль одно, кто дастъ? Идите въ ставку!

(*Убийцы сходятъ. Полы шатра
упадаютъ.*)

Молчаніе!

К н. Ю р і й.

Онъ видѣнъ ли?

К а в г а д ы й.

Шатра упали полы.

Кн. Ю р і й.

Что слышно? вопли?

К а в г а д ы й.

Нѣтъ!

Кн. Ю р і й.

Какъ, онъ ужь мертвъ?.....

К а в г а д ы й.

Вопль жснамъ: гдѣ нѣтъ страха, вопля нѣтъ!

Кн. Ю р і й.

Вотъ тлжкій вздохъ!

К а в г а д ы й.

И это былъ послѣдній.

Кп. Ю р і й (въ ужась.)

Нѣтъ, нѣтъ, онъ живъ!

К а в г а д ы й.

Нль воскресить желаешь?

Взгляни!

(Шатерь откидывается; убійцы стоятъ надъ обнаженнымъ трупомъ.)

К а в г а д ы й.

Что отвращаешь взоръ? взгляни.

Презрительно въ убійцѣ малодушье!

Ты трона жаждать — вотъ тебѣ ступень!

.....

Но онъ тебѣ былъ кровнымъ: неприлично

Нагому князю предъ Ордой лежать!

Дай съ плечь покровъ — ты вздѣ его порфиру!

(Кн. Юрій накрываетъ трупъ своею мантией.)

СТИХОТВОРЕНІЯ,

ПРИСЛАННЫЯ ИЗЪ ГЕРМАНИИ. (*)

XXIV.

Тамъ гдѣ горы, убѣгая,
Въ свѣтлой тянутся дали,
Пресловутаго Дуная
Льются вѣчныя струи —

Тамъ-то, баюють, въ стары годы,
По лазуревымъ ночамъ,
Фей вилися хороводы
Подъ водой и по водамъ;

Мѣсяць слушать, волны пѣли,
И, навѣсясь съ горъ крутыхъ,
Замки рыцарей глядѣли
Съ сладкимъ ужасомъ на нихъ.

(*) Первые 23 стихотворенія, присланныя изъ Германіи, помѣщены были въ III-й и IV-хъ томахъ «Современника» на 1855 годъ.

И лучами неземными,
Заключень и одинокъ,
Перемигивался съ ними
Съ древней башни огонёкъ

Звѣзды въ небѣ имъ внимали,
Проходя за строемъ строй,
И бесѣду продолжали
Тихомолкомъ межъ собой.

Въ панцырь дѣдовскій закованъ,
Воинъ-сторожъ на стѣнѣ
Слышалъ, тайно очарованъ,
Дальній гулъ какъ-бы во снѣ.

И лишь дремой забывался,
Гулъ леньгъ и грохоталъ.
Онъ съ молитвой просыпался
И дозоръ свой продолжалъ.

Все прошло, все взяли годы —
Поддался и ты судьбѣ,
О Дунай, и пароходы
Нынѣ ходятъ по тебѣ

XXV.

Черезъ Ливонскія я проѣзжалъ поля,
Вокругъ меня все было такъ уныло . . .
Безцвѣтный грунтъ небесъ, песчаная земля —
Все на душу раздумье наводило.

Я вспомнилъ о быломъ печальной сей земли,
Кровавую и мрачную ту пору,
Когда сыны ея, простертыя въ пыли,
Лобзали рыцарскую шпору.

И, глядя на тебя, пустынная рѣка,
И на тебя, прибрежная дуброва,
«Вы» мыслилъ я «пришли издалека,
Вы, сверстники сего былова!

«Такъ, вамъ однимъ лишь удалось
Дойти до насъ съ береговъ другаго свѣта.
О, еслибъ про него хоть на одинъ вопросъ
Могъ допроситься я отвѣта! . . .

«Но твой, природа, міръ о дѣлахъ бывшихъ молчить:
Съ улыбкою двусмысленной и тайной,
Такъ отрокъ, чаръ nocturnes свидѣтель бывъ слу-
чайный,
Про нихъ и днемъ молчаніе хранить.

(1830.)

XXVI.

Песокъ сыпучій по колѣна.
Мы ѣдемъ; поздно, меркнетъ день;
И сосень, по дорогѣ, тѣни
Уже въ одну слилися тѣнь.
Черный и чаще боръ глубокій . . .
Какіа грусныя мѣста!
Ночь хмуралъ, какъ звѣрь стоокій,
Глядитъ изъ каждаго куста.

XXVII.

Надъ виноградными холмами
Плывутъ златыя облака;
Внизу зелеными волнами
Шумить померкшая рѣка.
Взоръ, постепенно, изъ долины
Подъемаясь, всходитъ къ высотамъ,
И видитъ на краю вершины
Круглообразный, свѣтлый храмъ.
Тамъ въ горнемъ, неземномъ жилищѣ,
Гдѣ смертной жизни мѣста нѣтъ,
И легче и пустынно-чище
Струя воздушная течетъ.
Туда взлетая, звукъ нѣмѣетъ;
Лишь жизнь природы тамъ слышна—
И нѣчто праздничное въѣтъ,
Какъ дней воскресныхъ тишина.

О. Т.

ЖЕЛѢЗНАЯ-МАСКА.

Вольтеръ въ своемъ «Siècle de Louis XIV» (въ 1760), первый сказалъ нѣсколько словъ о Желѣзной-Маскѣ: «Нѣсколько времени послѣ смерти кардинала Мазарини» пишетъ онъ «случилось происшествіе безпримѣрное и, что еще удивительнѣе, неизвѣстное ни одному историку. Нѣкто, высокаго роста, молодыхъ лѣтъ, благородной и прекрасной наружности, съ величайшей тайною посланъ былъ въ заточеніе на Островъ св. Маргариты. Дорогою невольникъ носилъ маску, коей нижняя часть была на пружинахъ, такъ-что онъ могъ ѣсть, не сымая ея съ лица. Приказано было, въ случаѣ еслибъ онъ открылся, его убить. Онъ оставался на островѣ до 1690 году, когда Сен-Марсъ, губернаторъ Пиньерольской крѣпости, бывъ назначенъ губернаторомъ въ Бастилію, пріѣхалъ за нимъ и препроводилъ его въ Бастилію, все также маскированнаго. Передъ-симъ, маркизъ де-Лувуа посѣтилъ его на семъ островѣ, и говорилъ

съ нимъ стоя, съ видомъ уваженія. Неизвѣстный посаженъ былъ въ Бастилю, гдѣ всевозможныя удобства были ему доставляемы. Ему ни въ чемъ не отказывали. Онъ любилъ самое тонкое бѣлье и кружева. Онъ игралъ на гитарѣ. Столъ его былъ самый отличный. Губернаторъ рѣдко садился передъ нимъ. Старый лекаръ, часто его лечившій въ различныхъ болѣзняхъ, сказывалъ, что никогда не видывалъ его лица, хотя и осматривалъ его языкъ и другія части тѣла. По словамъ лекаря, онъ былъ прекрасно сложенъ, цвѣтомъ довольно смуглъ. Голосъ его былъ трогателенъ; онъ никогда не жаловался и не намекалъ о своемъ состояніи.

«Неизвѣстный умеръ въ 1703 году и былъ похороненъ ночью, въ приходѣ св. Павла. Удивительно и то, что въ то время, когда привезенъ онъ былъ на Островъ св. Маргариты, никого изъ важныхъ особъ въ Европѣ не исчезало. Невольникъ сей, безо-всякаго-сомнѣнія, былъ особа важная. Доказательствомъ тому служить происшествіе, случившееся въ первые дни его заточенія на островѣ. Самъ губернаторъ приносилъ ему кушанье на столъ, запиралъ дверь и удалялся. Однажды невольникъ начерталъ что-то ножомъ на серебряной тарелкѣ и бросилъ ее изъ окошка. Рыбакъ поднялъ тарелку на берегу моря и принесъ ее губернатору. Сей изумился. «Читалъ ли ты, чтó тутъ написано?» спросилъ онъ у рыбака: «и видѣлъ ли кто у тебя эту тарелку?» Я не умѣю читать, отвѣчалъ рыбакъ: я сей-часъ ее нашелъ; ни-

кто ее не видалъ. Рыбака задержали, пока не удостоверились, что онъ въ-самомъ-дѣлѣ былъ безграмотный и что тарелки никто не видалъ. Губернаторъ отпустилъ его, сказавъ: «ступай; счастливъ ты, что не умѣешь читать. . . .» Г. де-Шампильяръ былъ послѣдній изъ министровъ, знавшихъ эту странную тайну. Зять его, маршалъ де-ла-Фельдь сказывалъ мнѣ, что при смерти своего тестя, онъ на колѣняхъ умолялъ его открыть, кто таковъ былъ человекъ въ желѣзной маскѣ. Шампильяръ отвѣтствовалъ, что это государственная тайна, и что онъ клялся ея не открывать. Многіе изъ моихъ современниковъ подтверждать истину моихъ словъ. Я не знаю ничего ни удивительнѣе, ни достовѣрнѣе.»

Сии строки произвели большое впечатлѣніе. Любопытство было сильно возбуждено. Стали разыскивать, разгадывать, предполагать. Иные думали, что Желѣзная Маска былъ графъ de Vermandois, осужденный на вѣчное заключеніе будто-бы за пощечину, имъ данную дофиню (Лудовику XIV). Другіе видѣли въ немъ герцога де-Бофоръ, сего феодальнаго демагога, мятежнаго любимца черни Парижской, пропавшаго безъ-вѣсти во время осады Кандіи въ 16. .; третьи утверждали, что онъ былъ не кто иной какъ герцогъ Монмуть, и проч. и проч. Самъ Вольтеръ, опровергнувъ всѣ сии мнѣнія съ ласкою критики ему свойственной, романически думалъ или выдумалъ, что славный невольникъ былъ старшій братъ Лудовика XIV, жертва честолюбія и политики жестокосердой. Доказательства Вольтера были

слабы. Загадка оставалась неразрѣшенной. Взятіе Бастиліи въ 1789 году и обнародованіе ея архива ничего не могло открыть касательно таинственнаго затворника.

А. Пушкинъ.

ПЕТЕРБУРЖСКІЯ ЗАПИСКИ

1836 ГОДА.

I.

. . . . Въ-самомъ-дѣлѣ, куда забросило Русскую столицу—на край свѣта! Странный народъ Русскій: была столица въ Кіевѣ — здѣсь слишкомъ тепло, мало холоду: переехала Русская столица въ Москву—нѣтъ, и тутъ мало холода: подавай Богъ Петербургъ! Зато какая дичь между матушкою и сыномъ! Что это за виды, что за природа! Воздухъ прoderнуть туманомъ; на блѣдной, сѣрозеленой землѣ обгорѣлые пни, сосны, сѣльникъ, кочки. . . . Хорошо еще, что стрѣлою летящее шоссе да Русскія поющія и звѣнющія тройки духомъ пронесутъ мимо. А какая разница, какая разница между ими двумя! Она еще до-сихъ-поръ Русская борода, а онъ уже ловкій Европеецъ. Какъ раскинулась, какъ расширилась старая Москва! Какъ сдвинулся, какъ выглянулся въ струнку щоголь Петербургъ! Передъ нимъ со всѣхъ сторонъ зеркало: тамъ Нева, тамъ Финскій-Заливъ. Ему есть куда поглядѣться. Какъ только за-

вѣтитъ онъ на себѣ перышко или пушкѣ, ту жь минуту его прочь. Москва—старая домосѣдка, печетъ блины, глядитъ издали и слушаетъ разсказъ, не подымаясь съ кресель, о томъ, что дѣлается въ свѣтѣ; Петербургъ—разбитной малой, никогда не сидитъ дома, всегда одѣтъ и, охаращиваясь передъ Европою, раскланивается съ заморскимъ людомъ.

Петербургъ весь шевелится, отъ погребовъ до чердака; съ полночи начинается печь Французскіе хлѣбы, которые назавтра всѣ съѣстъ разноплеменный народъ, и во всю ночь, то одинъ глазъ его свѣтится, то другой; Москва ночью вся спитъ, и на другой день, перекрестившись и поклонившись на всѣ четыре стороны, выѣзжаетъ съ калачами на рынокъ. Москва женскаго рода, Петербургъ мужскаго. Въ Москвѣ все невѣсты, въ Петербургѣ все женихи. Петербургъ наблюдаетъ большое приличіе въ своей одеждѣ, не любитъ пестрыхъ цвѣтовъ и никакихъ рѣзкихъ и дерзкихъ отступленій отъ моды; зато Москва требуетъ, если ужъ пошло на моду, то чтобы во всей формѣ была мода: если талія длинна, то она пускаетъ ее еще длиннѣе; если отвороты фрака велики, то у ней какъ сарайныя двери. Петербургъ—аккуратный человѣкъ, совершенный Нѣмецъ, на все глядитъ съ расчетомъ, и прежде, нежели задумаетъ дать вечеринку, посмотритъ въ карманъ; Москва—Русскій дворянинъ, и если ужъ веселится, то веселится до упаду и не заботится о томъ, что уже хватаетъ больше того, сколько находится въ карманѣ; она не любитъ середины. Въ Москвѣ

всѣ журналы, какъ бы учены ни были, но всегда къ концу книжки оканчиваются картинкою модъ: Петербургскіе рѣдко прилагаютъ картинки; еслѣе приложить, то снѣпривычки взглянувшій можетъ перепугаться. Московскіе журналы говорятъ о Кантѣ, Шеллингѣ и проч. и проч.; въ Петербургскихъ журналахъ говорятъ только о нубликѣ и благонамѣренности.... Въ Москвѣ журналы идутъ наряду съ вѣкомъ, но опаздываютъ книжками; въ Петербургѣ журналы неидутъ наравнѣ съ вѣкомъ, но выходятъ аккуратно, въ положенное время. Въ Москвѣ литераторы проживаютъ, въ Петербургѣ наживаютъ. Москва всегда ѣдетъ завернувшись въ медвѣжью шубу и большою-частью на обѣдъ; Петербургъ въ байковомъ сюртукѣ, заложивъ обѣ руки въ карманъ, летитъ во всю прыть на биржу или «въ должность». Москва гуляетъ до четырехъ часовъ ночи и на другой день не подымется съ постели раньше втораго часу; Петербургъ тоже гуляетъ до четырехъ часовъ, но на другой день, какъ ни въ чемъ не бывалъ, въ девять часовъ снѣшнѣ въ своемъ байковомъ сюртукѣ въ присутствіе. Въ Москву тащится Русь съ деньгами въ карманѣ и возвращается налегкѣ; въ Петербургъ ѣдутъ люди безденежные и развѣзжаются во всѣ стороны свѣта съ изряднымъ капиталомъ. Въ Москву тащится Русь въ зимнихъ киботкахъ по зимнимъ ухабамъ сбывать и закупать: въ Петербургъ идетъ Русскій народъ пѣшкомъ лѣтнею порою строить и работать. Москва кладовая, она наваливаетъ тюки да вьюки, на мелкаго продавца и смотрѣть не хочетъ; Петербургъ весь

расточился по кусочкамъ, раздѣлился, разложился на лавочки и магазинны и ловить мелкихъ покупателей; Москва говоритъ: «коли нужно покупщику, сыщеть». Петербургъ суетъ вывѣску подъ самый носъ, подкапывается подъ вашъ полъ съ «Ренскимъ погребомъ» и ставитъ извощичью биржу въ самыя двери вашего дома; Москва не глядитъ на своихъ жителей, а шлетъ товары во всю Русь. Петербургъ продаетъ галстуки и перчатки своимъ чиновникамъ. Москва большой гостинишій-дворъ; Петербургъ свѣтлый магазинъ. Москва нужна для Россіи; для Петербурга нужна Россія. Въ Москвѣ рѣдко встрѣтишь гербовую пуговицу на фракѣ; въ Петербургѣ нѣтъ фрака безъ гербовыхъ пуговицъ. Петербургъ любитъ подтрунить надъ Москвою, надъ ея неловкостью и безвкусіемъ: Москва колышетъ Петербургъ тѣмъ, что онъ не умѣетъ говорить, по-Русски. Въ Петербургѣ, на Невскомъ-Проспектѣ, гуляютъ въ два часа люди, какъ-будто сошедшіе съ журнальных модныхъ картинокъ, выставляемыхъ въ окна, даже старухи съ такими узенькими таліями, что дѣлается смѣшно; на гуляньяхъ въ Москвѣ всегда попадется въ самой серединѣ модной толпы какал-нибудь матушка съ платкомъ на головѣ и уже совершенно безъ всякой таліи. Сказалъ бы еще кое-что но —

«Дистанція огромнаго размѣра!....»

II.

Трудно схватить общее выраженіе Петербурга. Есть что-то похожее на Европѣйско-Американскую колонию: также мало коренной національности и также много иностраннаго смѣшенія, еще неслившагося въ плотную массу. Сколько въ немъ разныхъ націй, столько и разныхъ слоевъ обществъ. Эти общества совершенно отдѣльны: аристократы, служащіе чиновники, ремесленники, Англичане, Нѣмцы, купцы—все составляютъ совершенно отдѣльные круги, рѣдко сливающіеся между собою, больше живущіе, вселяющіеся невидимо для другихъ.

И каждый изъ этихъ классовъ, если присмотрѣться ближе, составленъ изъ множества другихъ маленькихъ кружковъ, тоже неслитыхъ между собой. Напримеръ, возьмите чиновниковъ: молоденькіе помощники столоначальниковъ составляютъ свой кругъ, въ который ни за что не опустится начальникъ отдѣленія. Столоначальникъ съ своей стороны подымаетъ свою причоску нѣсколько выше vicepresidente канцелярскаго чиновника. Нѣмцы-мастеровые и Нѣмцы-служащіе тоже составляютъ два отдѣльные круга. Учителя составляютъ свой кругъ, актеры свой кругъ; даже литераторъ, являющійся до-сихъ поръ двусмысленнымъ и сомнительнымъ лицомъ, стоитъ совершенно отдѣльно. Словомъ, какъ будто бы пріѣхалъ въ трактиръ огромный дилижансъ, въ которомъ каждый пассажиръ сидѣтъ во всю доро-

гу закрывшись и вошелъ въ общую залу потому только, что не было другаго мѣста. Попытка на-заведеніе публичныхъ обществъ доселѣ не имѣла успѣха. Въ клубъ Петербургскій житель идетъ для того только, чтобы пообѣдать, а не провести время. Что Петербургъ не сдѣлался до-сихъ-поръ гостинницею, этому виною какая-то внутренняя стихія Русскаго человѣка, до-сихъ-поръ глядящая оригинальностью даже въ вѣчной шлифовкѣ съ иностранцами. Чтобы говорить о каждомъ изъ этихъ круговъ и замѣтить жизнь, текущую между нихъ съ ея веселостями, наслажденіями, надеждами, печальми—нужно быть однимъ изъ тѣхъ, которые вовсе ничего не пинутъ, потому-что у этихъ господъ винаграду за нихъ дѣлательность рѣшительно нѣтъ времени. Итакъ мнѣ балы и вечеринки: обращусь къ тѣмъ увеселеніямъ, послѣ которыхъ долѣе остается воспоминаніе и которыя пріемнотелъ всеѣмъ классами. Театръ, концертъ вотъ тѣ пункты гдѣ сталкиваются классы Петербургскихъ обществъ и имѣютъ время вдоволь насмотрѣться другъ на друга. Балетъ и опера—царь и царица Петербургскаго театра. Они явились блестяще, шумнѣе, восторженнѣе прежнихъ годовъ, и упоенные зрители позабыли, что существуетъ величавая трагедія, вдыхающая пловольно высокія ощущенія въ согласныя сердца сей безмолвно-слушающей толпы, что есть комедія — вѣрный списокъ общества, движущагося предъ нами, комедія строга обдуманная, производящая глубокою своей прони смѣхъ, не тотъ смѣхъ, который порождается легкими впечатлѣніями, бѣглою острою,

каламбуромъ, не тотъ также смѣхъ, который движеть грубою толпою общества, для котораго нужны конвульси и каррикатурныя гримасы природы; но тотъ электрический, живительный смѣхъ, который исторгается цевольно, свободно и неожиданно, прямо отъ души, пораженной ослѣпительнымъ блескомъ ума, раждается изъ спокойнаго наслажденія и производится только высокимъ умомъ. Зрители правы, что были упоены балетомъ и оперой На драматической сценѣ являлись мелодрама и водевиль, заѣзжіе гости, которые были хозяевами во Французскомъ театръ, а на Русскомъ играли чрезвычайно странную роль. Уже давно признано, что Русскіе актеры нѣсколько странны, когда представляютъ маркизовъ, виконтовъ и бароновъ, какъ вѣроятно были бы смѣшны Французы, вздумавъ поддѣлаться подъ Русскихъ мужиковъ; а сцены баловъ, вечеровъ и модныхъ раутовъ, являющихся въ Русскихъ пьесахъ—каковы онѣ? А водевили? . . . Давно уже проѣзжали водевили на Русскую сцену, тѣшатъ народъ средней руки, благо смѣшались. Кто бы могъ думать, что водевиль будетъ не только переводный на Русской сценѣ, но даже и оригинальный. Русскій водевиль! право не множко странно, странно, потому-что эта легкая, безцвѣтная игрушка могла родиться только у Французовъ, націи, не имѣющей въ характерѣ своемъ глубокой, неподвижной фizioноміи; но когда Русскій, еще нѣсколько суровый, тяжелый характеръ заставляютъ вертѣться метромъ . . . мы такъ и представляется что нашъ тучный и смѣтливый купецъ съ широкою бородою, незнавши на ногъ своей ничего

другаго, кромѣ тяжелаго сапога, надѣлъ вмѣсто него узенькій башмачокъ и чулки à jour, а другую ногу свою оставилъ просто въ сапогъ и сталъ такимъ образомъ въ первую пару во Французскомъ кадрилѣ.

Уже лѣтъ пять какъ мелодрамы и водевили завладѣли театрами всего свѣта. Какое обезьянство! Даже Нѣмцы—ну кто бы могъ подумать, что Нѣмцы, этотъ основательный, этотъ склонный къ глубокому эстетическому наслажденію народъ, Нѣмцы теперь играютъ и пишутъ водевили, передѣлываютъ и клеятъ надутыя и холодныя мелодрамы! И пусть бы еще повѣтріе это занесено было могуществомъ мановенія генія! Когда весь міръ ладилъ подъ лиру Байрона, это не было смѣшно; въ этомъ стремленіи было даже что-то утѣшительное. Но Дюма, Дюканжъ и другіе стали всемірными законодателями!... Клянусь, XIX вѣкъ будетъ стыдиться за эти пять лѣтъ. О, Мольеръ, великій Мольеръ! ты, который такъ обширно и въ такой полнотѣ развивалъ свои характеры, такъ глубоко слѣдилъ всѣ тѣни ихъ; ты, строгій, осмотрительный Лессингъ, и ты, благородный, пламенный Шиллеръ, въ такомъ поэтическомъ свѣтѣ выказавшій достоинство человека! взгляните, что дѣлается послѣ васъ на нашей сценѣ; посмотрите какое странное чудовище подъ видомъ мелодрамы забралось между насъ! Гдѣ же жизнь наша? гдѣ мы со всѣми современными страстями и странностями? Хотя бы какое-нибудь отраженіе ея видѣли мы въ нашей мелодрамѣ! Но лжетъ самымъ безсовѣстнымъ образомъ наша мелодрама....

Непостижимое явленіе: то, что всеневно окружаетъ насъ, что неразлучно съ нами, что обыкновенно, то можетъ замѣчать одинъ только глубокій, великій, необыкновенный талантъ. Но то, что случается рѣдко, что составляетъ исключенія, что оставливаетъ насъ своимъ безобразіемъ, нестройностію среди стройности, за то схватывается обими руками посредственность. И вотъ жизнь глубокаго таланта течетъ во всемъ своемъ разливѣ, со всею стройностію, чистая какъ зеркало, отражая одинаковою ясностію и темныя и свѣтлыя облака: у посредственности она влечется мутною и грязною волною, не отражая ни яснаго, ни темнаго.

Странное сдѣлалось сюжетомъ нынѣшней драмы. Все дѣло въ томъ, чтобы разсказать какое-нибудь происшествіе, непременно новое, непременно странное, дотошъ неслыханное и невиданное: убійство, пожары, самыя дикія страсти, которыхъ нѣтъ и въ поминѣ въ теперешнихъ обществахъ! Какъ-будто въ наши Европейскіе фраки переодѣлись сыны палачей Африки палачи, лды—эффектъ, вѣчный эффектъ, и ни одно лицо не возбуждаетъ никакого участія! Никогда еще не выходилъ изъ театра зритель разстроганный, въ слезахъ; напротивъ того, въ какомъ-то тревожномъ состояніи торопливо сѣдился онъ въ карету и долго не могъ собрать и сообразить своихъ мыслей. И среди нашего утонченнаго, образованнаго общества такой родъ зрѣлища! Невольно передвигаются передъ глазами тѣ кровавыя ристалища, на которыя собирался смотрѣть весь Римъ

въ эпоху величайшаго владычества своего и при-
тупленнаго прессыщенія. Но, слава Богу, мы еще не
Римляне и не на закатѣ существованія, но только
на зарѣ его! Если собрать все мелодрамы, какія бы-
ли даны въ наше время, то можно подумать, что это
кунсткамера, въ которую нарочно собраны уродливо-
сти и ошибки природы, или лучше, календарь, въ ко-
торомъ записаны съ календарною холодностію все
странныя происшествія, гдѣ противъ каждого числа
выставлено: сегодня было въ такомъ-то мѣстѣ такое-
то мошенничество; сегодня отрубили головы та-
кимъ-то разбойникамъ и зажигателямъ; такой-то
ремесленникъ зарѣзалъ тогда-то жену свою... и
тому подобно. Я воображаю, въ какомъ страшномъ
недоумѣніи будетъ потомокъ нашъ, вздумавшій
искать нашего общества въ нашихъ мелодрамахъ.

Неудивительно, что балетъ и опера утѣшительнѣе
и служатъ отдохновеніемъ: въ нихъ наслажденіе
спокойно.—Опера принимается у насъ очень жадно.
До-сихъ-поръ не прошелъ тотъ энтузіазмъ, съ какимъ
бросился весь Петербургъ на живую, яркую музы-
ку «Фенеллы», на дикую, проникнутую адекимъ на-
слажденіемъ музыку «Роберта». «Семирамида», на кото-
рую за пять лѣтъ предъ-симъ равнодушно глядѣла
публика, «Семирамида» въ нынѣшнее время, когда му-
зыка Россіи почти анахронизмъ, приводитъ въ со-
вершенноный восторгъ ту же самую публику. Объ
энтузіазмѣ, произведенномъ оперою «Жизнь за Царя»,
и говорить нечего: онъ понятенъ и извѣстенъ уже
цѣлой Россіи. Объ этой оперѣ надобно говорить
много, или ничего не говорить.

А я не люблю говорить ни о музыкѣ, ни о пѣніи. Мнѣ кажется, что всѣ музыкальные трактаты и рецензіи должны быть скучны для самыхъ музыкантовъ: въ музыкѣ огромнѣйшая часть ея невыразима и безотчетна. Музыкальные страсти—не житейскія страсти; музыка иногда только выражаетъ, или лучше сказать, поддѣлывается подъ голосъ нашихъ страстей, для того, чтобы опершись на нихъ, устремиться брызжущимъ и поющимъ фонтаномъ другихъ страстей въ другую сферу. Замѣчу только, что меломанія болѣе и болѣе распространяется. Люди такіе, которыхъ никто не подозрѣвалъ въ музыкальномъ образѣ мыслей, сидятъ неотлучно въ «Жизни за Царя», «Робертъ», «Нормъ», «Фенелъ» и «Семирамидъ». Оперы даются почти два раза каждую недѣлю, выдерживаютъ несчетное множество представленій, и все-таки иногда трудно достать билетъ. Ужъ не наша ли Славянская пѣвучая природа такъ дѣйствуетъ? И не есть ли это возвратъ къ нашей старинѣ послѣ путешествія по чужой землѣ Европейскаго просвѣщенія, гдѣ около насъ говорили все непонятнымъ языкомъ и мелькали все незнакомые люди, возвратъ на Русской тройкѣ, съ заливающимся колокольчикомъ, съ которымъ мы, приставъ на бѣгу и помахивая шляпой, говоримъ: «въ гостяхъ хорошо, а дома лучше!»

Какую оперу можно составить изъ нашихъ национальныхъ мотивовъ! Покажите мнѣ народъ, у котораго бы больше было пѣсень. Наша Украина звѣнитъ пѣснями. По Волгѣ, съ верховья до моря, на всей вереницѣ влекущихся барокъ заливаются бур-

лацкія пѣсни. Подъ пѣсни рубятся изъ сосновыхъ бревенъ избы по всей Руси. Подъ пѣсни мечутся изъ рукъ въ руки кирпичи, и какъ грибы вырастаютъ города. Подъ пѣсни бабъ пеленается, женится и хоронится Русскій человѣкъ. Все дорожное: дворянство и недворянство летитъ подъ пѣсни ямщиковъ. У Чернаго-Моря безбородый, смуглый, съ смолистыми усами, заряжалъ пицаль свою, поетъ старинную пѣсню; а тамъ, на другомъ концѣ, верхомъ на плывущей льдинѣ, Русскій промышленникъ бьетъ острой кита, затягивая пѣсню. У насъ ли неизъчего составить своей оперы? Опера Глинки есть только прекрасное начало. Онъ счастливо умѣлъ слить въ своемъ твореніи двѣ Славянскія музыки; слышишь, гдѣ говоритъ Русскій и гдѣ Полякъ: у одного дышетъ раздольный мотивъ Русской пѣсни, у другаго опрометчивый мотивъ Польской мазурки.

Петербургскіе балеты блещутъ. Кстати о балетахъ вообще. Постановка балетовъ въ Парижѣ, Петербургѣ и Берлинѣ ушла очень далеко; но надо замѣтить, что совершенствуется въ нихъ только богатство костюмовъ и богатство декораций; самая же сущность балета, изобрѣтеніе его, нейдетъ врядъ съ его постановкой; балетные композиторы очень мало новаго показываютъ въ танцахъ. До-сихъ-поръ мало характерности. Посмотрите, народныя танцы являются въ разныхъ углахъ міра: Испанецъ пляшетъ не такъ, какъ Швейцарецъ, Шотландецъ, какъ Теньеровскій Нѣмецъ, Русскій не такъ, какъ Французъ, какъ Азіатецъ. Даже въ провинціяхъ одно-

го и того же государства измѣняется танецъ. Сѣвер-
 ный Руссъ не такъ пляшетъ, какъ Малороссіянинъ,
 какъ Славянинъ Южный, какъ Полякъ, какъ Финнъ:
 у одного танецъ говорящій—у другаго безчувствен-
 ный; у одного бѣшеный, разгульный—у другаго спо-
 койный; у одного напряженный, тяжелый—у другаго
 легкій, воздушный. Откуда родилось такое разнообра-
 зіе танцевъ? Оно родилось изъ характера народа, его
 жизни и образа заплтъй. Народъ, проводившій горделивую
 и бранную жизнь, выражаетъ ту же гордость въ своемъ
 танцѣ; у народа безпечнаго и вольнаго та же без-
 граничная воля и поэтическое самообъвеніе отражают-
 ся въ танцахъ; народъ климата пламеннаго оставилъ
 въ своемъ національномъ танцѣ ту же нѣгу, страсть
 и ревность. Руководствуясь тонкою разборчиво-
 стію, творецъ балета можетъ брать изъ нихъ сколь-
 ко хочетъ для опредѣленія характеровъ пляшущихъ
 своихъ героев. Само собою разумѣется, что, схватив-
 ши въ нихъ первую стихію, онъ можетъ развить ее
 и улетѣть несравненно выше своего оригинала, какъ
 музыкальный гений изъ простой, услышанной на
 улицѣ пѣсни создаетъ цѣлую поэму. По-крайней-мѣ-
 рѣ танцы будутъ имѣть тогда болѣе смысла, и та-
 кимъ-образомъ можетъ болѣе однообразиться этотъ
 легкій, воздушный и пламенный языкъ, доселѣ еще
 пѣсколькѣ стѣсненный и сжатый.

Петербургъ большой охотникъ до театра. Если
 вы будете гулять, по Невскому - Проспекту въ свѣ-
 жее морозное утро, во время котораго небо золоти-
 сто-розоваго цвѣта перемежается сквозными обла-

ками поднимающагося изъ трубъ дыма, зайдите въ это время въ сѣни Александринскаго-Театра: вы будете поражены упорнымъ терпѣніемъ, съ которымъ собравшійся народъ осаждаетъ грудью раздавателя билетовъ, высовывающаго одну руку свою изъ окошка. Сколько толпится тамъ лакеевъ всякаго рода, начиная отъ того, который пришолъ въ сѣрой шинели и въ шоловомъ цвѣтномъ галстухъ, но безъ шапки—до того, у котораго трехъ-этажный воротникъ ливрейной шинели похожъ на пеструю сухонную бабочку для вытиранія перьевъ. Тутъ протираются и тѣ чиновники, которымъ чистятъ сапоги кухарки и которымъ некого послать за билетомъ. Тутъ увидите, какъ прямо-Русскій герой, потерявъ наконецъ терпѣніе, доходить, къ необыкновенному изумленію, по плечамъ всей толпы къ окошку и получаетъ билетъ. Тогда только вы узнаете въ какой степени видна у насъ любовь къ театру. И что же дастся на нашихъ театрахъ? какіе-нибудь мелодрамы и водевили!... Сердить я на мелодрамы и водевили.

Положеніе Русскихъ актеровъ жалко. Передъ ними трепещетъ и кипитъ свѣжее народонаселеніе: а имъ даютъ лица, которыхъ они и въ глаза не видали. Что имъ дѣлать съ этими странными героями, которые ни Французы, ни Нѣмцы, но какіе-то взбалмошные люди, не имѣющіе рѣшительно никакой опредѣленной страсти и рѣзкой фізіономіи? гдѣ выказаться? на чемъ развиться таланту? Ради Бога, дайте намъ Русскихъ характеровъ, насъ-самихъ дай-

те намъ, нашихъ плутовъ, нашихъ чудаковъ! на сцену ихъ, на смѣхъ всѣмъ! Смѣхъ великое дѣло: онъ не огниваетъ ни жизни, ни имѣнія, но передъ нимъ виновный какъ связанный залцъ... Мы такъ приглядѣлись къ Французскимъ безцвѣтнымъ пьесамъ, что намъ уже боязливо видѣть свое. Если намъ представлять какой-нибудь живой характеръ, то мы уже думаемъ: не личность ли это? потому-что представляемое лицо совсѣмъ непохоже на какого-нибудь нейзана, театральнаго тирана, риомонета, судью и тому подобныя обnoxious лица, которыхъ таскають беззубые авторы въ свои пьесы, какъ таскають на сцену вѣчныхъ фигурантовъ, отплясывающихъ предъ зрителями, съ тою же улыбкою, свое лихо-вытверженное въ продолженіе сорока лѣтъ па. Если, напримѣръ, сказать, что въ одномъ городѣ одинъ надворный совѣтникъ нетрезваго поведенія, то всѣ надворные совѣтники обидятся, а иной совершенно-другой совѣтникъ даже скажетъ: «какъ же это? у меня есть родственникъ надворный совѣтникъ, прекрасный человекъ! какъ же можно сказать, что есть надворный совѣтникъ нетрезваго поведенія!» Какъ-будто одинъ можетъ порочить все сословіе! И такая раздражительность у насъ рѣшительно распространена на всѣ классы. Нужны ли примѣры? Вспомните «Ревизора»....

Досадно. Право пора знать уже, что одно только вѣрное изображеніе характеровъ не въ общихъ вытверженныхъ чертахъ, но въ ихъ національно-вылившейся формѣ, поражающей насъ живостью, такъ-

что мы говоримъ: «да это кажется знакомый чело-
вѣкъ», только такое изображеніе приносить суще-
ственную пользу. Изъ театра мы сдѣлали игруш-
ку въ родѣ тѣхъ побрякушекъ, которыми замани-
ваютъ дѣтей, позабывши, что это такая каюдра, съ
которой читается разомъ цѣлой толпѣ живой урокъ,
гдѣ, при торжественномъ блескѣ освѣщенія, при гро-
мѣ музыки, при единодушномъ смѣхѣ, показывается
знакомый, прятнувшийся порокъ и, при тайномъ голо-
сѣ всеобщаго участія, выставляется знакомое, робко-
скрывающееся возвышенное чувство....

Но довольно о театрѣ. Я заговорился о немъ.
Его зимній карнавалъ замыкаетъ шумная недѣля
Петербурга, когда онъ одною половиною своего на-
родонаселенія летаетъ на качеляхъ, мчится какъ
вихорь съ ледяныхъ горъ, а другою превращается
въ длинную цѣпь каретъ и едва движется, равнае-
мый жандармами; когда спектакли даются и днемъ
и вечеромъ, и вся Адмиралтейская-Площадь засѣя-
на скорлупами орѣховъ....

Спокойствіе и грозеніе великій-постъ. Кажется, слы-
шенъ голосъ: «стой, христіанинъ; оглянись на жизнь
свою». На улицахъ пусто. Каретъ нѣтъ. Въ лицѣ
прохожаго видно размышленіе. Я люблю тебѣ, вре-
мя думы и молитвы! Свободите, обдумайте поте-
кутъ мои мысли. Весь пустой и ничтожный народъ
вѣрно пролежитъ заспанный и утомленный, и поза-
будетъ зайти потревожить меня пѣшымъ разгово-
ромъ о вистѣ, о литературѣ, о наградахъ, о театрѣ.

Ночь въ Петербургѣ есть праздникъ музыкантовъ. Въ это время они съѣзжаются изъ разныхъ сторонъ Европы. Огромный концертъ въ пользу инвалидовъ всегда бываетъ величественъ: четыреста музыкантовъ! это что-то могущественное. Когда согласный ропотъ четырехъ-сотъ звуковъ раздается подъ дрожащими сводами, тогда, мнѣ кажется, самая мелкая душа слушателя должна вздрогнуть необыкновеннымъ содроганіемъ.

Виродожненіи поста въ Петербургскую атмосферу заглядываетъ солнце. Западная сторона съ моря дымается ленью. Сѣверъ глядитъ съ меньшею суровостью изъ своей Выборжской-Стороны. Экипажи чаще останавливаются на улицѣ и высаживаютъ на тротуаръ гуляющихъ. Съ 1856 года Невскій-Проспектъ, этотъ шумный, вѣчно шевелящійся, хлопотливый и толкающій Невскій-Проспектъ упалъ совершенно: гулянье перенесено на Англійскую-Набережную. Покойный Императоръ любилъ Англійскую-Набережную. Она точно прекрасна. Но тогда только, когда начались гулянья, замѣтилъ я, что она немного коротка. Но гуляющіе все въ выигрышъ, потому - что половину Невскаго - Проспекта всегда почти занималъ народъ мастеровой и должностной, и оттого на немъ можно было получить толчковъ цѣлою третью больше, нежели гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ. . . .

—Къ чему такъ быстро летитъ ничѣмъ незамѣнимое наше время? Кто его кличетъ къ себѣ? Вели-

кій-постъ, какой спокойный, какой удивленный его отрывокъ! Чего нельзя сдѣлать въ эти семь педьмъ? Теперь наконецъ займусь я основательно трудомъ своимъ. Теперь совершу я наконецъ то, чего не дали совершить мнѣ шумъ и всеобщее волненіе; — по воть уже на исходъ первая педьма; не успѣть начать я, уже летитъ за нею вторая, уже середина третьей, уже четвертая, уже ярмарка въ гостинномъ - дворѣ и цѣлая галлерей вербъ съ восковыми фруктами и цвѣтами зацвѣла подъ темными его арками. Когда я проходилъ мимо этой нестройной аллеи, подъ тѣнью которой были навалены топорныя дѣтскія игрушки, мнѣ сдѣлалось досадно. Я сердился и на краснощекіхъ нянекъ, шатавшихся толпами, и на дѣтей, радостно останавливавшихся передъ кучами пріятнаго для нихъ сора, и на черномазаго, приземистаго и усатаго Грека, титуловавшаго себя Молдованскимъ кондитеромъ, съ его сомнительными и неопредѣленными вареньями. Лежавшія на столікахъ сапожныя щетки, оловяныя обезьянки, ножки и вилки, прѣлики, маленькія зеркальца мнѣ казались противны. Народъ все также нестрителъ, тѣшенителъ; тѣ же чувства выражаются на лицѣ его; съ тѣмъ же любовытетвомъ глядитъ онъ, съ какимъ глядѣлъ и годъ тому назадъ, два, и три, и нѣсколько лѣтъ; — а я, и каждый человекъ изъ этого народа уже не тотъ: уже другія въ немъ чувства, нежеланіи были за годъ предъ-симъ; уже суровѣе мысли его; менѣе улыбается на устахъ душа его, и что-нибудь да отпадетъ съ каждымъ днемъ отъ прежней его живости.

Нева вскрылась рано. Льды, потревоженные вѣтрами, успѣли растаять почти до вскрытія, несенныя уже рыхлые и разваливались сами собою. Ладожское-Озеро вылезало и свои почти въ одно время. Столица вдругъ измѣнилась. И шницъ Петропавловской колокольни, и крѣпость, и Васильевскій-Островъ и Выборжская-Сторона, и Англійская-Набережная — все получило картинный видъ. Дымясь влѣзть первый пароходъ. Первые лодки съ чиновниками, солдатами, старухами няньками, Англійскими конторщиками понеслись съ Васильевского и на Васильевскій. Давно не помню я такой тихой и свѣтлой погоды. Когда взошелъ я на Адмиралтейскій бульваръ, — это было наканунѣ свѣтлаго воскресенія вечеромъ, — когда Адмиралтейскимъ бульваромъ достигъ я пристани, передъ которою блестятъ двѣ лиловые вазы, когда открывалась передъ мною Нева, когда розовый цвѣтъ неба дымился съ Выборжской-Стороны голубымъ туманомъ, строенія Стороны - Петербургской одѣлись почти лиловымъ цвѣтомъ, скрывшими ихъ неказистую наружность, когда церкви, у которыхъ туманъ одноцвѣтнымъ покровомъ своимъ скрытъ все выпуклости, казались нарисованными или накатанными на розовой матеріи, и въ этой лилово-голубой мнѣ блестятъ одинъ только шницъ Петропавловской колокольни, отражаясь въ безконечномъ зеркалѣ Невы, — мнѣ казалось, будто я былъ не въ Петербургѣ. Мнѣ казалось, будто я переѣхалъ въ какой-нибудь другой городъ, гдѣ уже я бывалъ, гдѣ все знаю, и гдѣ то, чего нѣтъ въ Петербургѣ... Вонъ и знакомый гробецъ, съ кото-

рымъ я не видался болѣе полугода, болтается съ своимъ ланкомъ у берега, и знакомыя раздаютъ рѣчи, и вода, и лѣто, которыхъ не было въ Петербургѣ.

Сильно люблю весну. Даже здѣсь, на этомъ днѣкомъ сѣверѣ, она моя. Мнѣ кажется, никто въ мірѣ не любитъ ее такъ, какъ я. Съ нею приходитъ ко мнѣ моя юность; съ ней мое прошедшее болѣе чѣмъ воспоминаніе: оно передъ моими глазами и готово брызнуть слезою изъ моихъ глазъ. Я такъ былъ уношенъ ленивыми, свѣтлыми днями Христова воскресенья, что не замѣчалъ вовсе ея, омной ярмарки на Адмиралтейской-Площади. Видѣлъ только издали какъ качели уносили на воздухъ какого-то молодца, сидѣвшаго обруку съ какой-то дамой въ щегольской шляпкѣ; мелькнула въ глаза вывѣска на угóльномъ балаганѣ, на которомъ нарисованъ былъ пребольшой рыжій чортъ съ топоромъ въ рукѣ. Больше я ничего не видѣлъ.

Свѣтлымъ воскресеньемъ, кажется, какъ-будто оканчивается столица. Кажется, что все, что ни видимъ на улицѣ, укладывается въ дорогу. Спектакли, балы, послѣ свѣтлаго воскресенья, болѣе ничего какъ оставшіеся хвосты отъ тѣхъ, которые были передъ великимъ-постомъ, или лучше сказать, гости, которые расходятся позже другихъ и проговариваютъ у камина еще нѣсколько словъ, прикрывая одною рукою зѣвающій ротъ свой. Городъ весь высущился, тротуары сухи. Петербургскіе джентльмены въ однихъ сюртучкахъ съ разными палками; вмѣсто гро-

моздкой кареты, несутся по паркетной мостовой по-
дуколяски и фастоны. Книги читаются лѣниве.
Уже въ окна магазиновъ, вмѣсто шерстяныхъ чул-
ковъ, глядятъ кое-гдѣ лѣтніе фуражки и хлыстики.
Словомъ, Петербургъ во весь апрѣль мѣсяцъ кажет-
ся на подиѣ. Весело презрѣть сидячую жизнь и
постоянство и помыслить о дальней дорогѣ подъ
другія небеса, въ южныя зеленныя рощи, въ страны
новаго и свѣжаго воздуха. Весело тому, у кого въ
концѣ Петербургской улицы рисуется подъоблач-
ныя горы Кавказа или озеро Швейцаріи, или увѣн-
чанная анемономъ и лавромъ Италія, или прекрас-
ная и въ пустынности своей Греція... Но стой,
мысль моя: еще съ обѣихъ сторонъ около меня
громоздятся Петербургскіе дома...

♦ * *

НОВЫЯ КНИГИ.

РАЗСКАЗЪ АРТИЛЛЕРИСТА О ДѢЛѢ БОРОДИНСКОМЪ.
Соч. Николая Любеникова. С. П. Б. Въ тип. Ираца.

ВЕЧЕРА МИНУВШЕЙ ОСЕНИ. Изданіе Н. Греча.
С. П. Б. Въ тип. Крыловскаго.

МЕТОДА ПРЕПОДАВАНІЯ ХРОНОЛОГІИ И ИСТОРІИ г.
Язвинскаго, изъясненія самимъ же издателемъ. С.
П. Б. Въ тип. императорской академіи наукъ.

ОСНОВАНІЕ ГЕОМЕТРИИ И ТРИГОНОМЕТРИИ, съ
примѣчаніями, соч. А. М. Лежандра, принятое въ
руководство для преподаванія въ институтъ корпу-
са путей сообщенія. Перевели съ Французскаго
капитаны Баландинъ и Бутлицъ. С. П. Б. Томъ I.

ЦѢВНИЦА НА 1857 г., соч. Шаршаваго. С. П. Б.
Въ тип. Вингебера.

О НАДЕЖНѢЙШЕМЪ ВРАЧЕБНОМЪ СПОСОБѢ ОТ-
УЧАТЬ ОТЪ ПЬЯНСТВА И ЗАПОЯ, и считать сего. Соч. Мар-

ка Магазинера, доктора медицины, статскаго совѣтника и кавалера. С. П. Б. въ тип. Праца.

И моя доля въ сонетахъ, въ двухъ частяхъ. Соч. П. Бутырскаго. С. П. Б. Въ тип. Вингебера.

Новая Антологія на четырехъ языкахъ. С. П. Б. 1837. Въ тип. Вингебера.

Библейская Исторія для дѣтей. Соч. священника С. Красноцвѣтова. Томъ 2-й. Исторія новозавѣтная, въ 2-хъ отдѣленіяхъ, изъ коихъ первое посвящено жизни Господа нашего Іисуса Христа, а вторая исторіи дѣлій Апостольскихъ. С. П. Б. Въ тип. деп. вн. торговли.

Жизнь генераль-лейтенанта князя Мадатова. С. П. Б. Въ тип. Края.

Вечера на Карповкѣ. Часть первая. С. П. Б. Въ тип. Греча.

Взглядъ на математику, основанную на философіи. Соч. инженеръ-капитана Татарина. Тетрадь 1-я. С. П. Б. Въ тип. императорской акад. наукъ.

Исторія Россіи въ разсказахъ для дѣтей. Соч. А. Ишимовой. Часть вторая и третія. С. П. Б. Въ тип. императорской Россійской академіи.

Сказанія Русскаго народа о семейной жизни своихъ предковъ, собранныя Н. Сахаровымъ. двѣ части. С. П. Б. Въ Гуттенберговой типографіи.

Путешествія Русскихъ людей въ чужія земли. Редакція Н. Сахарова. Изданіе Н. Власова. Часть пер-

вая (изданіе второе) и вторая. С. П. Б. Въ Гуттенберговой типографіи.

О инфлуэнцѣ, или гриппѣ, заразительно-повальной болѣзни относительно ея исторіи, происхожденія, распространенія, существа, хода и леченія. Соч. докт. Эдуарда Мартини. Пер. съ Нем. докт. ст. сов. Маркъ Магазинеръ. С. П. Б. Въ тип. Витебсера.

Трость Бальзака. Соч. Г-жи Эмиль-Жирарденъ (Дельфини-Ге). С. П. Б. Въ Гуттенберговой типогр.

Китайцы. Подарокъ дѣтямъ на новый - годъ. Разсказъ, составленный Зосимою Воробьевымъ. Изданіе Л. Сибирева и комп. С. П. Б. Въ тип. Сибирева.

Библиотека избранныхъ романовъ, повѣстей и любопытныхъ путешествій, изд. книгопродавцемъ Глазуновымъ и комп. Томы седьмой и восьмой. Моск. Въ тип. Степанова.

Алгебра Лексебюра-де-Фурси. Переводъ съ Французскаго А. У., со многими дополненіями, въ трехъ книгахъ. Первый отдѣлъ. Часть I. С. П. Б. Въ тип. штаба отд. кор. внут. стражи.

Философическая исторія Іудеевъ, отъ упадка дома Маккавсеевъ до нашихъ временъ, въ двухъ частяхъ, соч. Капфига. Перев. съ Французскаго Константинъ Пуговинъ. С. П. Б. Въ тип. деп. выѣшн. торговли.

СКАКОВОЙ календарь Высочайше утвержденнаго Лебедянского скаковаго общества, съ 1852 по 1857 годъ, и рисунки бытъ съ 1852 года. С. П. Б. Въ тип. III-го отдѣленія собственной Е. И. В. канцеляріи.

Эпизодъ изъ владычества Биронова, историческая повѣсть, соч. А. В. — С. П. Б. Въ тип. деп. виѣнней торговли.

Бубновъ козырь, или Иванушка - дурачекъ. Сказки въ стихахъ, соч. Гниловской станицы казаки Николая Коломійцева. С. П. Б. Въ тип. Вингебера.

Бесѣды съ дѣтьми о хозяйствѣ домашнемъ, сельскомъ, мануфактурномъ и о торговлѣ. Соч. Виктора Бурянова. С. П. Б. Въ тип. И. Греча.

Арифметика. соч. Бурдона, принятая въ Парижскомъ университетѣ. Пер. съ Франц. (съ девятаго изданія) В. Ч. Второе изданіе, исправленное. Двѣ части. С. П. Б.

Поучительныя слова и рѣчи протоіерея Василія Бажанова. Изданіе второе, умноженное. С. П. Б.

Военная библіотека, съ Высочайшаго соизволенія посвященная Россійской арміи, издаваемая Ильею Глазуновымъ и комп. Томъ первый, книга первая и вторая С. П. Б.

Два маскарада, преданіе (разсказъ В. С). Двѣ части. Изданіе Бендерскаго. М. Въ тип. Кирілова.

ОБЗРѢНІЕ исторіи военнаго искусства. С. П. Б. Въ тип. III-го отдѣленія собственной Е. И. В. канцеляріи.

Музыкальный альбомъ водсвильскихъ куплетовъ, составленный Николаемъ Дюромъ. С. П. Б. Въ лит. Селезнева.

Домашнее воспитаніе, или правильное образованіе перваго возраста обоихъ половъ, соч. г-жи Годонъ. Пер. съ Франц. Александръ Волковъ. М. Въ тип. Евсеева.

Александриада, поэма. Сочиненіе Кашикина. М. Въ тип. Степанова.

Стихотворенія молодого Черкеса. М. Въ тип. университетской.

Стихотворенія Михаила Меркли. М. Въ тип. Кирилова.

Рогнеда, романтическая поэма, соч. Ивана Алякринскаго. М. Въ тип. Степанова.

Евгенія, отрывокъ изъ жизни. М. Въ тип. Смирнова.

Крестный отецъ. Водсвилъ въ одномъ дѣйствіи, соч. П. С. Оздоровымъ. С. П. Б. Въ тип. Вингебера.

Никогда и всегда. Романъ Поль-де-Кока. М. Въ тип. Смирнова.

Поученіе, какъ стоять въ церкви во время божественной литургіи. С. П. Б. Въ тип. Смирдина, Глазунова и комп.

Отрочъ монастырь. Быль XIII столѣтія, соч. Владиміра Глики. С. П. Б. Въ Гуттенберговой тип.

Минерва на 1857 годъ. М. Въ тип. Кирилова.

Владиміръ Влоцкскій, трагедія въ четырехъ дѣйствіяхъ, Песельева. М. Въ тип. Стенанова.

Правила и устройства воксала въ Московскомъ паркѣ. М. Въ тип. Семсна.

Историческо-географическое описаніе городовъ Симбирской-Губерніи. Соч. Ивана Пушкарева. С. П. Б. Въ тип. Греча.

О народномъ доходѣ. Разсужденіе, написанное адъюнктомъ Александромъ Чивилевымъ. М. Въ университетской тип.

О нагреваніи и охлажденіи тѣлъ. Разсужденіе кандидата Сократа Акимова. М. Въ университетской тип.

Превратныя поученія, данныя старымъ практикомъ сыну своему, возвратившемуся изъ - за границы докторомъ медицины. Соч. Якова Преновиля Эльпенора. Пер. съ Нѣм. С. П. Б. Въ тип. Праца.

Новѣйшія наставленія пчеловодамъ, основанныя на познаніи естественной исторіи пчелъ, Современ. 1857, № 2.

и почерпнутыя изъ долговременныхъ наблюдений опытныхъ пчеловодовъ въ разныхъ Европейскихъ государствахъ, съ присовокупленіемъ способовъ пользоваться наивыгоднѣе медомъ и воскомъ. О... У... и... а. М. Въ тип. университетской.

О заложеніи и содержаніи огородовъ и парниковъ, съ таблицею плодонеремѣннаго воздѣлыванія овощей и рисунками устройства, изображающими чертежъ огорода, новаго устройства парника и теплаки безъ стеколъ и новый способъ воздѣлывать клубнику. П. Шварца. Изданіе второе, тщательно исправленное и значительно умноженное. С. П. Б. Въ Гуттенберговой тип.

О разведеніи, содержаніи, сборѣ, храненіи и болѣзняхъ хмѣля, съ приложеніемъ рисунка и описанія какъ выводить хмѣль, совершенно новымъ способомъ, наклонно на большихъ тычиночкахъ. Извлечено изъ новѣйшихъ сочиненій П. Шварцомъ. С. П. Б. Въ Гуттенберговой тип.

Новоизобрѣтенный способъ составлять легкими и простыми средствами разнаго рода чернила, съ присовокупленіемъ наставленія какимъ образомъ дѣлать дешевымъ способомъ Англійскую вакуу. М. Въ тип. Смирнова.

Энциклопедическій лексиконъ. Томъ девятый. С. П. Б. Въ тип. Пшощара.

Мои пенаты. Стихотвореніе Пустыльгина. С. П. Б. Въ тип. Края.

Фёдонъ или о безсмертіи души, Моисей Мендельзонъ. Переводъ съ Нѣмецкаго Василія Мызникова. С. П. Б. Въ тип. Праца.

Хоть тресни, а женись! Комедія въ одномъ дѣйствіи. Изъ театра Мольера. М. Въ тип. Степанова.

Жлиихъ на расхватъ, шуточный водевилъ въ одномъ дѣйствіи М. Въ тип. Степанова.

Бедунника. Соч. Н. Пужула. Переводъ съ Французскаго С. П. Б. Въ тип. Вингебера.

Морской офицеръ, или приключенія Франка Мильдмел. Соч. капитана Марріета, Перев. съ Англ. Р. Скаловскій. С. П. Б. Въ тип. Гинце.

Новѣсти Михаила Загоскина. 2 части. М. Въ тип. Степанова.

Бородолубіе. Историческія сцены изъ времянъ Петра Великаго. Соч. Константина Масальскаго. С. П. Б. Въ тип. Плюшара.

О народной поэзіи Славянскихъ племенъ. Разсужденіе Юсефа Бодянскаго. М. Въ тип. Степанова.

Знакомые незнакомцы, комедія - водевилъ въ одномъ дѣйствіи. Соч. П. Каратыгина. Изданіе второе, исправленное. С. П. Б. Въ тип. Воробьева.

Матушкина дочка, или суматоха на дачѣ, водевилъ въ двухъ дѣйствіяхъ, передѣланная (?) изъ ко-

медіи «Необразованная Дѣвушка» П. Г. С. П. Б. Въ тип. Гинце.

Основанія Русской грамматики для первоначальнаго обученія, составленныя Виссаріономъ Бѣлинскимъ. Часть первая. Грамматика аналитическая (этимологія). М. Въ тип. Стенанова.

Политическое устройство Германцевъ до шестаго столѣтія. Соч. Михаѣла Куторги. С. П. Б. Въ тип. Гинце.

Откуда идетъ Русская земля, по сказанію Несторовой повѣсти и по другимъ стариннымъ писаніямъ Русскимъ. Соч. Михаѣла Максимовича. Кіевъ. Въ тип. университетской.

Записка о посѣщеніи Государемъ Императоромъ Нижегородской ярмарки въ 1856 году (соч. П. Кашинцева). С. П. Б. Въ тип. III отд. собс. Е. И. В. канцеляріи.

Способъ сохранять, осушать и предохранять отъ всякой гнилости и порчи озимый хлѣбъ и сѣно на полѣ, несмотря ни на какую дурную погоду, изданный К. Ф. Бартомъ. М. Въ тип. Крылова.

Новооткрытая тайна къ пріобрѣтенію превосходной памяти, такъ - что все слышанное и читанное можно помнить черезъ самое долгое время, и послѣ того пересказывать почти отъ слова до слова. М. Въ тип. Крылова.

Ручная экономическая энциклопедія, или настольная книга для хозяевъ и хозяекъ, городскихъ и деревенскихъ, заключающая въ себѣ въ простомъ, ясномъ и систематическомъ порядкѣ предложенныя правила для всѣхъ отраслей городской, домашней и сельской экономіи, и объемлющая въ себѣ все нужнѣйшія свѣдѣнія оной. Переведена изъ лучшихъ и опытнѣйшихъ иностранныхъ писателей и домоводцевъ. Изданіе второе. Печатано съ изданія 1855 года безъ исправленій. Четыре части. М. Въ тип. Смирнова.

О разведеніи свѣкловицы по новѣйшему способу, испробованному извѣстнѣйшими Европейскими агрономами. М. Въ тип. Смирнова.

Наставленіе, какъ готовить патоку и сахаръ изъ крахмала, извлеченное изъ сочиненія Г. Пайена. Перев. съ Французскаго послѣдняго изданія. М. Въ тип. Кирилова.

Новооткрытый способъ приготовленія самаго лучшаго солода безъ сушильни, въ ежедневно потребномъ количествѣ. Причемъ можно выгадывать цѣлую половину при употребленіи онаго въ дѣло и сберечь значительныя издержки на топливный матеріалъ и на прочія принадлежности. Соч. Людвига Галла. М. Въ тип. Смирнова.

Руководство, на многократныхъ опытахъ основанное, къ воздѣлыванію, произращенію и добычанію во всякое время года спаржи отличнаго вкуса

и необыкновенной величины, отъ одного до двухъ фунтовъ. Сочиненіе Фридриха Бартеляса. М. Въ тип. Смирнова.

Новооткрытый химическій испытанный способъ, посредствомъ косо въ самоскорѣйшемъ времени можно растапливать и огѣлывать сало, Лковомъ Бустетто, привилегированнымъ королевско-Баварскимъ растопщикомъ и отѣлщикомъ са. Въ тип. Смирнова,

Лекціи алгебраическаго и трансцендентнаго алгебра, читанныя въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ академикомъ Остроградскимъ. Составлены корпуса корабельныхъ инженеровъ капитаномъ С. Бурачкомъ и лейтенантомъ Зеленымъ. Первый годъ. С. П. Б. Въ тип. Вингебера,

Грамматическій обзоръ затруднительныхъ Греческихъ словъ изъ Четверо-Евангелія, составленный въ пользу юныхъ любителей Греческаго языка. М. Въ тип. университет.

Обзоръ всеобщей исторіи, или указанія на главнѣйшія событія, случившіяся въ свѣтѣ отъ сотворенія міра до нашихъ временъ. Составлено въ лѣтосчислительномъ и современномъ порядкѣ профессоромъ Н. Кайдановымъ. С. П. Б. Въ тип. Гинце.

Вечера на кладбищѣ. Оригинальныя повѣсти изъ рассказовъ могильщика. Сочиненіе Х. М. Въ тип. университетской.

Любовь Милтона. М. Въ тип. Селивановскаго.

Исследование значенія, построенія и развитія слова человѣческаго и приложеніе сего изслѣдованія къ языку Русскому. Разсужденіе, представленное кандидатомъ Константиномъ Зеленецкимъ. М. Въ тип. университетской.

К о н е ц ъ ш е с т а г о т о м а.

ОГЛАВЛЕНІЕ ШЕСТАГО ТОМА.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

	<i>Стран.</i>
1. Русалка. <i>А. Пушкина</i>	1.
2. Кто онъ? <i>П. Еринова</i>	95.
3. Недугъ. <i>Е. Гребенки</i>	171.
4. Александру Сергѣевичу Пушкину.	174.
5. Къ Ивану Ивановичу Дмитріеву. <i>Кн. Шашикова</i>	205.
6. Ангелу-Хранителю. <i>М. де-Ларю</i>	205.
7. Бородино. <i>М. Лермантова</i>	207.
8. А. Б. бу и Г. Т. му. <i>Э. Губерта</i>	212.
9. Отрывки изъ «Фауста». <i>Э. Губерта</i>	301.
10. Три явленія изъ поэмы «Альма». <i>В. С. Соколовскаго</i>	349.
11. А. С. Пушкину. <i>Н. Языкова</i>	374.
12. Изъ трагедіи: «Михайль-Тверской».	376.
13. Стихотворенія, присланныя изъ Германіи (<i>Θ. Т.</i>)	
XXIV.	393.
XXV.	395.
XXVI.	397.
XXVII.	398.

ПРОЗА.

1. Отрывокъ. <i>П. Б—на</i>	33.
2. Аранъ Петра Великаго (первыя главы неоконченнаго романа). <i>А. Пушкина</i>	99
3. Три жениха. <i>С. В.</i>	146

4. Прокопій Ляпуновъ, или времена междоцарствія
отрывокъ 178.
5. Записки бригадира Моро-де-Бразе о походе 1711
года, съ предисловіемъ и примѣчаніями *А. С.*
Пушкина 218.
6. О Кіевѣ. *П. Пашкевича*. 139.
7. Желѣзная-Маска. *А. Пушкина*. 399.
8. Петербургскія Записки 1836 года 402.
9. Новыя книги 424.

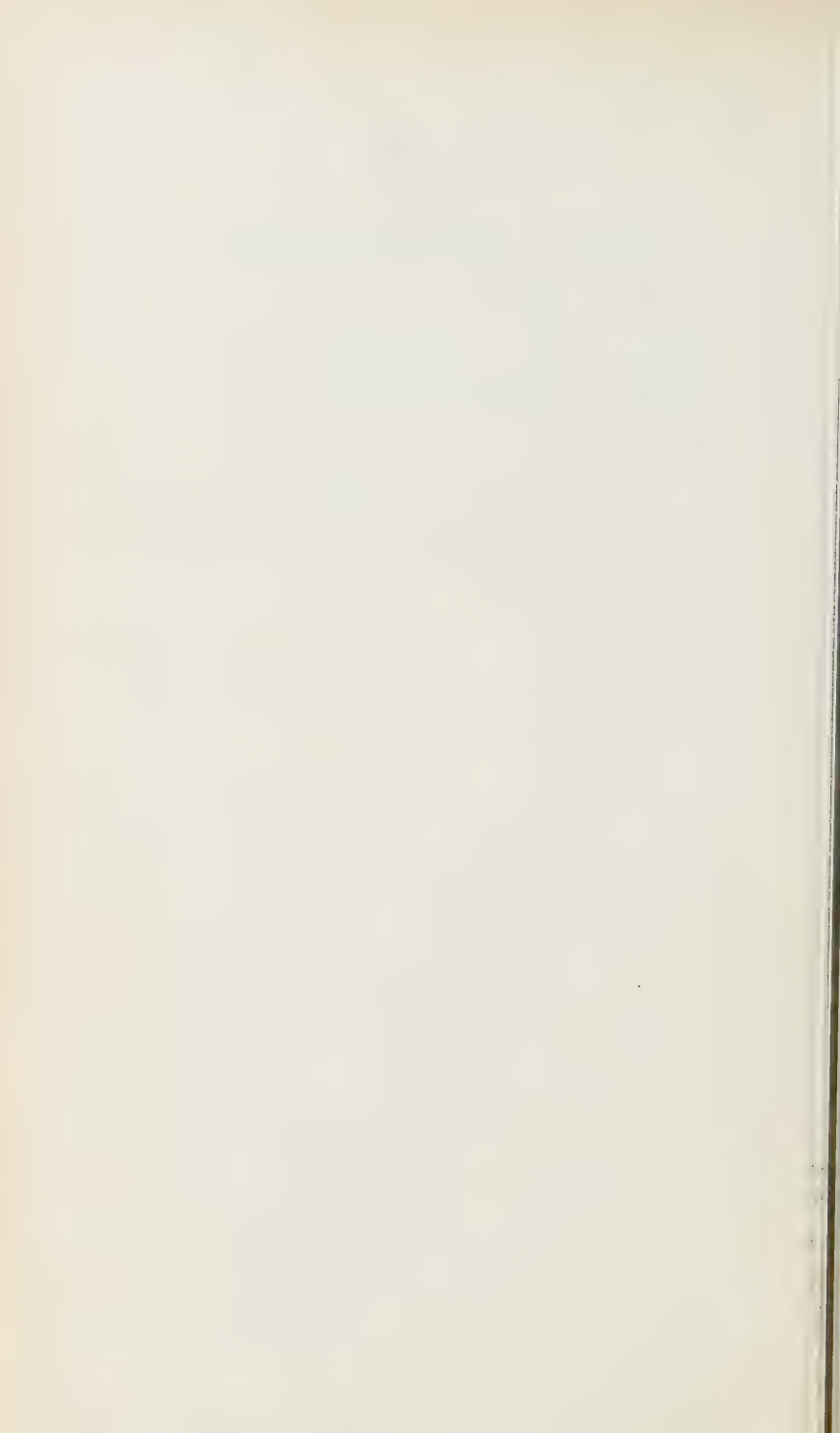
О ПЕЧАТКА.

Въ стихотвореніе А. С. Пушкина «Герой», напечатанное въ 5 томѣ «Современника», вкрались слѣдующія погрѣшности:

1) На стр. 144, послѣ строки: «По намъ ужь то чело священно», пропущенъ стихъ: «Надъ конемъ выпыхнулъ сей языкъ».

2) На стр. 145, сверху, слово Другъ лишнее.

3) На той же страницѣ, въ той же строкѣ снизу, вмѣсто: «И прилетаетъ» должно читать: «И пролетаетъ».

КиѢ V мѣсяцѣ Сѣптемвриа, въ 1837, году, въ епархіи
КиѢ. А. Бибиковъ, Таша - Слѣдствіе

*Tracce de' caratteri del Codice Casinese. N.° 512
secondo il Testo dell' Inferno del Dante Canto XIV.*

Di che la cura del natio loco
ministrasse rauna: le fronde sparse
e renderle acoliu ch'era già loco

Caratteri della nota marginale

duos macta deducit violenzas

*Caratteri del Codice Casinese M.S. N.° 257 dove
è riportata la Visione di Alberico
l. pag. 23 20 m.*

campanis & quincias & dactyllis
gabacolis septē fr̄ nuncupat̄ eo
& ibiectis & septē fr̄ vocabulo
Et exarant In eo loconobiliscunt

